АԥСНЫ АҬТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АԥСУАҬТЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АԥСУАҬТЦААРА
АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археологиа
Аҧоурых
Аетнологиа

Археология
История
Этнология

Аҧыжьра
XII
Выпуск

Аҟәа – Сухум
АбИГИ
2022

УДК 001
ББК 72.471(5Абх)я5
А 17

«Абхазоведение» (историческая серия) – сборник научных статей, в основном сотрудников АбИГИ, а также российских учёных по археологии, истории, этнологии Абхазии.

Сборник рассчитан на специалистов и тех, кто интересуется историей Абхазии с древности по новейшее время.

Редакционная коллегия: Бгажба О.Х. (главный редактор), **Ашуба А.Э., Авидзба А.Ф., Джопуа А.И., Салакая С.Ш., Нюшков В.А.** (ответственный секретарь)**, Цвинария И.И., Отырба А.А.**

Абхазоведение: Археология. История. Этнология.
Сухум: РУП «Дом печати», 2022. – 332 с.

Г/р 978-5-111-52-10022

© Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

С.М. Саканиа, Г.В. Требелева
Памятники села Отап: результаты разведок 2020 года совместной российско-абхазской Маркулской археологической экспедиции
7

Д.А. Счастный
Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой из Восточного Причерноморья (Абхазия)
15

М.Ю. Меньшиков
Средневековые керамические чаши с пальцевыми вдавлениями из окрестностей поселка Красная Поляна
25

ИСТОРИЯ

Д. А. Канделаки
Древние этногенетические связи населения Западного Закавказья: к проблеме самых ранних этапов
31

В.А. Нюшков
Мисимиане – древние абхазы и история их изучения
40

З.А. Исмаилова
Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского (текстологический анализ)
60

С. Ш. Салакая
Михаил Чачба-Шервашидзе как проводник влияния Российской империи на Западном Кавказе
71

М.В. Гумба
Покорение Цебельды (1837 год)
76

Н.В. Касландзия
Проблемы престолонаследия в Абхазском царстве
во второй половине IX в.
90

Д.К. Гопия
О политической и этнической истории
Мырзакана (Самырзакано) в XIX веке
99

А.Р. Гумба
Работа библиотек Абхазии в годы второй и
третьей пятилеток (1930–1940 гг.)
112

А. Юргенсон
Эвакуация эстонцев в октябре 1992 года во время
Отечественной войны народа Абхазии
124

Е. А. Капба
События августа 2008 года на Кавказе в освещении Западных СМИ
135

А.Ф. Авидзба
«Абхазия – 2020. Республика в условиях пандемии и
«вакцинной дипломатии». О ретроспективе и перспективе»
149

Л. А. Делова
Отношение к мерам профилактики коронавирусной инфекции
в студенческой среде (по результатам социологического опроса)
163

ЭТНОЛОГИЯ

О. В. Маан
Этикетные нормы и черты общественного строя абхазов
и некоторых других этносов Кавказа (по историко-этнологическим
материалам XIX – первой половины XX в.)
169

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)
Миллер А.А. и его абхазская коллекция в собрании
Российского этнографического музея
187

Э.Г. Узунян
Этнокультурные предпосылки устойчивости
диаспоры на примере амшенских армян Абхазии
198

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО – О.Х. БГАЖБА 80 ЛЕТ

А.И. Джопуа, В.А. Нюшков
Замок Баграта в исследованиях О.Х. Бгажба
205

С.Л. Дударев
О новых находках Колхидо-Кобанских бронз в Северном Причерноморье
214

Архимандрит Дорофей (Дбар)
Греческая надпись на архитектурной детали из церкви села Анхуа
220

В.Р. Эрлих
Могильник «Севастопольский» – новый постдольменный памятник в
предгорьях Северо-Западного Кавказа
232

Д. А. Канделаки
Новые данные в пользу автохтонной теории этногенеза абхазов
241

Л.К. Хужева
Башильбаи и баракаи – выходцы из общества
абазин-шкарауа на Северном Кавказе
248

Д. Инджгия
Абхазия на рубеже конца XIX и в первые десятилетия XX в.
О трансформационных особенностях абхазского уклада жизни
256

Х.А Хизриев
О локализации города ал-Байда – предпоследней столицы Хазарии
269

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Архимандрит Дарат (Дбар)
Дырмит Гәлиа: Анцәахатцара иадҳәалоу ипстазаара ахәта
275

М.К. Инал-ипа-Хотелашвили
Немного о Бальтазаре Богишиче.
К истории публикации монографии Ш.Д. Инал-Ипа
«Вопросы этнокультурной истории абхазов»
291

Т. А. Ачугба
Об этнической номенклатуре носителей этнонима «абхаз»
по данным Вахушти Багратиони
302

Газета «правда» о смерти Нестора Лакоба
307

ПАМЯТЬ

Слово о гражданине Апсны
315

Он внес вклад в нашу историю
318

Вся жизнь его – в науке
321

Не стало известного этнолога
326

Ушел из жизни военный историк
328

С.М. Саканиа,
Г.В. Требелева

ПАМЯТНИКИ СЕЛА ОТАП: РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОК 2020 ГОДА СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-АБХАЗСКОЙ МАРКУЛСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В рамках работ, проводимых по проекту составления каталога храмов Восточной Абхазии (РФФИ № 19–59–40002 Абх(а), в марте 2020 года были осуществлены разведки в районе села Отап с целью фиксации находящихся здесь памятников. В ходе работ были зафиксированы с помощью приемника GPS шесть архитектурно-археологических объектов, составлены их планы, проведена фотофиксация (Рис. 1).

Храм «Отап 1» (Рис. 2.*1*)**.**

Памятник расположен на верхнем плато пологого холма, практически на линии Келасурской стены, между башнями № 165 и № 166[1]. Он представляет собой небольшой зальный храм со вписанной в общий прямоугольный абрис апсидой.

Внешние размеры храма: по линии запад–восток – 5,85 м, по линии север–юг – 4,4 м. Высота стен – не более 0,5 м, толщина – 80 см. Таким образом, внутренняя площадь объекта реконструируется примерно в 11 кв. м.

Сохранность памятника плохая, строение скрывает густая растительность. В юго-восточном углу прослеживается, что цоколь строения сложен из крупных известняковых камней. Что-либо большее сказать о конструктивных особенностях храма без специальной археологической расчистки сложно.

Примерно в 10 м от памятника на западе и в 9–10 м на юге и севере фиксируется оградовая стена, сложенная из известняка и булыжника. На

[1] Требелева Г.В. Великая абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. – М., 2019. 397 с.

востоке она подходит к храму на расстояние 5 м. Стена сохранена на высоту не более чем 0,3 м.

Примесь песка в образце, взятом с восточной стены – 12%. По составу связующего раствора можно сделать вывод, что образец с этого храма близок к образцам таких памятников, как Кутол 1[1], Пскальский, Яштух[2] и др. По типу – малый храм с прямоугольной апсидой – он также близок им. К сожалению, до проведения раскопок на памятнике мы не можем сказать наличествуют или отсутствуют здесь ниши в апсиде. В целом же архитектурные тенденции вышеупомянутых храмов близки.

Строительство церкви на линии Келасурской стены говорит о том, что сооружен культовый объект был после прекращения фортификационным сооружением основной первоначальной функции, а значит – в период единого Абхазского царства. Поэтому датировать его, скорее всего, следует VIII–IX вв.

Храм Отап 2 («Шервашидзе») (Рис. 2.*2*).

Храм раскапывался в 1969–1970 гг. под руководством Шервашидзе Л.А., в экспедиции принимали участие Цвинария И.И. и художник Р. Ратиа.[3]

Памятник возведен на цоколе из хорошо обработанного песчаника с качественной забутовкой. Цоколь – простой прямоугольной формы, высота ступени – 25 см, нижняя часть заглублена в грунт и измерить ее без расчистки невозможно. Внутренние размеры основного зала храма: длина – 8 м, ширина 5 м.

Внутренняя часть постройки разделена парой сложных двухступенчатых пилястр. От западной стены они отстоят на 2,2 м, ширина пилястры – 44 см, общий выступ – 10 см. В аспидной части фиксируется хорошо обработанная кладка, идущая наискосок от основной линии стены. Возможно, это следы глубокой прямоугольной ниши: высота сохранившейся части стены не позволяет дать более точное определение. Но это однозначно не внутренняя кладка, а облицовочная наружная ее часть.

На южной стороне у приалтарного пилястра сохранился камень облицовки высотой 1 м. В храме, в апсиде и на южной стороне возле пилястра

---

[1] Требелева Г.В., Саканиа С.М., Кизилов А.С., Глазов К.А. Абжуйская Абхазия, район бассейна рек Тамыш (Тоумыш) и Дгамш: реконструкция поселенческой структуры на основе пространственного анализа памятников храмового зодчества. // Проблемы региональной экологии. 2020. 6. 72–85. DOI: 10.24411/1728–323X–2020–6–072–085.

[2] Саканиа С.М., Требелева Г.В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. / Саканиа С.М., Требелева Г.В. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. Т. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). – 201 с.

[3] Бгажба О.Х., Бжания В.В., Гунба М.М., Соловьёв Л.Н., Шамба Г.К., Шервашидзе Л.А. Археологические исследования в Абхазии. АО 1970. – М., 1971. С. 369; Бгажба О.Х., Бжания В.В., Гунба М.М., Квициния В.К., Соловьёв Л.Н., Цвинария И.И., Шамба Г.К., Шервашидзе Л.А. Археологические исследования в Абхазии. // АО 1971. – М., 1972. С. 462–463.

сохранились камни в кладке из ноздреватого туфа, при том что основная кладка идет из песчаника. Следовательно, скорее всего, эти камни – следы ремонтных работ.

Следы реконструкции храма можно наблюдать и в южной пристройке. Перемычек с основным помещением памятника не прослеживается. Длина южной пристройки меньше длины самого храма и составляет 6,5 м, ширина внутри – 2,7 м. В кладке южной и западной стен пристройки обнаруживаются большие, хорошо обработанные песчаниковые блоки, тогда как восточная стена сложена из известняка.

Высота восточной стены южной пристройки – около 3 м, тогда как высота остальных стен сооружения – от 0,1 до 0,4 м. Окно в восточной стене южной пристройки не фиксируется, но не исключено его наличие на месте разлома и большой трещины в этой стене.

Дверной проем в основном храме наблюдается только с западной стороны. Дверь между южной пристройкой и основным храмом не прослеживается, но, предположительно, она могла быть.

Площадь основного храма составляет 40 кв. м, площадь южной пристройки – 17,5 кв. м. Толщина стен – 85 см.

Памятник был богато орнаментирован (рис. 3). Один из камней строения лежит внизу склона, рядом с храмом. По форме камень напоминает представку под колонну, но по факту на круглом навершии наблюдается орнамент, т.е. это законченная деталь, а не часть колонны (рис.3.*1*). Еще один прямоугольный камень с орнаментом из церкви находится в доме семьи А. Адлейба, живущей недалеко от памятника (рис.3.*3*). По словам этого местного жителя А. Адлейба, в самом храме также есть еще камень с резным крестом, но в результате исследований данный камень обнаружен не был. Зато был найден камень из оконного обрамления (рис.3.*2*), представляющий собой половину квадратной плиты шириной 75 см с квадратным отверстием в центре шириной 13 см. Вокруг отверстия прослеживается тройной ряд валиков, а через 15 см – еще один двойной ряд валиков.

Примесь песка в растворе из основного храма в двух образцах из апсиды и северной стены составила 25%, примесь песка в растворе из восточной стены южного притвора – 36%.

По анализу связующего раствора и типу орнамента данный памятник датируется, скорее всего, XII в.

Храм Отап 3 («Абааж») (Рис. 2.*3*.).

Памятник расположен на одном из отрогов протянувшихся здесь хребтов, на вершине на краю гряды, примерно на 500 м южнее храма Отап 2 («Шервашидзе»).

Храм стоит на вершине холма, подвергающегося активной абразии: восточная сторона упирается практически в обрыв. Северная и южная сте-

ны также стоят на самом краю, за ними – крутой склон. Подъем к строению сохранился с запада. Скорее всего, он был здесь и в древности.

По типу храм представляет собой однонефную базилику с прямоугольной снаружи и полукруглой внутри апсидой. Внутренний размер: длина – 4,5 м, ширина – 3 м. Таким образом, площадь храма реконструируется примерно в 13 кв. м. Ширина стен – 80 см, они сохранились на высоту примерно 0,5 м.

Примесь песка в растворе, взятом с восточной стены сооружения, как и в храме Отап 1 – 12%. Это сближает храм Отап 3 с такими памятниками, как Кутол 1, Пскальский, Яштух и др., и по типу – малый храм с прямоугольной апсидой, и по технологии кладки. Сохранность восточной стены, к сожалению, не позволяет сказать были здесь ниши или нет. Но с учетом того, что в целом архитектурные тенденции памятников близки, Отап 3 предварительно тоже можно датировать VIII–IX вв.

Крепость Отап 4.

О наличии данного памятника мы узнали от местных жителей. В литературе упоминания о нем не встречаются. Название места, где расположено укрепление, в переводе на русский язык будет звучать как «ущелье» или «пойма Кара».

Это, действительно, ущелье, огороженное горами высотой около 200 м с трех сторон: востока, запада и севера. В центре ущелья – плато, омываемое двумя безымянными речками. В конце этого плато, на макушке, возведено некое сооружение не очень хорошей сохранности, скорее всего – замок с рядом различных помещений (рис. 4).

Размеры памятника небольшие. Своей формой это сооружение напоминает не совсем правильный треугольник с чуть отклоненными к востоку северной вершиной и основанием по линии запад-восток.

Длина основания «треугольника» – 10 м, «сторона» по линии север-юго-восток – 11 м, «сторона» по линии север-юго-запад вытянулась в виде полукруга, ее длина тоже примерно 10–12 м. Таким образом, общая площадь укрепления составляет примерно 50–55 кв. м.

Место сооружения укрепления выбрано неслучайно: к объекту невозможно подойти свободно, а с него открывается хороший обзор на долину до самого моря. Форма укрепления определяется формой выступа самого плато. Памятник со всех сторон окружен крутым обрывом. Единственное, с северо-западной стороны есть узкая дорожка, спускающаяся с другой горы, поэтому, скорее всего, здесь и стоит ожидать наличие входа.

Внутри внешних стен, окаймляющих плато, фиксируются внутренние стены, формирующие различные помещения далеко не всегда правильной формы. Помещения в южной, более широкой части, расположены почти на 0,5 м ниже северной части.

Примесь песка в двух образцах раствора из внешних стен составила 7% и 8%, что позволяет с осторожностью, конечно, отнести данное сооружение к раннему, еще цебельдинскому времени.

Образцы из внутренних стен показали примесь песка в 7%, 26% и 41 %, что однозначно говорит о том, что замок функционировал достаточно долгое время, и в нем осуществлялись внутренние перестройки.

Самое большое внутреннее помещение расположено с южной «нижней» стороны, в восточной его части. Оно представляет собой не совсем правильный четырехугольник с длиной сторон: 5,8 м, 5 м, 6,8 м, 5,5 м.

К западу от него расположены еще два помещения. Нижнее, почти треугольной формы: по линии север-юг – 3 м, восток-запад – 3,4 м. Эти внутренние стены соединены между собой внешней стеной крепости, идущей дугой по линии запад-юг. Над этим объектом находится четырехугольное помещение: восточная стена по линии север-юг – 2 м, по линии восток-запад – 3,5 м, западная стена длиной 3 м и северная – 2,5 м. Примерно посередине этого помещения, на уровне фундамента, наблюдается по линии север-юг пересекающая его стена. Толщина внешней стены – 95 см.

Северная часть замка более высокая, делится на две подобные треугольникам части внутренней стеной. Западный «треугольник»: длина стороны по «основанию» по линии запад-восток – 4 м, стены по линии север-юг – 4,3 м. Третья стена, идущая дугой – внешняя стена крепости.

Восточный «треугольник»: длина стороны по «основанию» – 3 м, «боковой» внутренней стены – 4,3 м, третья стена также образована внешней стеной крепости. Северный угол у этого помещения получается крайне узким: в межстенном пространстве просто не развернуться, что крайне неудобно для боевых целей. Возможно, помещение могло иметь хозяйственное назначение.

Замок расположен на холме, перед ним простирается площадка, а за ней наблюдается природная или искусственная перемычка типа оврага или рва. Далее следует дальнейший подъем на плато, протянувшееся между долинами этих двух речушек и упирающееся в окаймляющие это ущелье горы.

Сказать что-то большее об этом замке до проведения археологических изысканий на нем не представляется возможным.

Отап 5 (возможный храм).

Объект представляет собой возвышенность (насыпь) размером 5х10 м, которая длинной стороной ориентирована четко по линии восток-запад и замыкает с северной стороны плато с крепостью. Высота насыпи – примерно 180–200 см. С востока и севера насыпь окружена ровными полянами, с юго-западной стороны от нее спускаются к реке крутые обрывы.

Местоположение возвышенности может указывать как на присутствие боевой башни, охраняющей вход в ущелье к замку, так и на сооружение здесь храма. О расположении на данном месте культового объекта могут свидетельствовать ориентир насыпи по сторонам света и параметры возвышенности, вполне вписывающиеся в стандартные размеры небольших приходских однозальных церквей. Не исключено, что здесь мог быть расположен храм, и предназначался он как для жителей крепости-замка, так и для населения, живущего рядом в долине. Для определенного ответа на этот вопрос, конечно же, необходимы археологические исследования.

Отап 6 (возможный храм или башня)

Объект расположен на вершине гребня, в его западной части. По словам местных жителей, когда-то здесь было прямоугольное каменное строение, частично разрушенное строительной техникой и частично обрушившееся в обрыв со склона.

Нами здесь была зафиксирована лишь одна стена, протянувшаяся с севера на юг на 5 м: высота ее – не выше одного уровня кладки, длина – 5 м, ширина – 90 см. Строение расположено поперек плато. В западном направлении на расстоянии 6 м от стены обнаруживается край обрыва, в восточном до края возвышенности также прослеживается расстояние примерно 6 м, а далее идет пологий склон. На севере стена упирается в край плато, за которым находится обрыв, на юге обрыв края плато начинается через 3 м от конца сооружения.

Стена сложена из булыжников на известковом растворе. Примесь песка в образце раствора – 38%, что близко к показателям раствора из южной пристройки храма Отап 2 («Шервашидзе»). К сожалению, уровень сохранности объекта не позволяет определить его назначение и датировку. Но раскопки вокруг этого памятника, может быть, смогли бы пролить свет на историю этого сооружения.

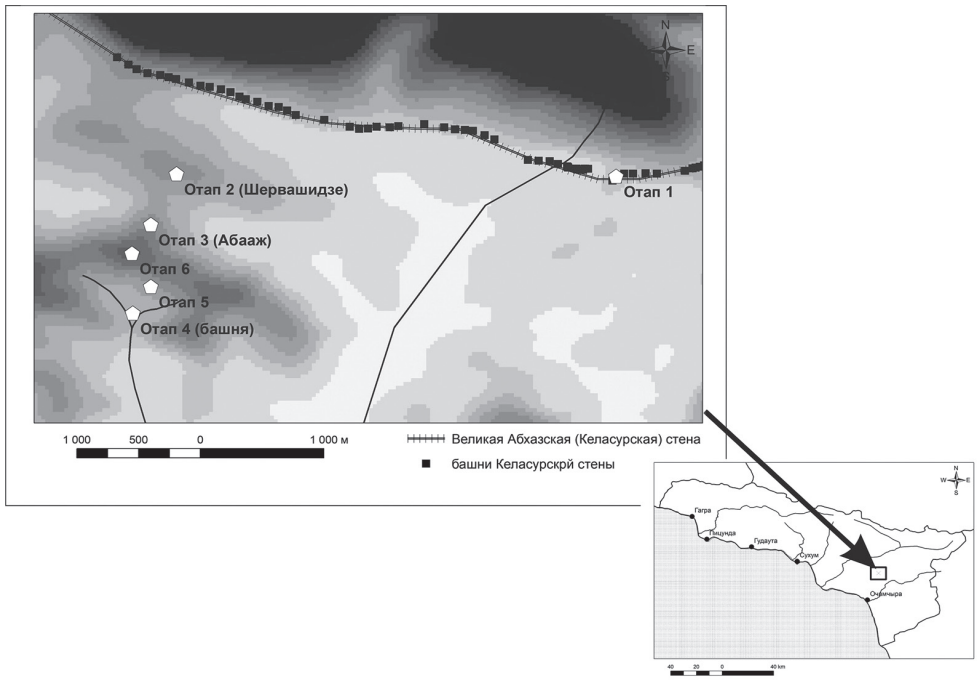


Рис. 1. Карта района исследований.

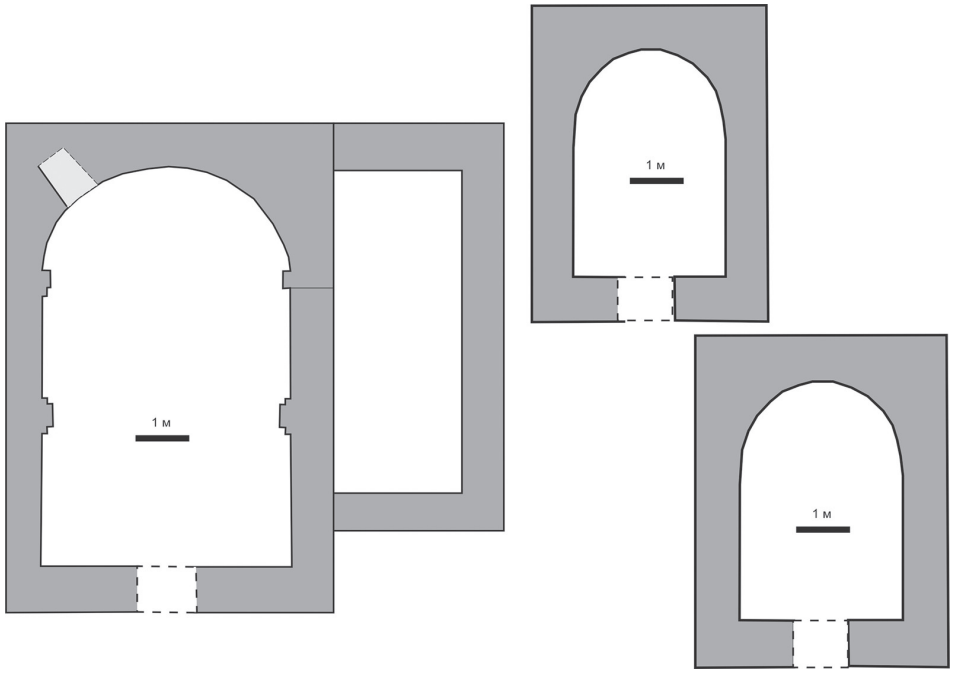


Рис. 2. Планы храмов: 2.1. – Отап 1; 2.2. – Отап 2; 2.3. – Отап 3.

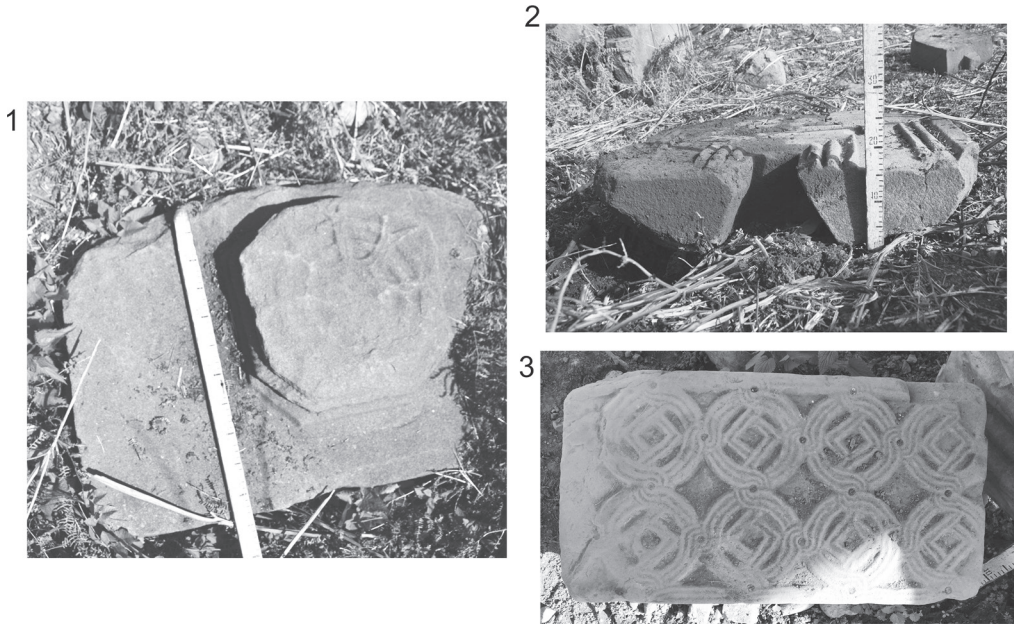


Рис. 3. Орнаменты с храма Отап 2: 1 – камень с круглым орнаментированным навершием, 2 – камень из оконного обрамления, 3 – прямоугольный камень с орнаментом из церкви в доме семьи А. Адлейба.

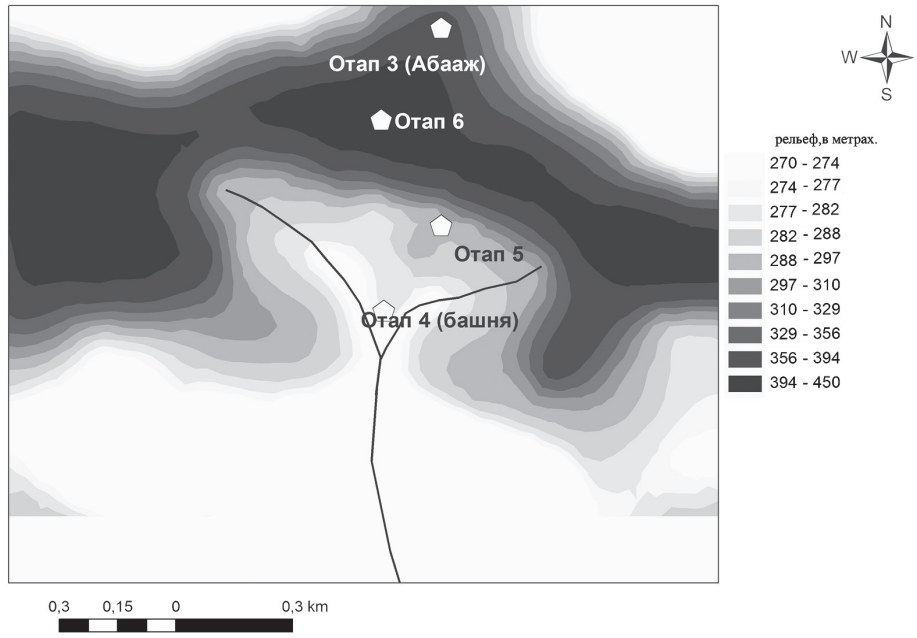


Рис. 4. План крепости Отап 4.

Д.А. Счастный

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ И ДРОТИКОВ РОМБИЧЕСКОГО СЕЧЕНИЯ СО ШТАМПОВКОЙ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (АБХАЗИЯ)

За годы существования археологической науки в Абхазии открыто большое количество памятников периода поздней античности и раннего Средневековья. Если говорить о погребальных памятниках, таких как цебельдинские, хашупсинский или анухвинский могильники, то среди предметов вооружения, которые попадаются исследователям, значительная часть находок представлена наконечниками копий и дротиков. В данной работе мне бы хотелось подробнее остановиться на технике изготовления лишь некоторых из них. В этом смысле особый интерес вызывает такой характерный признак, как штамповка, который начинает проявляться у апсилийских наконечников уже с конца I – начала II в. и прослеживается до VII в. За неимением единой научной терминологии, которая позволила бы описать этот признак, мною были использованы следующие понятия: штамповка открытого типа (рис. 1, 1), штамповка полуоткрытого типа (рис. 1, 2-3) и штамповка закрытого типа (рис. 1, 4-6).

Любой железный листовидный наконечник копья или дротика на определенной стадии изготовления проходил через штамповку того или иного типа. В случае с апсилами, абасгами, санигами и мисимианами, этот прием проделывался и с наконечниками ромбического сечения, что делало их непохожими на оружие других племен.

Имел ли этот признак практическое, декоративное или какое-либо другое значение еще предстоит узнать. Не совсем ясно и то, что именно использовали в качестве штампов древние мастера. Были ли это штампы фиксированных размеров, или же формовка осуществлялась неким универсальным инструментом?

В 2000 г. в Центральном выставочном зале Союза художников Абхазии проходила выставка холодного оружия, созданного на базе кузницы «Айнар». Посетителям были представлены реплики таких мастеров-оружейников, как Дзидзария Т.С., Джапуа Б.Р. и Какава Э. Среди многообразия оружия в экспозиции были представлены и наконечники копий, изготовленные с применением штамповки закрытого типа (рис. 2, 2). Для реали-

зации этого кузнечного приема мастера собрали специальные матрицы (рис. 3). В их основе лежали по две металлические пластины с приваренными на каждой стальными вкладышами. После придания наконечнику нужной формы и сечения его еще раз раскаляли и помещали в матрицу, производя серию ударов сверху. Чтобы наконечник не соскочил с центра, клише фиксировали штифтами с четырех сторон. Таким образом, штамповка закрытого типа позволяла сделать два четких отпечатка с обеих сторон от центральной грани наконечника. Между отпечатками формировалось ребро жесткости, имеющее теперь шесть граней. В результате таких воздействий на наконечник его форма также претерпевала изменения. Расплющенный в ходе штамповки металл расходился в стороны, образуя расширение в нижней части пера. Эти излишки и дальнейшая обработка влияли на окончательную форму изделия. В некоторых случаях древние оружейники оставляли такие расширения в форме юбочки (рис. 4, 25).

Попытка мастеров воссоздать древнюю технику весьма интересна, поскольку она показала, что для формирования ребра жесткости определенной длины возможно было использовать штамп фиксированной формы и размера. Однако, говоря об апсилийских воинах, нельзя не учитывать определенную конвейерность производства, которая к VI в. однозначно имела место в оружейных мастерских. Если спроецировать рассмотренную технологию штамповки на древнеабхазские наконечники копий и дротиков, то получается, что для изготовления известных подтипов этого оружия было необходимо наличие равного количества матричных штампов, каждый из которых мог создавать отпечаток только одной формы и размера. Судя по археологическим находкам, указанные штампы могли составлять в длину в среднем от четырех до четырнадцати сантиметров.

Как мне представляется, существование такого разнообразия форм и размеров матриц выглядит неубедительно по ряду причин. Во-первых, на сегодняшний день не известно ни одной подобной находки, во-вторых, их изготовление затрудняет и затягивает весь процесс производства отдельно взятого наконечника, в-третьих, наличие штампов разных размеров на наконечниках одного и того же подтипа с похожими пропорциями придает им своего рода неповторимость, а последний фактор, в свою очередь, логично связать с индивидуальностью владельца оружия. Другими словами, последняя причина могла носить характер личного заказа оружейнику самим воином. В таком случае поставленную перед мастером задачу проще было бы выполнить универсальным инструментом (возможно, двумя-тремя).

Принято считать, что предметы вооружения в большинстве своем интернациональны. Одни и те же виды и типы оружия могут использоваться на огромной территории народами, не имеющими даже прямого контакта

друг с другом. Данное замечание применительно, например, к импорту оружия в тот или иной регион, когда товар поставляется в готовом виде. Однако же, если речь идет о производстве оружия на месте, пусть даже изначально по общей технологии, но в разных регионах, то в каждом из них неизбежно проявляются индивидуальные черты и технические решения, влияющие на мелкие детали и делающие оружие по-своему уникальным. В абхазском варианте таким воплощением уникальности становится штамповка закрытого типа, позволяющая выделить самостоятельный тип наконечников копий и дротиков (рис. 4).

Помимо выделенного признака, получившего массовое распространение в зоне обитания древнеабхазских племен, хочется упомянуть о наконечнике копья рассматриваемого типа из Мрабмы, у которого имеется еще одна особенность. Это два просверленных отверстия на нервюре у основания пера наконечника (рис. 5). Подобные отверстия ранее не были известны среди цебельдинских древностей. Их удалось выявить случайно в ходе реставрационных работ. Назначение отверстий также остается загадкой – имели ли они технологическое значение, или речь идет о символизме? На эти вопросы еще предстоит ответить. Диаметр отверстий 5 мм, глубина – 8,5 мм, расстояние между отверстиями 2 мм. Внутренние стенки ровные. Отверстия располагаются вертикально вдоль ребра жесткости с небольшим смещением вправо. Оба отверстия были заполнены песчаной смесью беловатого цвета, похожего на известь. Вперемешку с ржавчиной она покрывала весь наконечник, а также наконечники копий из соседних погребений, что вероятно, связано с особенностями здешней почвы.

«Народное оружие», к которому можно причислить наконечники копий и дротиков, на протяжении существования Цебельдинской культуры всегда оставалось самым массовым, а большой процент оружия в целом в мужских погребениях говорит в пользу того, что в Апсилии существовал развитый центр оружейного производства. Впрочем, нельзя утверждать, что на территории современной Абхазии центр оружейного производства был сконцентрирован только лишь на земле апсилов. Малая изученность памятников соседних древнеабхазских племен пока не позволяет сделать однозначного вывода в этом вопросе. Говоря о местных оружейных центрах, конечно, нельзя игнорировать и тот факт, что их функционирование в рассматриваемый период времени не было изолированным. Безусловно, прямым либо косвенным образом оно было связано с имперскими оружейными мастерскими, расположенными в местах дислокации римских, а позже византийских войск. Насколько сильным было влияние последних в оружейном производстве также пока не определено, поскольку коренное население еще задолго до появления римлян в регионе было хорошо знакомо с техникой обработки металлов и разнообразными кузнечными

приемами. По всей видимости, наконечники со штамповкой разных типов бытовали на рассматриваемой территории уже во II – начале III в.,[1] а ближе к концу III – началу IV в. штамповка закрытого типа становится обычным явлением среди апсилийских наконечников копий и дротиков (Цб-1, п. 177 (10); Цб-12, п. 462 (1)).[2] В целом же наконечники данного типа были датированы Вороновым Ю.Н. III–VII вв.[3]

Период III–VII вв. для территории современной Абхазии характеризуется высоким уровнем развития ремесел, среди которых особое место занимала металлообработка. Металлографический анализ апсилийских наконечников копий и дротиков этого времени указывает на присутствие в местном обществе опытных кузнецов-оружейников. Окончательное выделение кузнеца из общей ремесленной среды и появление специализаций в этой отрасли производства произошло, как считается, уже в V–VII вв.,[4] а вместе с этим развивался и институт ученичества для приобретения необходимого опыта в данной профессии. Свободной ковкой древние мастера могли получать цельностальные и цельножелезные изделия, пакетный металл, многослойные сварные лезвия, знали технологию наварки, цементации, нормализации и термообработки.[5] Наконечники копий и дротиков изготовляли, как правило, целиком из железа или сырцовой стали, т.е. можно говорить о наиболее простых технологических приемах. В некоторых случаях острие цельножелезного наконечника могло проковываться более тщательно, чем весь наконечник. На это указывают мелкие и средние зерна феррита.[6] Тем самым кузнецы усиливали боевую часть пера, делая ее более прочной и износостойкой. Помимо этого известны случаи, когда одни экземпляры подвергали поверхностной цементации (создание на режуще-колющей части нако-

---

[1] Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. 2003. С. 66. Рис. 161, 6; Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. 2008. С. 106

[2] Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. 2003. С. 41, 89; Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов IV–VIII веков. – М. 1982. С. 124-125

[3] Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. – М.Қ Наука, 1982. С. 124; Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Погребение VII в. н.э. из с. Цебельда в Абхазии // КС. – М. 1971. С. 101. Рис. 41, 3

[4] Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II-VII вв.) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья: археологические данные. Москва. 2015. С. 9–10; Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II–VII вв.) // КСИА. Вып. 244. – Москва. 2016. С. 276

[5] Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н.э. – VII в. н.э.) // Известия . VI. – Тбилиси. 1977. Табл. VII, 20. С. 159

[6] Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. «Алашара». – Сухуми. 1982. С. 32

нечника сталистого слоя),[1] а другие – сваривали из трех стальных полос («пакетный металл»). Следов термической обработки (закаливание) выявлено не было.[2]

Рассматриваемый тип наконечников имел широкое распространение по всей территории современной Абхазии. Помимо Восточной Абхазии они известны в Новом Афоне (пос. Агца),[3] в Гудауте (с. Ачандара, с. Куланырхуа, с. Калдахвара),[4] в Гагре (с. Михелрыпш).[5]

К этому списку можно добавить ранее не опубликованные материалы, любезно предоставленные мне для ознакомления жителем г. Сухум Ажьиба Стасом. Среди них топор цебельдинского типа и три наконечника копья: один – со штамповкой закрытого типа (рис. 6, 1), два – ромбического сечения (рис. 6, 2-3). Все предметы вооружения имеют прямые аналогии с материалами из цебельдинских некрополей. Находки были сделаны в 2001 г. в ходе мероприятий по разминированию саперами Halo Trusat села Апра (район с. Каманы). Со слов Ажьиба С., в том же селе саперами было зафиксировано скопление наконечников стрел вокруг одного из старых грушевых деревьев. Также в большом количестве наконечники стрел и копий были найдены саперами на прилегающем к Каманскому храму и «святому» источнику с севера склоне горы, в известняковых расщелинах, засыпанных сверху землей.

Как известно, еще в 60–70-х гг. XX в. в результате разведок Воронова Ю.Н., проведенных в ущелье р. Гумиста, был выявлен и описан целый комплекс укрепленных поселений (Гвард, Каман 1 и 2, Отсюш 1 и 2, Ахипса 1 и 2, Шубара и др.) и могильников VI–VIII вв.[6] Собранный археологический материал также имел много общего с Цебельдинской культурой. На этом фоне новые находки дополняют наши знания о распространении схожих форм предметов вооружения рассматриваемого периода в Абхазии.

Представляют интерес и экземпляры, переданные в Абхазский государственный музей в количестве трех единиц (рис. 7). Все они вытянутой формы и имеют ромбовидное сечение пера, а один экземпляр прошел через штамповку закрытого типа (рис. 7, 2). Параметры наконечника следующие: общая длина – 44 см, ширина пера у основания – 2,4 см, длина

---

[1] Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников Цебельдинской культуры. СА. 3. 1990. С. 191

[2] Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Там же. С. 191

[3] Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. 1979. С. 51. Рис. 36, 26

[4] Воронов Ю.Н. Там же. С. 52-53. Рис. 35, 46, 47; 36, 2, 3, 10, 14, 15

[5] Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. 1979. С. 55. Рис. 39, 13

[6] Воронов Ю.Н. Научное наследие. Том I. – Сухум. 2006. С. 197-200; Воронов Ю.Н. Научные труды. Том III. – Сухум. 2010. С. 385-386, 395, 412

сохранившейся части втулки – 10 см, диаметр – 1,9 см. Перо вытянутое, узкое по всей длине с выраженным ромбическим сечением. От основания пера на высоту до 9 см прослеживается четкий след от штамповки закрытого типа.

Ближайшие аналогии абхазским наконечникам со штампами известны в юго-восточном направлении, как минимум до нынешней Западной Грузии (Лазика) и в северо-западном направлении, затрагивая районы современных городов юга России Сочи и Туапсе (Санигия и Зихия). Так, например, идентичные экземпляры происходят из района Красной Поляны и с. Веселое.[1] Здесь стоит отметить, что сходство предметов вооружения из окрестностей Сочи с абхазскими аналогами, включая и массовый керамический материал, свидетельствует о непосредственных связях местного населения периода поздней Античности и раннего Средневековья с носителями цебельдинской культуры.

Один из наконечников рассматриваемого типа (III–IV вв.) был найден на могильнике Бжид, который, в свою очередь, характеризует сегодня культуру населения Черноморского побережья Кавказа между Новороссийском и Сочи.[2]

Самая отдаленная аналогия происходит из погребения воина конца V – начала VI в. в городе Хаммельбург (Германия).[3] Несмотря на внешнее сходство штампов, данный наконечник обладает двумя отличиями (рис. 8, 2). Во-первых, угол верхней части штампа более тупой, чем углы у абхазских наконечников, во-вторых, втулка снабжена дополнительными фиксаторами в виде двух Z-образных скоб, что также не встречается среди известных экземпляров наконечников копий из Абхазии, но имеет аналогии (IV в.) в Западной Грузии (Модинахская крепость Сачхерского муниципалитета) (рис. 8, 1).[4] Похожие скобы известны из погребения в Бурже в Центральной Галлии, на территории Визиготского королевства (рис. 8, 3). Захоронение, сочетающее в себе черты как римского, так и германского погребального обряда, датируется 474–507 гг.[5]

Подобные совпадения вряд ли можно назвать случайными. Очевидно, что встречаемость похожих признаков как на некоторых типах оружия, так

---

[1] Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. 1979. С. 78

[2] Гавритухин И.О, Пьянков А.В. Могильники III-IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. – Москва. 2003. С. 190

[3] Anna Bitner-Wróblewska, Bartosz Kontny. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania. «Archeologia Lituana», 7, 2006, p. 104-122

[4] G. Gamkrelidze. . Shatberashvili, M. Pirtskhalava, M. Charkviani, R. Davlianidze. Weapons and Armor in Georgia (5th century BC – 4th century AD). II. Catalogue. Tbilisi. 2018. P. 105. Fig. 13, 15; P. 119. Fig. 3

[5] Казанский М.М., М.П. Перен. «Королевские» и Вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // КСИА. Вып. 234. Москва. 2014. С. 278

и в элементах одежды (украшения, фибулы и пр.) в столь удаленных друг от друга регионах была обусловлена некими этническими контактами. Для Абхазии это в первую очередь представители римско-византийского мира в лице солдат (варвары – наемники), дислоцированных в здешних крепостях, а также «варварский» контингент, входивший в их число. Примером таких контактов можно назвать щиты с металлическими умбонами и рукоятями – манипулами. Воины позднеантичной и раннесредневековой Абхазии были единственными в Кавказском регионе, кто использовал этот вид защитного вооружения, более типичный для европейских «варварских» народов (кельты, германцы, балты, прибалтийские финны, фракийцы) и для позднеримской армии.[1]

Если сопоставить в количественном соотношении находки таких щитов и их остатков в европейских погребениях с погребениями древнеабхазских воинов, то первые безусловно выигрывают, однако стоит подменить щиты наконечниками копий и дротиков со штамповкой одного из рассматриваемого типов, то возникает явный перевес в обратную сторону. Отсюда закономерный вопрос – можно ли считать массовые находки данных наконечников в Абхазии доказательством их изобретения в Абхазии? Думается, что да.

Таким образом, можно заключить, что рассмотренный тип наконечников копий и дротиков из Абхазии эволюционирует в течение пяти столетий, проходя путь от листовидной формы с нервюрой округлого сечения к наконечникам ромбического сечения. Своеобразная штамповка, прослеженная на всем этом пути эволюции, как минимум на Кавказе, может выступать в качестве «этномаркера» и связывать данный тип с древнеабхазскими племенами, а некоторые подтипы наконечников можно использовать как хроноиндикаторы.

[1] Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. 2008. С. 107

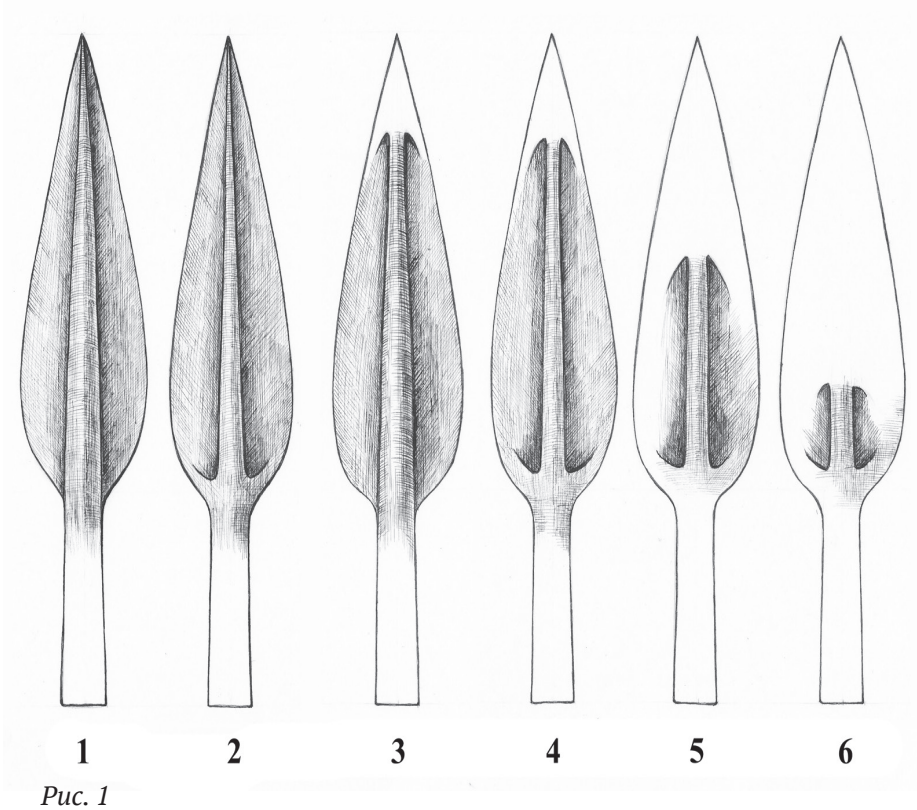
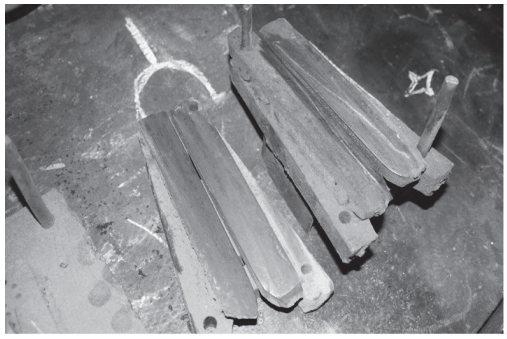
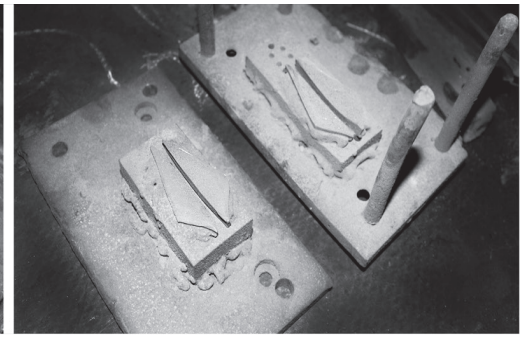


Рис. 1

Рис. 2



Матрица для формирования ребра жесткости



Матрица со стальными вкладышами

Рис. 3

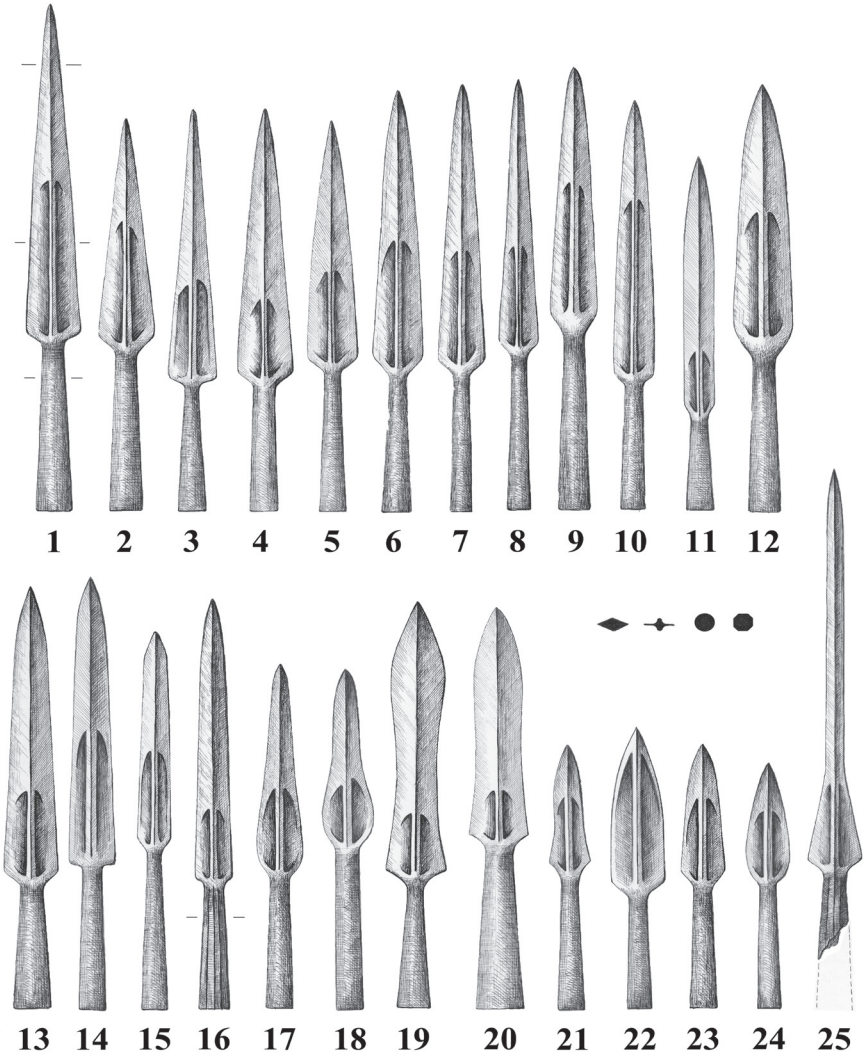


Рис. 4

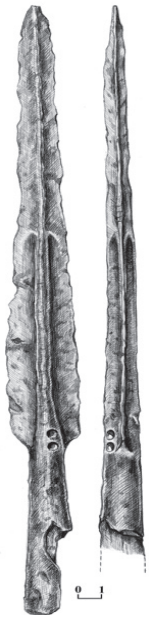


Рис. 5

Рис. 6

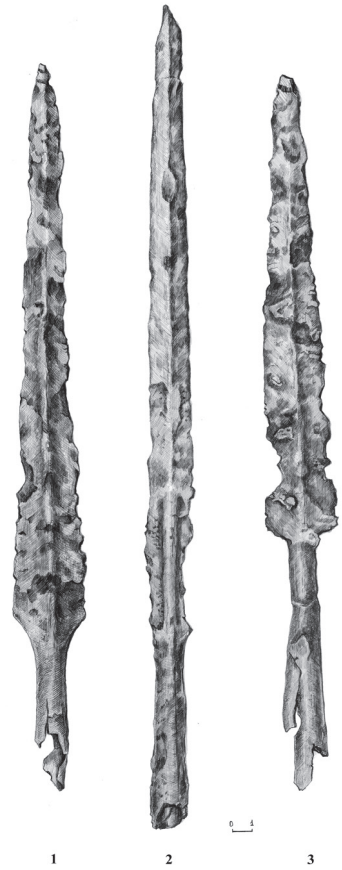


Рис. 7

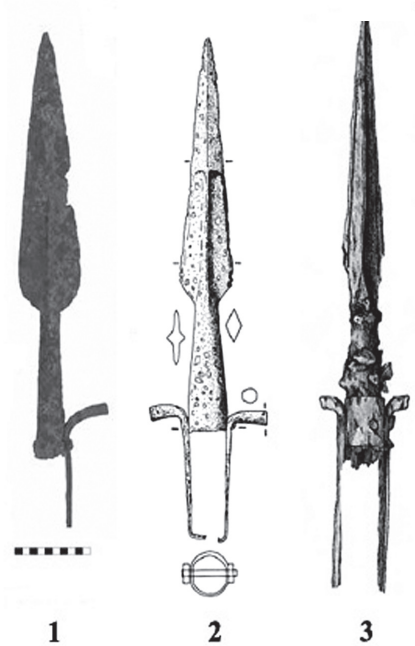


Рис. 8

М.Ю. Меньшиков,
ИА РАН (Москва)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ЧАШИ С ПАЛЬЦЕВЫМИ ВДАВЛЕНИЯМИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПОСЕЛКА КРАСНАЯ ПОЛЯНА

В ходе археологических работ 2010–2011 гг. в окрестностях поселка Красная Поляна в зоне строительства объектов Олимпиады 2014, была исследована группа памятников, на которых сохранились слои II тыс. н.э. вплоть до эпохи мухаджирства. Судя по особенностям расположения памятников и материальной культуре, на протяжении всего этого времени ситуация в регионе была относительно стабильной, и обитавшее на данной территории население не сменялось. Большинство из исследованных поселений существовали на одном и том же месте на протяжении столетий. Вероятно, это было обусловлено двумя факторами: стабильной хозяйственно-экономической и политической ситуацией, а также тем, что в горах не так много удобных мест для заселения и ведения хозяйства рядом. Несмотря на продолжительный период бытования, большинство памятников не имеют сколь либо мощного культурного слоя. Наличие уклона и каменистый или скальный материк приводили к естественной санации территории поселений. Единственным поселенческим памятником, который имеет узкую дату, является поселение Садовый-2[1]. Он представляет собой однодворное небольшое селище с хозяйственной зоной, родником и могильником, которые были исследованы раскопками в 2011 г. Территория памятника была заселена в XVIII или в самом начале XIX в. и была заброшена, вероятно, в период мухаджирства. Памятники, выявленные в ходе работ 2010–2011 гг.[2],

[1] Меньшиков М.Ю. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый-1», «Поселение Садовый-2», «Святилище Садовый-3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. / Архив ИА РАН, 2015.

[2] Меньшиков М.Ю. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый-1», «Поселение Садовый-2», «Святилище Садовый-3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского

как и памятники, обследованные и опубликованные ранее,[1] показывают, что местная традиция изготовления керамических изделий практически не менялась на протяжении второго тысячелетия нашей эры.

Одной из форм керамических изделий, обнаруженных на средневековых поселениях, являются чаши, функциональное назначение которых не совсем очевидно (рис. 1). Качество керамики и характер обработки поверхности не выделяют их из общего массива керамической посуды, обнаруженной на памятниках в окрестностях пос. Красная Поляна. Отличительной чертой этих сосудов являются два пальцевых вдавления, сформированных с внутренней стороны под венчиком (рис. 2, *1-5, 8*). В том случае, когда удалось проследить полную форму такой чаши, вдавления располагались строго симметрично напротив друг друга. Чаши выполнены на гончарном круге, внешняя поверхность чаще всего имеет следы аккуратных параллельных расчесов. Внутренняя поверхность в основном ровная, заглаженная. После обжига керамика имеет коричневый, светло-коричневый или рыжий цвет. Толщина стенок – 10–15 мм, диаметр венчика от 190 до 370 мм (рис. 3). В тех случаях, когда удалось рассчитать соотношение диаметра дна и диаметра венчика, оно равно около 1:3. Но в основном фрагменты этой группы сосудов обнаруживаются в раскопе и в подъемном материале без перехода от стенки к дну чаши и диаметр дна установить в большинстве случаев невозможно. Большинство чаш имеют горизонтально срезанный венчик с небольшим валиком с внутренней стороны, но есть и иные формы.

Хронология находок.

На подобные изделия обращал свое внимание еще Ю.Н. Воронов. Он отмечал находки глубоких мисок «*с уплощенным сверху краем, на который часто наносили зубчатым штампом знак мастера. Иногда край миски имел уступ, возможно, для крышки, а также хорошо выраженный слив, образованный движением пальца по сырой глине*»[2].

края в 2011 г. / Архив ИА РАН, 2015; Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза-1», «Могильник Роза-1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. / Архив ИА РАН, 2015; Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Поселение Ржаное» (Ржаной-2 и Ржаной-3), расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. / Архив ИА РАН, 2015.

[1] Ситникова Л.Н. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях села Красная Поляна в 1969 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4054; Ситникова Л.Н. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1971 году. / Архив ИА РАН. Р-1 № 4531.

[2] Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей // Научные труды. Том четвертый. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2013. С. 370.

Аналогичные по форме сосуды были собраны в ходе разведок Л.Н. Ситниковой. Фрагменты чаш, в том числе с тамгой в виде свастики на внешней стороне стенки происходят с территории крепостей в долине р. Мзымта. По мнению Ситниковой, данные крепости датируются VI–IX вв.[1], этим же временем автор отчета датирует и собранную керамику. Чаши с пальцевыми вдавлениями были обнаружены и на Ачипсинском городище. Воронов относил период бытования крепостей, включая Ачипсинскую, VIII–X вв.[2] Однако в настоящее время датировки некоторых крепостей бассейна р. Мзымта, в том числе и Ачипсинской были пересмотрены и расширены до XIII в.[3] Также близкие по форме сосуды были обнаружены и на побережье на средневековых памятниках, которые датируются X–XII вв. и X–XIV вв. (устное сообщение). Самый поздний сосуд, имеющий такую морфологию, происходит с однодворного поселения Садовый-2[4]. На внутренней стороне сосуда хорошо читается уникальная для региона Красной Поляны тамга[5]. Поселение, вероятно, прекратило свое существование в период мухаджирства, то есть около 1864 года. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что данная категория сосудов существовала на протяжении всего II тыс. н.э. Выделить внутреннюю периодизацию и разделить их на более дробные уровни пока не представляется возможным в связи с практически полным отсутствием обнаружения такой посуды в закрытых комплексах или хорошо стратифицированных слоях. Исключением является лишь памятник XIX в. Садовый-2.

Расположение тамги на подобных чашах не является редкостью. В тех случаях, когда автор имел возможность ознакомиться с изделием лично, нанесение знака выполнялось по сырой глине перед обжигом[6]. Участок, на котором размещена тамга, не имеет строгой привязки на рельефе чаши. В своей работе, несмотря на единичный приведенный пример, Ю.Н. Воронов упоминает о частой встречаемости родового знака на таких чашах[7]. Из 9 известных автору фрагментов чаш с изображенными на них знаками,

---

[1] Ситникова, 1971. С. 6.

[2] Воронов, 2013. С. 356

[3] Василиненко Д. Э., Верещагин В. В., Коробов Д. С., Ачипсинская крепость. Археологические исследования 2007–2008 гг. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Кубанский Гос. университет, 2009. С. 34–35.

[4] Меньшиков «Отчет… Поселение Садовый 2», 2015.

[5] Меньшиков М.Ю. Тамги эпохи Средневековья и Нового времени на керамической посуде бассейна р. Мзымта (среднее и верхнее течение) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. С. 691-692

[6] Там же.

[7] Воронов, 2013. С. 370

в двух случаях тамга в виде креста и в одном случае в виде V-образного знака[1] размещалась на венчике чаши. В пяти случаях тамга прослежена на внешней стенке чаши и в одном случае с внутренней стороны.

На основании этнографических данных мы знаем, что традиция нанесения родового знака на сосуд для питья была распространена среди абхазских племен[2], в число которых входили и ахчипсу, обитавшие в окрестностях современного пос. Красная Поляна. Правда, в работе Ц.Н. Бжания говорится о деревянных чашах, с нанесением тамги в процессе пиршества.

Назначение сосудов.

Воронов, описывая вскользь находки фрагментов подобных чаш, отмечает наличие уступа, который он интерпретирует, как возможную выемку под крышку[3], однако при обилии находок фрагментов таких сосудов, находки фрагментов крышек чрезвычайно редки.

Интересным является место обнаружения единственной известной автору целой чаши. Она была помещена в небольшое скальное углубление в углу дома и фактически оказалась единственным развалом сосуда на раскопе, из которого в процессе реставрации удалось собрать целую форму. Расположение чаши позволяет утверждать, что она была аккуратно поставлена в нишу и являлась единственным предметом, который располагался in situ после того, как дом и поселение было заброшено. Можно сделать вывод, что предмет с родовым знаком, который не характерен для данной территории, был намеренно убран в удаленное место и не использовался регулярно в быту.

Среди общего массива обнаруженной в ходе работ под руководством автора в 2010–2011 гг. на трех средневековых поселениях керамики практически отсутствует ярко выраженная категория парадной столовой посуды. Исключением являются фрагменты одной импортной тарелки, фрагмент сосуда неопределенной формы с зеленой поливой, а также редкие находки фрагментов кувшинов из тонкой керамики практически белого цвета. Вероятно, в основном роль столовой посуды исполняли изделия, выполненные из той же глины и в тех же технологиях, что и крупная тарная и бытовая керамика. При этом тамги часто встречаются лишь на двух категориях посуды – это кувшины и чаши с пальцевыми вдавлениями. На чашах, обнаруженных в окрестностях пос. Красная Поляна встречены три варианта знака, которые, вероятно, являлись местными символами. Уникальный знак встречен на чаше, обнаруженной в постройке XIX в.[4]

---

[1] Воронов, 2013. С. 374

[2] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухум, 1973. С. 63

[3] Воронов, 2013. С. 370

[4] Меньшиков, 2017. С. 691-692

Что касается функционального назначения пальцевых вдавлений, то есть несколько предположений. Идея Ю.Н. Воронова, что такие вдавления являлись сливами, не вызывала сомнения вплоть до обнаружения чаши, где подобные углубления были расположены парно и строго друг напротив друга. Возможно, данное пальцевое вдавление могло служить для удобства подачи относительно тяжелой чаши, вес которой еще значительно увеличивался в случае, если чаша заполнена. Или для удержания ее одной рукой, как это делается с крупными пиалами, когда большой палец помещается на венчик внутрь пиалы, а остальные пальцы упираются во внешнюю стенку. Не следует также исключать и вариант, что симметрично расположенные пальцевые вдавления являлись сливами, которые делали более удобным питие из толстостенной чаши.

Основываясь на вышеизложенном, можно высказать предположение, что данная категория керамических изделий может быть определена как столовая посуда, которая в том числе могла использоваться в каких-либо ритуалах, при которых было важно подчеркнуть принадлежность сосуда определенной фамилии с помощью тамги. В работе Ц.Н. Бжания есть упоминание о том, что во время свадебного ритуала для одаривания невесты использовалась керамическая тарелка, а в процессе произносилась фраза, аналогичная той, которая произносилась при наложении тамги на деревянную чашу[1]. Возможно, дальнейшее археологическое изучение и этнографические исследования прольют свет на функциональное назначение этого вида посуды.

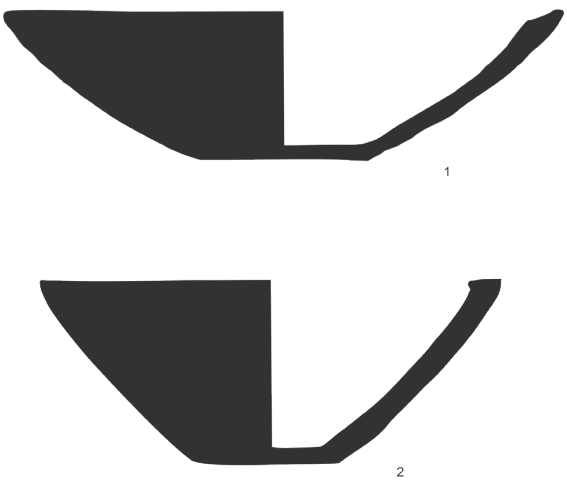


Рис. 1. Формы чаш с пальцевыми вдавлениями.
Без масштаба.

[1] Бжания, 1973. С. 63-64

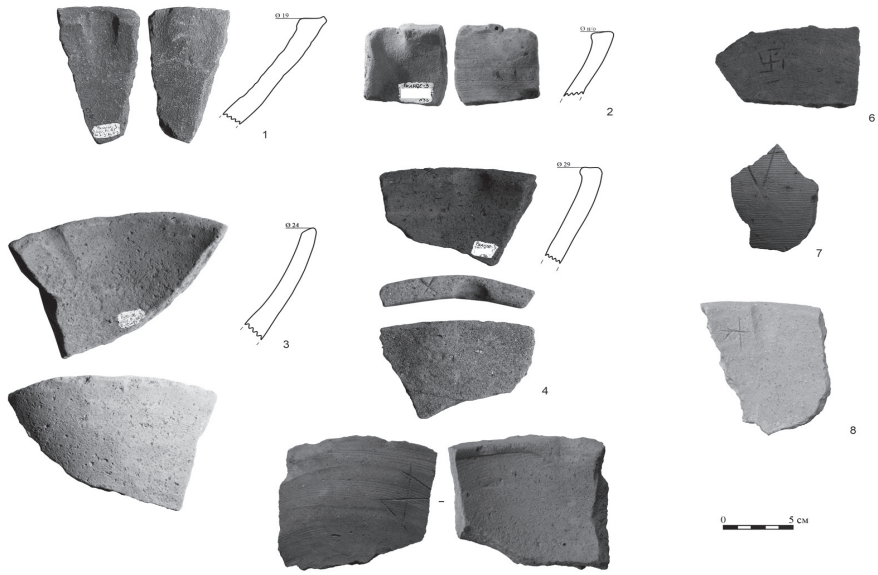


Рис. 2. Фрагменты чаш с пальцевыми вдавлениями и с тамгами.
1-7 – поселение Ржаное-3; 8 – поселение Садовый-2.

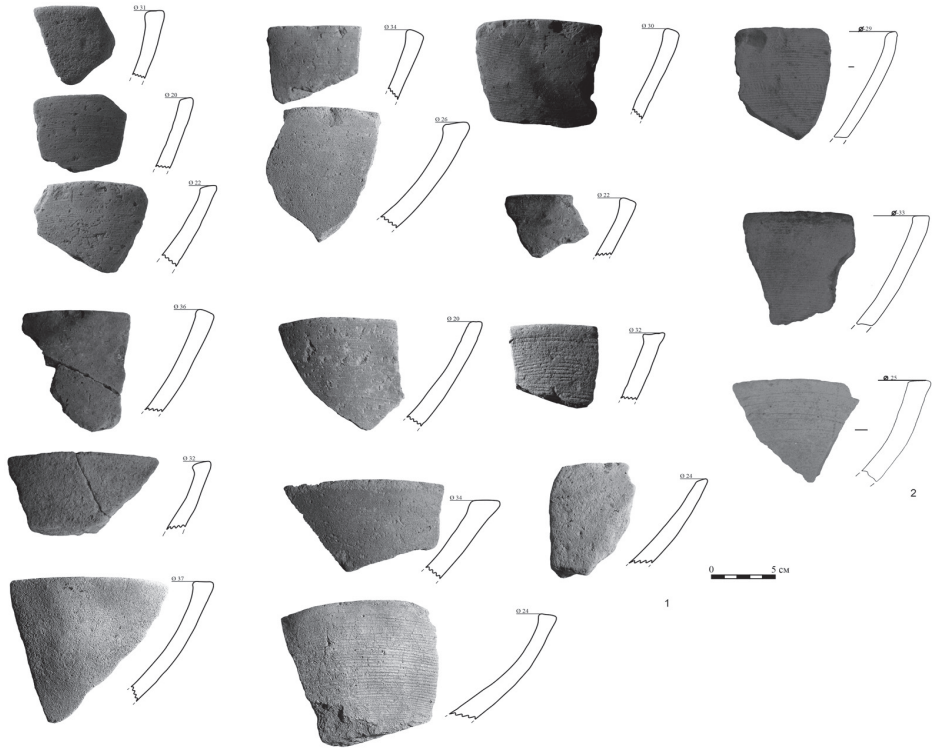


Рис. 3. Фрагменты венчиков чаш. 1 – поселение Ржаное-3; 2 – поселение Роза-1.

Д. А. Канделаки[1]

ДРЕВНИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ САМЫХ РАННИХ ЭТАПОВ

Изучение этногенеза и этнической истории всегда были центральными проблемами кавказоведения. Они разработаны, но далеко не все их аспекты могут считаться решенными. Среди них следует назвать ранние этапы, отстоящие от нашей современности на многие тысячелетия и относящиеся к еще дописьменному периоду истории, к эпохе палеолита, мезолита и неолита. Подобная ситуация вполне объяснима тем, что для ранних этапов человеческой истории характерно сужение потенциальных источников реконструкции, которые ограничиваются всего лишь данными археологии и антропологии. Косвенно в меньшей степени сюда могут быть привлечены данные лингвистики и этнографии, а о таком важном историческом источнике, как письменный не может быть и речи.[2]

При изучении проблем древнейших этногенетических связей важно выяснить, каковы их самые начальные этапы, каков их характер и механизм.

Изучение самых ранних этапов этнической истории продиктовано и проблемой поиска самого истока всего того этнокультурного и этнолингвистического многообразия, которое представлено в современную эпоху на Кавказе. Следует выяснить, когда, где и в каких исторических условиях протекали самые ранние этапы становления этнических общностей. Были ли отдельно взятые современные этнолингвистические группы Кавказа изначальными насельниками данной территории или им предшествовал более древний субстрат, если да, то какой.

---

[1] Канделаки Давид Автандилович, м. н. с. отдела истории АбИГИ АНА, главный хранитель Пицундского археологического музея. E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

[2] Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. – М., 1989. С. 152 -153.

Сложно сказать, когда начался процесс сложения этноязыковых общностей на территории Кавказа. Неандертальский человек в силу анатомических особенностей не мог обладать человеческой речью в подлинном смысле, так как у него для этого отсутствовали соответствующие артикуляционные предпосылки, и речь неандертальцев базировалась на иных звуковых принципах.[1] Так что подлинную человеческую речь можно связать только со становлением анатомически современного человека. Таким образом, на мой взгляд, хронологическим рубежом начала этногенеза на Кавказе, как и в других областях, следует считать эпоху верхнего палеолита, когда на историческую арену выходит *Homosapiens*. Географическая локализация Кавказа к ближайшим очагам сапиентации, расположенных в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке, дает основание считать, что на Кавказе самое раннее проникновение уже первых незначительных групп *Homosapiens* происходило намного раньше верхнего палеолита и, видимо, падает на средние этапы мустье. Именно «момент возникновения» вида Homosapiens и следует считать той гранью, отделяющей «этническую» стадию от «доэтнической», а сами хронологические рамки выглядят несколько «размытыми» и сопряжены с процессом «сапиентации». Определение хронологического рубежа начала проникновения на Кавказ первых представителей вида Homosapiens и следует считать точкой отчета начала этногенетического оформления древних коллективов. Для Кавказа эта граница колеблется пока в пределах 45 – 35 тыс. лет.[2]

Сложно пока что-либо сказать об этническом и языковом облике создателей верхнепалеолитических культур Кавказа. Данная проблема связана с вопросом характера сложения этнолингвистических общностей, был ли этот покров моногенным и существовали уже в означенное время единый этнокультурный и этнолингвистический массив или, наоборот, вся эта территория была заселена слабо связанными между собой общинами. Или, напротив, он характеризовался постепенным переходным языковым ландшафтом, именуемым первобытной лингвистической непрерывностью. Ответить на этот вопрос пока современная наука не может, но симптоматично данные по археологии каменного века скорее свидетельствуют о том, что самые ранние так называемые «передовые группы» *Homosapiens,* уже проникавших сюда в эпоху мустье, имели различные генетические и территориальные истоки своего происхождения.[3]

---

[1] Вишняцкий Л.Б. Происхождение языка: современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 48-63.

[2] Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. М., 2004. С. 329.

[3] Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5. – СПб., 2007.– 336 с.; Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позд-

Это подтверждается еще и тем, что уже с самого начала формирования *Homosapiens*, процесс его проникновения на территорию Кавказа не был, если так можно сказать, «одновекторным». То есть с самого начала могли происходить перемещения на эту территорию, как из Передней Азии, так и из Восточной Европы, что особенно хорошо прослеживается по данным палеоантропологии. Так, памятники верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа нередко преподносят нам останки древних людей, которые больше тяготеют к центрально-западноевропейским формам, в то время как находки из Закавказья имеют переднеазиатские параллели.[1] Однако в целом более ранние истоки формирования *Homosapiens,* несомненно, следует искать на юге. Данные палеоантропологии свидетельствуют о наличии для верхнепалеолитической эпохи еще не выраженных антропологических типов, когда расовый покров еще не был полностью сформирован или был «пока» не соответствующим современным расовым группировкам. Если подобное имело место, то не исключено, что аналогичная картина могла быть и с языковым покровом. То есть для верхнего палеолита и отчасти мезолита следовало бы допускать наличие языков, языковых групп и семей, которые не имели аналогий с современными языками и не соответствовали современным лингвистическим группам и семьям. Касаясь непосредственно нашей территории, об антропологическом типе ранних насельников Кавказа мы можем судить с трудом. Речь скорее может идти о каких-то еще недифференцированных евро-африканских или протоавстралоидных формах. Но не исключается и наличие, собственно, древних представителей европеоидной расы, например, для ряда пещерных памятников Северного Кавказа.[2] В соседнем Крыму, например, отмечено сосуществование кроманьонских и евро-африканских форм.[3]

О том, каков был древний этнолингвистический ландшафт Кавказа в эпоху верхнего палеолита, можно косвенно судить и по данным современной первобытной ойкумены. Известно, что в ряде районов мира на весьма ограниченной территории сосуществуют множество этнолингвистических группировок, отдельных этноязыковых семей и даже ни одна макросемья, как например, на острове Новая Гвинея. Степень языкового

него плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб., 2008. С. 113.; Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: Поиск Российских ученых. – СПб., 2008. – 179 с.

[1] Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. – М., 2004. С. 329.

[2] Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек). – М., 1955. С. 256-259.; Соловьев А.Н., Орелкин В.С. Находки костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 6. С. 145.; Харитонов В.М. Кавказ в палеолите: обзор находок и идей // Экология человека в прошлом и настоящем. – М., 2004. С. 49-50.

[3] Бадер Н.О. Поздний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР. М., – 1984. С. 272-301.

родства между ними практически невозможно установить, что поражает при наличии их очень близкого ареального расположения и общего генетического истока популяций носителей этих языков. По-видимому, такая ситуация могла существовать и на Кавказе, и в других областях в целом, но это не может быть точно установлено. Еще сложнее провести прямую аналогию между древними языками Кавказа и современными этнолингвистическими группировками на его территории. Для этого требуется установление нижней границы образования современных этнолингвистических группировок Кавказа, а также формировались ли они на месте или связаны с миграцией из соседних областей. Ни данные лингвистики, ни данные археологии, ни данные палеоантропологии не фиксируют субстрата более древнего, чем северокавказский, очевидно таковой просто отсутствует. Значит, в целом нельзя исключать и прямой этнолингвистической преемственности древнего населения Кавказа с той этнолингвистической общностью, которая ныне представлена на Кавказе, а именно – северокавказской.[1]

Тем самым нет никаких оснований отрицать, что на Кавказ уже могли проникать группы населения, говорившие на каких-то древних прасеверокавказских языках[2]. Сложно сказать, были ли они первоначальными насельниками, языки которых формировались в областях к югу от Кавказа, а затем в эпоху верхнего палеолита уже «в готовом виде» пришли с их носителями, первыми группами *Homosapiens,* или, напротив, как отмечалось выше, складывались из множества не дошедших до нас отдельных изолированных языков, которые в процессе контактов и сформировали древний прасеверокавказский этнолингвистический покров.

Вопрос о локализации прародины прасеверокавказской общности осложняется и представлениями о «первичной» прародине, той макросемьи, в которую она входит, в частности синно-кавказской. Время существования этой макросемьи примерно определяется возрастом 10–9 тыс. лет назад (по другим данным 9–8 тыс. лет).[3] Но, скорее, она несколько древнее, так как в местах более позднего бытования ностратических семей мы

---

[1] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. – 464 с.; Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тб., 1989. – 422 с.

[2] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. – 240 с.; Анчабадзе З. В. Очерки этнической истории абхазского народа. Избранные труды в двух томах. Т. II. – Сухум, 2011. – 349 с.; Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. – 464 с.; Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тб., 1989. – 422 с.; Джапаридзе О. М. К раннему этногенезу кавказских племен. Историко-филологические разыскания. Часть I., – Тб., 1980. С. 29.; Арутюнов С. А. Глоттогенез и этногенез на Кавказе. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. – М., 1994. С. 117-131.

[3] Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. Труды по языкознания. – М., 2007. С.147-246.

встречаем более раннее доностратическое, вероятно, прасинокавказское население.[1]В целом эта дата близка к финалу верхнего палеолита и начала мезолита. Это подтверждается и наличием в прасинокавказском языке элементов культурной лексики зарождающейся протоземледельческо-скотоводческой экономики, зачатки которой на Ближнем Востоке мы уже находим в недрах раннего мезолита. Похожую лексику определяют и для праафразийской общности. По-видимому, лингвисты фиксируют культурные компоненты в языках этих общностей как бы накануне завершающего их развития, как бы накануне их распада.[2] Если учитывать, что в свете данных современной лингвистики, существование прасинокавказской или денекавказской макросемьи уже не вызывает сомнений и может считаться строго доказанной, то проблема ее локализации до сих пор не решена. Прародину этой макросемьи ищут то в Центральной Азии, то в Юго-Восточной Азии, а то и в области древней Берингии, но большинство специалистов склонны считать этой прародиной древнюю Переднюю Азию.[3]

Необходимость определения локализации прародины прасинокавказской макросемьи, в конечном счете, важна для определения того пространственного (ареального) очага, где имел место процесс дивергенции, собственно, прасеверокавказской общности. Соответственно с этим будут определяться пути проникновения этой общности на Кавказ. По мнению автора, прасинокавказская общность уже в эпоху верхнего палеолита охватывала области, как Передней Азии, так и Кавказа. Это не исключает вероятности того, что заселение Кавказа в действительности происходило древними носителями синно-кавказской макросемьи языков, которые, возможно, здесь же, на Кавказе, и дали начало формированию прасеверокавказской ветви синнокавказской макросемьи.

Эпоха мезолита в целом привела к складыванию новой этнокультурной ситуации, что было вызвано перестройкой всех экологических систем и соответственно стратегии жизнеобеспечения древних мезолитических

---

[1] Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. – М., 1991. С. 13-17.

[2] Пейрос И.И. О соотношении археологии и лингвистики при изучении производящего хозяйства // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 126.; Шнирельман В.А. Археология и лингвистика: проблема корреляции в контексте этногенетических исследований // Горизонты антропологии. – М., 2003. С. 78-82.

[3] Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. – М., 1983. – 197 с.; Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.; Романчук А. Прародина сино-кавказской языковой общности: проблема локализации // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. – СПб., 2007. С. 465–472.

коллективов. В итоге она выразилась в начале доместикации животных и растений.[1]Возможно, именно тогда начинается распад крупнейших макросемей, к примеру, синно-кавказской, ностратической, афразийской. Так, по предположению специалистов, набор наиболее ранней культурной лексики в праафразийской и прасинокавказской дает возможность уже в мезолите локализовать последних по соседству на Ближнем Востоке.[2]

Так, скорее всего, синно-кавказская макросемья локализовалась по линии Анатолия – Кавказ (во всяком случае, Южный) – Загрос – Иран. Окончательное обособление звеньев этой макросемьи, видимо, произошло в мезолите. Самыми первыми дивергировала семья на-дене, чуть позже произошло обособление синнотибетской, енисейской и бурушасковерикшской общностей и ряда других языков. Вопрос о времени дивергенции самой прасеверокавказской общности пока не может быть решен однозначно, и у специалистов нет единого мнения о хронологических границах ее формирования. В целом, по данным историко-лингвистических реконструкций, она находится в рамках от энеолита до ранней бронзы, то есть где-то в пределах VI–V вв. до н. э.[3] Вряд ли стоит слишком омолаживать возраст существования прасеверокавказской общности, доводя его до периодов ранней бронзы, скорее, более логично считать такими хронологическими рубежами, как это указано выше, ранний мезолит, а местом формирования сам Кавказ. Правда, существует мнение о вероятности локализации первоначальной прародины прасеверокавказской общности в областях Северной Анатолии и даже на Балканах.[4] Не исключено, что какая-то часть носителей прасинокавказской макросемьи, включая и некоторые прасеверокавказские группы, частично освоили европейское Средиземноморье. Наследием этих же передвижений были доиндоевропейские субстраты на этой территории, частично сохранившиеся, возможно, в лице древних басков. Следы этого пласта как будто бы фиксируются даже в Северном Причерноморье и Подунавье, в Карпатах и на Балканах.[5]

---

[1] Формозов А.А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // Советская археология. 1963. № 4. С. 183-187.; Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. – М., 1977. – 143 с.

[2] Миллитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 256-264.

[3] Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М., 1985. С. 74-94.; Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 312-358.

[4] Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. – 398 с.; Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. – М., 2009. С. 121-142.

[5] Баюн Л. С. Древняя Европа и индоевропейская проблема. История Европы. Т. I. Древняя Европа. – М., 1988. С. 97-100.; Зыцарь Ю.В. О родстве баскского языка с кавказскими //

Несомненно, области, непосредственно примыкающие к Кавказу с юга, включая сюда Анатолию, Армянское нагорье, Загрос и, видимо, Северо-Западный Иран и Южный Прикаспий могли целиком входить в зону расселения прасеверокавказской общности. Возможно, географическая близость праафразийцев и прасинокавказцев говорит о расположении первых в более южных областях, в районе Палестины, откуда праафразийцы освоили Африканский континент и Аравию. Об этом в частности свидетельствуют и субстратные связи и корреспонденции между отдельными членами прасеверокавказской общности и афразийской макросемьи. Так, лингвисты обнаруживают языковые контакты, с одной стороны, между праабхазо-адыгами и ливио-гуанскими группами афразийской макросемьи, а с другой – между пранахско-дагестанцами и с семитской, чадской и кушитской семьями афразийской макросемьи.[1] В этой связи интересно отметить, что языковые корреспонденции праабхазо-адыгов с ливио-гуанчской группой дают право допускать вероятность локализации этих контактов в широком ареале Восточного и даже Западного Средиземноморья, тем более что отсутствуют контакты праабхазо-адыгов с другими членами афразийской макросемьи. Но это только в том случае, если отвлечься от первичной локализации праафразийцев на Ближнем Востоке и если датировать эти контакты временем после ухода ливио-гуанчей с первоначальной ближневосточной прародины.

По-видимому, еще одну общность высокого таксономического ранга – ностратическую – следует в целом локализовать во всей приледниковой зоне, что подтверждается, по мнению некоторых специалистов, наличием наиболее архаических элементов в языках именно уральской семьи, которая осталась на первоначальной ностратической прародине после дивергенции остальных звеньев ностратической общности.[2] Но ее основное ядро, видимо, располагалось по линии Средняя Азия – Казахстан – Поволжье – частично Восточная и Центральная Европа. Предполагают,

---

Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 52-64.; Иванов В. В. Древневосточные связи этрусского языка. Древний Восток этнокультурные связи. – М., 1988. С. 208-218.; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. – 398 с.; Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991. С. 13-17.; Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения института археологии. Вып. 223. – М., 2009. С. 121-142.

[1] Миллитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 256-264.; Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.

[2] Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. – М., 1991. С. 13-17.

что ностратическая семья освоила эти зоны еще в верхнем палеолите и была несколько в стороне от процессов становления земледельческо-скотоводческой экономики эпохи мезолита и неолита. И приобретения этих навыков происходило после дивергенции ностратической макросемьи самостоятельно отдельными ее звеньями.[1] В то время, как создателями земледельческо-скотоводческой экономики на Ближнем Востоке являются праафразийская и прасинокавказская общности.

Уже «накануне» неолита происходит процесс возникновения производящей экономики.[2] Население переходит к оседлости. Однако миграции с Ближнего Востока имеют место. Меняется стратегия расселения и поселений. Видимо, надо говорить не о каких-либо массовых переселениях, а лишь о постепенном освоении земледельцами и скотоводами периферийных территорий, в основном с аналогичными природно-климатическими условиями.[3] Судить о том, какова была этнолингвистическая ситуация, сложно, но, скорее всего, образ хозяйствования способствовал обособлению и формированию крупных земледельческо-скотоводческих общин. Некоторые поселки насчитывали несколько тысяч жителей. Скорее всего, это отдельные крупные поселения, нередко слабо между собой связанные на периферии, хотя контакты, естественно, были. Видимо, в то время формируются отдельные этнолингвистические группировки, и на смену первобытной лингвистической непрерывности приходят изолированные группировки. Каков был покров в то время, отдаленно напоминает нам то, что известно по этнокультурной ситуации на древнем Ближнем Востоке. Там существовали этнолингвистические группы, мало между собой связанные в культурном отношении, по сути, являвшиеся лингвореликтами-изолятами: хаттский язык в Анатолии; прототигридский (банановый) и протоевфратский в Месопотамии; протошумерский на аравийском побережье Персидского залива и юга Месопотамии.[4]По видимому, эпоха не-

---

[1] Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.

[2] Соловьев Л.Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижнешиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. – Тбилиси, 1967. С. 3-38.; Федоров Я.А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. Серия историческая. 1973. № 5. С.52-63.

[3] Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология». 1978. № 3. С. 9-27.

[4] История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия. – М., 1983.; Иванов В. В. Об отношении хаттского языка к севернозападнокавказским. Древняя Анатолия. – М., 1985. С. 26-59.; Дьяконов И.М. О языках древней Передней Азии. Вопросы языкознания, 1954., №5. С. 43-64.; Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967. – 495 с.; Джаракян Р.В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диялы (Ирак) в III т. до н. э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 3-16.

олита серьезно изменяет языковый ландшафт: если в период расселения *Homosapiens* в эпохи верхнего палеолита и мезолита имел место постепенный переходный языковый ландшафт, то в эпоху неолита происходит процесс «стяжения» общин от периферии к центру. Идет процесс интеграции внутри локальных ареалов с формированием отдельных изолированных этнолингвистических массивов, а значит, и обособления более крупных этнолингвистических группировок.

К этому времени на Кавказе уже выделяются отдельные локальные археологические культуры, которые, видимо, и соответствуют распаду собственно прасеверокавказской общности. Тенденция к их обособлению уже заметна к началу мезолита. Уже к эпохе раннего неолита следует приурочить и контакты отдельных этнолингвистических общностей между собой. Возможно, к этому времени начинаются активные контакты с прасемитской общностью где-то на юге, на границах Кавказа и Передней Азии, продолжающиеся уже в историческое письменное время. Не исключено, что на Северный Кавказ, который был больше открыт к просторам Восточной Европы, могли проникать и группы иного происхождения, например праностратического. Об этом свидетельствует и наличие какого-то промежуточного пласта, возможно, уже праиндоевропейского, между праабхазо-адыгским и пранахско-дагестанским на Северном Кавказе. Иначе сложно объяснить столь глубокие обособления в языках этих абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп, возможно, возникнув «однажды», они уже на очень раннем этапе были обособлены и развивались самостоятельно.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что самые ранние представители *Homosapiens*, насельники Кавказа, в целом были изначально генетически родственны популяциям древних сапиенсов Ближнего Востока. Это дает право с большей вероятностью допустить и то, что первые сапиенсы, шедшие на Кавказ, уже, возможно, говорили на каких-то языках, в которых можно усматривать, вероятно, будущие языки прасеверокавказского облика. Они шли именно оттуда, где и предполагается рядом специалистов изначальная локализация и последующий распад прасинокавказской общности. Это получит должную оценку, а возможно, и подтверждение лишь тогда, когда наши знания обогатятся новыми открытиями в области палеоантропологии, археологии и лингвистики.

В.А. Нюшков

МИСИМИАНЕ – ДРЕВНИЕ АБХАЗЫ И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Впервые мисимиане как отдельное самостоятельное этническое объединение появляются на исторической арене в середине VI века, в период острейшей борьбы между Сасанидским Ираном и Византийской империей за стратегически значимый регион Восточного Причерноморья. Наверное, мы бы о них не узнали, если не их восстание против византийцев в 555 году н.э., красочно описанное на страницах летописного свода «О царствовании Юстиниана». Автором данного свода является византийский историк середины VI в. Агафий Миринейский.

Условно его работу можно по характеру описываемых событий, связанных одной общей темой – отложением мисимиан от Византийской империи, разбить на два этапа: миссия Сотериха и восстание мисимиан и его подавление. Именно эта подробная часть сочинения Агафия послужила толчком для изучения специалистами проблем: кто такие мисимиане, их происхождение, локализация. Сведения более поздних византийских авторов конца VI в. и VII в. (Менандра Протиктора, письмо Анастасия Апокрисария и мемуары Феодосия Гангрского) в какой-то степени дополняют информацию о них. Хотя опять же из-за отсутствия конкретного материала об этом древнеабхазском населении высокогорной части Абхазии, данная тема сделалась не только актуальной, но и даже дискуссионной. В частности, это касается древнеабхазской принадлежности мисимиан. Агафий Миринейский отмечает: «Сотерих пришел в страну мисимиян, они[1] были подданными царя колхов, так же как апсилийцы. Но язык у них разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа апсилиев и несколько восточнее» (Кн. 3, 15). Уже после своего поражения в восстании в 555 г. мисимиане были приобщены к христианской религии.

Здесь же следует выделить две точки зрения, которые касаются локализации мисимиан (с учётом, главным образом, расположения Бухлоона (Буколуса) и дороги миндимиян-мисимиан): ущелье р. Кодор и её верховья (З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, М.М. Гунба и др.) и междуречье рр. Кодора и Ингура, предгорную часть современного Очамчырского района

[1] Они, них – все это следует относить к мисимианам.

(Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба, О.В. Маан и др.)[1]. Мне, как автору данной работы, больше импонирует последняя версия, ибо она находит соответствие в письменных источниках, что уже отмечал[2].

Основные этапы исследования истории мисимиан, Мисиминии

Начальный этап специализированного осмысления истории мисимиан по письменным источникам связан с Ф. Дюбуа де Монпере, первым обратившим внимание на зихов, абасгов, санигов, апсилов, мисимиан. В 1833 г. Ф. Дюбуа лично посетил Абхазию. По данным Прокопия и Агафия, им была составлена карта. Мисимиан Дюбуа поместил в горной зоне междуречья Ингур-Цхенисцкали, включив сюда же территории по правому берегу Ингура и левому берегу Цхенисцкали, а Бухлоон – на месте нынешнего села Пахулан (правобережье Ингура). Для Тцахара исследователь предложил два варианта локализации – в ущелье Техури выше Археополиса – Нокалакеви и в верховьях Цхенисцкали (Цагери) (2, Atlas P 1. XII)[3]. Обращает внимание у Дюбуа верная локализация Бухлоона.

Между тем локализация мисимиан Дюбуа не соответствует историческим реалиям ранневизантийской эпохи, но она получила поддержку со стороны грузинских и русских специалистов (Д.З. Бакрадзе, А.И. Бриллиантов и др.). У Д.З. Бакрадзе она обрела узконациональный оттенок. Он расположил мисимиан «в долине Ингура у истоков Хопи и Цхенисцкали», соответственно этнически отнеся мисимиан к скимнам – лечхумцам, т.е. древнегрузинскому народу[4]. А.И. Бриллиантов правильно сопоставил Буколус (VII в.) с нынешним селом Пахулан, поддержав в то же время вариант локализации мисимиан Дюбуа, и предложил считать его наиболее достоверным[5].

---

[1] Существует ещё одно мнение, которое является наиболее популярным среди некоторых грузинских кавказоведов, оно касается западногрузинского происхождения мисимиан.

[2] Нюшков В.А. История и культура апсилов (II в. до н.э. – вторая половина VIII в. н.э.). – Сухум, 2016. С. 157; Он же. К локализации мисимианских крепостей в Абхазии // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 16. Армавир – Краснодар, 2018.)* С. 75; Медвенский Н.И., Нюшков В.А. К проблеме локализации ответвлений Великого шёлкового пути на территории Абхазии и история Военно-Сухумской дороги // Историко-культурное наследие Великого шёлкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2017. С. 59.

[3] Цит. по Ю.Н. Воронов. Научные труды. Том. III. – Сухум, 2010. С. 221.

[4] Бакрадзе Д.З. Лазика и борьба за неё персов с византийцами // газ. Кавказ. 1856. №№ 50-64.

[5] Бриллиантов А.О. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника / Христианский Восток. Т. VI. Вып. 1. – Петроград, 1918.

Тем временем довольно сомнительной предстаёт локализация мисимиан в исследовании дореволюционного византиниста Ю.А. Кулаковского. Подробно рассматривая тему отношений Византийской империи к Персидской державе на территории Колхиды по письменным источникам, Ю.А. Кулаковский отмечал, что по побережью «области абазгов и апсилов лежали к северу от Лазики, а ещё дальше на север жили мисимиане, граничившие с аланами»[1]. Какую именно территорию имел в виду Ю.А. Кулаковский, можно только догадываться.

Второй этап научного изучения мисимиан (1920–1990 гг.) (а конкретнее, начиная с появления Абхазского научного общества в 1922 г. и заканчивая началом Отечественной войны народа Абхазии в 1992 г.) связан с углубленным исследованием мисимиан Мисиминии с дальнейшим расширением археологической базы знаний. Характерной особенностью этого этапа является (учитывая разные интерпретации сведений, в частности, этнического происхождения) отстаивание тезиса автохтонного проживания мисимиан в пределах современной территории Абхазии. Уже М.М. Иващенко, касаясь конкретно Мисиминии, указывает, что она «должна была находиться к северу от Апсилии, по направлению к Кавказскому хребту» (т.е. в Абхазии), правда, ошибочно отмечая при этом зависимость Мисиминии и смежной с ней Апсилии, от лазских царей[2].

Некоторую информацию о мисимианах можно найти в работах С.Н. Джанашиа, написанных в 30-е годы XX столетия. В частности, интерпретируя сообщение Агафия, исследователь считал, что мисимиане – «это племя, подвластное царю колхов (лазов), но имевшее свой язык и свои народные законы, жило выше апсилов, по-видимому, по верхнему ущелью р. Кодори (**Кодор**) и её притоков»[3]. Стоит отметить правоту автора в том, что мисимиане отличались от лазов.

В это время в грузинской историографии начинает чётко выкристаллизовываться западногрузинское происхождение мисимиан. В этом преуспел С.Г. Каухчишвили, вслед за Д.З. Бакрадзе. Основываясь на созвучии названий ранневизантийских мисимиан и современных сванов («мишуан»), он сформулировал ошибочную гипотезу, согласно которой мисимиане являлись сванским племенем, но с такими особенностями, что византийцы вынуждены были присвоить им особое название[4].

Таким образом, антинаучная гипотеза, основанная на древнегрузинском происхождении мисимиан, закрепилась в грузинской историогра-

---

[1] Кулаковский Ю. История Византии. Т.II. – СПб., 2003. С. 26.

[2] Иващенко М.М. Великая Абхазская стена // Известия абхазского научного общества. Выпуск IV. – Сухум, 1926. С. 82, 83.

[3] Джанашиа С.Н. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики // Известия АН Грузии. № 2. – Тб., 1991. С. 35, 36.

[4] Цит. по Ю.Н. Воронов. Научные труды. Том. III. – Сухум, 2010. С. 234.

фии, особенно после издания книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» (1954 г.). Он утверждал, что якобы языком населения мисимийского края был или сванский, или местный мисимийский диалект, который произошёл в результате смешения сванского и мегрельского языков. Данную гипотезу тем не менее поддержали некоторые известные исследователи 50–60 гг. XX столетия, среди них оказался кавказовед Г.А. Меликишвили[1].

Так, в его труде, в конце книги (где приводится карта) легко увидеть, что сваны локализуются с первых веков н.э. от впадения р. Чхалты в р. Кодор и до верховья р. Ингур, а южнее, по нижнему течению Кодора – апсилы. А где же мисимиане? На взгляд Г.А. Меликишвили, восточная граница территории апсилов соприкасалась «с территорией одного из сванских племён – мисимианцев (**мисимиан**)»[2], более точнее граница у него «между сванским племенем мисимианов и апсилов находилась у крепости Тцибелеос, т.е. совр. Цебельда». Здесь же он делает ссылку на С.Г. Каухчишвили и отмечает, что сваны проживали вблизи от морского побережья, а может, даже и вдоль его, но были вытеснены другими племенами. Нам же интересно знать какими! Чтобы аргументировать свои выводы, Г.А. Меликишвили на свой лад интерпретировал сообщение Агафия Миринейского, отметив, что сваны-мисимианцы это не апсилы, и что они принадлежат разным этническим группам, «мисимиане – подданные колхского (**лазского**) царя, подобно апсилам, однако говорят на ином языке и живут по другим законам (обычаям)»[3].

Здесь же далее отметим работу Н. Квезерели-Копадзе, посвящённую дорожным сооружениям в древней Абхазии. Опираясь на сведения Ме-

---

[1] И в наше время историки из Грузии, подверженные официальной идеологии, продолжают продвигать гипотезу об общем происхождении мисимиан и сванов (Ломоури Н.Ю. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999. С. 97), о связи этнонима «мисимиан» с самоназванием сванов «мушвен», ошибочно относя мисимиан «однозначно к картвельскому (сванскому) этническому миру». Папаскири З. Абхазия история без фальсификации. Издание второе, исправленное и дополненное. – Тб., 2010. С. 21. По логике профессора З. Папаскири, «собственно абхазские племена – абазги и апсилы» (там же, с. 21) тоже должны быть картвельскими племенами. Остаётся сожалеть, в погоне за картвелизацией древнеабхазского населения мисимиан, санигов указанный профессор забывает (он ему не нужен) про письменный источник Агафия (в котором, как мы знаем, прямо говорится о родственности апсилов и мисимиан «мисимиане они были апсилийцами, их соседями, близкими им по образу жизни» (Кн. 4, 15) т.е. абхазами), про цебельдинский древнеабхазский материал, обнаруженный в местах расселения апсилов, мисимиан, абасгов, санигов. Кстати, сами ранневизантийские авторы (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский и др.) не локализуют сванов на территории современной Абхазии (Нюшков В.А. История и культура апсилов.. С. 159).

[2] Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 65.

[3] Там же. С. 92.

нандра, он в своей работе, ошибочно полагал, что «Мисимианская дорога» – это не что иное, как древняя магистраль, пролегавшая по ущелью р. Кодор, от побережья Чёрного моря на Северный Кавказ к аланам, не затрагивая при этом локализацию другой древней магистрали – Дарин-ского пути[1].

В это же время в абхазской историографии (в конце 50-х гг. XX столетия) появляется ряд фундаментальных работ, посвящённых истории Абхазии ранневизантийской эпохи. Рассматривая этнополитическую, социально-экономическую, культурную сторону жизни древнеабхазского населения, проживавшего на современной территории Абхазии, специалисты-кавказоведы (З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, Х.С. Бгажба, М.М. Гунба и др.) заметное место отводят также и исследованию истории мисимиан и их территории.

Так, З.В. Анчабадзе называл вслед за Апсилией и Абасгией в VI в. Мисиминию «сравнительно крупной областью», которая «охватывала полностью провинцию феодальной Абхазии Дал и некоторую часть Цабала (Цебельды)». В то же время он предположил, что северо-западной границей Мисиминии являлась р. Кяласур, её верховья[2] (что впрочем, не соотносится со сведениями Агафия). Что касается северной границы Мисиминии то, по мнению З.В. Анчабадзе, она проходила по Главному Кавказскому хребту, в районе Клухорского перевала[3]. В связи с чем исследователь сопоставил упоминаемый в источниках VI в. «Путь миндимианов» с Клухорско-Марухским перевальным путём, проходившим как основной путь через Мисиминию (рядом со Сванетией). Тцахар же как главный форпост мисимиан, автор определил «в районе Багадских скал на правом обрывистом берегу Кодори (**Кодор**)», Бухлоон (согласно карте в книге) локализовал в верховьях Кодора, на реке Клыч, а северо-восточную границу Мисиминии до верхнего течения р. Аалдзга (Галидзги)[4].

Затронув вопрос этнической принадлежности мисимиан, З.В. Анчабадзе полагал, что он не может считаться окончательно решённым. Вместе с тем он заметил, «что касается увязки этнического имени мисимиан с самоназванием сванов, то и это обстоятельство не может иметь решающего значения».[5] З.В. Анчабадзе справедливо указал при этом, что «этническая принадлежность мисимиан к сванскому племени опровергается уже тем обстоятельством, что ни у одного из историков раннего Средневековья

---

[1] Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии. – Сухуми, 1955. С. 42.

[2] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959. С. 12; Он же. Очерк этнической истории абхазского народа.– Сухуми, 1976. С. 44.

[3] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории … С. 44.

[4] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии… С. 19.

[5] Там же. С. 12.

нет и намёка на это»[1]. И всё же, основываясь на теории палеокавказской этнической общности, считая мисимиан этнически индивидуальным племенем, З.В. Анчабадзе заблуждался, полагал, что они – мисимиане были родственны абхазским и картвельским племенам, впоследствии слившись с абхазским народом[2]. Поэтому, по его мнению, слово «мисимиане» можно увязать и с собственным именем Маршания – фамилией абхазского феодального рода в Цабале и Дале, т.е. в тех местах, где обитали мисимиане, являвшимися прямыми предками цабало-дальской этнической ветви абхазской народности[3].

Далее на мисимиан внимание обратил Ш.Д. Инал-ипа. Он логично заметил: если к концу I в. н.э. на территории Абхазии сложилось несколько «княжеств» (апсилов, абазгов, санигов), то должно было и быть и «княжество» мисимиан[4]. Сам же Ш.Д. Инал-ипа позднее отметил, что мисимиане являлись не только ближайшим к апсилам племенем, но в известном смысле частью апсилийской этнической группы[5]. Соответственно, на взгляд автора, они занимали «территорию верховьев реки Кодор, а возможно, и прилегающие земли за Кавказским хребтом»[6], что сомнительно, да и сам Ш.Д. Инал-ипа здесь указывает, что за Кавказским хребтом жили аланы, а на востоке – сваны[7]. Поэтому и Тцахар – главная неприступная крепость мисимиан находится у исследователя там же, в верховьях р. Кодора. Автор считал, что «название этой крепости сохранилось в наименовании села и реки Адзгара в верховьях р. Чхалты. У слияния Адзгары с р. Сакен в сел. Чхалта стоит на скале старая двухъярусная крепость, известная у абхазов под двумя названиями: «Чхалтинская крепость» и крепость девы «Чьргсы». Сами же мисимиане, по мнению Ш.Д. Инал-ипа, «имели свой язык и свои собственные внутренние законы»[8]. Стоит заметить, неопределённо Ш.Д. Инал-ипа высказался насчёт локализации «Мисимианского пути», хотя, видимо, исследователь думал, что это была современная Военно-Сухумская дорога[9], что подходит для его точки зрения в отношении локализации мисимиан.

Надо отметить, значительно уделив место апсилам и цебельдинской культуре в своих материалах, М.М. Трапш практически не обращал ника-

---

[1] Там же. С. 14.

[2] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории… С. 45.

[3] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии… С. 14; Он же. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории… С. 45.

[4] Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). – Сухуми, 1960. С. 35.

[5] Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. С. 226.

[6] Там же. С. 226.

[7] Там же. С. 226.

[8] Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухуми, 1960. С. 53, 54.

[9] Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухум, 1976. С. 231.

кого внимания на мисимиан, причисляя их, по всей видимости, к абазго-апсилийской этнообщности, в том числе и на их территорию. Так, ссылаясь на сообщения древних авторов, автор замечает, «что в районе Тзибила пролегали границы между Апсилией и Мисиминией»[1]. Далее исследователь, выразился поверхностно: «В I–V вв. н.э. вместе с лазами и другими грузинскими племенами апсилы и абасги, а также мисимиане вели упорную борьбу против римских и иранских захватчиков»[2].

Не обошёл вниманием мисимиан и филолог Х.С. Бгажба, говоря об абхазских племенах и диалектах. Место их расположения он определил по среднему и верхнему течению р. Кодор с главными населёнными пунктами Тцахар и Бухлоон. Родственные апсилам мисимиане впоследствии были в значительной степени ассимилированы апсилами и абасгами, считал он[3]. Будучи филологом, Х.С. Бгажба прибег к лингвистическому разбору этнонима. На его взгляд, этноним допускает следующий фонетический вариант – мизим-иане. «Основу мизим (мызым) сохраняет абхазский гидроним Мызым-та «Мзымта». По-видимому, та же основа улавливается и в топонимике «мамзыщьха», «Мамдзыщьха» – название горы в Гагрской зоне. Исследователь же обратил внимание, что в других источниках этот этноним встречается в ином звучании – мис-ианне, оставивший след в топонимике Бзыбской Абхазии в форме Мс-ра «Мюссера», также в бзыбских преданиях встречаются сведения о племенах Мызымаа и Мсаа. В связи с этим Х.С. Бгажба предложил обращать внимание на топонимику, где прослеживаются их следы, для выяснения времени и причин их передвижений[4]. По поводу данной точки зрения В.А. Чирикба отреагировал так: «Бгажба предполагает миграцию мисимиан из Кодора в Северо-Западную Абхазию. Хотя эти соображения и представляют собой интересную гипотезу, они, видимо, нуждаются в более тщательном лингвистическом и историческом обосновании»[5].

Один из самых трагических эпизодов в ранневизантийской истории Абхазии, без сомнения – восстание мисимиан против византийцев 555–556 гг. Этому трагическому периоду посвящена статья Г.А. Амичба. Исследователь, в частности, главную крепость мисимиан Цахар (Тцахар) расположил на реке Адзхара (Адзгара) в долине реки Чхалта[6], а не на горе, как в

---

[1] Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Том III. – Тб., 1971. С.. 13.

[2] Там же. С. 14.

[3] Бгажба Х.С. Труды. Книга первая. Этюды и исследования. – Сухуми, 1987. С. 122.

[4] Бгажба Х.С. О некоторых этнонимах и этнопонимах Северо-Западного Кавказа в трудах З.В. Анчабадзе // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе. – Сухум, 1996. С. 16.

[5] Чирикба В.А. К этимологии гидронимов *Бзып* и *Мдзымта* // Абхазоведение (филологическая серия). Выпуск III. – Сухум, 2009. С. 30.

[6] Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI– VIII вв.). – Тб., 1985. С. 45.

источнике. Соответственно, и немногочисленное местное племя мисимиан обитало на территории, расположенной северо-восточнее Апсилии, в верховьях р. Кодор (совр. Гулрыпшский район)[1]. Правда, позднее автор несколько пересмотрел свои взгляды и локализовал мисимиан до Ингурского ущелья с увязкой местоположения Мисимианского пути. Путь, «а также крепость мисимиан Бухлоон или Буколус играли, как видно, важную роль как в византийско-аланских, так и византийско-мисимийских отношениях. Мисимийский путь это тот перевальный путь, который проходил через Ингурское ущелье»[2]. В своих дальнейших работах Г.А. Амичба также придерживался широкой локализации мисимиан, отмечая, что этнополитическая область мисимиан была расположена в предгорьях между рр. Кодор, Ингур и Главным Кавказским хребтом, внося уточнение, что сами же мисимиане, по-видимому, отделились в своё время от апсилов[3]. Ссылаясь на Агафия, автор верно заметил, что мисимиане апсилам родственны. Коснувшись социальных отношений у мисимиан, Г.А. Амичба отметил, что у них преобладали военно-демократические отношения, патриархально-родовые традиции. Вместе с тем мы не можем согласиться с Г.А. Амичба, что в политическом отношении Мисиминия, как и Апсилия являлись «составной частью Эгрисского (**Лазского**) царства». Осталось также не понятно, где мог находиться и Бухлоон, упомянутый исследователем в работе[4].

Более подробную локализацию мисимиан и их крепостей даёт М.М. Гунба. По его мнению, мисимиане располагались в ущелье верхнего течения р. Кодор и Мисиминия начиналась непосредственно от крепости Цибилиум (Цабал), здесь же проходила и юго-западная граница мисимиан до самого Кавказского хребта. Крепость Бухлоон автор помещает на границе между мисимиан и лазов[5] на границе с Аланией[6], т.е. в районе Клухорского перевала. Что касается другой крепости мисимиан – Тцахар, то «этот топоним, – пишет М.М. Гунба, – сохранился до сих пор в виде названия притока реки Гуандра у слияния ее с рекой Сакен. Там в настоящее время находятся развалины древней крепости»[7].

Таким образом, придерживаясь версии локализации мисимиан в Кодорском ущелье, исследователь твердо отмечает, что местечко Апушта,

---

[1] Амичба Г.А. Восстание мисимиан в середине VI века // ИАИЯЛИ. XIII. – Тб., 1985. С. 31.

[2] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI– X вв.). – Сухум, 2002. С. 194.

[3] Амичба Г.А. Средневековый период (IV–XVII вв.) / Абхазы. Издание второе, исправленное. – М., 2012. С. 64.

[4] Амичба Г.А. Восстание мисимиан в середине VI века // ИАИЯЛИ. XIII. – Тб., 1985. С. 35.

[5] Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). – Сухуми, 1989. С. 142.

[6] Там же. С. 192.

[7] Там же. С. 142.

могильники, выявленные у поселений Лар, Азантского озера, в крепости Бат, вдоль Марухского перевального пути принадлежат «к мисимийской (**мисимианской**) материальной культуре», находящей полные аналогии с Цебельдинской культурой. Это говорит только об одном: о близости мисиман и апсилов»[1], охранявших Клухорские и Марухские перевальные пути[2]. Крепость же Сидирон (VIII в.) автор отождествляет с Тцахаром как главную крепость мисимиан, которые вместе с апсилами участвовали в борьбе против арабов в начале VIII в., правда, оговариваясь, что в источнике Феофана Хронографа о мисимианах ничего не сказано[3]. Следует отметить, что данная версия в своих незначительных интерпретациях была отражена в новейших абхазоведческих работах.

Проблема локализации дороги миндимианов (мисимиан)

Неоднократно отмечаются мисимиане и их территория в публикациях известного кавказоведа Ю.Н. Воронова[4]. Акцент делается в них, в основном, на локализацию «Даринского» и «Мисимианского» путей. Поскольку данная тема приобрела дискуссионный характер, исследователь аргументировано отстаивал свою точку зрения. По ней Даринский путь проходил через Клухорский перевал, а Мисимианский через перевал Накра.

Опираясь на проанализированные им ранневизантийские источники VI–VII вв., в которых упоминаются Мисимианский путь и крепость мисимиан Бухлоон-Буколус, игравшие важную роль в византийско-аланских отношениях, Ю.Н. Воронов локализовал «Мисимианский путь вдоль современного Ингурского ущелья, а крепость Бухлоон-Буколус – в начале этого ущелья, в районе современного села Пахулан. Этим всего 40 км от Черноморского побережья намечается важный пограничный пункт между Византией и Аланией, функционировавший в течении более ста лет на наиболее коротком пути от Фасиса на Северный Кавказ»[5]. Именно здесь, на правом берегу Ингура, по Агафию, в VI в. проходила граница между

---

[1] Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). – Сухуми, 1989. С. 143, 144.

[2] Там же. С. 174.

[3] Там же. С. 200.

[4] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978; Он же. Восточное Причерноморье в железном веке: Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.: Автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра исторических наук. – М., 1984; Он же. Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.) // *Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск 12. – Москва – Магнитогорск, 2002. С. 334-362 и др.*

[5] Воронов Ю.Н. Из истории византийско-аланских связей в VI–VII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения 1971-2006. – М., 2008. С. 316.

лазами и мисимианами. Ю.Н. Воронов точно интерпретировал данные письменных источников. Так, согласно Менандру путь мисимиан проходил вблизи сванов, которые в VI в. по Прокопию Кесарийскому, обитали восточнее мест их нынешнего пребывания, занимая верховья Риона. «Поэтому, если следовать источникам, Мисимианский путь должен быть локализован в Ингурском ущелье (перевал Накра)»[1]. Важно, что «идентификация Мисимианского пути тесно связана с проблемой локализации самих мисимиан»[2]. Между тем восточнее современного села Цабал в Кодорском ущелье, на вершине горы Пскал, локализуется главная крепость мисимиан Тцахар, уверен исследователь[3], на месте современного села Джгярда[4].

Точка зрения Ю.Н. Воронова получила поддержку со стороны другого специалиста по Цебельдинской культуре О.Х. Бгажба. В частности, это касается локализации Даринского и Мисимианского путей. В своих работах, увязав локализацию Мисимианского пути, а затем и Даринской дороги с локализацией самих мисимиан (близкородственных к апсилам) и их центров (Бухлоон и Тцахар) О.Х. Бгажба приходит к справедливому выводу, что Мисимианский путь должен был пролегать вдоль Ингурского ущелья[5]. В то же время, уточняя, что Пскальская крепость входит в круг основных памятников Цебельдинской культуры, как показала Цебельдинская экспедиция, исследователь заметил, что Тцахар находился недалеко от крепости Тцибила (**Цибилиум, Цабал**) на горе Пскал. В подтверждение этого О.Х. Бгажба приводит отрывок из Агафия, где сказано, что византийский полководец Мартын наблюдал пожар на Тцахаре[6]. Также точка зрения Ю.Н. Воронова нашла отражение в работах Г.Е. Афанасьева[7] и В.Б. Ковалевской[8].

С этим утверждением согласны и другие специалисты, в частности, А.В.

---

[1] Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения 1971-2006. – М., 2008. С. 485.

[2] Там же. С. 485.

[3] Там же. С. 485.

[4] Воронов Ю.Н. Научные труды. Том I. – Сухум, 2006. С. 359.

[5] Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003. С. 23-25; Он же. Абхазия и Алания в I тысячелетии // Абаза. – Сухум, 2010. С. 87.

[6] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. – Сухум, 2007. С. 95. В то же время в источнике у Агафия только сказано: «Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народу апсилийцев и другим, более отдаленным» (Кн. 4, 19).

[7] Афанасьев Г.Е. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской долины Малокарачаевского района // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. С. 5, 6.

[8] Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. – М., 1984. С. 3; Она же. Даринский путь и связи Византии, Апсилии и Алан // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. С. 34.

Мастыкова и М.М. Казанский, которые опираются на археологический материал V–VI вв. из Кавминвод, Балкарии и Верхней Кубани, затрагивающий географическую привязку раннесредневековых горных путей, засвидетельствованных в письменных источниках. По их мнению, Мисимианская дорога, реконструированная Ю.Н. Вороновым, через перевал Донгуз-Орунбаши в обход Эльбруса на верховья Баксана приобретает важность в связи с яростной схваткой между византийскими и сасанидскими дипломатами в 561 г. за Сванетию при подписании мирного договора. Речь, видимо, шла не только собственно о Сванетии, но и о стратегически важном пути к варварам Северного Кавказа[1]. А.В. Мастыкова отмечает более восточную локализацию «Мисимианского» пути, шедшего через территорию византийских вассалов мисимиан и сванов[2]. А.Ю. Скаков также считает, что «Мисимианский путь» через перевалы Баса-Чубери и Донгуз-Орунбаши соединял ущелья рек Ингура и Галидзга (**Ааалдзги**) с верховьями Баксана и Кубани»[3]. Там же этот путь проводит и Ш.Г. Кайтан[4].

Можно частично согласиться и с следующим выводом, изложенным в статье Э.В. Ртвеладзе по поводу того, что Мисимианская (Миндимиянская) дорога, согласно Менандру, проходила в непосредственной близости от Сванетии, но никак не через неё саму, а тем более через Мамисонский перевал (несмотря на то что путь через этот перевал издревле был важнейшей трассой, соединявшей горную часть Осетии с грузинской областью Рача), где дорога проходила по долине р. Риони в сторону Фасиса[5].

На эту статью был дан критический ответ О.Х. Бгажба. Он не согласился с мнением Э.В. Ртвеладзе о том, что Мисимианская (Миндимианская) дорога проходила через Мамисонский перевал по долине реки Риони и отметил, что дорога шла через перевал Накра, вдоль ущелья реки Ингур, «ибо на его правом берегу, согласно Агафию (VI в.), находилась пограничная с лазами крепость мисимиан (родственных древнеабхазским племе-

---

[1] Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI веках // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения 1971–2006.– М., 2008. С. 697.

[2] Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Прекавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. С. 180.

[3] Скаков А.Ю. Абхазия в Античности: попытка анализа письменных источников // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Том I. Абхазия. – М., 2013. С. 51.

[4] Кайтан Ш.Г. Раннесредневековые крепости Абхазии на Великом шёлковом пути (Проблемы выявления, учёта и сохранения) // Историко-культурное наследие Великого шёлкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2016. С. 43.

[5] Ртвеладзе Э.В. «ΔΑΡΕΝΗΣ ΆΤΡΟΠΌΝ: маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу» // Проблемы истории, филологии и культуры. 1. – М.-Магнитогорск, 2015. С. 361.

нам апсилам) Бухлоон – Буколус (совр. Пахулан). Менандр четко подчеркнул, что дорога Миндимианская проходила вблизи сванов, которые в VI в., согласно Прокопию Кесарийскому, обитали восточнее мест их нынешнего пребывания»[1], что для нас важно.

Далее следует отметить, что иная локализация Даринского и Мисимианского путей предстаёт в работах В.А. Кузнецова. Отмечая алано-апсилийско-мисиманские связи, он, в частности, интерпретируя сведения Менандра, указал, что дорога миндимианов проходила там, где сегодня располагается Военно-Сухумская дорога. Даринский же путь кавказовед отнес западнее территории мисимиан, т.е. в Бзыбскую Абхазию, связанную с Северным Кавказом Санчарским перевалом[2]. Остался не понятен маршрут т.н. Даринского пути через Санчаро.

Годами ранее, описывая две основные торговые трассы в верховьях Кубани, А.А. Иерусалимская ошибочно полагала, что Мисимианский путь проходил через Клухорский перевал (современная Военно-Сухумская дорога). Даринский путь был проложен западнее, по долине р. Подкумок, связывая предкавказские степи через горные перевалы с Себастополисом-Цхумом[3].

Что же касается конкретно локализации Бухлоона, В.А. Кузнецов приводит две версии – Ю.Н. Воронова и З.В. Анчабадзе. Версия последнего специалиста ему показалась более логичной. Он согласился с ним, что крепость находилась в районе Сакенского озера[4] (у истоков р. Кодор), так как из свидетельства Агафия, как считает исследователь, видно, что эта крепость располагалась на территории мисимиан и вблизи алан. Для подтверждения своей точки зрения В.А. Кузнецов заметил, что при впадении р. Сакен в Кодор еще в XIX в. существовало селение Аланда – от иран. «Аланта» – аланы, а корневой элемент гидронима Сакен – сак, саг – иран. «олень» (река оленей). В то же время, возражая Ю.Н. Воронову, автор посчитал, что Пахулан в низовьях Ингура лежит вне территории

---

[1] Бгажба О.Х. Заметки по поводу статьи Э.В. Ртвеладзе «ΔΑΡΕΝΗΣ ΆΤΡΟΠΌΝ: маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу» // Проблемы истории, филологии и культуры. 3. – М.-Магнитогорск, 2015. 3. С. 465-466.

[2] Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд., дополненное. – Владикавказ, 1992. С. 60. Он же. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения. – Магас, 2010. С. 216; Он же. Хасаутское городище и могильники и Мисимианский маршрут Великого шёлкового пути // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. №4. – Нальчик, 2015. С. 21.

[3] Иерусалимская А.А. О северокавказском «Шелковом пути» в раннем Средневековье // Советская археология. № 2. – М., 1967. С. 96.

[4] Хотя у З.В. Анчабадзе хорошо видно, что крепость находится у впадения р. Клыч в р. Кодор, там, где действительно есть руины мощной крепости.

мисимиан[1]. Таким образом, по ошибочному мнению В.А. Кузнецова, «Бухлоон занимал чрезвычайно выгодное стратегическое положение на стыке Алании, Лазики и Сванетии и мог иметь влияние на византийские коммуникации на севере Кавказа»[2].

Тем не менее мнение В.А. Кузнецова было поддержано рядом специалистов по истории и археологии Северного Кавказа местами со своими интерпретациями. Они, рассматривая миссию Земарха к аланскому царю Саросию и его возвращение через территорию Апсилии в Византию по «Миндимианской дороге», ошибочно локализуют её (а вместе с ней и мисимиан) там, где проходил Даринский путь, т.е. через Клухорский перевал и далее в сторону моря.

В частности, И.В. Каминская согласилась с В.А. Кузнецовым, что дорога миндимианов проходила через Клухорский перевал, а Даринская дорога – не через один, а через группу санчарских перевалов в верховьях реки Большой Лабы[3]. Так, И.А. Аржанцева, говоря о Даринской дороге и Мисимианском пути, сделала акцент о прохождении их участков на Северном Кавказе. Она считает, что Первомайское и Ильичевское городища контролировали Урупскую ветку Даринского пути, в то время как крупные города крепости Хумаринское, Амгата, Рим-Гора (расположенные на Подкумке и Теберде) были ключевыми для Мисимианского пути, идущего в Апсилию через Клухорский перевал, ссылаясь при этом на В.А. Кузнецова и Е.И. Савченко[4]. Последний автор скрупулезно исследовал тему прохождения ответвлений Великого шёлкового пути, проанализировал источник Менандра и вещественные источники, реконструировал древние пути, однако допустил просчет, локализовав Мисимианскую дорогу через Клухорский перевал. Даринский же путь, как и И.В. Каминская, С.Н. Савченко проводит по р. Большая Лаба к Лабинским перевалам[5]. Ошибочно по Военно-Сухумской дороге проводят Мисимианский путь и другие исследователи[6]. В частности, Ю.А. Прокопенко полностью цитирует интересующую для себя часть работы В.А. Кузнецова о Мисимианском пути в совместной

---

[1] Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд., дополненное. – Владикавказ, 1992. С. 105.

[2] Там же. С. 105.

[3] Каминская И.В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // Византийский временник. Т.49. – М., 1988. С. 202.

[4] Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // Российская археология. №2. – М., 2007. С. 87.

[5] Савченко Е.И. Мощевая Балка – узловой пункт Великого шёлкового пути на Северном Кавказе // Советская археология. №1. М., 1999. С 137, 138.

[6] Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). – М., 1971. С. 107; Фёдоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. – М., 1983. С. 99; Гаджиев М.С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. М., 2013. С. 62.

с С.Ф. Чаплыгиной монографии[1], делая вывод: «В данный период (VIII в.) затухают транспортные сообщения по Мисимианскому пути (через район Кавминвод и Клухорский перевал)»[2].

К третьему этапу (2000–2020 гг.) отнесём новейшие исследования, в которых затрагивается история как самих мисимиан, так и их этническое происхождение, локализация Мисиминии и её крепостей и т.д. Стоит заметить, что не только абхазские, но и некоторые зарубежные историки проявили интерес к этим темам, например российский медиевист Л.Г. Хрушкова.

Она, в частности, обращает внимание, что главная крепость апсилов Цибила (**Цибилиум, Цабал**) расположена на границе владений апсилов и горного племени мисимиан. Автор, судя по всему согласен с тем, что крепость мисимиан – Сидерон («Железная») следует отождествлять с крепостью Цахар (**Тцахар)**, находившейся, видимо (точной локализации в работе нет), в районе Клухора, как и крепость Буколус или по иным источникам Бухлоос (**Бухлоон**)[3]. В другой своей монографии Л.Г. Хрушкова предположила, что крепость мисимиан Сидерун Цахар Агафия, была расположена к северо-востоку от Цибилы. В том же районе располагалась крепость мисимиан Буколус или Бухлоос Агафия[4], без всякой конкретики.

Весьма странной, на первый взгляд, предстаёт локализация Мисиминии в работе французского византиниста К. Цукермана. По его мнению, «страна Мисиминия располагалась в районе верхнего течения и к юго-востоку от реки Кодор, между Лазикой на юго-западе и Апсилией на северо-западе; именно здесь с определённой долей уверенности можно расположить Буколус (**Бухлоон**) и Фусту (**Апушту**)»[5]. Между тем неопределённая локализация Мисиминии, данная автором в статье, конкретизируется им же его картой[6], где видно, что по р. Кодор проходит граница между Лазикой и древнеабхазскими народами, т.е. становится очевидно, что Мисиминия, согласно К. Цукерману, располагалась только по ущелью р. Кодор. Безосновательно и другое мнение К. Цукермана, согласно которому аланы забирают контроль по обе стороны горного хребта над

---

[1] Прокопенко Ю.А., Чаплыгина С.Ф. Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого шёлкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V – начале XIII в. – Ставрополь, 2017. С. 60.

[2] Там же. С. 80

[3] Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). – М., 2002. С. 42.

[4] Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. – Калининград-М., 2018. С. 36.

[5] Цукерман К. Аланы и асы в раннем Средневековье // КСИА. 218. – М., 2005. С. 75.

[6] Там же. С. 72.

торговым путём, пролегавшим через Клухор[1]. В данном случае К. Цукерман считает, что «эта динамика отражается в «Армянской географии», где Алания простирается до истоков Кодора, включая в себя Кавказский хребет». Здесь мы возразим автору, поскольку в период создания «Армянской географии» «по соглашению с Византией в состав Алании были включены верховья не Кодора, а Ингура – от крепости Бухлоон-Буколос (Пахулан) до перевалов Северного Кавказа»[2]. В этой связи можно привести мнение Агусти Алемана, у которого миндимианы (мисимиане) обитали к северо-западу от Сванетии[3], т.е. приблизительно в центральной части Абхазии.

Коснулся локализации мисимианских крепостей также российский антиковед А.Ю. Виноградов. Так, Чхалтинскую крепость автор призывает отождествлять со знаменитой крепостью Цахар (**Тцахар**) /Железной (Сидирон) в Мисиминии, «на что указывает не только схожесть имени, но и тот факт, что она единственная полностью перегораживает на р. Кодор дорогу от алан к морю», а Клычская, как он полагает, с большей долей вероятности отождествляется с Бухлоем / Буколом (**Бухлооном**), находящаяся ближе к аланам, верховьях р. Кодор, в зоне расселения древних мисимиан[4]. Вместе с тем известно, что Клычская крепость, построенная позже описываемых Агафием событий (VIII–IX вв.), служила важным форпостом против возможных проникновений неприятелей с Северного Кавказа на территорию Абхазского царства. Именно тут в раннем Средневековье проходили пограничные оборонительные рубежи означенного царства.

Как самую загадочную область древней Абхазии рассматривает Мисиминию археолог РАН Г.В. Требелева в своей монографии[5]. Процитировав сведения ранневизантийских историков о Мисиминии, автор считает, что «на севере территория Мисиминии упиралась в Главный Кавказский хребет в р-не Клухорского и Марухского перевалов. Таким образом, – заключает Г.В. Требелева, – территория Мисиминии охватывала провинции Дал и Цабал (совр. Цебельда)». «В то же время южный отрезок восточной границы упирался непосредственно в Лазику. В этом районе мисимиане

---

[1] Цукерман К. Аланы и асы в раннем Средневековье // КСИА. 218. – М., 2005. С. 75.

[2] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. – Сухум, 1998. С. 72.

[3] Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. С.253.

[4] Виноградов А.Ю. К локализации византийских крепостей в Апсилии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – М., 2014. С. 226, 227.

[5] Требелева Г.В. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. – М. 2019.

владели укреплением Бухлоон»[1]. Можно догадываться, что автор локализует данное укрепление у р. Ингур.

Далее мы отметим изыскания отечественных исследователей.

Неоднократно в своих работах изучает подробно историю мисимиан О.В. Маан [2]. Исследования данного специалиста наиболее полно отражают картину всей этнической истории мисимиан, как их локализацию, так и крепостных объектов на их территории.

По мнению О.В. Маана, мисимиане являлись одной из крупных этнотерриториальных групп, основное ядро которых отмечается в верховьях р. Кодор. Между тем исследователь справедливо замечает, что не следует мисимиан расселять лишь в верховьях реки Кодор, поскольку «идентификация Мисимианского пути с ущельем реки Ингур и выходом на Северный Кавказ через перевал Накра свидетельствует, что мисимиане занимали всю предгорную и горную часть Южной Абхазии в междуречье Кодора и Ингура»[3]. В связи с чем крепость Бухлоон О.В. Маан помещает на месте нынешнего села Пахулан[4], Тцахар или Цахар, им локализуется в верховьях реки Кодор, отождествляя название крепости с абхазским названием реки, источника и села Адзгара[5]. Однако автор не указывает наличие в этом месте крепостного сооружения. Много внимания им уделено этнической принадлежности мисимиан. Они, заключает исследователь, с учётом характеристик и описания культуры и быта, даваемых источниками, являлись этнографической группой апсилов, политически отделившейся от апсилийского ядра в середине VI в. Здесь же он добавил, что «будучи этнографической группой, мисимиане, скорее всего, обладали двойственной идентичностью»[6]. В то же время существующее в грузинской историографии представление об абсолютном преобладании сванов среди коренного населения Мисиминии О.В. Маан оправдано по-

[1] Требелева Г.В. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. – М. 2019. С. 61, 62.

[2] Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. – Сухум, 2006; Он же. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем Средневековье. – Сухум, 2014.; Маан О.В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII – XVIII вв.). Историко-этнологическое исследование. – Сухум, 2020.

[3] В своей новой работе О.В. Маан продолжает справедливо отстаивать тезис, о том, что «Мисимианская дорога шла по ущелью р. Ингур, а Даринский путь проходил через Клухорский перевал. Кстати, заметим, что название Клухор или по-абх. Кылхара в переводе с абхазского языка означает «широкий проход». Тем самым абхазы подчеркнули легкодоступность и удобнопроходимость Клухорского перевального пути». – Маан О.В. Абхазы и внешний мир:… С. 209.

[4] Маан О.В. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем Средневековье. – Сухум, 2014. С. 34.

[5] Там же. С.45.

[6] Там же. С. 36.

ставил под сомнение, и, более того, предположил, что «первичная территория расселения предков абхазов (мисимиан и апсилов), была шире, простираясь и на территории нынешнего проживания сванского этнического элемента в верховьях рек Ингура и Цхенис-цкали»[1].

Мисимиане вместе с контролируемыми ими крепостями Бухлоон и Тцахар упоминаются и в новой книге В.Е. Кварчия[2]. Автор предположил, что мисимиане являлись подразделением апсилов, занимая «горную зону, лежащую между верховьями рек Кодор и Ингур», т.е. ту территорию, которая по Прокопию, в начале 50-х гг. VI в. входила в состав Апсилии[3]. Ранее в этой же работе В.Е. Кварчия допустил, что мосхи – в дальнейшем те же самые мисимиане, которых апсилы называли мыса или мысыр. Данный вывод требует уточнения. Далее Тцахар исследователь локализует в Кодорском ущелье, отождествляя эту крепость с Сидероном, которая в источниках, как известно, у Агафия и Феофана фигурирует как «Железная». По мнению В.Е. Кварчия, название крепости происходит от гидронима Дзыххар, Дзыххара – названия реки, у правобережья которой была построена эта крепость. Что касается Бухлоона, автор уверенно его размещает вблизи р. Ингур[4] на месте современного с. Пахулан у правобережья р. Ингур, где находилась одноимённая крепость. «Здесь важно, – отмечает В.Е. Кварчия, – фонетическое сопоставление форм названия крепости древнего Бухлоон и современного Пахулан, в названии которого имеется слово предел, граница»[5].

Крепость Бухлоон отмечается также в статье Г.Д. Гумба, без ясной локализации в самом тексте. Из работы становится понятно только о влиянии Западно-Аланского племенного объединения на южные склоны Главного Кавказского хребта до крепости Бухлоон и Эгрисского хребта. Приводимые в конце статьи автором две карты раскрывают нам локализацию мисимиан: Первая карта – V в. н.э. (здесь указаны мисимиане, но о них в это время ещё не писали) и вторая карта – VII в. н.э. (почти не отличающаяся от первой карты). По ней видно, что на севере мисимиане проживали за Главным Кавказским хребтом, от р. Марух у Клухорского

---

[1] Маан О.В. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем Средневековье. – Сухум, 2014. С. 46, 47.

[2] Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум, 2016.

[3] Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум, 2006. С. 292.

[4] Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум, 2016 С. 292.

[5] Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум, 2006. С. 225.

перевала и на юге до и за р. Ингур (у Эгрисского хребта)[1]. Такой вывод весьма спорен.

Имеются некоторые сведения о мисимианах и их территории в работах И.Ш. Агрба. Так, на взгляд автора не стоит, как это делал З.В. Анчабадзе, соотносить такое важное событие, как принятие христианства в Апсилии и Мисиминии с вассальными владениями Лазики, от которой апсилы и мисимиане приняли одновременно данную религию. Исследователь прав, что это мнение было бесспорно до появления в научной литературе иного мнения о политико-правовом положении Апсилии и Мисиминии, согласно которому отрицается вассальная зависимость последних от Лазики. «Соответственно, подвергается сомнению и вывод о синхронности принятия христианства населением Лазики, Апсилии и Мисиминии. Тем более, что мы не располагаем источниками, которые подтверждали бы такой вывод»[2]. В другой работе (в монографии) И.Ш. Агрба указывает, что Шёлковый путь, проходивший по Северному Кавказу, являлся мисимианским путём, где находился важный караванный пункт – крепость Бухлоон[3]. Правда, автор не уточняет, где именно проходил мисимианский путь. Между тем, локализуя в VI столетии Мисиминию в юго-восточной нагорной части Абхазии, можно предполагать, что по Ингурскому ущелью.

Здесь же надо отразить и такой важный момент, как христианизация мисимиан, по этой теме имеется несколько публикаций. В одной их них (автором является Архим. Дорофей (Д. Дбар) справедливо отмечается, что христианизация мисимиан протекала так же, как и у апсилов нагорной полосы, т.е. в одно время, в первой половине VI в. до начала VII в., когда завершилось их окончательное воцерковление[4].

Как отдельная область, имеющая собственных правителей, согласно Агафию, выступает Мисиминия в работах Н.В. Касландзия. Исследователь справедливо заметил, что из источника неясно, в чём могла выражаться зависимость Мисиминии от Лазики. В сочинении Агафия содержатся сведения только о взаимоотношениях византийцев и мисимиан без всякого участия лазов, военные мероприятия против восставших мисимиан имперские власти также проводят самостоятельно. Как и З.В. Анчабадзе, Н.В.

---

[1] Гумба Г.Д. Ещё раз о восточной границе Абхазии в раннем Средневековье // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск X. – Сухум, 2016. С. 61.

[2] Агрба И.Ш. Вопросы истории церкви и христианской культуры Абхазии в трудах З.В. Анчабадзе // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе. – Сухум, 1996. С. 170.

[3] Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). – Сухум, 2011. С. 52.

[4] Архим. Дорофей (Д. Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. *Второе издание. Новый Афон (Анакопия), 2015. С. 221.*

Касландзия считает Тцахар административным центром Мисиминии[1]. Не конкретизируя точное место расположения означенной крепости, автор считает, что Тцахар есть Сидерон, упоминаемый в начале VIII в. в «Хронографии» Феофана. Крепость находилась на территории Мисиминии, которая в это время, скорее всего, была отдельным этнополитическим образованием и служила резиденцией некого топотерита (коменданта) Фарасмания, являвшегося, по мнению Н.В. Касландзия, главой Мисиминии. На исходе 30-х гг. VIII в. данное образование могло объединиться с Апсилией под властью одного правителя[2].

С этим сообщением перекликается и другое, содержащееся в работе М.К. Хотелашвили-Инал-ипа. Специалист считает, что Тцахар это Сидерон и его нельзя отождествлять с Цебельдинской крепостью, это будет ошибкой. М.К. Хотелашвили-Инал-ипа убеждена, что (Сидерон) «крепость была расположена не на территории Апсилии, а на территории Мисиминии», а её комендант был мисимианином. В подтверждение своих слов автор цитирует фрагмент сочинения Феофана Хронографа. «Снова «отправился в путь» и «спустился в Апсилию» говорят о том, что крепость Сидерон находилась не на территории Апсилии, а на территории Мисиминии. Но Феофан не упомянул название этой страны»[3]. Где же именно мог находиться Сидерон, М.К. Хотелашвили-Инал-ипа в означенной работе не указала. Правда, в другом труде данный автор предположительно Тцахар локализует на месте Чхалтинской крепости (у современного села Чхалта)[4], а Бухлоон у села Пахулан[5].

Безусловно, это далеко не вся литература (книги, статьи, тезисы) о мисимианах и Мисиминии. Мы постарались дать лишь краткий историографический обзор. Допускаем, что в дальнейшем, по мере накопления нового материала по указанной теме, данная работа будет расширена и опубликована с соответствующими дополнениями.

---

[1] Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. – Сухум, 2017. С. 58.

[2] Там же. С. 71,72.

[3] Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. История и этнография Абхазии. *Сборник научных статей. – Сухум, 2019. С. 233, 234.*

[4] Хотелашвили-Инал-ипа М.К. Книга для чтения по истории Абхазии. – Сухум, 2020. С. 183.

[5] Там же. С. 178.

Карта локализации древнеабхазского (мисимиан и др.), западногрузинского и иранского населения по данным ранневизантийских источников (VI–VII вв.)

1 карта. Прим. Местоположение Тцахара показано на основании двух основных существующих вариантов (авторская версия карты)

З.А. Исмаилова,
аспирантка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЙСТВЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского сохранилась в наших древних летописях (Лаврентьевской и Ипатьевской) и давно привлекла внимание исследователей. Большинство из них – Н.К. Бестужев-Рюмин, И. Хрущев, Н.И. Серебрянский – считали, что повесть была создана вскоре после убийства князя, в 1175–1177 гг.[1] М.Д. Приселков полагал, что повесть сложилась под пером составителя владимирского великокняжеского летописного свода 1177 г.[2] Этой же точки зрения придерживается и современный исследователь летописей В.К. Зиборов[3].

А.А. Шахматов не решал вопроса о времени возникновения повести, но считал, что ее составитель располагал «некоторыми древними записями», которые дополнил похвалою Андрею Боголюбскому и молитвами, вложенными в его уста[4].

М.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что повесть имеет сложный состав. Начало ее – это «церковная похвала Андрею, изображенному в виде мученика». Далее следует рассказ о самом убийстве[5].

Д.С. Лихачев подробнее остановился на вопросе о составном характере повести. Ее полный текст, сохранившийся в Ипатьевской летописи, по мнению исследователя, «очень неровен: с одной стороны, мы имеем отрывки, составленные в чисто житийной манере, а с другой стороны – отрывки довольно реального рассказа с обилием бытовых подробностей и живыми диалогами»[6].

О соединении в повести об убийстве Андрея Боголюбского двух элементов – житийно-панегирического некролога князю и реалистического

---

[1] Воронин Н.Н. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского // История СССР. 1963. № 3. С. 78-80.

[2] Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. – СПб., 1996. С. 122.

[3] Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVIII веков. – СПб., 2002. С. 103.

[4] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XV вв. – М.; Л., 1938. С. 76.

[5] Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 281.

[6] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947. С. 242.

рассказа о его убийстве – писали также И.П. Еремин[1] и В.П. Адрианова-Перетц[2].

Таким образом, составной характер повести признан большинством исследователей. Цель нашего исследования – выявить составные части повести, определить их характер (церковный или светский) и степень сохранности в раннем и позднем летописании. Средством достижения цели будет текстологический анализ, основы которого изложены в знаменитом труде Д.С. Лихачева «Текстология»[3].

В своем полном виде повесть дошла до нас в составе Ипатьевской летописи[4]. Начало повести – это обычная летописная статья: «В лето 6683. Убьенъ бысть великий князь Андрей Суждальский, сынъ Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха, *месяца июня въ 28 день, канунъ святыхъ Апостол, день бе тогда субота. Создалъ же бяшеть собе городъ каменъ, именемь Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ от Кыева, такоже и Богълюбый от Володимеря*»[5].

Выделенный курсивом текст отсутствует в Лаврентьевской летописи, в которой повесть в целом значительно сокращена – почти в два раза[6]. Можно понять, почему этого текста нет в Лаврентьевской летописи. В нем сказано о городе Боголюбове, что он находится на таком же расстоянии от Владимира, как Вышгород от Киева. Это географическое сравнение было интересно жителю Киевской земли и совсем безынтересно жителю Северо-Восточной Руси. Поэтому северный летописец не указал его.

После этого и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской летописях идет *житие* князя Андрея Боголюбского. В Лаврентьевской летописи летописная статья об убийстве князя и его житие отделены друг от друга фразой: «убьенье же его (Андрея Боголюбского. – **Авт**.) последи скажемъ»[7]. Такой прием летописца всегда говорит о вставном характере последующего текста. Этим последующим вставным текстом и является *житие Андрея Боголюбского*. Оно представляет собой самостоятельное цельное произведение.

Начало жития вполне традиционное: «Сый благоверный и христълюбивый князь Аньдрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь…»[8]. Но далее в житии содержатся такие подробные и достоверные

---

[1] Еремин И.П. Киевская летопись как литературный памятник // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. VII. – М.; Л., 1949. С. 83.

[2] Адрианова-Перетц В.П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI-XV вв.) // Там же. Т. XVI. С. 15-17.

[3] Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983.

[4] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 394-403.

[5] Там же. С. 394-395.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 348-352.

[7] Там же. С. 348.

[8] Летопись по Ипатскому списку. С. 395.

сведения, что превращают его фактически в документальный отчет о церковно-строительной деятельности князя. Рассказывается о строительстве церкви в Боголюбове: «…церковь преславну святыя Богородица Рожества, посреде города, камену, созда въ Боголюбомъ, и удиви ю паче всихъ церквий… и украси ю иконами многоценьными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчугомъ великымъ безьценьнымъ, и устрои е различными цятами и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, светлостью же некако зрети, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоценьными, тако яко и всим приходящимъ дивитися, и вси бо видевше ю не могут сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродетелью и церковнымъ строеньемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, с каменьи драгими, и репидии многоценьными, каньделы различными, издну церкви отъ верха и до долу, и по стенамъ и по столпомъ ковано золотом, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сень златомъ украшена отъ верха и до деисуса, и всею добродетелью церковьною исполнена, изьмечтана всею хытростью»[1].

Далее следует не менее подробный рассказ о каменном строительстве во Владимире, о сооружении, внутреннем и внешнем убранстве Владимирской Успенской церкви: «Князь же Андрей бе городъ Володимерь силно устроилъ, к нему же ворота златая доспе, а другая серебромъ учини. И доспе церковь камену сборъную святыя Богородица, пречудну велми, и всими различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 верхов ея позолоти, двери же церковьныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогымь и жемьчюгомъ украси ю многоценьнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими пониканделы золотыми и серебряными просвети церковь, а онъбонъ отъ злата и серебра устрои, а служебных судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьем драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а 3-е ерусалими велми велиции, иже от злата чиста, от каменья многоценьна устрои, и всими виды и устроеньемь подобна быста удивлению Соломонове Святая Святыхъ; и в Боголюбомъ и в Володимере городе верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и пояс златом устрои, каменьемъ усвяти и столп позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы золоты и кубкы и ветрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. Посемъ же иныи церкви многы камены постави различные, и манастыре многи созда»[2].

Такая обстоятельность и подробность житийного рассказа явно указывает на его достоверность. Н.Н. Воронин, посвятивший повести об убий-

[1] Летопись по Ипатскому списку. С. 395.
[2] Там же. С. 395-396.

стве Андрея Боголюбского отдельное специальное исследование, отметил: «Ее (повесть. – **Авт**.) открывает не знающий себе равных в русском летописании текст о строительстве Андрея во Владимире и Боголюбове. Его подробность и документальность может быть сопоставлена только с позднейшим описанием построек Холма в Галицко-Волынской летописи. Так осветить примечательные детали владимирской архитектуры мог только свидетель сооружения этих храмов, человек, хорошо знавший весь состав их драгоценной утвари. Это, конечно, не пришелец, а владимирский старожил»[1].

Таким образом, автор жития князя Андрея Боголюбского использовал для своего произведения обычный агиографический образец, но внес в него *столько* детальных подробностей о церковно-строительной деятельности князя, что фактически изменил его жанр. *Житие* стало похоже на документальный отчет.

В Лаврентьевской летописи житие значительно сокращено[2]. Но в нем есть дополнительное указание о Владимирской Успенской церкви: «…в ней же чудотворная Мати Божия, к ней же вси хрестьяне съ страхомъ пририщюще и с верою исцеления приимають»[3]. Это указание может быть поздней вставкой. Но вполне возможно и то, что оно содержалось в изначальном тексте жития, и было выпущено киевским летописцем как прославляющее соперничающий с Киевом Владимир. На позднюю переработку жития в составе Ипатьевской летописи однозначно указывает известие о пяти верхах Владимирской Успенской церкви. В действительности церковь при Андрее Боголюбском была одноглавой, пятиглавой она стала только при его преемнике – князе Всеволоде Большое Гнездо.

После жития следует рассказ об убийстве князя Андрея Боголюбского. В Ипатьевской летописи он отделен от жития фразой: «Мы же на преднее възвратимся»[4]. «Преднее» – это летописная статья под 1175 г., в которой сказано об убийстве князя и о том, что он основал город Боголюбов. Летописец сказал, что теперь он переходит от *жития* к рассказу о самом убийстве. Вот этот рассказ: «Се же бысть въ пятницю, на обеднии, съветь лукавы и пагубоубийствьвеный. И бе у него Якимъ слуга възлюбленый имъ, и слыша отъ некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволимь наученьемь, и тече вопия къ братьи своей, къ злымъ съветникомъ, якоже Июда к Жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотоне; и почаша молвити: «день того казнилъ, а насъ заутра; а промыслимы о князе семъ».

---

[1] Воронин Н.Н. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского // История СССР. 1963. № 3. С. 83.

[2] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 348-349.

[3] Там же. С. 349.

[4] Летопись по Ипатскому списку. С. 397.

– И совещаша убийство на ночь, якоже Июда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремивьшеся поимавше оружья, поидоша на нь яко зверье сверьпии; и идущимъ имъ к ложници его, и прия е страхъ и трепетъ и бежаша с сений, шедше в медушю и пиша вино; сотона же веселяшеть е в медуши и служа имъ невидимо, поспевая и крепя е, якоже ся ему обещали бяхуть; и тако упившеся виномъ поидоша на сени»[1].

Этого рассказа нет ни в Лаврентьевской летописи, ни в других летописях XV–XVI вв. Он сохранился только в Ипатьевской летописи. В нем названа причина убийства князя – казнь им одного из Кучковичей, брата Якима. Еще одна отличительная его деталь – распитие заговорщиками вина в княжеской медуше, о чем более нигде не говорится.

Далее в Ипатьевской летописи читаем: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичь, а всихъ неверныхъ убийць 20 числомъ, иже ся бяху сняли на оканьный съветъ томь дни у Петра у Кучкова зятя»[2].

Совсем неясно, зачем после того, как летописец сказал, что заговорщики «поидоша на сени», он стал называть их поименно, начиная с их «начальника». Логика рассказа требовала продолжения повествования – о приходе заговорщиков к княжеским покоям, вступлении их в покои, начале борьбы с князем и т.д. Но вместо всего этого мы читаем имена заговорщиков и *повторное* известие об их совете, на котором они решили убить князя. Складывается полное впечатление, что перед нами не продолжение прежнего рассказа, а *начало* нового.

Но это не самое его начало. *Самое* же начало отыскивается в Лаврентьевской летописи: «Убьенъ же бысть месяця июня в 29 день, на память святою апостолу Петра и Павла, в субботу на ночь»[3]. Далее – известный текст: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять…». Соединенные части представляют собой связное последовательное изложение. То, что это *единый* текст, говорит его логичность и последовательность, а также то, что он в своем *цельном* виде обнаруживается в поздней – Львовской летописи: «И убиенъ же бысть в субботу на ночь, месяца июня 29, на память святыхъ апостол Петра и Павла. Началникъ же убийцамъ Петръ, Кучковъ зять…», и далее – перечисление имен заговорщиков[4].

Итак, в составе Ипатьевской летописи обнаруживается не один, а *два самостоятельных отдельных* рассказа об убийстве князя Андрея Боголюбского. Первый рассказ является *уникальным* – нигде более не встречающимся, с указанием причины убийства Андрея Боголюбского, с явною

[1] Летопись по Ипатскому списку. С. 397-398.
[2] Там же. С. 398.
[3] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 350.
[4] Там же. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. – СПб., 1910. С. 128.

отличительною деталью о распитии заговорщиками вина в княжеской медуши. Отыскать продолжения этого рассказа нам не удалось.

Второй рассказ имеет продолжение: «Постигъши бо ночи суботнии, на память святую апостолу Петра и Павла, вземьше оружье, яко зверье дивии пришедшимъ имъ к ложници, идеже блаженый князь Андрей лежить…»[1]. Далее – рассказывается о том, как заговорщики вломились в княжеский покой, как они боролись с князем и наносили ему удары мечами, саблями и копьями, как затем ушли, а еще живой князь смог выйти из покоев и добраться до сеней. «Они же слышавше гласъ (князя. – **Авт**.), возворотишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: «стоя видихъ яко князя идуща съ сений доловъ»; и рекоша: «глядайте его»; и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли убивше; и рекоша: «то ть есме погибохомъ, вборзе ищите его». И тако вьжегъше свещи налезоша и по крови. Князь же узревъ я идуща къ собе, и въздевъ руце на небо помолися Богу, глаголя… (далее – три, весьма пространные, молитвы князя). И то ему глаголавшю и моливьшюся о гресехъ своихъ к Богу, и седющю ему за столпомъ въсходнымъ, и надолзе ищющимъ его, и узреша и седяща яко агня непорочно, и ту оканьни прискочиша и, Петръ же отътя ему руку десную»[2].

Рассказ продолжается и далее содержит насыщенную и эмоциональную сцену с Кузмищей Киянином: «И тече на место Кузмище Киянинъ, оли нетуть князя, идеже убьенъ бысть; и почаша прошати Кузмище: «кде есть убитъ господинъ?». И рекоша: «лежить ти выволоченъ в огородъ; но не мози имати его, тако ти молвять вси, хочемы и выверечи псомъ; оже ся кто приметь по нь, тотъ нашь есть ворожьбитъ, а и того убьем»». И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «господине мой! какое еси не очютилъ скверныхъ и нечестивых пагубоубийственыихъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тобе, или како ся еси не домыслилъ победити ихъ, иногда побежая полкы поганыхъ Болъгаръ?» и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надовсими волю ему далъ бяшеть, – и рече възревъ на нь Кузмище: «Амбале вороже! сверзи коверъ ли что ли, что постълати или чимъ прикрытии господина нашего». И рече Амбалъ: «иди прочь, мы хочемь выверечи псомъ». И рече Кузмище: «о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порътехъ пришелъ бяшеть? ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежить; но молютися, сверьзи ми чтолюбо» – и сверже коверъ и корзно; и обертевъ и несе въ церковь. И рече: «отомъкнете ми божницю». И рекоша: «порини и ту въ притворе, печаль ти имъ»; уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знають…». И

[1] Летопись по Ипатскому списку. С. 398.
[2] Там же. С. 398-399.

тако положивъ и въ притворе у божници, прикрывъ и корьзномь, и лежа ту 2 два дни и ночи. На третий день приде Арьсений игуменъ святою Кузмы и Демьяна, и рече: «долго намъ зревшимъ на старейшие игумени, и долго сему князю лежати? отомькнете божницю, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си в буди, любо си в гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ из Володимеря и понесуть и тамо»» [1].

В Лаврентьевской летописи рассказ значительно сокращен. В нем опущены подробности, распространения, а также самые позорные для заговорщиков и церковников Боголюбова моменты, характеризующие их отношение к убитому князю – вся сцена с Кузмищей Киянином, содержащая известие о том, что тело убитого князя заговорщики бросили в огород, а затем хотели бросить его псам; отказ боголюбских священников отворить церковь и принять тело князя; известие о том, что они были пьяны, когда пришел Кузмище и принес тело князя в церковный притвор. Тело убитого князя два дня и две ночи лежало непогребенным в притворе, прикрытое только корзном (плащом). Все эти сцены были опущены владимирским летописцем вполне сознательно – чтобы смыть со своих сограждан позорное пятно непочтительного отношения к убитому государю.

Пропущен в Лаврентьевской летописи и намек на участие в заговоре владимирцев: заговорщики после убийства князя «скупиша полкъ, и послаша къ Володимерю: «ти што помышляете на насъ? а хочемъ ся с вами коньчати; не нас бо одинехъ дума, но и о васъ суть же в той же думе»»[2].

Рассказ заканчивается известием о грабежах княжеского имущества, причем известие это в Ипатьевской летописи дублируется, на что первым обратил внимание Д.С. Лихачев[3]. Сначала сказано кратко, с оттенком эмоциональности: «И разидошася и вьлегоша грабить, страшно зрети». Затем, после сцены с Кузмищей Киянином и известия о погребении князя, о грабежах говорится подробнее: «Горожане же Боголюбьци разграбиша домъ княжь, и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволокы, имение, ему же не бе числа; и много зла створися в волости его…»[4].

В Лаврентьевской летописи о грабежах сказано только один раз – со слов «Горожане же Боголюбьскыи…» [5]. Краткого известия о грабежах в ней нет. Вспомним, что первого рассказа об убийстве Андрея Боголюбского в Лаврентьевской летописи также нет. Возможно, потому, что краткое известие о грабежах, сохранившееся в Ипатьевской летописи, является частью, осколком первого рассказа об убийстве князя, сохранившегося в той же

[1] Летопись по Ипатскому списку. С. 399-400.
[2] Там же. С. 401.
[3] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 243.
[4] Летопись по Ипатскому списку. С. 400-402.
[5] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 351.

летописи. Можно предположить, что в руках у составителя Ипатьевской летописи было *два* рассказа об убийстве князя Андрея, которые он комбинировал, но предпочтение отдавал второму рассказу. В руках у составителя Лаврентьевской летописи либо не было первого рассказа об убийстве князя, либо он был, но летописец проигнорировал его полностью.

Затем следует завершение – в житийном стиле: «Радуешися Андрею княже великый… молися помиловати братью свою…»[1]. В Лаврентьевской летописи окончание немного другое: «Радуешися, Андрею княже великый… молися помиловати князя нашего и господина Всеволода… съ княгынею и съ благородными детми»[2]. Упоминание имени князя Всеволода Большое Гнездо, его княгини и детей – вставка владимирского летописца. В Летописце Переславля Суздальского вместо имени Всеволода читаем имя переяславского князя Ярослава Всеволодовича[3].

Анализируя житие Андрея Боголюбского и рассказ о его смерти в составе Лаврентьевской летописи, замечаешь какое-то *равнодушие* местного летописца к убитому князю, его церковно-строительной деятельности, даже причина убийства князя не названа им (в отличие от южного летописца); и, наоборот, – стремление летописца выгородить боголюбцев и владимирцев, скрыть путем *умолчания* их неблаговидные поступки – возможное участие в заговоре, оставление тела убитого князя непогребенным в течение двух дней и ночей, намерение заговорщиков бросить тело князя псам и равнодушие к этому жителей Боголюбова, пьянство боголюбских священников и их отказ принять и отпеть тело убитого князя.

За всем этим вырисовывается определенная архивная и интеллектуальная деятельность в столичных городах Древней Руси: собрание и хранение произведений церковно-житийного и светского характера, использование их в местном летописании, каких-то – полностью, каких-то – нет, комбинирование их (отсюда – повторы в летописных статьях), приспособление их к политическим интересам местных феодальных центров.

В XV в. была составлена тверская летопись. В.О. Ключевский писал о ее составителе: «Книжник ростовского края, составляя в 1534 г. летописный сборник, заносил в него целиком или в отрывках отдельные исторические сочинения, какие попадались ему под руку»[4]. Среди этих сочинений было и сказание об убийстве князя Андрея Боголюбского. Это сказание можно разделить на две части, и гранью между ними служит момент прихо-

---

[1] Летопись по Ипатскому списку. С. 403.

[2] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 352.

[3] Там же. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). – М., 1995. С. 101.

[4] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. С. 177.

да убийц к «ложнице» князя. Первая часть сказания весьма отличается от рассказов в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Вторая часть представляет собой соединение рассказов Ипатьевской летописи с Лаврентьевской.

Назовем отличия сказания в Тверской летописи. В ней читаем, что князь Андрей Боголюбский был убит «по научению своеа ему княгини. Бе бо Болгарка родом, и дрьжаше к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева с ним Болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини Болгаром; и жаловашеся на нь втайне Петру, Кучкову зятю, пред сим же днем поима князь великий Андрей и казни его»[1].

В этом отрывке есть неясности: с кем воевал князь Андрей Болгарскую землю? Кого он «поимал» и казнил? Из Ипатьевской летописи мы знаем, что казнен был брат Якима Кучковича. Таким образом, рассказ Тверской летописи в начале своем испорчен – в нем нет имени или имен полководца Боголюбского, с кем он воевал Болгарскую землю, и лица, казненного Боголюбским.

Далее в Тверской летописи содержится более подробный, чем в Ипатьевской летописи, рассказ о совете убийц: «В праздник же сьй пиющим Кучковичем у Петра, у зятя их, рече Яким Кучкович: «Что сотворим с великим князем? Вчера брата моего ят и убит, а ныне нас хощет яти; да промышляем о своем животе». И съвещашася том дни убити его»[2].

Замечаем, что в данном случае перед нами обстоятельный рассказ о совете убийц. В Ипатьевской летописи мы видели только отрывки из этого рассказа, притом обильно разбавленные церковно-назидательными отступлениями. Исходя из этого, можно предположить, что рассказ Тверской летописи о совете убийц является частью первого рассказа Ипатьевской летописи об убийстве князя, от которого сохранилось только начало. Если это так, то первый рассказ об убийстве князя изначально был *сугубо светским* произведением, лишь затем, возможно, при включении его в летопись, разбавленный церковными сентенциями. Итак, вероятно, мы отыскали еще один осколок затерявшегося произведения.

При этом трудно сказать, к чему восходит легенда о супруге Андрея Боголюбского, болгарке родом, по наущению которой он был убит. Но легенда эта имеет исторические основания: на одной из миниатюр древней Радзивиловской летописи изображена супруга князя. Она стоит рядом с убийцами и держит отрубленную руку князя[3].

---

[1] ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М., 2000. Стлб. 250-251.

[2] Там же. Стлб. 251.

[3] Радзивиловская летопись / под ред. В.В. Ильина. – Смоленск, 2013. С. 371.

Далее в Тверской летописи читаем перечисление имен убийц, как в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, но среди убийц встречаем новое имя – Ефрем Моизичь[1]. Затем – еще одна новая деталь: убийцы сошлись на совет «у Петра, у Кучкова зятя, на пиру, бе бо имянины его». Пир, устроенный в честь именин Петра, Кучкова зятя, на котором совещались убийцы – еще один факт, восходящий к первому рассказу об убийстве Андрея Боголюбского из состава Ипатьевской летописи.

Из Тверской летописи далее узнаем, что убийцы «поидоша пианы» не в княжеский дворец, а в монастырь Боголюбский, т.к. князь «любяше манастырь той паче меры, и мнози негодоваху о том, яко оставя град и часто в селе Боголюбове и в манастыри том пребываше. Такоже и к святому Спасу на Купалище по вся дни прихождаше, ловы бо всегда творяше в той стране и на Купалищи приходя прохлаждаашеся, и много время ту безгодно пребываше, и о сем боляром его многа скрьбь бысть; он же не повеле им издити с собою, но особно повеле им утеху творити, идеже им годно, сам же с малом отрок своих прихождаше ту»[2].

Этого отрывка нет более ни в одной летописи. В нем явно чувствуется недовольство князем Андреем Боголюбским, который оставил град Владимир и пребывал в Боголюбове, вызвал «скорбь» своих бояр тем, что «ловы творил» и «прохлаждался» без них. Происхождение этой легенды не совсем ясно, но в ней есть зерно исторической достоверности – Боголюбский действительно почти постоянно пребывал в своем селе Боголюбове и лишь временами посещал град Владимир.

Монастыри, упоминаемые в отрывке, – Боголюбский и Спаса на Купалище. Боголюбский монастырь в действительности существовал, о нем есть сведения в справочнике В.В. Зверинского: «Боголюбов-Рождество-Богородицкий монастырь, мужской, Владимирской губернии и уезда, в 10 верстах к северо-востоку от Владимира, при впадении р. Нерли в Клязьму». Основан князем Андреем Боголюбским на месте проявления чуда от иконы Божией Матери во время ее перенесения из Киева во Владимир[3].

Но сведений о монастыре Спаса на Купалище нам отыскать не удалось. Однако это не означает, что сказание в Тверской летописи в целом недостоверное – монастырь в прошлом мог существовать, но сведений о нем не сохранилось.

Итак, в составе Тверской летописи читается сказание об Андрее Боголюбском, в котором сохранились осколки первого рассказа о его убийстве из состава Ипатьевской летописи (описание совета заговорщиков). Также

---

[1] ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М., 2000. Стлб. 251.

[2] Там же. Стлб. 251.

[3] Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. –СПб., 1890. С. 88.

в нем есть легенда о княгине Андрея Боголюбского, по наущению которой он был убит, и легенда о монастырях Боголюбском и Спаса на Купалище, происхождение которых неясно. Эти легенды частично основаны на достоверных исторических свидетельствах. Наконец, в Тверской летописи мы встречаем и такую точную деталь, отсутствующую в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, как новое имя из числа убийц князя – Ефрем Моизичь. Все это говорит о том, что составитель Тверской летописи в XV в. пользовался разными источниками: письменными, часть которых до нас не дошла, устными, которые передавали уже смутные воспоминания о княгине Андрея Боголюбского, о недовольстве им его бояр.

Подведем итог. Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского, дошедшая до нас в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, является сложносоставным произведением. Она включает в себя не одно, а три произведения: житие князя и два рассказа о его убийстве. Житие в своем начале содержит такие факты, которые превращают его в документальный отчет о церковно-строительной деятельности князя. Первый рассказ об убийстве князя сохранился не полностью – сохранилось только его начало. Он является уникальным и, кроме Ипатьевской летописи, нигде более не встречается. Только в нем названа причина убийства князя. Осколки этого рассказа отыскиваются в поздней Тверской летописи. Второй рассказ сохранился полностью и имеется как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях. Составители этих летописей приспосабливали имевшиеся в их руках житие князя и рассказы о его убийстве к местным обстоятельствам, исключали из них те известия, которые в невыгодном свете представляли их сограждан, или же умаляли значение местного феодального центра в сравнении с центром-соперником. Более поздняя переработка жития и второго рассказа об убийстве князя обнаруживается в Ипатьевской летописи.

С. Ш. Салакая

МИХАИЛ ЧАЧБА-ШЕРВАШИДЗЕ КАК ПРОВОДНИК ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Михаил (Хамудбей) Чачба-Шервашидзе (1806 – 1866) оставил заметный след в истории Абхазии и всего Западного Кавказа. Он стремился иметь то значение в народе, которое имел его дед, знаменитый Келешбей и стать полноправным правителем Абхазии. Он понимал, что проводить самостоятельную политику в регионе, где переплетены интересы великих держав практически невозможно, поэтому продолжил линию, начатую его предшественниками, видя в Российской империи доминирующую силу в борьбе за Кавказ и надеявшийся на ее помощь в своих планах. Более того, М. Г. Чачба-Шервашидзе мечтал объединить все Черноморское побережье на северо-запад от Абхазии под своей властью (конечно, в рамках российской государственности).[1]

С начала XIX века абхазские владетели обращаются к императору Александру I с просьбой принять их под покровительство России. Но если «просительные пункты» Келешбея Чачба-Шервашидзе (1806 г.) получили одобрение императора, но не были утверждены официально, то аналогичная просьба абхазского князя Сафарбея (Георгия) Чачба-Шервашидзе была удовлетворена 17 февраля 1810 г. Александр I подписал манифест и князь был признан владетельным князем Абхазии, Абхазия принята в подданство Российской империи[2]. Эта дата считается датой присоединения Абхазии к России. Поскольку российских войск в Абхазии в первой трети XIX века было немного, царская администрация на Кавказе делала основную ставку в удержании вновь присоединённых территорий на владетельного князя и его ближайшее окружение. Однако Георгий Шервашидзе не пользовался поддержкой среди знати и народа и, поэтому часто вынужден был обращаться за помощью, в первую очередь военной, к кавказской администрации[3]. Правда, ему удалось уговорить влиятельного садзского (западноабхазского) князя Левана Цанба принять российское

[1] Лавров Л. И. Убыхи. – СПб, 2009. С. 147.
[2] Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. 1. – Сухум, 2008. С. 95 – 96
[3] Там же. С. 130 – 131.

подданство, но это был единственный его внешнеполитический успех. Дело дошло до того, что министр иностранных дел Российской империи К. В. Нессельроде даже поставил вопрос о выводе из Абхазии российских войск. И лишь решительный протест Главноуправляющего на Кавказе генерала А. П. Ермолова о недопустимости этого вынудил Александра I отказаться от подобного решения[1]. Генерал утверждал, что уход войск станет не только причиной гибели Георгия Чачба-Шервашидзе и потерей Абхазии, но может стать причиной ухода России со всего Западного Кавказа, поэтому угрожал отставкой.

В феврале 1821 г. Георгий (Сафарбей) Шервашидзе-Чачба внезапно умирает. Спустя некоторое время Александр по настояния А. П. Ермолова назначает новым владетелем Абхазии его старшего сына Дмитрия (Омарбея). С детства воспитывавшийся в Санкт-Петербурге Дмитрий забыл родной язык и обычаи. Он был скорее гвардейским офицером, чем кавказским князем. Популярность его в Абхазии была крайне невысока. Однако правил он недолго, ибо осенью 1822 г. умер то ли по болезни, то ли будучи отравлен.

Большую часть существования полуавтономного Абхазского княжества здесь правил Михаил (Хамудбей) Георгиевич Чачба-Шервашидзе (1806 – 1866), стоявший во главе Абхазии с 1823 г. до упразднения княжества в 1864 году. И, конечно, отношение к владетелю самым тесным образом отражалось и на отношении к Абхазии.

Первоначально представители российской власти отнеслись к нему весьма настороженно. В отличие от старшего брата Дмитрия Шервашидзе Михаил получил традиционное горское воспитание под руководством знаменитого убыхского предводителя Хаджи Берзека Адагуа-ипа (Дагомуко). Лишь внезапная смерть Дмитрия вынудила А. П. Ермолова рекомендовать Михаила в качестве владетеля Абхазии, т.к. остальным представителям владетельской фамилии российские власти доверяли еще меньше. Однако с юным владетелем мало считались как абхазские феодалы, так и русское начальство на Кавказе, смотря на него как на «туземного владельца», непонятного, а потому подозрительного. После восстания 1824 г., молодой владетель на несколько лет покидает Абхазию, правда, получив за это время вполне приличное образование. Несколько лет Михаил бывал лишь наездами в Абхазии и только после «абхазской экспедиции» 1830 года смог прочно здесь обосноваться. Усиление русского военного присутствия в Абхазии приводит к усилению власти владетельного князя, который на долгие годы становится опорой царизма

[1] Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов. – Ростов-на-Дону. 2017. 133 – 134.

в регионе. Теперь для русских властей он становится вполне «своим». Михаил Шервашидзе-Чачба активно участвует в походах против горцев, иногда даже руководит «экспедициями» и получает звания генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта, становится кавалером множества орденов. Активно действовали абхазская милиция и флот владетеля (несколько десятков галер-кочерм).[1] Абхазский владетель получает значительные льготы и привилегии, вплоть до ссылки без суда тех, кто казался ему вредным, и, по словам Наместника на Кавказе вел. князя Михаила Николаевича: «власть князя Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная стала вполне неограниченной».[2]

Усиление власти Михаила Шервашидзе-Чачба в Абхазии приводит к усилению его авторитета среди соседей, особенно западнокавказских субэтносов. М. Т. Лорис-Меликов бывший в конце 50-х гг. XIX в. командующим войсками в Абхазии отмечал: «Владетель Абхазии – воспитанник убыхов, пользуется в этом племени популярностью и влиянием исключительным»[3]. Фактически выполняя задание российского правительства абхазский владетель стремился склонить население Западного Кавказа к мирному вхождению в состав Российской империи. При этом он преследовал и собственные интересы, надеясь, как указывалось выше, объединить все кавказское побережье на северо-запад от Абхазии под своей властью.

Именно Михаилу Шервашидзе кавказское командование поручает ликвидацию Черноморской береговой линии и эвакуацию ее гарнизонов из Абхазии в годы Крымской войны, за что он получил благодарность от Николая I и орден Белого Орла (1854). Однако затем ему отказывают в назначении командующим Гурийским отрядом, не реализован был и план владетеля по обороне Абхазии. В 1855 г. он возвращается в Абхазию, оккупированную турками, и после длительных колебаний заключает с ними соглашение. Султан назначает Михаила главным начальником всех укреплений и гарнизонов, расположенных от Анапы до Батума[4]. Однако владетель был весьма пассивен и вскоре покидает Абхазию и присоединяется к русским войскам. Понимая, что положение России на Кавказе еще не прочно, правительство отказывается от предложения Наместника на Кавказе Н. Н. Муравьева-Карсского отстранить абхазского владетеля от власти. Как объяснял чуть позднее ген. М. Т. Лорис-Меликов: «Мы занима-

[1] Салакая С.Ш. Абхазские владетели как проводники политики России на Западном Кавказе // Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов. Материалы V Международного форума историков-кавказоведов. – Ростов-на-Дону. 2017. С. 83

[2] Материалы по истории Абхазии. Т. III. – Сухум. 2012. С. 20

[3] АКАК. Т. XII. Часть II. С. 796

[4] Дзидзария Г. А. Завоевание Абхазии царской Россией. Труды. Т.1. С. 79

ем Абхазию, но не владеем ею. В случае повторения несчастных событий 1854 – 1856 гг. мы опять потеряем эту область».[1]

Несмотря на это, отношение к абхазскому владетелю изменилось. Он уже не пользуется таким доверием, как прежде. Владетель это отчетливо осознает. Чтобы вернуть расположение кавказского начальства Михаил Чачба-Шервашидзе руководит восстановлением военных укреплений в Абхазии, участвует в боевых действиях против горцев и т.д. При этом он пытается склонить убыхов и садзов к покорности России, но переговоры срываются по разным причинам.[2]

Близость покорения Кавказа привела к пересмотру отношения российских властей к владетелю Абхазии. Наместник на Кавказе вел. кн. Михаил Николаевич пишет брату, императору Александру II: «По мере успеха военных действий наших на восточном берегу Черного моря и приближения отрядов к земле убыхов, поведение владетеля Абхазии становится все более странным и двусмысленным: тесные почти дружеские отношения кн. Михаила с убыхами выражаются тем, что почетнейшие из них постоянно к нему приезжают за советами, а самый влиятельный Хаджи Берзек (Керантух) даже жил зимою в его доме; кроме того, владетель не только непретил своим подвластным помогать убыхам и выходцам абадзехским и шапсугским, столпившимся на их земле и терпящим голод и всякие лишения, но даже обложил абхазцев налогом хлеба в пользу наших врагов…».[3] Через несколько дней Наместник вновь пишет брату: « В виду близкого осуществления высочайше одобренных предположений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходимость решить вопрос о будущем положении Владения Абхазского: должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее положении, т. е. под безотчетном управлении князя Михаила Шервашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах.

Шестьдесят лет прошло с тех пор, как Абхазия признала верховную власть российского государя, и отец князя Михаила Шервашидзе признан был наследственным ее владетелем. Страна эта…, раздираемая междоусобиями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилиям турок, со времени присоединения к России получила от русского правительства внешнюю защиту.

Занятое упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, правительство русское не могло в то время отделить достаточ-

---

[1] АКАК. Т. XII. Часть II. С. 776.

[2] Салакая С.Ш. Абхазские владетели как проводники политики России на Западном Кавказе // Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов. Материалы V Международного форума историков-кавказоведов. – Ростов-на-Дону. 2017. С. 85

[3] Материалы по истории Абхазии. Т. III. – Сухум. 2012. С. 18 – 19.

ных средств для того, чтобы взять эту страну в полное подчинение для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалось только поддержкой власти владетеля в надежде на то, что власть эта не упустит употребить сообщенную ей силу для блага народа и будет с благодарностью относиться к России, как к источнику своего существования. На основании этих соображений, предоставлены были владетелю безотчетный суд и расправа во всем крае. Правительство наше осыпало его щедрыми наградами, награждало всех, кого он желал, без суда отправлял в ссылку тех, кто казался ему вредным. Благодаря этой поддержке, власть князя Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною; но к сожалению, не привела Абхазию к тому, на что вправе было рассчитывать русское правительство…

Уничтожение такой власти, которая умышленно или неумышленно сделала столько зла, и так долго делала это зло, составляет обязанность нашего Правительства…»[1].

После завершения Кавказской войны существование Абхазского княжества утратило свою необходимость в глазах правительства и в июне 1864 года оно было упразднено, а последний владетельный князь Михаил Чачба-Шервашидзе, которому припомнили и переход на сторону турок в годы Крымской войны и двусмысленное поведение на завершающем этапе Кавказской войны, был сослан в Воронеж, где вскоре и умер.

Рассматривая политику России на Западном Кавказе в XIX веке, мы можем сказать, что правительство стремилось использовать Абхазское княжество и его владетелей, особенно Михаила Георгиевича Чачба-Шервашидзе как главных проводников своей политики среди причерноморских горцев. К сожалению, его усилия по относительно мирному вхождению этого региона в состав Российской империи не увенчались успехом в силу ряда причин, в основном геополитического характера. Покорение Западного Кавказа прошло по самому жесткому сценарию, что привело к трагическим последствиям для населявших его народов. Эти же события привели и к прекращению существования Абхазского княжества.

[1] Материалы по истории Абхазии. Т. III. – Сухум. 2012. С. 20 – 21.

М.В. Гумба

ПОКОРЕНИЕ ЦЕБЕЛЬДЫ (1837 ГОД)

Цебельда – свободное абхазское горное общество, расположенное в бассейне истоков и верхнего течения Кодора, находилась в номинальной зависимости от абхазских владетелей.

После взятия штурмом крепости Сухум-Кале в июле 1810 года, что фактически свидетельствовало о вхождении Абхазского княжества в состав Российской империи, её владетелем становится сын легендарного князя Келешбея – Сефербей (Георгий) Чачба-Шервашидзе. Однако, придя к власти, князь Сефербей не сумел подчинить себе горные районы Абхазии – Цебельду, Дал, Псху и т.д.

Документы того периода сообщают, «…*общество Цебельдинцев живущих у подошвы Кавказских гор в недоступных местах и их князь Маршания остались непреклонными, не дали аманатов, не хотят быть покорными Е.И.В. и не признали над собой владельцем Сефер-Али-бея*…»[1].

Уже в январе 1811 года военное командование на Кавказе принимает меры по подчинению непокорных цебельдинцев русской власти. По указанию генерала А.П. Тормасова, правитель Имеретинской области Ф.Ф. Симанович отдает распоряжения правителю Мегрелии и владетелю Самурзакана по оказанию военной помощи князю Сефербею для полного покорения Цебельды[2]. Кроме того, из письма ген. А.П. Тормасова непосредственно владетелю Сефербею, видим, что в намеченной экспедиции предполагалось задействовать и флот, который должен был прибыть из Суджук-Кале[3].

Как известно, до последних лет правления князя Сефербея Цебельда продолжала оставаться головной болью военного командования на Кавказе. После смерти владетельного князя Абхазии Сефербея, на владение княжеством претендовал его сводный брат князь Гасанбей (Хасанбей) Чачба, которому, как нам думается, удалось бы укрепить централизованную власть в Абхазии, ведь именно его хотели видеть владетелем и непокорные

---

[1] Акты Кавказской Археографической комиссии (В дальнейшем АКАК). Т. – 4. С. 426.
[2] АКАК. Т. – 4. С. 426.
[3] АКАК. Т.– 4. С. 426.

цебельдинцы[1]. Но князь Гасанбей оказывается весьма серьезной помехой в российских планах на Абхазию. Для его изоляции с политической арены князь хитростью и обманом был схвачен и в 1821 году выслан в Сибирь.

В самой Абхазии борьбу за владетельскую власть, вместо высланного князя Гасанбея, возглавил князь Асланбей – старший сын князя Келешбея (некогда также владетель Абхазии). И здесь именно цебельдинцы составляли главную опору князю Асланбею. Что подтверждается из письма ген. А.А. Вельяминова будущему владетелю Абхазии князю Дмитрию, читаем: «*… в особенности цебельдинцы составляют главную подпору мятежника Арслан-бея*»[2]. Эта политическая борьба была решена в пользу князя Дмитрия, который, как известно, пришел в Абхазию вместе с карательным отрядом во главе с ген. П.Д. Горчаковым.

Как показывает история Абхазии, всякий раз возникшее народное волнение, мятеж или восстание подавлялись с помощью крупного карательного отряда, посылаемого в княжество. Вследствие чего многие повстанцы, преследуемые властью, искали убежище в Цебельде и Псху.

Независимая горная Цебельда, управление которой по характеристике начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова, осуществлялась «по народным обычаям, в форме аристократической республики», продолжала служить помехой, как для решения внутриполитических вопросов Абхазского владетеля, так и для планов царских генералов.

В этих условиях российское военное командование находилось в некотором смятении, и намеревалось усмирить Цебельду военной силой, но для этого требовалось как время, так и войско, основная часть которого на тот момент была занята работой для скорейшего устройства Береговой линии.

Считаясь с тем, что покорение горцев силой оружия представляло определенные трудности, барон Г.В. Розен с самого начала своего прибытия на Кавказ всячески старался привлечь на свою сторону князей Маршан, главенствующих в горной Абхазии. Для этого бароном еще в 1832 году был послан в Абхазию для изучения обстановки и ведения переговоров ген.-л. князь Багратион, которому удалось собрать лишь некоторых из влиятельных цебельдинских князей и с их помощью убедить всех остальных о необходимости сближения с русскими. Но как показывают документы АКАК, впоследствии никто из них не сдержал своего обещания. Причиной тому в тот период был слух, распространенный между горцами о том, что «*Ибрагим-паша при успехах своих в Турции непремен-*

[1] Здесь не последнюю роль играла его родственная связь с цебельдинцами, мать его знаменитая Рабия-ханум Маршан, была дочерью влиятельного цебельдинского князя, где Гасанбей в сущности и провел свое детство.

[2] АКАК. Т. – 6. С. 658-659.

но обратиться против русских»[1]. Барон Розен отмечал, что цебельдинцы, воспользовавшись этим слухом, «*…продолжая грабежи свои…вовсе уклонились от начатых с нами сношений*»[2].

Именно этот период отличается массовым бегством крестьян от произвола князей и дворян в горные районы Абхазии: Цебельду, Дал, Псху и др. В силу своего высокогорья и труднодоступности, эти районы становились надежным убежищем для бежавших крестьян. Именно здесь, сплотившись, создавая партизанские (абреческие) отряды, они производили дерзкие набеги на владения своих прежних хозяев, разоряя их имущество.

Как известно, в 1837 году императором Николаем I был предложен план военных операций в Абхазии, согласно которому действия должны были начаться с непокорных горных областей, а затем занятием мыса Адлер – «*одного из важнейших якорных мест*»[3].

Весной 1837 года управляющий Имеретией ген.м. Я.М. Эспехо по поручению барона Г.В. Розена вновь тщетно пытался уговорить цебельдинцев принять присягу на верность Российской империи. Им не раз была оглашена составленная бароном Г.В. Розеном инструкция о правах и льготах, которые могли иметь цебельдинцы после принятия присяги на верность Российской империи. Цебельдинские князья давали обещание прибыть к генералу Я. М. Эспехо, но потом «*под разными предлогами уклонялись от исполнения*»[4]. Цебельда продолжала оставаться «*главным районом*» высокогорной зоны края, сохранявшим политическую и экономическую свободу.

27 апреля 1837 года в Абхазию прибывает сам барон Г.В.Розен. Цебельдинцы, хотя и были оповещены о приезде барона и обещали явиться на встречу с ним и выдать аманатов, но ситуация вновь оставалась неизменной: цебельдинцы, проявляя свою непреклонность, не явились. Разгневанный барон Г.В. Розен писал по этому поводу: «*…а потому, я с завтрашнего числа с отрядом выступаю в Цебельду, где и буду действовать сообразно с обстоятельством…*»[5].

Таким образом, выполняя указание императора, барон Г.В. Розен в 1837 году готовит экспедицию в Цебельду (Цабал) – непокорную горную область Абхазии.

Отряд, предназначенный для действий со стороны Абхазии, был сосредоточен в окрестностях крепости Сухум-Кале и Келасур. Осмотрев отряд, барон остался доволен[6]. Мегрельская милиция (650 чел.) была собрана «*с*

---

[1] АКАК. Т. – 8. С. 456.

[2] Там же.

[3] АКАК. Т. – 8. С. 386.

[4] АКАК. Т. – 8. С. 457. Отношение барона Розена к графу Чернышеву от 30 апреля 1837 г.

[5] АКАК. Т. – 8. С. 457.

[6] При изложении подробностей описания названной экспедиции на Цебельду использованы материалы АКАК. Т.– 8. С. 459- 461.

необыкновенной скоростью», Имеретинская (240 чел.) и Гурийская (60 чел.) были собраны управляющим Имеретией ген.м. Я.М. Эспехо, а Абхазская (300 чел.) еще собиралась[1]. Предстояли трудные переправы через быстрые реки, сильно разлившиеся от беспрестанных дождей. В некоторых местах быстрым течением рек уносились лошади, пропадало имущество офицеров и оружие солдат.

30 апреля авангард отряда, состоящий из 2-х батальонов Тифлисского егерского полка, роты сапер, при 2-х горных единорогах, 2-х кегорновых мортирах, 50-ти казаков и имеретинской и гурийской дружин были посланы для расчистки дорог от села Келасуры по ущелью реки Маджары как более удобной для подхода к Цебельде.

1 мая с главной частью отряда, состоящего из 2-х батальонов Тифлисского и 1-го Мегрельского егерских полков, 150 казаков, мегрельского ополчения и абхазской дружины, 6-ти горных единорогов, 6-ти кегорновых мортирок, барон Г.В. Розен, в 8 часов утра, выступил из лагеря в селе Келасуры. К пяти часам с большими трудностями главная часть отряда прошла 11 верст и расположилась лагерем на урочище Мерхеул, куда посланный ранее авангард прибыл двумя часами раньше. Частый, почти непроходимый лес поросший колючкою, и глубокие топкие овраги, беспрестанно пересекающие этот лес, представляли чрезвычайную трудность при расчистке дороги и движению отряда.

2 мая, невзирая на сильный дождь, авангард продолжал расчищать дорогу, однако даже при всем старании и распорядительности командующего авангардом, командира Кавказского саперного батальона полковника Нильсона и отрядного обер-квартирмейстера Генерального штаба подполковника Норденстама – работы шли медленно, так как естественная трудность местности увеличивалась от ненастной погоды. По этой причине главная часть отряда продолжала оставаться в течение 2 мая в лагере на урочище Мерхеул.

3 мая авангард с рассветом дошел до высоты горы Агыш, через которую пролегал прямой путь в Цебельду. Путь являлся столь трудным, что, как свидетельствуют документы, «*сами горцы проходят по нему только пешие*». Между тем цебельдинцы, собравшиеся в значительном количестве, для недопущения отряда на свои территории стали устраивать в трудных местах по горе завалы, и заняли её подножье. Владея техническим оснащением, авангард, подойдя к горе, несколькими выстрелами из мортирок вынудил

[1] Цвижба Л.И. Сыны Кавказа в рядах русской императорской армии: на примере Абхазии.//Война на Кавказе – уроки истории. Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию начала Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. – Сух. 2014. С. 122; РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д.6331, лл. 3-3 обр.// Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. – М., 2019. С. 7.

горцев покинуть подножье горы и подняться на высоту. При возникшей перестрелке из числа авангарда был ранен один человек. Между тем из опушки леса «невидимые цебельдинцы» продолжали перестрелку. Барон Г.В. Розен принял решение направить авангард для дальнейшей расчистки дорог вправо, в обход горы Агыш, где густой лес, пересеченный глубокими оврагами, хотя также представлял большие затруднения, но не столь значительные, как через гору Агыш. Как показало дальнейшее продвижение, тут оказались тропинки, по которым была возможность проезжать конным. В лагерь к барону Розену прибывает представитель цебельдинских князей Мисоуст Маршан «*с просьбой от старшин и народа Цебельдинского приостановить действия против них оружием*», обещая покориться и выдать находящихся у цебельдинцев в плену разного звания людей, беглых русских солдат, а также «*принять к себе начальником того*», кого назначит сам барон. В ходе этих переговоров барон Г.В. Розен передает через князя Мисоуста Маршан, что он прекращает действовать против них силой оружия, но намерен продолжить движение вглубь их территории до тех пор, «*пока Цебельдинцы не исполнят своих обещаний, обеспечив исполнение сего представлением аманатов» по назначению*. Князь Мисоуст выполняет данное поручение и рассылает своих приверженцев к засевшим в разных местах цебельдинцам с убеждением прекратить неприязненные действия и разойтись по домам. Цебельдинцы, осознав серьезность положения, принимают решение князя. Авангард к вечеру 3 мая доходит до хребта Апианча, расположенного в девяти с половиной верстах от урочища Мерхеула, тем временем главный отряд успевает расположиться лагерем при цебельдинском ауле Герзаул, расположенном в трех верстах от хребта Апианча.

4 мая авангард с раннего утра до позднего вечера продолжал расчищать подъем на чрезвычайно крутую и высокую каменистую гору хребта Апианча, но при всем усердии им удается пройти всего полторы версты подъема. К 10 часам утра главный отряд располагается у подошвы хребта Апианча, куда вновь прибывает князь Мисоуст Маршан с другими влиятельными князьями, которые еще раз подтверждают барону готовность исполнить требования начальства. Жители ближайших к русскому лагерю аулов, видя неприкосновенность их имущества и «*ласковое обращение войск*», с семействами своими оставались в домах и «*даже без полного вооружения проходят по своим надобностям мимо наших войск*»[1] – писал в своем отчете барон Г.В. Розен.

5 мая авангард продолжал разрабатывать гору Апианча. После окончания четырех трудных подъемов, один над другим возвышающихся на пространстве двух с половиной верст, ему предстояло заняться двумя столь

[1] АКАК. Т. – 8. С. 459.

же крутыми спусками, поросшими густым лесом на пространстве около трех верст. Внезапно возникшая из завалов группа цебельдинцев встретила залпом из ружей «*голову авангарда*», состоявшую из части имеретинской дружины и двух рот Тифлисского егерского полка. Имеретинцы, находящиеся впереди, а за ними и егеря быстро бросаются на завалы и в отчаянной перестрелке им удается оттеснить цебельдинцев и овладеть завалом. После перестрелки авангард вновь продолжил работу по разработке дороги. Главная часть отряда оставалась в лагере при горе Апианча.

6 мая авангард, закончив разработку последнего спуска, к 12 часам доходит до открытой долины, по низменностям которой и на окружающих высотах были расположены 8 небольших аулов. Через определенное время, ближе к вечеру уже весь главный отряд расположился лагерем на указанной долине.

7 мая в лагере вновь появляются представители цебельдинских князей, при встрече с которыми барон Г.В. Розен повторяет свои требования, а также предлагает собраться всем цебельдинцам вместе и на общем собрании решить вопрос о возврате имеющихся у них «*в плену разного звания Русских людей*». Хотя цебельдинцы и были предупреждены не применять силу оружия, тем не менее не могли до конца верить и рисковать своими жизнями и зорко продолжали следить за действиями российских солдат. Об этом свидетельствует случай, происшедший именно 7 мая. В полдень стоявший для охраны табуна рядовой 19-й артиллерийской бригады, легкой №3 бригады, отойдя на 50 саженей за цепь для погона ушедшей лошади, был ранен «*засевшими в кустах жителями, пулею на вылет в спину*»[1].

8 мая князья Маршан представили барону Розену 40 человек, большей частью солдат и матросов, в разное время взятых в плен и бежавших к горцам. Среди представленных были несколько человек, находящихся «*в неволе более 15-ти лет, 2 человека 25 лет и 1 до 30 лет*»[2]. Как выяснилось, находящиеся долгое время среди горцев русские успели обзавестись семьей, женившись на горянках, имели «*некоторый достаток*». Один из солдат, проживший среди горцев более 30-ти лет, «*одаренный от природы хорошим понятием, пользуется некоторым уважением даже у самих князей, которые нередко допускают его к разбору своих ссор*»[3]. Но не успевшим обзавестись семьей беглым, приходилось особенно тяжело и они выглядели очень жалко и убого. Г.В. Розен отмечал в своем отчете: «*они представлены мне почти полунагие и в изнеможении от скудной пищи*»[4].

---

[1] АКАК. Т. – 8. С. 459.
[2] АКАК. Т. – 8. С. 459.
[3] АКАК. Т. – 8. С. 459.
[4] АКАК. Т. – 8. С. 459.

Бароном Г.В. Розеном от имени Е.И.В. было объявлено всем русским беглым – прощение. Кроме того, он пожелал, чтобы об этой воле императора было объявлено по всей Цебельде, для сведения и других, не явившихся беглых. Учитывая все обстоятельства и возможные выгоды от находящихся среди горцев российских беглых, барон принимает политическое решение, а именно, что беглые: «*…могут быть нам здесь полезны знанием края, характера, обычаев и языка жителей, я дозволил тем из них, кои пожелают остаться со своими семействами в местах настоящего их жительства*»[1].

9 мая под прикрытием роты Тифлисского егерского полка и 20 казаков проводились разведывательные работы для обозрения ближайших к лагерю окрестностей, топографом, прапорщиком В.Л.Чуркиным.

10 мая засевшими в частом лесу цебельдинцами были произведены выстрелы по команде, посланной для отбора пастбищного места. В ходе перестрелки были ранены трое рядовых грузинского гренадерского полка. Вместе с тем продолжались разведывательные работы для изучения ущелий, идущих к Главному Кавказскому хребту. Проходили они под руководством обер-квартирмейстера подполковника Норденстама. После обозрения местности были сделаны заключения, которые состояли в том, что по мере приближения к Главному хребту ущелья все более и более стесняются; горы их образующие становятся выше и утесистее, но среди гор, даже под самым снеговым хребтом – встречаются довольно пространные волнистые долины. По долинам и по подошве прилегающих к ним гор были рассеяны небольшие цебельдинские аулы.

11 мая цебельдинцы, подкравшись к табуну, находящемся на пастбище, произвели несколько выстрелов из лесу по цепи. Ближайший к месту выстрелов пикет бросился в лес, пытаясь преследовать горцев, но цебельдинцы скрылись незаметно. Между тем на ближайших высотах были замечены вооруженные люди, собравшиеся в завалах. Для разъяснения происходящего был послан начальник имеретинской дружины подполковник князь Церетели с сотней имеретин. Цебельдинцами был сделан предупредительный залп из оружий, но тем не менее под натиском силы они были вынуждены оставить первый завал и занять второй, на высоте еще более неприступной. Отчаянно сопротивлявшиеся цебельдинцы заметили, что правительственные войска бросились в обход, и были вынуждены оставить и второй завал. Постепенно рассеиваясь в лесу, они скрылись. «*Це-*

[1] АКАК.Т. – 8. С. 459. Отношение Г.В. Розена к военному министру А.И. Чернышеву «О беглых русских солдатах и матросах в Цебельде» от 8 мая 1837 г.; Известно, что многие русские беглые, доставленные цебельдинскими старшинами к барону Розену, не желая более нести тяжелую солдатскую ношу «*бежали с дороги*».

бельдинцы потеряли 2-х человек убитыми, двое были захвачены в плен и три ружья отбито»[1].

Барон Розен, разгневанный продолжавшимся неповиновением цебельдинцев, решил: «*Для большего наказания жителей сих, как за то, что они вооруженные находились в сборе, так и за неоднократно деланные со стороны ущелья их по цепи нашей выстрелы, по приказанию моему, сожжены у них 4 аула*»[2].

Продолжались разведывательные работы. Под прикрытием двух рот пехоты и 15 казаков для изучения дороги, идущей из Цебельды по Кодорскому ущелью к укреплению Дранды, были направлены топограф, прапорщик Чуркин и подпоручик Огарев.

В этот же день, по требованию барона Г.В. Розена, вновь были собраны цебельдинские князья «*вместе с цебельдинскими кадием и муллами*», чтобы еще раз объявить им, в чем заключаются их обязанности после принятия ими присяги на верность Е.И.В., а именно: к начальству, установленному над ними, об отношении к соседним народам, и о том, как они между собой должны жить. Принесение присяги было назначено на 13 мая.

12 мая у барона Г.В. Розена возникают сомнительные мысли в отношении цебельдинцев. Он принимает решение разведать другой путь, через ближайшие горы по направлению к Главному Кавказскому хребту, к ущельям, где наиболее плотно сосредоточено население, с тем чтобы облегчить движение войскам, на тот случай, если вдруг цебельдинцы станут медлить с исполнением его требований. Им были посланы для изучения новой дороги: 1 батальон Тифлисского егерского полка и 1 Мегрельского егерского, 20 казаков, одна сотня конной и другая пешей мегрельской милиции при двух горных единорогах и двух кегорновых мортирах – под командованием командира Кавказского саперного батальона полковника Нильсона. Указанный отряд в продолжении целого дня изучал дорогу на пространстве четырех верст, через крутые подъемы и спуски, вечером возвратился в лагерь. В тот же день возвратился и отряд, посланный ранее по Кодорскому ущелью. Оказалось, что дорога эта гораздо труднее той, по которой отряд продвигался в Цебельду, и её разработка потребовала бы гораздо больших усилий.

Как показывают документы, цебельдинцы по-прежнему держали в поле своего зрения малейшее передвижение отряда. Так, 12 мая, посланный для косьбы сена унтер-офицер грузинского гренадерского полка, был ранен.

13 мая, как было условлено, в лагерь к барону Розену явились князья цебельдинские и духовенство, но из-за того, что сбор их был не полный, цебельдинцы сами предложили перенести день присяги на 16 мая.

---

[1] АКАК. Т. – 8. С. 460.

[2] АКАК. Т. – 8. С. 460.

14 и 15 мая отмечены были перестрелка и попытки цебельдинцев подойти к табуну мегрельского ополчения.

16 мая старшие из фамилии Маршан за исключением немногих, не успевших прибыть к назначенному времени, при участии цебельдинского духовенства на Коране принесли присягу на верноподданство государю императору.

17 мая командой грузинского гренадерского полка, предназначенной для прикрытия табуна, была выслана группа из 30 человек нижних чинов, для поиска водопоя. Группа, пройдя две версты, обнаружила селение, расположенное в чаще леса, на высокой крутой горе, «*встревоженные жители открыли перестрелку с солдатами, в коей 1 человек убит, 1 – ранен, а жители скрылись в лесах и потерь их неизвестно*»[1].

18 мая в лагерь барона Г.В. Розена прибывает владелец долины Дал[2] князь Хинкурас (Хинкорос) Маршан[3] со своими братьями. Они приводят с собой находившихся у них российских пленных в количестве 52 человека. Князь Хинкурас Маршан, находясь на тот период во враждебных отношениях с другими князьями Маршан, явился к барону с некой покорностью, предлагая (и ранее) свои услуги. Барон отмечал, что было дано обещание: «*собрать своих подвластных, сделать с ними нападение на ту часть Цебельды, в которую предположил я вступить с войсками; но как я по обстоятельствам не имел надобности в его пособии, то и приказал ему собрать находящихся у него в плену людей и прибыть с ними и с аманатами ко мне в отряд*»[4].

19 мая князь Хинкурас Маршан с братьями приносят присягу на верноподданство государю императору.

От каждого цебельдинского князя, принявшего присягу, были взяты аманаты[5].

---

[1] АКАК. Т. – 8. С. 461.

[2] Дал расположен выше Цебельды. Русский разведчик барон Ф.Ф. Торнау писал: «*Часть цебельдинцев, вследствие семейного раздора между князьями Маршаниями переселились на место, известное под названием Дал, невдалеке от прежнего жилья своего*».

[3] Хинкурас (Хинкурос) Маршан (Маршания) за экспедицию 1837 года был произведен в чин прапорщика в 1838 году и жалованием в 600 рублей в год медью. См.: Цвижба Л.И. Сыны Кавказа в рядах русской императорской армии: на примере Абхазии…С. 123.

[4] АКАК. Т.– 8. С. 461.

[5] Судьба взятых аманатов складывалась следующим образом: в течение 1838 года, все они находились в Бамборах. С наступлением жаркого времени, в Бамборах в приморской части Абхазии был, как известно, неблагоприятный климат, который очень отличается от климата в Цебельде. Аманатам было тяжело переносить его, и даже был смертный случай. В связи с этим цебельдинские князя, тревожащиеся за своих детей, просили своего пристава перевести их на летний период из Бамбор в Соук-су или в другое место. Просьба была удовлетворена, на летний период им разрешалось находиться в Цебельде, под присмотром пристава. РГВИА. Ф. 14719, оп. 3, д. 178, л. 91.//Западный Кавказ в первой половине XIX века. … С. 51-54.

Экспедиция проводилась в течение более 20 дней (с 1 по 23 мая) и отличалась своей «*мягкостью*»[1], несмотря на то что в результате её проведения были тем не менее сожжены четыре деревни[2]. 16 мая жители Цебельды приняли присягу на верноподданство российскому правительству, выдали аманатов и возвратили пленных и беглых русских солдат. Именно в ходе этой экспедиции, 19 мая, было учреждено Цебельдинское приставство. Приставом был назначен прапорщик Ф.Я. Лисовский, который в свою очередь подчинялся командующему войсками в Абхазии подполковнику Б.Г. Чиляеву, которому был поручен «*ближайший надзор за всем происходящим в Цебельде*»[3].

Барон Розен, оставив в Цебельде Ф.Я. Лисовского, поручил ему как специалисту-топографу, проводить «*под благовидным предлогом*» тщательное разведывание части Кавказского хребта, пролегающего через Цебельду, чтобы удостовериться, нет ли возможности провести по данному направлению постоянного удобного сообщения с Кавказской Линией. «*О последствиях такого обозрения,* – писал барон Розен, – *доносите мне с представлением карты и подробного описания всех мест, где вы найдете возможным, разработать дорогу*»[4].

Поход генерала Розена на Цебельду был закончен уже 19 мая, но на протяжении трех последующих дней сопровождавшие его топографы продолжали вести измерение и изучение окрестностей. Отряд Розена прибыл в Сухум-Кале 23 мая 1837 года.

Давая оценку своему походу на Цебельду, барон Г.В. Розен считал, что с его покорением на южной покатости Кавказского хребта, от Военно-Грузинской дороги до Восточного берега Черного моря «*не останется совершенно непокорных народов*». Покорение Цебельды, по его мнению, «*будет иметь влияние не только на соседственных им горцев по сию сторону Кавказа, но даже и на племена, обитающие на северной покатости Кавказского хребта, с коеми Цебельдинцы имеют деятельные торговые отношения…*»[5].

Взятием Цебельды «*абхазские хищники,* – писал генерал Г.В. Розен, – *лишались места убежища в Цебельде, а цебельдинцы теряли возможность грабить Абхазию…*»[6].

---

[1] Сам император, положительно оценил указанную экспедицию, успех которой, по его мнению, исходил из стремления «*к ласковому обхождению с ними (цебельдинцами. – **М.Г.**) и к строгому соблюдению дисциплины*». И в дальнейшем для достижения цели предлагал использовать именно этот метод. См.: АКАК. Т. – 8. С. 463.

[2] АКАК. Т. – 8. С. 460.

[3] АКАК. Т.– 8. С. 461.

[4] ЦГВИА. ф. ВУА, д. 6331, лл. 70-71 обр. // Материалы по истории Абхазии. Т.– 1. – Сух. 2008. С. 230-232.

[5] АКАК. Т. – 8. С. 462.

[6] АКАК. Т. – 8. С.462.

Особое усердие в покорении Цебельды барону оказывали непосредственно сами цебельдинские князья. Особенно выделился в этом отношении Зоусхан (Зосхан) Маршан[1]. Барон Г.В. Розен вспоминал: «*Некоторые из князей даже показали при исполнений требований моих редкое усердие, особенно Дасосхан Маршания. Этот князь, хотя и молод, но по важности рода своего и собственным достоинствам пользуется не только в Цебельде, но и в Абхазии уважением. Он один представил до 30-ти человек пленных, служит проводником при сделанных обозрениях, успокаивал жителей и вообще с редкой готовностью исполнял все мои приказания*»[2].

За участие в экспедиции 1837 года в Цебельду Хинкурас Маршан был произведен в чин прапорщика в 1838 году и жалованием в 600 рублей медью[3].

Барон Г.В. Розен прекрасно понимал, что если бы цебельдинцы решились сопротивляться его отряду, то при чрезвычайно трудной горной рельефности нанесли бы русским значительные потери. Сопротивляющимся цебельдинцам нечего было, в сущности, терять: они свободно могли ориентироваться в непроходимых лесах и менять свое месторасположение, прихватив с собой свои незначительные пожитки. А что в ответ могли им причинить русские, сжечь дома? Как признается сам барон «*они (цебельдинцы. – **М.Г.**) могли упорствовать продолжительное время в непокорности без большой с их стороны потери; ибо, кроме истребления их аулов, состоящих из плетенных балаганов, едва ли могли мы нанести им другой какой-либо ощутительный вред. Для достижения же до мест в коих Цебельдинцы скрыли свои семейства и имущество, необходимо было пролагать дороги по крутизне лесистых гор, и прежде, нежели войска наши окончили бы работы, Цебельдинцы без всякой опасности успели бы перевести семейства свои с имуществом в другие неприступные места*»[4].

Говоря об экспедиции 1837 года, следует отметить и особенность этого похода для русских, которая заключалась в неимоверной трудности передвижения российских войск, и как писал историк К.Д. Кудрявцев: «*не имеющих аналогов в истории воин на Кавказе*»[5].

---

[1] Зосхан Маршания (Маршан, Маршани) – цебельдинский князь. Состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе. Произведен в прапорщики в ноябре 1838 года; в поручики в июне 1839 года. Награжден Золотой медалью и надписью «За храбрость» и серебряной медалью с надписью «За усердие». За участие в дальской экспедиции, награжден в феврале 1841 года орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. Состоял в свите владетеля Абхазии князя Михаила. Получал ежегодное жалование 244 рубля серебром. Убит в октябре 1841 года в сражении с убыхами. См. Цвижба Л.И. Сыны Кавказа в рядах русской императорской армии: на примере Абхазии. … С. 122.

[2] АКАК. Т.- 8. С. 461.

[3] Цвижба Л.И. Сыны Кавказа в рядах русской императорской армии: на примере Абхазии. … С. 123.

[4] АКАК. Т.– 8. С. 461-462.

[5] Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сух. 2009. С.176.

Говоря о цебельдинцах, следует помнить, что тактика и стратегия их вырабатывалась и применялась прежде всего на основе сложившегося здесь общественного устройства. Не имея объективной возможности противостоять регулярной царской армии, технически оснащенной, они могли противопоставить свою, горскую, отработанную веками. Следует помнить, цебельдинцы считались весьма гордыми, воинственными, лучшими на Кавказе ходоками по горам и охотниками. Сила их заключалась в первую очередь в их систематических непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных и стремительных нападениях на русские позиции и посты, в незаметных проникновениях в глубокий тыл русских передовых линий, в невидимых засадах. Но, к сожалению, на тот период, перед орудийными залпами картечи, горцы были бессильны.

Важность покорения Цебельды заключалась для военных властей в том, что это избавляло Абхазию от набегов соседних горских народов, кроме того, Цебельда являлась местом, где укрывались беглые русские солдаты и бегущие от преследования владетеля и царящего беззакония. Опасность исходила и от того, что Цебельда имела непосредственные границы с Кабардой, в неё могли проникнуть: «*идеи исламского учения*» мюридизма. Цебельда всякий раз одна из первых подхватывала и откликалась на призыв к борьбе против российского присутствия. Кроме того, покорение Цебельды усиливало и власть владетеля. Барон Г.В.Розен считал Цебельду «*гнездом разбойников*»[1].

Барон Ф.Ф. Торнау откровенно писал относительно Цебельды*: «…служила неприятною помехою для наших дел в Абхазии»*[2].

Несмотря на некоторое мнимое затишье, цебельдинцы после ухода российских войск в 1837 году вновь перестали признавать как власть князя Михаила, так и власть российского императора.

Вместе с тем не все военачальники признавали успех барона Г.В. Розена. В этой связи большой интерес представляет оценка, данная генералом Н.Н. Раевским первому покорению Цебельды в 1837 году бароном Г.В. Розеном. Раевский прямо называет её «*мнимым*» покорением и находит «*целую кучу*» ошибок, допущенных при этом. Главными из них он считал: 1) *«от цебельдинцев и жителей Дала взято мало аманатов, не из главных фамилий, да и те скоро были отпущены; 2) вместо того, чтобы утвердиться в Цебельде там оставлен пристав с 6 казаками, совершенно на жертву; 3) вместо того, чтобы употребить полтора месяца для разрабатывания восьмитысячным отрядом дороги из Сухума в Цебельду, её оставили по прежнему трудною, вьючную тропу, по которой движение войск затруднительно, а*

[1] АКАК. Т.– 8. С.462.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера… С. 167.

провоз тяжестей и даже полезной артиллерии невозможен. На чем же основывалась уверенность в покорении Цебельды, когда не имели с ней удобного сообщения, не имели там укрепления, не имели под рукой никакого резерва в Абхазии, не имели аманатов…»[1].

По глубокому убеждению генерала Н.Н. Раевского, для того чтобы упрочить российское владычество, необходимо было только одно средство, а именно: «*иметь хотя бы небольшой отряд и построить небольшое укрепление на одну роту*». А из этого предложения, как следствие вытекала необходимость в разработке дороги из Сухума в Цебельду.

Данная статья была посвящена подробному описанию экспедиции на Цебельду, состоявшейся в 1837 году, которую в исторической литературе и в учебной хрестоматии называют – **первой**.

В последнее время в работах академика Т.А. Ачугба[2] мы видим новые сведения о том, что первая экспедиция была совершена в 1835 году, то есть на два года раньше. Поэтому экспедицию 1837 года следует считать второй по счету. При внимательном изучении экспедиции П.Д. Горчакова в 1821 году мы можем утверждать и о более раннем походе русских на Цебельду.

Вспомним, что, сопровождая нового, молодого владетеля князя Дмитрия Чачба-Шервашидзе в Абхазию, П.Д. Горчакову пришлось преодолеть сильное сопротивление со стороны сторонников князя Асланбея. Генералу с трудом, неся большие потери, удается добраться до Сухума[3].

Остановка в Сухуме стала не только неким привалом после кровопролитного боя, был опустошен сам город и его окрестности. И еще, совершена специальная экспедиция в пределы Цебельды, о которой почти мало что известно в работах абхазских историков.

Здесь необходимо обратить внимание на сведение, сообщенное К.Д. Мачавариани, а именно: «*отдохнув в Сухуми, отряд предпринял экспедицию в Цебельду, для наказания главнейших виновников, принимавших участие вместе с Асланбеем*»[4]. Из чего следует, что военная экспедиция в Цебельду была осуществлена еще в 1821 году во главе с П.Д. Горчаковым.

Для подтверждения этого факта уместно привести и другие источники. Так, генерал А.П. Ермолов в своих «Записках…» пишет об этом событии: «*Генерал майор князь Горчаков… цебельдинское, никому не повиновавшееся*

---

[1] ЦГВИА. ф. ВУА, д. 6417, лл. 7-17. // Материалы по истории Абхазии. Т.-2. – Сух. 2011. С. 234.

[2] Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. – Сух. 2011. С. 61.

[3] Подробнее смотрите: Гумба М. Владетель Абхазии Дмитрий (Омарбей) Чачба. – Сух. 2019. С. 44-45

[4] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сух. 2009. С. 246.

общество, довольно сильное и воинственное привел в зависимость…»[1]. Этот факт подтверждается и в работе профессора Г.А. Дзидзария, ученый пишет: «*…был послан особый отряд в Цебельду (Цабал)*»[2]. Такого же характера сообщение мы находим и в работе военного историка Василия Потто, который писал, что при присяге князю Дмитрию: «*Цебельдинцы первые дали присягу*»[3]. Также в работе А.Ю. Непрошина и Т.М. Шамба, читаем: «Пала…и Цебельда, в которой Горчаков наказал главных виновников этого мятежа… »[4]. Но более увереннее об этом факте писал историк Н.В. Дубровин: «*Прибыв в Сухум-Кале, князь Горчаков тотчас же отправил полковника Абхазова с отрядом в Цебельду, для наказания главных виновников возмущения и сторонников Арслан-бея. Щадя тех, которые покорились и выдали аманатов. Абхазов разорил до основания селения непокорных, уничтожил их запасы, вырубил виноградники, рассеял жителей и принудил князей бежать к черкесам, и возвратился в Сухум*»[5].

Таким образом, мы имеем основание утверждать, что военная экспедиция в Цебельду русскими была совершена еще в ноябре 1821 года. Хотя, как известно, (нами описано выше) вслед за официальным присоединением Абхазского княжества к Российской империи (1810 г.), уже и тогда ставился вопрос об организации военной экспедиции в Цебельду. В документах АКАК имеется переписка, свидетельствующая о подготовительных мерах к этому с содействием флота. Но остается неизвестным, состоялась ли эта экспедиция[6].

---

[1] Материалы по истории Абхазии Т.-1. … С. 154.

[2] Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сух. 1960. С. 180.

[3] Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время… С. 384

[4] Непрошин А.Ю., Шамба Т.М. История абхазских князей Шервашидзе. – М., 2013. С. 96.

[5] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. – Санкт-Петербург. С. 469; Рапорт князя П.Д. Горчакова кн. А.А. Вельяминову, 23 декабря 1821 год, № 13. Архив главн. штаба кавказской армии.

[6] О желании генерала А.П. Ермолова решить вопрос с цебельдинцами карательными мерами отмечено и в 1824 году, после подавления восстания, но события на Кавказской линии и осложнения с Персией отодвинули этот вопрос на второй план. См.: Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму… С. 249.

Н.В. Касландзия

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В АБХАЗСКОМ ЦАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX В.

Образовавшееся в конце VIII в. Абхазское царство стало первым независимым государством в Закавказье. В первой половине IX в. его правителям удалось сдержать экспансию византийцев и арабов, сохранить свой суверенитет. Параллельно с утверждением нового политического образования в системе международных координат шел процесс формирования и развития отдельных структурных элементов государства, важнейшим из которых был институт царской власти. Для раннесредневековой монархии большое значение приобретала выработка принципов престолонаследия. От механизмов, обеспечивавших преемственность власти, зависели стабильность в стране, судьбы короны и династии. Составленный в начале XI в. «Диван абхазских царей», свидетельствует о том, что с середины VI в. и до конца VIII в. во главе Абасгии (Абхазского княжества) находились представители дома Аносидов, которые утверждались императором. С обретением независимости от Константинополя, основной государственной системы Абхазского царства стал родовой (династический) сюзеренитет. Принцип родового старейшинства предполагал наследование престола по очереди всеми сыновьями царя, а потом переход к сыновьям старшего из них в той же последовательности. Так, вслед за Леоном II престол занимали его сыновья: Феодосий II, Дмитрий II, Георгий I. Более того, предполагалось непременное соучастие всех наличных братьев в управлении царством по смерти их отца, что выражалось в создании уделов при сохранении государственного единства. Отсюда и оттопонимичекие прозвища нескольких абхазских монархов, в частности Георгия I, именовавшегося Агцепским. Пребывание у власти третьего сына – основателя Абхазского царства обычно датируется 60-ми гг. IX в. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий относят его царствование к 70-м гг. указанного столетия.[1] Георгий I, воспользовавшись временным ослаблением позиций Арабского халифата в Закавказье, сумел включить в состав государства Леонидов Картлию. Наместником царя в этой стратегически важной области становится его пле-

[1] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. – М., 2015. С. 48.

мянник Тинен (вероятно, гипокористическая форма от имени Константин). «Летопись Картли» сообщает: «В ту же пору пришел Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Деметрэ, сын Леона; силой овладел Картли и поставил эриставом в Чихе сына Деметрэ».[1] Передача в управление наследнику престола пограничной территории свидетельствует о доверительных отношениях между дядей и племянником. Надо полагать, что Георгий I не ставил под сомнение и не оспаривал права Тинена на абхазский трон. Последний являлся отпрыском его старшего брата, царя Дмитрия II, и следовательно, должен был наследовать Георгию, даже при наличии у последнего сыновей. Однако после смерти Георгия I Абхазское царство постиг династический кризис. Согласно «Летописи Картли», «Супруга царя Георгия умертвила сына Деметрэ, эристава Чихского, соблазнила мтавара Иованэ Шавлиани и тело Баграта (младшего сына царя Дмитрия II. – **Авт.**) выбросили в море. Но господь спас его, и он достиг града Константинополя».[2] Таким образом, летописец считает неназванную по имени вдову царя абхазов Георгия I организатором и главным действующим лицом заговора, имевшего целью устранение законных наследников престола. Характерно, что автором «Летописи Картли» фигура Иоанна Шавлийского (Шавлиани) несколько оттеснена на второй план, он представлен лишь объектом манипуляций со стороны царственной вдовы, которая «обманула» (в переводе М. Д. Лордкипанидзе) или «соблазнила» (в переводе Г. В. Цулая) его.[3] Мотивом, побудившим вдову Георгия I к подобного рода действиям, по мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, послужило желание удержать свой статус. Сознавая, «что с восшествием на престол племянника потеряет власть, она предпочитает сохранить царское достоинство, выбрав нового мужа…».[4] Безусловно, личных качеств царицы и ее решимости любой ценой остаться на троне было явно мало для составления заговора, столь рискованного и масштабного. На наш взгляд, коварный план вдовы мог рассчитывать на успех только при наличии поддержки со стороны части абхазской знати. К сожалению, источники ничего не сообщают об этническом происхождении супруги Георгия I, мы не знаем и ее имени. Нельзя определенно сказать была ли она представительницей местной элиты или иностранкой, хотя византийское происхождение, скорее всего, следует исключить. Как и любой другой матримониальный союз представителя правящей династии, брак царя абхазов Георгия I был продиктован опре-

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 49.

[2] Там же.

[3] Картлис Цховреба (История Грузии). – Тбилиси, 2013. С. 142.; Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 49.

[4] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. – М., 2015. С. 54.

деленными внутри- или внешнеполитическими обстоятельствами и был выгоден абхазской короне. Надо полагать, что особа, с которой соединился монарх, располагала весомым политическим капиталом. Фигура царственной вдовы могла приобрести еще большую значимость, в том случае, если на момент смерти супруга она ожидала рождения наследника. Окружение вдовы царя Георгия I, чье правление было отмечено приращением территории, а следовательно, и новыми земельными пожалованиями приближенным, не желало прихода к власти сыновей его предшественника, опасаясь перемены своего положения.

Заговорщиков, решившихся на устранение законных наследников, не мог не занимать вопрос о путях легитимации особы нового правителя, который должен был занять абхазский престол. Единственным способом законно взойти на трон и явственно продемонстрировать преемственность власти, был брак с вдовой предыдущего монарха. Женитьба на вдове недавно правившего государя была чрезвычайно мощным и политически эффективным ходом, к которому в средневековье прибегали достаточно часто. «Несмотря на явный «андроцентризм» традиции престолонаследия, возможности, которыми располагала вдова того или иного властителя, выходившая замуж вторично, приобрели особую смысловую нагрузку».[1]

В Византии женитьба на вдове кого-либо из предшествующих императоров издревле служила мощнейшим средством легитимации собственных прав на престол. Известны примеры из ромейской истории, когда узурпаторы прибегали к такому способу действий. В 491 г. силенциарий Анастасий пришел к власти с помощью вдовы покойного императора Зинона, Ариадны, с которой сочетался браком. В 60-х гг. X в. полководец Никифор Фока провозгласил себя императором, обосновав претензии на трон своей женитьбой на Феофано – вдове сына Константина Багрянородного. Узурпатор Никифор Вотаниат вступил в брак с женой свергнутого им императора Михаила VII Дуки, Марией, таким же образом попытался легитимировать свой статус и, пришедший к власти в 1081 г. в результате заговора, Алексей I Комнин.

Известно, что в Восточно-Римской империи сложился особый тип монархии: полномочия василевса были четко определены и зафиксированы в действующем законодательстве, отсутствовал закон о престолонаследии, на трон нередко вступали представители сановной или военной знати самого различного происхождения – греки, армяне, сирийцы и т.д. Несмотря на всю разницу политических систем Византийской империи

[1] Литвак А. Ф. Успенский Ф. Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти / Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах / Под ред. д.и.н. П. И Гайденко. – СПб., Казань, 2014. С. 10.

и западноевропейских раннесредневековых монархий, практика легитимации власти посредством вступления в брак с вдовой предшественника известна и последним.

Так, после смерти лангобардского короля Аутари, в 590 г., его вдова Теоделинда, происходившая из баварского правящего дома, вышла замуж за герцога Туринского Агилульфа, тем самым возведя его на престол.[1] Отметим, что новый монарх являлся двоюродным братом предшественника. Вестготские короли довольно часто женились на вдовах своих предшественников. Судя по всему, против подобной практики в 688 г. на XV Толедском соборе был принят специальный канон. Вестготский король Эгика, наследовавший узурпатору Эрвигию, «добился принятия собором специального постановления, согласно которому никто не мог насильно заставить вдовствующую королеву выйти замуж или совершить прелюбодеяние. Хотя внешне это выглядело как защита королевы и ее чести, на деле это должно было лишить кого-либо надежды достичь трона путем брака или связи с вдовой бывшего короля. А через три года III Цезаравгустанский (Сарагосский) собор постановил, чтобы вдова короля снимала с себя светскую одежду и уходила в монастырь сразу же после смерти супруга».[2]

О том какие политические дивиденды мог принести брак с царственной вдовой свидетельствует следующий характерный эпизод из раннесредневековой истории Италии. Адельгейда Бургундская после смерти в 950 г. супруга, короля Италии Лотаря II вступила в борьбу за власть с Беренгаром Иврейским. Последний, попытался выдать замуж вдовствующую королеву за своего сына Адальберта и таким образом обосновать законность приобретения престола Италии. Адельгейда отвергла это предложение и обратилась за помощью к самому могущественному правителю Европы – немецкому королю Оттону I. Последний умело воспользовался возникшей ситуацией и в сентябре 951 г. во главе своей армии вошел в Северную Италию, овладел Павией, женился на Адельгейде и завладел короной.[3] Во многом благодаря этому, десятью годами позже, Оттон стал основателем Священной Римской империи.

Династические браки с вдовами были обычным и вполне распространенным явлением и на средневековом Востоке. Женитьба на вдове, имевшей отношение к «золотому роду», и соответственно усыновление ее детей от предыдущего брака существенно расширяла политические горизонты.

---

[1] Успенский Ф. И. История Византийской империи, VI-IX вв. – М., 1996. С. 464.

[2] Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью.– СПб., 2010. С. 309.

[3] Вонсович Л. В. Знаменитые женщины средневековой Германской империи (X–XII века). Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Выпуск 2 / Гл. ред. И.Р. Чикалова. – Минск, 2002. С. 63.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что легитимация прав Иоанна Шавлийского на абхазский престол произошла путем заключения брака с вдовой царя Георгия I. Исследователи чаще обращались к вопросу об этнической принадлежности и происхождении Иоанна, тогда как именно способ и обстоятельства прихода к власти имеют решающее значение для характеристики его личности. Пожалуй, только Вахушти Багратиони попытался дать объяснение событиям, связанным с воцарением Иоанна. Не видя иных законных оснований к принятию царского титула, он представил Иоанна сыном Георгия I.[1] Сценарий политических событий IX в. и мотивы действующих лиц были непонятны историку XVIII в. Сведения Вахушти о том, что Иоанн Шавлийский являлся царским отпрыском, не согласуются с данными «Летописи Картли» и «Дивана абхазских царей».

Иоанн Шавлийский, безусловно, принадлежал к высшей знати Абхазского царства, к правящей этнической элите. Г. А. Амичба отмечал, что до овладения абхазским престолом он являлся правителем Шавли («мтаваром Шавлиани»).[2] По мнению специалиста, «двухэлементный, сильно спаянный термин (Шавли-ани) означает «обладатель Шавли» и представляет собой ситуативное прозвище оттопонимного определения. Эту точку зрения разделял и С. Г. Каухчишвили.[3] Следует обратить внимание на носящие апеллятивный характер прозвища представителей царствующего дома Леонидов, уже упомянутого Георгия Агцепского и тестя правителя Тао-Кларджетии Адарнасе, Баграта Шаройского. Летописец разъясняет, что дополнение к личному имени Георгий получил вследствие того, что до вступления на престол «имел в наследственном владении Агцепи».[4] Г. А. Амичба связывал оттопонимное имя абхазского царя Георгия I – Агцепский с названием местности Агца в урочище села Анухва.[5] Надо полагать, что и прозвище Баграта – «Шаройский» также происходило от названия области, находившейся в его наследственном владении. Дополнения к преномам, образованные от географических названий, не могут рассматриваться в качестве родовых имен. Топонимическое прозвище могло закрепиться в качестве такового только по прошествии нескольких поколений, при условии стабильного функционирования удельной системы.

---

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. – Тбилиси, 1976. С. 222.

[2] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). – Сухум, 2010. С. 301.

[3] Каухчишвили Г. С. Грузинские источники по истории Византии Т. I. – Тбилиси, 1974. С. 72.

[4] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перевод и комментарии Г. А. Амичба. – Сухуми, 1986. С. 35.

[5] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). – Сухум, 2010. С. 207-209.

Известно, что ключевые позиции в управлении раннесредневековым государством занимали представители правящей династии и лица, связанные узами родства с царствующим домом. На наш взгляд, Иоанн был сопряжен с династией Леонидов, однако вынести однозначное суждение о характере и степени родства, в силу лапидарности источников, не представляется возможным. Наследование верховной власти в Абхазском царстве происходило как по прямой, так и по коллатеральной линии. Выбор Иоанна в качестве преемника Георгия I не быть определен исключительно личной симпатией вдовы, но должен был быть приемлем для политической элиты. Правомерно предположить, что при наличии родственных отношений с предшественником преемнику легче было добиться поддержки со стороны знати. Управленческие навыки, полководческий талант могли усилить персональную мощь претендента, содействовать успеху заговора и смягчить негативную реакцию общества на действия вдовы Георгия I и ее окружения. Надо полагать, что вступление на престол Иоанна не воспринималось как приход к власти новой династии. При наличии родственных связей с Леонидами, соединившийся узами брака с вдовой предшественника, он выступал как законный наследник и продолжатель правящего дома. Несмотря на то что имена Иоанна и его сына Адарнасе не включены в «Диван абхазских царей», автор «Летописи Картли», видимо, опираясь на ранние летописные свидетельства, не ставит под сомнение законность их пребывания на абхазском престоле. Каких-либо отрицательных характеристик, коими аноним не преминул бы удостоить узурпатора, повествование не содержит. Сообщая о деятельности Иоанна, после занятия им престола, летописец именует его «царем» и «царем абхазов», не используя более оттопонимическое прозвище «Шавлиани». Этот аппелятив никогда не применялся в качестве дополнения к имени его наследника Адарнасе.

О признании Иоанна легитимным правителем Абхазского царства свидетельствует факт заключения брачного союза между его сыном Адарнасе и дочерью Тао-Кларджетского династа Гуарама. Как видно, царь абхазов Иоанн I продолжил традицию, заложенную его предшественниками. Известно, что брачные контакты между Леонидами и Багратидами Тао завязались еще в начале IX в. Так, царь абхазов Феодосий II был женат на дочери Ашота Куропалата, а сын последнего, Адарнасе – был зятем Баграта Шаройского.

Давая оценку внешнеполитической деятельности царя абхазов Иоанна, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий отмечают, что он «выбирает в жены своему сыну дочь мампала Гуарама, одного из могущественнейших Багратидов (возможно, уже давнего союзника Абхазии), и сестру Насра, который уже с начала 860-х гг. враждовал с представителем средней, куропалат-

ской линии Багратидов».[1] Таким образом, заключают авторы, царь абхазов Иоанн оказывается продолжателем политики Димитрия II.

Установление родственных связей абхазской правящей династии с младшей ветвью Тао-Кларджетских Багратидов не устраивало ишханац ишхана Армении и племянника Гуарама – Давида Куропалата. Около 881 г. произошел вооруженный конфликт, «И воевали армяне и абхазы из-за Картлии», сообщает анонимный грузинский летописец XI в.[2] Победителями в войне вышли ишханац ишхан Армении и его союзники, поскольку известно, что в период правления царей Иоанна I и Адарнасе I Абхазским царством был утерян контроль над Картлией. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий высказали предположение, что «война между абхазами и анийцами за Картли закончилась в середине 880 г. мирным договором и династическим браком между дочерью царя абхазов Иоанна и одним из сыновей (или внуков) Ашота I (ишханац ишхан Армении был возведен в царское достоинство между 884–886 гг.).[3] Если решение породниться с анийскими Багратидами через сестру, принятое, наследовавшим Иоанну Адарнасе I, имело целью внесение определенных корректив во внешнюю политику государства, то молодой царь мог вызвать неудовольствие части абхазской знати. Налаживание связей с бывшими противниками не устраивало и шурина абхазского монарха Насра, который после убийства своего двоюродного брата Давида Куропалата, союзника армян, вынужден был оставить родину и обосноваться в Константинополе. В Византии находился и отстраненный от власти абхазский царевич Баграт. Установлением контактов последнего с Насром счастливо совпало с желанием Константинополя возвести Баграта на абхазский престол. В середине 80-х гг. IX в., после долгих лет пребывания на чужбине, он получает военную помощь со стороны империи, что, безусловно, имело политическую подоплеку. «Летопись Картли» сообщает: «Царь Греции дал ему (Баграту. – **Авт.**) войско и отправил его морем, и тот на кораблях подступил к Абхазии».[4] Думается, что вторжение византийцев в Абхазию, осуществленное под предлогом поддержки прав Баграта на престол, было довольно масштабной и хорошо спланированной военной акцией. «Характерно, что в данном случае империя сделала ставку на флот, вероятно, учтя опыт неудачного сухопутного похода 842 г.».[5] Царь Адарнасе не мог не отреагировать на византий-

---

[1] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. – М., 2015. С. 54.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 50.

[3] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015. С. 54.

[4] Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 50.

[5] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. – М., 2015. С. 57.

скую интервенцию. По вполне объяснимым причинам автор «Летописи Картли» воздержался от описания подробностей вооруженного конфликта, констатировав факт: «Убил он (Баграт. – **Авт.**) Адарнасе, сына Иована, и овладел Абхазией…».[1] После этого Баграт вступает в брак с вдовой поверженного царя. Надо ли полагать, что этот акт был продиктован исключительно соглашением, заключенным с Насром, братом вдовы? Действительно, согласно договоренностям, достигнутым в столице Византии, последний после воцарения Баграта, около 888 г. прибыл в Абхазию. Баграт I дал ему войско, с помощью которого «Наср … овладел … крепостями в Самцхе: Одзрахе, Джварисцихе и Ломсиана».[2] Но на наш взгляд, Багратом двигали мотивы иного свойства. Большой разрыв во времени между завершением срока правления Дмитрия II и приходом к власти его сына несколько осложнял положение последнего. Нельзя упускать из виду, что срок пребывания на престоле царей Иоанна и Адарнасе суммарно составлял двадцать лет – это значительный временной отрезок. Длительное отсутствие Баграта на родине, даже при условии поддержания связей со своими сторонниками, могло вызывать недоверие к личности прибывшего из столицы империи царевича. «История с брошенным в море и чудесно добравшимся до Константинополя младшим сыном Димитрия II Багратом имеет несколько легендарный оттенок», … интересно, что он нашел приют в Византии, «с которой абхазские цари еще совсем недавно, четверть века назад, враждовали».[3] Занявшему трон при помощи византийцев Баграту, даже при наличии приверженцев из числа местной знати, для укрепления своих позиций требовалось включение дополнительных механизмов легитимации его в качестве царя абхазов. Одним из них и стало заключение брачного союза с вдовой предшественника, представительницей правящего дома Таойских Багратидов. Соединившись с дочерью Гуарама Мампала, Баграт рассчитывал на признание своего статуса и со стороны правителей соседних государств.

Таким образом, дважды в течение IX в. восшествие на абхазский престол было сопряжено с вступлением в брак с вдовой предшественника. Анализ источников по истории Абхазского царства показывает, что не раз супруга монарха становилась ключевой фигурой политики в ситуации престолонаследования. Истоки, сформировавшегося в области матримониальных отношений, средства, обеспечивавшего легитимность перехода власти о одного правителя к другому, характерного для многих политий древности и средневековых государств, следует искать в архаических традициях,

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 50.
[2] Там же, С. 51.
[3] Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. – М., 2015. С. 54.

прежде всего, в институте левирата, когда брат непременно должен был жениться на вдове своего умершего брата. С принятием христианства соответствующие фрагменты Священного Писания позволяют переосмыслить этот брачный обычай. «В христианской богословской традиции сюжет о левиратном браке – это устойчивый топос, который привлекался для объяснения противоречий в генеалогии Христа… один и тот же предок Иисуса мог быть включен сразу в две патрилинейные схемы, принадлежа к одной благодаря биологическому отцовству, а к другой – благодаря ветхозаветной юридической норме».[1] Со страниц библейского текста система левирата удачным образом встраивается в средневековый династический уклад, и обретая нормативную мощь, делает возможным и допустимым, узаконивание царского статуса посредством брака с вдовой монарха. Таким образом, матримониальные возможности царственных вдов позволяли им играть особую роль в политической жизни государства. Повторные браки знатных женщин причудливо переплели ветви династического древа Леонидов.

Литвак А. Ф. Успенский Ф. Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти / Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах / Под ред. д.и.н. П. И Гайденко. – СПб., Казань, 2014. С. 16.

Д.К. Гопия

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЫРЗАКАНА (САМЫРЗАКАНО) В XIX ВЕКЕ

В разные периоды истории любое государство проходит через сложные политические процессы, в том числе расширения и сокращения политических и этнических границ. Абхазия – одно из древнейших государств в Закавказье, так же не является исключением из этого правила. После событий Русско-кавказской войны в XIX веке, Абхазия стала полиэтничной страной. Ее землю колонизируют русские, армяне, эстонцы и др., восточную же часть страны, а именно современный Галский район – этнические мегрелы и грузины. Галский район Абхазии находится на юго-востоке страны, занимает площадь в 500 кв. км., на западе граничит с Очамчырским районом Абхазии, на севере – с Ткуарчалским районом, а на западе по реке Ингур – с регионом Самегрело и Земо-Сванéти Республики Грузия, административным центром района является город Гал.

В прошлом этот район Абхазии именовался Мырзакан (Самурзакано в русских источниках. Прим. **Гопия Д.К.**), однако, именно этот регион Абхазии вызывал и вызывает много споров об исторической принадлежности его к Абхазии или Грузии. В историческом прошлом этот район был частью древнеабхазского царства Апсилии (I–VII вв.), где проживало одно из древнеабхазских племен. С VIII по XIII вв. была частью Абхазского царства, но уже в конце XIII начало XIV века присоединена Георгием Дадиани к Мегрельскому княжеству и подвергается частичной мегрелизации.

В конце XVII века в результате длительной борьбы завершилась реконкиста этой территории, правившая в Абхазии династия Чачба (Шервашидзе), вернула свой регион.

Историк Анчабадзе З.В. по этому поводу писал: «Сарек Шервашидзе (сын владетельного князя Абхазии Сустара Чачба-Шервашидзе) вместе со своим двоюродным братом Квапу в начале 80-х гг. XVII в. вторглись на территорию Мегрельского княжества и захватили его северные районы вплоть до р. Ингури. В отличие от прежних времен, когда абхазские феодалы, совершив набег, возвращались обратно с добычей и пленниками, Сарек Шервашидзе, как сообщает итальянский миссионер Распони, решил

обосноваться на захваченной территории»[1]. Так установилась граница Абхазии по реке Ингур. Вскоре между Сареком Чачба (Шервашидзе) и его дядей Зегнаком Чачба (Шервашидзе) возник серьезный конфликт, Сорек не хотел подчиняться дяде – главному правителю Абхазии. В итоге Сарек Чачба был устранен, «после Сарека, управлявшего достаточно обширной территорией между р. Бзыбь, Кавказским хребтом и нижним течением р.Ингур, правил его дядя, Зегнак, возглавлявший Абхазию еще на протяжении 20 лет… Линия Сарека дальше не прослеживается, ее замещает ветвь от Зегнака, дети которого после его смерти разделили владения отца. Старшему – Ростому досталась территория между реками Бзыбь и Кодор и титул владетельного князя Абхазии, средний – Джикешия получил междуречье Кодор – Галидзга (позже получившее название Абжуа), а младшему, Квапу, достались земли между Галидзгой и Ингуром»[2]. Резиденция последнего находилась в селе Бедия, а также он владел крепостью Рухи на левом берегу реки Ингур. После смерти Квапа, примерно в 1761 году правителем становится его сын, которого звали Мырзакан Чачба, тогда же территория между рр. Алдзга и Ингур получает название как Мырзакан или Самурзакано, т.е. «принадлежащее Мырзакану». Так соседние мегрелы называли этот регион. Позже это название было заимствовано русскими и попало в официальные документы. После Мырзакана последовательно будут править Хутуния, Леван и Манучар, «самурзаканские феодалы в XVIII веке, хотя и зависели от владетеля Абхазии, но пользовались тем не менее большой самостоятельностью»[3]. По этому поводу исследователь Эсадзе С. указывал: «при всем том автономия эта была неполная, так как в самурзаканские дела постоянно вмешивались абхазские владетели и мегрельские Дадиани»[4]. С 1737 по 1780 гг. в Абхазии главным правителем был Зураб Чачба, который находился в ее столице Лыхны, его брат Манучар Чачба стал комендантом турецкой крепости Сухум-Кале, а их третий брат Ширван-бей был турецкой пашой в г. Батуми и его окрестностях, и именно благодаря его доверительной связи с султаном Османской империи, Зураб и Манучар стали править в Абхазии, и таким образом, как писал Мачавариани: «Абхазия опять соединилась в одно целое (от Батума до Гагр) под управлением трех братьев»[5]. В период правления Зураба Чачба в Мырзакане правил Леван Чачба, внук Мырзакана. Они совместно в 1771 году подняли восстание против тур-

[1] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). – Сухуми. 1959. С.270.
[2] Непрошин А.Ю., Шамба Т.М. История абхазских князей Шервашидзе. – М.: 2013. С. 50.
[3] Очерки истории Абхазской АССР. – Сухуми, 1960 г. Т. 1.С.112.
[4] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1. С.106.
[5] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум., 1913. С.247.

ков и захватили крепость Сухум-Кале, Зураб правил Бзыпской Абхазией, а Леван правил так же Гумской Абхазией, но позже из-за возникшей междоусобицы Леван в отместку Зурабу вернул крепость туркам, а через три года, «покинутый своими защитниками и ненавидимый своим народом, оказался вынужден тайком уйти в Анаклию»[1]. В конце XVIII века к власти в Абхазии приходит Келеш-бей Чачба (Шервашидзе). Правил он с 1780 по 1808 гг. Первый раз он вынужденно по политическим мотивам женится на княжне из рода Дзяпш-ипа Мариам, от которой у него родился сын Аслан-бей, но вскоре, «сделавшись владетелем, развелся с ней и начал стеснять Дзяпш-ипа. Келеш-бей при этом имел в виду не одни семейные расчеты, а главным образом он опасался того влияния, которое Дзяпш-ипа приобрели среди народа»[2]. Укрепив в Абхазии свое политическое положение, в 1794 году Келеш-бей «с целью заставить Дадианов отказаться от своего вмешательства в дела Самурзакани, двинулся на Зугдиди, где Григорий и Манучар Дадиани, не ожидавшие его нападения, заключили с Келеш-беем мир, по которому отказались от притязания своих на Самурзакан. Взял в обеспечении мира сыновей Дадианов и назначил управлять Самурзаканю сына своего Мехмед-бея»[3]. Однако «все последующие времена вплоть до упразднения Мегрельского княжества в 1856 году князья Дадиани интриговали против Абхазии и подталкивали царских наместников на Кавказе и влиятельных чиновников к пересмотру условий этого договора в свою пользу»[4]. Политическая ситуация вокруг Мырзакана стала меняться с вхождением Мегрельского княжества в состав Российской империи в 1803 году. Уже спустя два года в 1805 году Мехмед-бей, правитель Мырзакана умирает. Править этим регионом будет Манучар (Манча) Чачба (Шервашидзе), он был женат на сестре правителя Мегрелии Левана Дадиани Кетеван, чем непременно решил воспользоваться правитель Мегрелии. Манучар Чачба, «одновременно стремясь укрепить свою самостоятельную власть, пользуясь смутой в Абхазии, он, не чувствуя сопротивления со стороны Келеш-бея, перестает ему подчиняться. Даже за его спиной ведет переговоры на предмет вступления владения Самурзакана в состав Российской империи. Посредниками в переговорном процессе являются мегрельские родственники»[5]. В 1805 году Ману-

[1] Reinegs Yu. The universal historical, historical and topographical description of the Caucasus. – London. 1807. P.327.

[2] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. – Тифлис. 1907. С.102.

[3] Введенский А.Н. Абхазцы (Азега) по поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народ его населяющих». Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. Вып. VI. С.18.

[4] Непрошин А.Ю., Шамба Т.М. История абхазских князей Шервашидзе. – М.: 2013. С.318.

[5] Гумба М.В. Келешбей. – Сухум. 2014. С.58.

чар и Леван Чачба с помощью Левана Дадиани отправляют письмо в Россию со следующим содержанием:

«Мы нижеподписавшиеся, абхазские князья державы Самурзакана, вошли с ношею землею, князьями и дворянами в рабство его императорского высочества, всемилостивейшего русского государя; клянемся всесильным богом и святым Евангелием быть верными робами и подданными навсегда и в неповиновение Его Величеству и в измену никогда не вступать, а если так же осведомимся об измене и непокорности со стороны других, то поспешно извещать куда следовать будет, если же не исполним так, как выше написано, да будем прокляты Богом и св. Евангелием, а так же отвержены всемилостивейшим Государем…»[1].

Таким образом, «в июле 1805 г. в Мегрелии, в селении Бандза Манучар Шервашидзе с братом Леваном как «Абхазские князья, державцы Самурзакана», присягнули на верноподданство России; к присяге их привел Чкондидский митрополит Виссарион. Таким образом, на пять лет раньше остальной Абхазии Самурзакано вошло в состав Российской империи[2]. При этом надо заметить, что не все представители правящего дома Мырзакана были с этим согласны, так брат Манучара Бежан не подписал обращения к русским. Правитель Абхазии Келешбей из-за сложной политической ситуации не смог помешать таким действиям Манучара Чачба (Шервашидзе), хотя пытался на переговорах с русскими поставить вопрос о возврате некоторых сел, которые были выведены из состава Мырзакана и переданы, собственно, Мингрелии. В 1808 году был убит Келешбей, и после стал править Асланбей Чачба, а в 1810 году на абхазский престол с помощью русских взошел его сын Сафырбей, который был слаб в управлении страной, и уже в 1813 году убили и Манучара Чачба. У него остались двое сыновей, Александр и Дмитрий, но из-за их несовершеннолетия, как указывал Эсадзе С. «владетель Мингрелии Леван Дадиани как близкий родственник принял их под свою опеку, а вместе с тем, пользуясь силою и значением, присвоил себе и управления Самурзаканю именем Александра»[3]. На картах того периода так же прослеживается политическое изменение в этом регионе. На карте 1810 года[4] Мырзакан указан как часть Абхазии, но уже на карте 1813 года[5] – как часть Мингрелии. Броневский С.М., издавший свой

---

[1] АКАК. Т. II. – Тифлис. 1868. С.527.

[2] Соловьева Л.Т. Субэтноним «самурзаканцы»: история и современность (проблема использования и интерпретаций в курсах гуманитарных наук). История и современность. – М., 2011. С.28.

[3] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1. С.106.

[4] Карта Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II. – Тифлис, 1902. С.52.

[5] Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 гг. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II. – Тифлис, 1902.

труд по Кавказу в 1823 году, указывал, что: «в Черном море при крепости Анаклеи, составляя пограничную черту между Мингрелиею и Абхазиею»[1], к своей работе он прилагает карту всего Кавказа, где регион Мырзакан занимает пространство на севере до Главного Кавказского хребта, а на юге берег Черного моря, на западе от реки Алдзга, а на востоке до р.Ингур. Важными пунктами указаны Аку, Шхорчели, Бедия, Цхори и Гудава[2]. Таким образом, по мнению Броневского С.М., настоящая Абхазия заканчивается у реки Ингур.

В 1827 году, по-видимому, князья Мырзакана были недовольны сложившемся положением и, как сообщает Эсадзе С., «Паскевич отправил отряд для приведения самурзаканских князей к повиновению мингрельскому Дадиани. Барон Розен управляющему Имеретией Вакульскому писал: «со стороны нашего правительства должно быть главною целью, чтобы в Мингрелии и подвластных ея владетелю местах, к числу коих решительно принадлежит и Самурзакан, сохранились спокойствие, тишина и полное повиновение всех жителей владетелю»[3]. Уже в 1829 году Александр Чачба (Шервашидзе) стал совершеннолетним, Леван Дадиани, понимая, что это угрожает ему потерей Мырзакана, устраивает против племянника заговор, и по его донесению Александр был сослан в Сибирь русским главнокомандующим Паскевичем. Но оставался еще один претендент на правление в Мырзакане, и потому «брат Александра, Дмитрий погиб в 1832 году в схватке с людьми Дадиани»[4]. Таким образом, Леван Дадиани расправился с претендентами на правление Мырзаканом и решил закрепить этот регион за Мингрелией, используя помощь русских. Тем более царская Россия строила свою политику в Западном Кавказе через Мингрелию, как это когда-то делала через Лазику Византия в VI веке.

По сообщению Селезнева М., «главнокомандующий генерал Розен в 1832 г. присоединил Самурзухан к Мингрелии на том основании что владетель Мингрелии, князь Леван Дадиан донес, что в древние времена Самурзухан несомненно принадлежала его предкам, но неблагоприятные обстоятельства дали ей возможность отторгнуться и присоединиться к соседке Абхазии»[5]. В 1831–1834 гг. в Абхазии побывал швейцарец Фредерик Дюбуа де Монпере, он писал что: «устье реки Галидзга, составляющей

[1] Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.1. – М.: 1823. С.115.

[2] Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским, к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. 1823.

[3] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1. С.107.

[4] Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис. 1870 г. С.24.

[5] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 2. – Спб. 1847. С.135.

границу Абхазии со стороны Самурзакани, было еще впереди, когда мы прошли мимо Маркулы»[1], но в изданной им карте Мырзакан указывает как часть Абхазии. Из рассказа Монпере мы узнаем, что в 1832–1833 году Мырзакан стал ареной противостояния абхазского князя Ачба и Левана Дадиани, к тому же «сами самурзаканцы были недовольны устранением природных их владетелей и потому в стране происходили частые беспорядки с целью избавиться от Дадиана»[2]. Причину волнений среди населения нам сообщает Селезнев М., «но Самурзуханцы не слушались и, ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновников, присылаемых Дадианом[3]. В 1834 году русские войска под руководством генерала Ахлестышева вторглись в Мырзакан и построили укрепления у села Елыр и привели в покорность местное население. К этому периоду в Абхазии правил Михаил Шервашидзе (абх. Ҳамыҭбеи Чачба), который воспользовался смутой в Самырзакане и предъявил права на этот регион. Русский генерал-лейтенант Бларомберг И.Ф. в 1835 году указывал: «Абхазия, или Абазия, называемая местными жителями Абснэ, на юге отделена от Мингрелии рекой Ингури…»[4], «Самурзаканское общество находится между реками Ингури и Галидзга. Оно считается принадлежащим Мингрелии и находится под покровительством мингрельского правящего князя Левана Дадиани»[5].

Таким образом, Самурзакань служила наградой за преданность Л. Дадиани российскому престолу[6].

В 1839 году возникла идея создания временного Мырзаканского приставства и подчинения его непосредственно русскому управлению, «а в 1840 году последовало высочайшее повеления о причисления ее к землям, состоящим в непосредственном заведывании правительства»[7]. В 1841 году село Окум (абх. Гәыма) стало центром Мырзакана, Левану Дадиани было выплачено определенное вознаграждение за Мырзакан, а также в состав Мингрелии были переданы села Малая и Большая Коки, Шамгони, Орсантия и Пахулан, что оскорбило правителя Абхазии Михаила, считавшего Мырзакан принадлежавшим его роду, «в новое приставство не вошло Илори и некоторые другие селения: граница была проведена по реке

---

[1] Montpereux, FredericDuboisde. Voyage autour du Caucase: Tome 1. – Paris. 1859. P.335.

[2] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1. С.107.

[3] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 2. – СПб. 1847. С.135.

[4] Бларомберг И.Ф. Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2010. С.90.

[5] Там же… С.100.

[6] Бгажба О.Х. Лакоба С.З. – История Абхазии.– Сухум. 2015. С.255.

[7] Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Кавказский Календарь. – Тифлис. 1858. С.273.

Охури/Охурей. Такое решение вопроса не удовлетворило Михаила Шервашидзе, продолжавшего заявлять свои притязания на эту область»[1], в связи с чем он написал письмо с прошением об увольнении его от управления, то есть отстранения Абхазией, однако князь Воронцов написал ему письмо следующего содержания: *«Не могу я смотреть на подобное отречение владетеля, как на простое увольнение должностного лица. Вы желаете отвергнуть права, власть и обязанности дарованная или возложенная на Вас Богом, освященная временем, знаменитостью происхождения, доблестями предков, собственными заслугами и признательностью народа. Вы тяготитесь этими правами, обязанностями, сопряженными, конечно, с заботами и трудами, но и со славою, с первенством в обществе, с важными преимуществами и выгодами лично для вас и для семейство Вашего. Подумайте, какое впечатление произведет на подвластное Вам и соседнее с оным население такое отречение от сана, который Вы получили и должны передать по наследству. Подумайте, что потомство Ваше не будет разделять Вашего мнения, не станет обременяться этим высоким званием и что память Ваша будет ненавистна потомкам, которых Вы лишите достояния их без необходимости без достаточного к тому повода»*[2].

Но, по-видимому, еще ранее Мырзакан потерял не только эти села, но и северо-западную часть своей территории, так на картах 1816[3] и 1823 года[4] граница Абхазии на востоке проходила строго по реке Ингур, по-видимому, до слияния двух рек Ингур и Ларикуара, что можно увидеть на карте 1842 года[5], выше села Джвари, и уже вдоль последней реки до горы Бахушвынджара и на север по линии гор Ергдзашыра → Хуаджал → Аррымюа → Хыда → Мгуаширхуа и до главного Кавказского хребта. Теперь же граница Абхазии начинается намного ниже реки Ларикуара у села Пахулан и тянется на запад в сторону горы Аисырра и вверх по линии гор Аисырра → Апсараху → Апшырра → Акиба → Бакулзтоу → Ергдзашыра → Хуаджал → Аррымюа → Хыда → Мгуаширхуа и до Главного Кавказского хребта, значительные земли между этими горами и правым берегом реки Ингур остаются ныне за Грузией.

---

[1] Соловьева Л.Т. Субэтноним «самурзаканцы»: история и современность (проблема использования и интерпретаций в курсах гуманитарных наук). История и современность. – М.:2011.С.29.

[2] Архив канцелярии Наместника. Письмо кн.Воронцова князю Михаилу Шервашидзе от 29 ноября 1847 г. №33. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1.С.136.

[3] Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. 1816.

[4] Пядышев В. П. Географический атлас Российской Империи. – СПб. 1820–1827. Лист. 45.

[5] HeinrichMahlmann. Karte des Kaukasus, nach den neuestenAufnahmen des Kaiserlichrussischen Generalstabesentworfen. 1842.

Вскоре Мырзакан был возвращен в состав Абхазии, что можно проследить на карте 1858 года[1]. В 1864 году на Красной Поляне (абх. Агәыбаадәы) закончилась Русско-кавказская война, а уже «в июне 1864 года Абхазское княжество было упразднено и введено, до утверждения положения и штатов, временное «военно-народное управление. Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел российской империи и разделена на три округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и два приставства (Цебельдинское и Самурказанское) с подчинением кутаисскому генерал-губернатору, начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии генерал П.Н. Шатилов, получивший приказ вступить «во внутреннее управление» краем с 12 июля 1864 года»[2]. Правитель Михаил был выселен из Абхазии в ноябре месяце того же года в Воронеж, где скончался в 1866 году. «В административном отношении Сухумский отдел разделен; на управление городом Сухумом и четыре округа: Цебельдинский. Пицундский, Драндский, Окумский. Для заведывания городом Сухумом назначен городничий и при нем полицейское управление»[3]. В 1888 году по указанию российского императора Сухумский военный отдел вместе с Мырзаканом был переименован в Сухумский округ в составе Кутаисской губернии.

Говоря об этническом населении абхазского исторического региона Мырзакана в XIX веке, мы сталкиваемся с двумя противоположными мнениями в историографии, особенно в абхазской и грузинской, это связано в первую очередь с тем, что данный вопрос рассматривается сквозь призму сегодняшних политических реалий между двумя странами. По мнению Соловьева Л.Т., изначально на территории Мырзакана в большинстве проживали мегрелы, но в связи с абхазо-мегрельскими войнами, захватом, разорением территории между Алдзга и Ингур абхазскими феодалами из рода Чачба (Шервашидзе) в XVII веке, этот регион опустел, «такое запустение продолжалось до того времени, когда в Самурзакано поселился Квап Чачба (Шервашидзе), которому эта область досталась при разделе наследства. Он отправился туда со своей дружиной из князей и дворян, которые «по народному обычаю последовали за ним с частью своих подвластных», а вскоре и семьи их переселились туда же. Малочисленное местное население охотно признало покровительство пришельцев, надеясь на их защиту. Эти же факты сообщает и документ, составленный в начале XIX в. и приведенный в работе И.Г. Антелава. Из него также следует, что Квапу

[1] Карта земель Черноморского и Кавказского линейных войск 1858 года. Атлас Карта земель иррегулярных войск. 1858. С.7.

[2] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетии. – Сухуми, 1982. С.252.

[3] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис. 1907. Т. 1.С.275.

Шервашидзе заселял доставшуюся ему область, переманивая князей и дворян из других частей Абхазии»[1], автор указывает, что большинство источников уже XIX века приписывают самырзаканцев к абхазам, вместе с тем замечая: «одной из особенностей этнической истории Самурзакано были миграции в этот район значительных масс населения из соседних областей Западной Грузии, главным образом из Мегрелии»[2], автор приходит к следующему выводу; «можно полагать, что субэтноним (или топоэтноним) самурзаканцы практически на всем протяжении своего существования употреблялся в отношении этнически смешанного населения, проживавшего в зоне этнического пограничья»[3]. Вопрос этнического населения подробно рассматривает абхазский исследователь Ачугба Т.А. Он, основываясь на источниках XIX века, таких как Броневский С.М., Аша И.К., Гамба Ж.Ф., Монпере Д. де, Торнау Ф.Ф., Берже А.П., Филипсон И.Г., Мачавариани Д. и Бартоломей И., Альбов Н.М., и множества других доказывает принадлежность мырзаканцев к абхазам, указывает и на то, что «о принадлежности самурзаканцев к абхазскому этносу писала в свое время и грузинская пресса»[4]. Некоторые грузинские исследователи утверждают, что жители Мырзакана в XIXвеке были мегрелами и их нельзя никак причислять к абхазам.

Мы не будем цитировать русских путешественников, военных, которые бывали здесь, ибо все это уже есть в работе Ачугба Т.А., а обратим внимания на те источники, которые возможно упускаются из виду исследователями. Одним из источников для понимания этнической ситуации в Мырзакане являются данные Зейдлица Н.К., 1877 г., Краевича П.Д. 1869 г., Эрнеста Шантре 1877 г., и др. Краевич П.Д. писал: «в западной Самурзакани преобладает абхазский язык, в восточной особое наречие мегрельского языка. Несмотря на племенное различие некоторой части населения Самурзакани, несомненно, что общественное устройство этой страны не представляет никаких резких изменений сравнительно с другими частями Абхазии»[5]. Конечно же, не всегда по языку можно определить этничность человека и все же проанализируем некоторые данные. Зейдлиц Н.К. указывал: «Самурзакань – полоса земли, заключающаяся между рр. Ингур

---

[1] Соловьева Л.Т. Субэтноним «самурзаканцы»: история и современность (проблема использования и интерпретаций в курсах гуманитарных наук). История и современность. – М., 2011.С.30.

[2] Там же… С.31.

[3] Там же… С.32.

[4] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010. С.52.

[5] Краевич П.Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. Сборник сведении о Кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис, 1870 г. С.5.

и Галидзгаю и населенная абхазцами и мингрельцами»[1]. Путешественник и исследователь Альбов Н.М., который пробыл в Абхазии пять лет, дает следующие сведения в 1892 году: «Путешествуя в течение пяти лет по Абхазии, я имел возможность более или менее коротко познакомиться с населением страны»,[2] далее он писал, что Абхазия тянется от Гагринского хребта до р. Ингур и во всех частях Абхазии живут практически одни абхазы, но говоря о Мырзакане, указывает; «населен этот участок самурзаканцами – племенем абхазского происхождения со значительной примесью мингрельского элемента. Центром его управления служит местечко Окум, находящееся в самой середине Самурзакани»[3].

В 70-е годы XIX века выдающийся французский археолог и антрополог Эрнест Шантре проводил исследования на Кавказе, и на основе его работы, а также Зейдлица и Эскерта, была составлена этническая карта Кавказа на французском языке, где примерная линия языкового соприкосновения в Мырзакане между мегрелами и абхазами проходила по линии «Пахулани, → Папынырхуа (Саберио) → Абаакыт (Дихазурга) → Хьацха (Чебурхинджи), далее на запад дугою в сторону моря до реки Юардзы (Эрисцкали) и села Гудаа»[4]. На отдельной карте Зейдлица, но уже на русском языке к абхазоязычным селам отнесены: «Илори, Репи, Гудава, Шашлеты, Речхи, Махура, Пахулан, Бабеи-аисыра, Эцери, Чхортоли, Окум, Эшкеты, Беслухба, Атавжь, Акваски, Кумуз, Адгахь-дара», а к мегрелоязычным селам: «Набакеви, Баргеби, Гагида, Барбала, Эцери-Мухури, Саберио, Дихазурга, Хутушь-мухури»[5]. Схожие данные есть и в работе грузинского ученого-филолога Цагерели А.А. 1877 года, он дает важные сведения о географии мегрельского языка: «на северо-западе имеет место столкновение между мингрельским и абхазским языками в Самурзакане, где у жителей мингрельский язык хоть и считается родным, женщины и дети говорят на нем, но мужчины говорят и по абхазски. В настоящее время мингрельский язык господствует приблизительно в следующих пределах: юго-восточною границей может считаться р. Цхенис-цхали, западною – Черное море, северо-западною – река Галидзга, а северною – границы Сванетии»[6]. Этот

---

[1] Зейдлиц Н.К. Пространство, население и населенность Кавказского края. ИКОРГО. Т. V. – Тифлис, 1877.С.115.

[2] Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. Живая старина. – СПб. 1893. Вып. III. Годтретий. С. 297.

[3] Тамже… С. 303.

[4] Carte ethnologique du Caucase, dressée / d'après les travaux de MM Seidlitz; Komaroff; von ErckertChantre; et Ernest Chantre. Ernest Chantre. Recherchesanthropologiquesdans le Caucase. Lyon. 1887.

[5] Этнографическая карта Кавказского края Зейдлица. 1880.

[6] Цагарели А.А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 года. – ЖМНП. – СПб., 1877, вып. XII. С.210.

же автор в другой своей работе дает полный список сел, которые являются мегрелоязычные, но где мужчины знают и абхазский язык, даже на правом берегу реки Ингур: «Пураши, Этцери, Джвари, Пахулани (первые три села находятся на левом берегу р. Ингур, а Пахулани на правом, сегодня находятся в составе Грузии. (**Прим. Гопия Д.К.**)., Саберио, Дихазурга, Цхири, Тчубурхинджи, Тагилони, Атангела (название двух разных частей одной и той же деревни), Набакеви или Набакеби, Отобаиа, Ганарджиаш-мухури, Исорети и Дихагузубэ, части одной и той же деревни, Коки, Хетуш-мухури, Этцери, Барбала, Баргеби, Этцери-мухури»[1]. Далее он же указывает, что от правого берега реки Аюардзы (Эрисцкали) и до правого берега р. Охурей население говорит как на мегрельском, так и на абхазском, особенно мужчины, а уже от реки Охурей до реки Алдзга (Галидзга) господствует абхазский язык. Так же указаны абхазоязычные села, это «Охури…, Абжигдара, Кумузи, Атабжа, Абжа, Наджихеви, Сагургулио, Сачина, Река, Сахахубио, Бедиа, Эшкети, Чхортоли, Речхи, Окуми, Тцарче, Рени, Гали, Мухури, Шашлети, Репи, Гудава… Ткварчели, Квезани, Урта, Поквеши, Этцери»[2]. Отдельно стоит остановиться на селе Елыр (Илор), по мнению Цагерали А.А., в языковом отношении: «однако местечко Илори, где господствует и в семье и обществе мингрельский язык»[3]. О двуязычии жителей с. Елыр (Илор) сообщал в своей статье Бакрадзе Д.: «160 дворов старинных христиан мингрельского происхождения; они знают абхазский язык, но постоянно говорят по-мингрельски»[4]. Вместе с тем мы должны напомнить, что именно в с. Елыр располагается древнее святилище абхазов «Аилырныха», которое почитается ими с древних времен, собственно, храм Илорский построен рядом с древнеабхазским святилищем.

То, что абхазское население в Мырзакане явно было подовляющим подтверждает и Альбов Н.М.: «Наконец, на юго-востоке от Окума, в общинах Соберии, Дихазурги, Чубурхинджи и др., господствующим языком является исключительно мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски. В-третьих, названия гор и речек – почти исключительно абхазские»[5]. При взгляде на различные карты разных периодов, на территорию исторического Самырзакана, мы действительно обнаруживаем, что все крупные горы, которых свыше двадцати, имеют абхазские названия. Для определения этнического населения немаловажным являются и различные статистические данные о на-

[1] Цагарели А.А. Мингрельские этюды. – СПб, 1880. VII.

[2] Цагарели А.А. Мингрельские этюды. – СПб, 1880. VII, VIII.

[3] Там же… VIII.

[4] Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. V. – Тифлис, 1873. С.1034.

[5] Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. Живая старина. – СПб. 1893, Вып. III. Год третий. С.305.

селении Абхазии, в том числе и Мырзакана. По «Семейным спискам» 1886 года, как указывает немецкий исследователь Мюллер Д., «некоторые (про-) абхазские ученые утверждают, что процент абхазов в Абхазии в 1886 году составлял 85,7%; это ясно, дополнение к абхазам самурзаканцев (30 640 + 28 323 = 58 963 или 85,7% из 68 773). С другой стороны, некоторые (про-) грузинские ученые утверждали, что на самом деле они, «грузины», составляли большинство 50,6%, явно достигнув этого путем добавления всех картвелов (мингрельцев и некоторого количества лазов по городу Сухум + грузинов, включая имеретинцев и гурийцев) к самурзаканцам (30`640 + 3`558 + 515 + 84 + 9 = 34`806 или 50.6% из 68`773). В то время как (про-) абхазских могут критиковать за выбранную ими форму, они вполне оправданы по своей сути: сам источник составляет дополнительные сводные таблицы, и в них самурзаканцы не указаны, но численность абхазов в Кутаисской губернии дается как 60`432. Так вот, в Батуми (город и округ) числилось 1469 абхазов; таким образом, осталось 58 963, ясно, что это абхазы плюс самурзаканцы в нашем округе», далее исследователь указывает, что «очевидно, что властям было трудно различить абхазов и самурзаканцев, вместо этого они делятся на территориальные подразделения. С другой стороны, у них возникало мало трудностей в разделении мингрельцев и самурзаканцев, которые регулярно перечисляются живущими бок о бок»[1].

Исторический Мырзакан (Самырзакан) с севера на восток тянулся примерно на 46 км от реки Алдзга (Галидзга) до реки Ингур, а с севера от горы Кун Иашта до побережья Черного моря на юг примерно на 50 км. При изучении имеющихся исторических источников, мы можем прийти к выводу, что на большинстве всей этой территории исторического Мырзакана в XIX веке население являлось носителем абхазского языка, говорили именно на абхазском языке, носители абхазского языка проживали в северной, северо-западной, центральной и северо-восточной части региона, носители мегрельского языка занимали восточную часть региона от с. Пахулани на юг вдоль правого берега реки Ингур и до ее устья, а также вдоль морского побережье до реки Аюардзы (Эрисцкали), далее население было двуязычным или же абхазский был господствующим языком. Историческое прошлое Мырзакана все еще остается малоизученным.

Поэтому при работе над подобной проблематикой важно учитывать, на мой взгляд, следующие аспекты:

1) конкретную историческую ситуацию, вплоть до временного отрезка;

2) кто был информатор, очевидец (ученый, путешественник, картограф), его политическая ориентация и национальность;

---

[1] Ethno-demographic history of Abkhazia, 1886 – 1989 by Daniel Müller. The Abkhazians: A Handbook by George Hewitt (Editor). London and New York. 2013. P. (Перевод. Адлейба К.Р.)

3) осторожнее относиться к данным топонимики, ибо они, даже исконно абхазские могут меняться в зависимости от определенных обстоятельств (примеров из XX века предостаточно).

Источники:

1. *Карта Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии. Утверждение русского владычества на Кавказе. Том II. – Тифлис, 1902.*

2. *Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 гг. Утверждение русского владычества на Кавказе. Том II. – Тифлис, 1902.*

3. *Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. 1816.*

4. *Пядышев В. П. Географический атлас Российской Империи. – СПб. 1820-1827.*

5. *Heinrich Mahlmann. Karte des Kaukasus, nach den neuestenAufnahmen des Kaiserl ichrussischenGeneralstabesentworfen. 1842.*

6. *Карта земель Черноморского и Кавказского линейных войск 1858 года. Атлас Карта земель иррегулярных войск. 1858.*

7. *Carte ethnologique du Caucase, dressée / d'après les travaux de MM Seidlitz; Komaroff; von ErckertChantre; et Ernest Chantre. Ernest Chantre. Recherchesanthropologiquesdans le Caucase. Lyon. 1887.*

8. *Этнографическая карта Кавказского края Зейдлица. 1880.*

А.Р. Гумба

РАБОТА БИБЛИОТЕК АБХАЗИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК (1930–1940 ГГ.)

Понятие «библиотечное дело» стало входить в оборот в конце XIX – начале XX века. Понятием «библиотечное дело» широко пользовался В.И. Ленин, и, по сути дела, он впервые придал ему социальный смысл. В 1913 году в статье «Что можно сделать для народного образования», говоря о перспективе превращения библиотек в общедоступные учреждения, он применил это понятие, выразив тем самым необходимость государственного подхода к использованию всей совокупности библиотек в качестве важного канала просвещения народа. И в последующих своих работах, после Октябрьской революции, подчеркивая социальный смысл «библиотечного дела», он призывал к осуществлению государственных мер по постановке библиотечного дела. Как показала история, «библиотечное дело» раскрылось во всей своей социальной сущности, оно вошло в названия многих партийных документов и государственных законодательных актов. Как например, декрет СНК «О централизации библиотечного дела» 1920 года. Закономерность взаимосвязи работы библиотек с развитием культуры была очевидной. Успехи культурной революции находились в прямой связи от состояния книжного дела, от распространения книг в народе, от уровня развития библиотечного дела.

Октябрьская революция 1917 года произвела коренной переворот как в России, так и в судьбе народов, проживавших в ней. Она положила начало преобразованиям в первую очередь в культурной сфере. Первые мероприятия нового советского правительства были направлены на просвещение, преодоление неграмотности среди широких масс населения. Эти мероприятия получили в истории название – культурная революция.

Данная статья посвящена работе библиотек Абхазии в годы второй и третьей пятилеток (1930–1940 гг.).

Культурно-просветительная работа в Абхазии значительно оживилась после XV съезда ВКП(б) и решений мартовского (1928 г.) пленума Абхазского обкома КП(б). В постановлении обкома партии говорилось о необходимости перераспределения средств для нужд сельских культурных очагов, в число которых входила и библиотечная сеть.

В дальнейшем большую роль в улучшении работы культурно-образовательных организаций сыграли и другие постановления ЦК ВКП(б) «О культурно-просветительной работе профсоюзов»» (1 апреля 1929 г.), «Об улучшении библиотечной работы» (30 октября 1929 г.), «Об избах-читальнях» (11 ноября 1929 г.). В них были вскрыты основные недостатки в организации библиотечного дела и работы изб-читален в стране, намечены задачи для их дальнейшего расширения и улучшения. Важную роль в решении поставленных задач должны были сыграть профессиональные союзы.

В целях поднятия общественно-политического значения изб-читален и организации деревенской общественности ЦК счел необходимым для усиления органов культурно-просветительной работы послать в деревню не менее 10000 коммунистов и комсомольцев, окончивших совпартшколы, педагогические техникумы и рабфаки.

По указанию Абхазского обкома КП(б) и СНК Абхазии, Главполитпросвет Абхазии с лета 1928 года пересмотрел состав избачей, заменил слабых работников новыми, более подготовленными, окончившими совпартшколу и Сухумский педагогический техникум. А для той части работников, которые не имели достаточной подготовки, были организованы двухмесячные курсы. Принимались меры по усилению материальной базы библиотек и изб-читален и многое другое[1].

Осенью 1929 года в стране был развернут библиотечный поход, ставивший своей целью укрепить библиотеки, повысить их активность, в особенности усилить библиотечную работу в колхозах, привлекая к ней общественность. Поход проходил под девизом «Книгу – в массы». Довольно большое распространение получила такая внебиблиотечная форма пропаганды книги, как **книгоношество**, инициаторами которого являлись комсомольские организации. Разнося книги по селам, отдаленным участкам, книгоноши привлекали тем самым новых и новых читателей из среды рабочих и крестьян. Они не ограничивались только раздачей книг, проводили беседы, разъясняли содержание особенно важных книг.

В городе Сухуме на тот период имелось уже шесть библиотек. Общее количество книг составляло 23.628 экземпляров, читателей – 2.040 человек. На строительстве Сталинстроя в Ткуарчале было две библиотеки, книжный фонд которых насчитывал три. 121 экземпляров и 458 читателей. На постройке Черноморской железной дороги – одна библиотека с 3.000 экземпляров книг и 800 читателей. По всем совхозам было шесть библиотек, книжный фонд которых насчитывал 5.140 книг, количество читателей 585[2].

---

[1] История Абхазской АССР (1917-1937). – Сух. 1983. С. 267-268.

[2] Гумба А.Р. Из истории культурно-просветительной работы в Абхазии 1929-1945 гг. – Сух. 1992. С. 16.

Таким образом, при всех названных выше профсоюзных (рабочих) клубах имелось 15 библиотек, общее количество книжного фонда составляло 24. 943 экземпляра книг, и было вовлечено 3. 878 читателей. В основном литература в этих библиотеках была на русском языке, затем следовала грузинская, малый процент армянской и всего несколько экземпляров книг на абхазском языке. Но с развитием национальной печати в Абхазии книжные фонды библиотек стали значительно пополняться книгами на абхазском языке. Следует также отметить – наглядно видно по объему книжного фонда, что речь пока идет о «карликовых» профсоюзных библиотеках, которые ютились в небольших помещениях, в одной или двух комнатах того или иного профсоюзного клуба.

Централизация библиотечной сети, решение о которой было вынесено СПСА, задерживалось из-за полной невозможности изыскать в Сухуме соответствующее помещение для центральной библиотечной базы. На оборудование помещения требовалось до 10.000 рублей[1].

«*Мы не должны скрывать неблагополучия библиотечного дела в Абхазии*» – писала «Советская Абхазия»[2].

Эта же мысль звучала в выступлениях ряда участников первой всеабхазской конференции библиотечных работников.

В отчетном докладе заведующей Сухумской центральной городской библиотеки говорилось: «*Помещение небольшое, сырое, книги портятся и пропадают, для устройства читателей не хватает места, средств мало, обновлять предлагаемый материал нет возможности*»[3]. На содержание штата указанной выше библиотеки отпускалось в три раза больше, чем на приобретение книг. В большинстве библиотек совершенно отсутствовала научная литература, не было возможности удовлетворить потребности читателей и по различным вопросам искусства.

Еще печальнее обстояло дело с детской литературой, которой ни в одной библиотеке республики почти не было, исключение составляла библиотека города Гагра, где к 1932 году библиотека значительно пополнилась новыми книгами, и фонд её достиг 5.000 экземпляров книг, а читаемость выросла до 3 тыс. человек в месяц[4].

Немалый вклад вносит и общественность Абхазии. Из газетных сообщений того периода мы узнаем, что для пополнения книжного фонда в Сухумскую библиотеку добровольно сдали книги 12 жителей, в Гагрскую – двое, в Гудаутскую – один, в Очамчырскую – 33 и в Галскую – четверо[5].

---

[1] ЦГА Абх. АССР. Ф. 100. Д. 655. Л. 49.

[2] Газ. Советская Абхазия. 1929. 8 октября.

[3] Гумба А.Р. Из истории культурно-просветительной работы в Абхазии… С. 17.

[4] Газ. Советская Абхазия. 1932. 22 августа.

[5] Газ. Советская Абхазия. 1932. 13 июля.

Библиотечная работа в деревне. В эти годы деревня переходила на путь коллективизации сельского хозяйства. Крестьяне вступали в колхозы, происходила ломка не только индивидуального хозяйства, но и психологии самих крестьян.

Библиотечная работа в сельской местности была тесно связана с колхозным строительством. С одной стороны, с победой колхозного строя значительно увеличивались и её материальные возможности, так как в каждом колхозе создавался специальный денежный культурный фонд, а с другой – возрастали культурные запросы крестьян, которых уже мало удовлетворяли методы, практиковавшиеся избачами тогда, когда крестьяне в массе были неграмотными или малограмотными. Другими словами, если до коллективизации приходилось проводить работу среди бедняков, середняков-единоличников, то теперь появился новый контингент – **колхозники,** политический и культурный уровень которых заметно вырос.

Поэтому уже в ноябре 1930 года первое Всероссийское совещание по массовой политико-просветительной работе постановило реорганизовать в районах сплошной коллективизации избы-читальни в колхозные и совхозные клубы[1].

Абхазия была тогда еще далека от сплошной коллективизации, однако уже в августе 1933 года в плане на вторую пятилетку культурно-просветительного строительства, составленном Наркомпросом Абхазии, была взята установка на развертывание в первую очередь не изб-читален, а клубов-читален[2].

В том же плане предусматривалось широкое развитие сети и других массово-просветительных учреждений: клубов, домов (социалистической) культуры, библиотек, музеев и т.д.

Для осуществления этих мероприятий предстояла большая работа, поскольку несмотря на ряд определенных достижений в области культурного строительства, в Абхазии по-прежнему значительно отставали многие его стороны.

С этой целью для улучшения и контроля за деятельностью культурно-просветительных учреждений ЦИК АССР Абхазии 21 октября 1933 года принял решение «О реорганизации аппарата Наркомпроса Абхазии». В составе Наркомпроса были сформированы специальные управления и отделы, в том числе и отдел культурно-просветительных учреждений, в задачи которого входила и деятельность библиотек Абхазии[3].

---

[1] Адлейба А.Н. К истории культурного строительства в Абхазии 1921-1937. – Сух. 1961. С. 105.

[2] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8. Д. 453. Л. 2.

[3] Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921-1938 гг.). С. 231-232.; Газ. Советская Абхазия. 1933. 28 октября.

По инициативе Н.К. Крупской, в 1935 году развернулась (социалистическое) соревнование за лучшую сельскую библиотеку. Оно способствовало массовой работе библиотек и еще большему расширению круга читателей[1].

В годы второй пятилетки заметно повышается уровень кадров библиотечных работников. В газетах упомянутого периода пестрят сообщения об удовлетворительной работе библиотек, что выражалось в правильном комплектовании книжного фонда и периодической литературы. Например, умелой организацией работы отличился заведующий клубом колхоза «Уус-ильм» Сухумского района П.Я. Пинт «*Имелась хорошо оборудованная читальня, выписывались газеты «Правда», «Известия», «Заря Востока», «Советская Абхазия», эстонская газета «Эдази» и журналы «Огонек», «Вокруг Света», «Крокодил». Книжный фонд библиотеки составлял 1.500 книг*»[2].

Хорошо была поставлена работа и у заведующего избой-читальней села Арасадзых Очамчырского района Нестора Бганба, который так умело устраивал громкие читки газет, что приходили и самые некогда неинтересующиеся[3].

Годы второй пятилетки стали периодом крупных успехов культурной жизни в СССР. В эти годы были решены такие важные для страны задачи культурной революции, как ликвидация массовой неграмотности населения, введение всеобщего начального обучения детей и т.д.

Культурная революция в Абхазии характеризовалась общими для всего Союза закономерностями.

Заметно выросло число культурно-просветительных учреждений в абхазской деревне. Теперь во всех сельсоветах были свои избы-читальни, находящиеся на госбюджете. К периоду завершения культурной революции в республике было пять районных клубов, 46 сельских клубов 45 изб-читален. Работа в этих учреждениях проводилась на абхазском, русском, грузинском, армянском, греческом и других языках. Постоянно росли ассигнования на содержание культурно-просветительных учреждений Абхазии. В 1937 году они составляли 465000 рублей[4].

Непредусмотренные бюджетом, но фактически существующие библиотеки при клубах не закрывались, а передавались тем колхозам, которые они обслуживали. Часть изб-читален была реорганизована в колхозные клубы-читальни[5].

В целях улучшения и оказания помощи в правильной методике ведения работы в сельских библиотеках была введена должность районного

---

[1] История СССР. Т.9. – М., 1971. С. 263.
[2] Газ. Советская Абхазия. 1936. 14 августа.
[3] Газ. Советская Абхазия. 1938. 28 февраля.
[4] ЦГА Абх.АССР. Ф. 8. Д. 567. Л. 20.
[5] Там же.

инспектора по библиотекам, избам-читальням и красным уголкам. Таким образом, серьезное содействие библиотечным работникам оказывалось со стороны районных Домов культуры.

К 1 мая 1937 года в селе Цебельде открылся первый в Сухумском районе сельский парк культуры. В расположенном в центре Цебельды большом фруктовом саду была построена читальня и оборудован летний кинотеатр[1].

Наряду с положительной работой отмечались также и недостатки, главная причина которых была, к сожалению, во все еще недостаточной подготовке, низком уровне понимания поставленных государством задач. Это касалось как работников на местах, так и руководящих лиц. Поэтому была большая текучесть кадров, когда случайно назначенные избачи, библиотекари запускали дело или вовсе бросали работу. Весьма характерен для этого случая пример того, как в село Лата был прислан Сухумским отделом народного образования малограмотный избач, который не мог написать крестьянину заявление или хотя бы объяснить, как его написать.

Такие недостатки хотя и были единичны, но правительство Абхазии принимало меры по их преодолению. Для улучшения работы на селе широко использовались такие формы повышения квалификации, как курсы, практикумы, семинары.

Так, в 1937 году Наркомпрос Абхазии организовал в Сухуми месячные курсы по подготовке работников изб-читален и сельских клубов. На курсах прошли подготовку 17 колхозников из Гудаутского, Гагрского и Очамчырского районов. Занятия проводились на абхазском языке. Курсанты изучали вопросы библиотечной работы, знакомились с абхазской литературой. Закончившим курсы по подготовке библиотечного дела Наркомпрос выдавал специальное удостоверение[2].

В 1939 году были открыты три новых клуба-читальни, одна подрайонная библиотека, четыре избы-читальни переоборудованы под клубы.

Так, в Абхазии к 1940 году была создана большая сеть библиотечных учреждений. Только в районных центрах и селах (не считая города Сухум) имелись 51 изба-читальня, 42 библиотеки[3].

На третьей сессии Верховного Совета Абхазии (20-21 июня 1940 г.), было отмечено, что расходы на финансирование просветительных мероприятий: библиотек, клубов, изб-читален, Домов культуры, Домов учителя возросли на 8,5 %.

Таким образом, за счет бюджетных ассигнований к концу 1940 года в Абхазии функционировало восемь библиотек, два районных клуба, два

[1] Газ. Советская Абхазия. 1937. 30 мая.
[2] ЦГА Абх. АССР. Ф.8. Д. 567. Л. 63.
[3] ЦГА Абх. АССР. Ф.8. Д. 459. Л. 12.

Дома культуры, четыре Дома учителя, 48 сельских клубов и 55 изб-читален – всего 119 учреждений культурно-просветительного характера[1].

По районам они распределялись следующим образом: **Гагрский** район – 5 изб-читален (5 штатных работников), 6 колхозных клубов (6 штатных работников); **Гудаутский** район – 6 изб-читален (12 штатных работников), 6 колхозных клубов (6 штатных работников); **Сухумский** район – 11 изб-читален (14 штатных работников), 14 колхозных клубов (22 штатных работника); **Очамчырский** район – 11 изб-читален (12 штатных работников), 12 колхозных клубов (18 штатных работников); **Галский** район – 11 изб-читален (11 штатных работников), 11 колхозных клубов (11 штатных работников)[2].

Кроме того, в каждом районном центре был районный Дом культуры, который содержал в среднем 4-6 штатных работников. Книжный фонд при избах-читальнях и клубах в среднем составлял 300–400 экземпляров книг (не считая периодической печати).

Рост библиотечной сети был отмечен на вышеупомянутой 3-й сессии Верховного Совета Абхазии и в докладе М.К. Делба: «*Если при царизме и господстве меньшевиков*, – говорил он, – *клубы и библиотеки представляли в Абхазии редкостное исключение, то в 1940 году финансируется из бюджета 119 библиотек, клубов и изб-читален, не считая библиотек, клубов и читален, содержащихся за счет профсоюзов*»[3].

Изучая газетный материал данного периода, можно встретить много имен отличившихся библиотечных работников, которые хорошо справлялись со своими обязанностями, привлекая читателей к книге и периодической печати. Так, например, среди них: А. Маргания (заведующая Гудаутской районной библиотекой), Христиан Кнут (библиотека эстонского сельсовета), А. Тигранян (заведующий Гагрским Домом культуры), Тамара Саджая (библиотекарь Илорского сельсовета), И. Лабия-комсомолец (библиотека Дурипшского сельсовета)[4].

Вместе с тем некоторые сельские библиотечные учреждения работали неудовлетворительно. Например, часто бывала на замке библиотека Баклановского сельсовета Гудаутского района. Такая же картина наблюдалась и в Ткуарчальской избе-читальне[5].

С целью повышения профессионального уровня работников библиотек в 1939 году Наркомпрос Абхазии организовал в Очамчыре и Гале заочные курсы. Несколько человек отправили в Тбилиси на республиканские кур-

---

[1] ЦГА Абх. АССР. Ф. 201. Д. 17. Л. 49.
[2] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8 Д. 772. ЛЛ. 15, 26, 30, 55, 78.
[3] ЦГА Абх.АССР. Ф. 201. Д. 17. Л. 11.
[4] Газ. Советская Абхазия. 1939. 29 октября.
[5] Газ. Советская Абхазия. 1940. 14 января.

сы библиотечных работников. Кроме того, при педагогическом училище организовали специальное отделение, которое готовило клубных и библиотечных работников.

Подводя итог, отметим: если в 1829 году в селах Абхазии – 48 избчитален, то в 1837 – 92 избы-читальни[1]. Во всех сельсоветах были свои избы-читальни, находящиеся на госбюджете. Они планомерно комплектовались книгами через библиотечный коллектор.

Работа городских библиотек. В годы второй пятилетки Советское государство уделяло особое внимание библиотечной работе. В Постановлении ЦК партии от 8 октября 1933 года «Об улучшении дела самообразования» подчеркивалась большая роль библиотек. 27 марта 1934 года ЦИК СССР принял Постановление «О библиотечном деле Союза ССР», были отпущены значительные средства на пополнение библиотечных фондов, на строительство и ремонт библиотек, укреплено руководство библиотечным делом. На 1 октября 1934 г. в СССР имелось 115.542 библиотеки всех типов с общим фондом в 298.9 млн. книг. В стране не осталось ни одного района без библиотек. Гордостью страны были такие крупнейшие книгохранилища мира, как Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина в Москве, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко в Харькове и т.д.

Советские библиотеки превратились в центры общественно-политической и культурно-массовой работы среди миллионов читателей. Политическая работа, самообразование, воспитание художественного вкуса, укрепление связей между читателями и писателями – таким благородным задачам посвящали свой труд советские библиотекари. Это в полной мере касалось и Абхазии.

Самой крупной библиотекой в республике Абхазия была **Сухумская городская библиотека**, основанная в 1930 году. Она занимала четыре комнаты, книжный фонд её составлял 27. 988 экземпляров книг, количество читателей по абонементу – 1.116 человек, из них 799 служащих, 45 домохозяек, 143 рабочих, 123 учащихся, 6 стахановцев. Оборот книг за год составлял 38.948 экземпляров[2].

Читальня для колхозников была основана в 1931 году, её бюджет составлял 8.211 рублей. Читальня занимала две комнаты. Книжный фонд состоял из 1. 783 экземпляров. На дом книги не выдавались. Годовая посещаемость читального зала составляла 67.843 человек. В читальном зале выдавались справки разного рода[3].

---

[1] История Абхазской АССР (1917-1037)... С. 342.
[2] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8. Д. 567. Л. 3; Д. 48. Л. 102.
[3] ЦГА Абх. АССР. Ф.8. Д. 567. Л. 2.

Сухумская детская библиотека была основана в 1933 году. Книжный фонд составлял 2.123 экземпляра, количество читателей за год – 415 человек, из них: 410 учащихся, 3 рабочих и 2 стахановца. Книжный оборот за год составлял 16.003 экземпляра[1].

Книжный фонд **Сухумской городской читальни им. 26 бакинских комиссаров** составлял 8.153 экземпляра, из которых 243 книги на абхазском языке. Из 109 читателей – 96 было учащихся, 3 – рабочих, 2 – домохозяек, 8 – педагогов[2].

В каждом районном центре были районные библиотеки.

Книжный фонд **Галской районной библиотеки** составлял 434 экземпляра. Количество читателей по абонементу – 90, посещаемость читального зала 50 человек[3].

В **Очамчырской районной библиотеке** книжный фонд составлял 2.242 экземпляра, из них 131 на абхазском языке. Общее число читателей – 261. Не отставала по аналогичным показателям и **Гагрская районная библиотека**, книжный фонд которой составлял 1.750 экземпляров, при общем числе читателей 150 человек, из которых 50–абхазской национальности[4].

Как видим в указанный период, в Абхазии была создана достаточно крупная библиотечная сеть, которая наряду с клубными учреждениями всемерно содействовала росту сознательности масс. Библиотечные плакаты, рекомендательные списки литературы, библиографические указатели, обзоры книг – все служило цели наиболее эффективного обслуживания трудящихся.

Сухумская городская читальня пользовалась большой популярностью среди трудящихся города. Ежедневно её посещали свыше 200 рабочих, служащих и учащихся. За один только год библиотеку-читальню посетило 17.658 читателей[5]. Хорошо была поставлена работа в **читальне моряков Сухумского порта**. Была выделена комната с литературой для партийных и профполиткружков, установлен радиоприемник с 24 парами наушников. Читальня обслуживала три общежития грузчиков и 18 каботажных судов. В читальню поступали 19 названий журналов и 18 названий газет[6].

Читальня колхозного рынка обслуживала одновременно как жителей города Сухума, так и приезжающих в город колхозников. В читальне ежедневно имелись свежие газеты и журналы на пяти национальных языках. Для обслуживания колхозников в читальне были организованы справочные

---

[1] ЦГА Абх. АССР. Ф.8. Д. 567. Л. 5.
[2] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8, д. 567. Л. 4.
[3] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8. Д. 483. Л. 40.
[4] ЦГА Абх. АССР. Ф. 8. Д. 10, 64.
[5] Газ. Советская Абхазия. 1935. 11 марта.
[6] Газ. Советская Абхазия. 1935. 26 марта.

столы – стол проверки облигаций, лотерейных билетов, юридическая консультация, стол справок. Посещаемость за год достигала 67. 863 читателя[1].

Газетный материал того времени освещает активную работу молодого библиотекаря табачного техникума Екатерины Редкиной. Ей удалось так наладить работу с читателями, что студенты с большой охотой и интересом стали посещать библиотеку. Газета писала: «*Екатерина Редкина учится на заочном отделении Комвуза им. Н.К. Крупской. Опыт её работы не мешало бы перенять и другим работникам библиотек Абхазии*»[2].

Впервые в 1936 году в Гудауте был открыт Детский парк с площадкой для различного рода игр и качелями, а также летней библиотекой-читальней, при которой были организованы кружки юных натуралистов[3].

В 1937 году в Сухуме был открыт Дом учителя, где была оборудована комната-читальня, библиотека, книжный фонд которой составлял 5.000 экземпляров[4].

Наряду с положительной работой имелись и недостатки. Это в первую очередь теснота помещений, плохое оборудование, недостаточное снабжение новой литературой (особенно на национальном языке). Почти отсутствовала детская литература. В неудовлетворительном состоянии находились библиотеки в Квезани[5], селе Гудава[6] Галского района, Баклановка[7] Гудаутского района, библиотека колхозного рынка[8] и т.д.

К примеру, о состоянии Очамчырской городской библиотеки в газете сообщалось: «Холодно. От сырости обвисли и покоробились портреты вождей и плакаты. Единственное окно не дает достаточного света днем. Слабосильная лампочка чуть мигает над столом для чтения. Нужных книг нет»[9].

Сухумская детская библиотека не имела собственного помещения и теснилась в уголке при входе в городскую центральную библиотеку. Читального зала не было, дети лишены были возможности посидеть за книгой, журналом. Фонд детской библиотеки насчитывал 1000 книг, большая часть из которых требовала реставрации[10].

Признавая необходимость улучшения библиотечного дела в республике, Совет народных комиссаров Абхазии отмечал, что отсутствие в Абхазии Республиканской библиотеки являлось причиной неудовлетворительного

---

[1] Газ. Советская Абхазия. 1937. 8 августа.
[2] Газ. Советская Абхазия. 1937. 24 января.
[3] Газ. Советская Абхазия. 1936. 22 июня.
[4] ЦГА Абх.АССР. Ф. 101. Д. 639. Л. 126.
[5] Газ. Советская Абхазия. 1935. 27 марта.
[6] Газ. Советская Абхазия. 1937. 8 февраля.
[7] Газ. Советская Абхазия. 1936. 15 марта.
[8] Газ. Советская Абхазия. 1936. 16 августа.
[9] Газ. Советская Абхазия. 1935. 22 февраля.
[10] Газ. Советская Абхазия. 1936. 16 мая.

обслуживания трудящихся, а также должного методического руководства сетью районных и городских библиотек.

В связи с этим Совнарком Абхазии от 28 августа 1938 года постановил «реорганизовать с 1 июля 1938 года Сухумскую городскую библиотеку Абхазской АССР в Республиканскую библиотеку Абхазской АССР, присоединив к ней Сухумскую городскую читальню им. 26 бакинских комиссаров»[1].

В том же 1938 году были организованы месячные курсы для подготовки и переподготовки библиотекарей массовых библиотек. Через год, в 1939 году, были проведены 10-дневные курсы-семинары, а в 1940 году 6-дневная конференция.

Республиканская библиотека Абхазии стала подлинным очагом культуры. Её пример достаточно убедительно показывает, как развивалось библиотечное дело в Абхазии. Вспомним, что в 1930 году в этой библиотеке насчитывалось 8.871 экземпляров книги, её посещало 11.150 читателей, было выдано 15.422 экземпляра книг. Уже в 1940 году мы видим реальные изменения, общий фонд библиотеки составляет 46.346 книг, посещаемость абонементного зала, читальни и рабочих кабинетов становится – 199.221 читателей, число выданных книг и журналов составляет – 115.562 экземпляра.

На комплектование библиотечного фонда было затрачено: в 1936 году – 9.000 рублей, в 1938 году – 34.000 рублей, в 1940 году – 36.000 рублей[2].

Библиотека развернула большую работу по обслуживанию читателей. И в абонементном зале, и в читальном зале были установлены каталоги – систематический, алфавитный и предметный. Организован справочно-библиографический отдел, регулярно устраивались выставки на общественно-политические и научные темы. При справочно-библиографическом отделе имелся подсобный аппарат – картотеки Всесоюзной книжной палаты, института библиотековедения и др. Регулярно составлялись рекомендательные списки литературы на разные общественно-политические и научные темы, по просьбе читателей – списки литературы по специальным вопросам. Библиотека была связана межбиблиотечным абонементом с библиотеками им. Карла Маркса в Тбилиси, имени. В.И. Ленина в Москве, им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Питер), библиотеками Московского и Тбилисского университетов, Одесской публичной библиотекой, а также со всеми районными библиотеками внутри Абхазии.

Специальным постановлением Совета народных комиссаров Абхазии от 26 июля 1838 года было осуществлено распределение библиотек по отдельным пунктам[3]:

---

[1] ЦГА Абх. АССР. Ф. 2. Д.1. Л. 329.; См. также газ. Советская Абхазия. 1938. 12 октября.

[2] Адлейба А.К. К истории культурного строительства в Абхазии. … С.81.

[3] ЦГА Абх. АССР. Ф. 2. Д. 1. Л. 102.

Наименование района	Наименование пункта
1. Гагрский	с. Пицунда
2. Гудаутский	с. Мугудзырхва
3. Сухумский	с. Ольгинское
4. Сухумский	с. Эшера
5. Галский	с. В. Баргеби
6. Галский	с. Отобая
7. Галский	с. Саберио

Было также организовано пять передвижных библиотек: на строительстве Черноморской железной дороги, на Сухумском кожобувном комбинате и в других местах. Значительно расширена работа и в районных библиотеках.

В 1940 году общее число библиотек в Абхазии, включая библиотеки при клубных учреждениях, достигло 159, а их книжный фонд – 152.7 тыс. экземпляров.

Кроме того, постоянно росло число библиотек при клубах профсоюзов. Они создавались при вузах, техникумах, научно-исследовательских учреждениях, школах.

А. Юргенсон

ЭВАКУАЦИЯ ЭСТОНЦЕВ В ОКТЯБРЕ 1992 ГОДА ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НАРОДА АБХАЗИИ

В Отечественной войне абхазов, в ходе которой была достигнута независимость Абхазии от Грузии, участвовали и эстонцы.[1] Одна эстонка, родившаяся в Абхазии, за спасение раненых была удостоена ордена Леона, молодой человек из Эстонии, г. Тарту, заслужил почётное звание Героя Абхазии.[2] Следует упомянуть также, что когда в начале июня 1993 года в Пярну состоялось совещание Организации непризнанных народов (ОНН), то там были поддержаны права абхазов в конфликте с грузинами.[3] Президент ОНН Линнарт Мялль ранее участвовал по приглашению Верховного Совета Абхазии в этом регионе в работе миротворческой миссии, что однако не возымело успеха: если Верховный Совет Абхазии оказывал ему всяческую поддержку, то председатель Госсовета Грузии Эдуард Шеварднадзе отказался его принять.[4]

Что же касается официальной позиции Эстонии, то она была нейтральной или, как иронически высказался тогда один высокий госслужащий Эстонии: отношение Эстонии к Абхазии сейчас настолько нейтрально, что такового вовсе не существует.[5] Тем временем эстонское государство было напрямую связано с этой войной. В Абхазии проживали в то время сотни эстонцев, безопасностью которых Эстония была обеспокоена. Из района военных действий в Эстонию было эвакуировано 170 человек. Всего же в ходе войны и после неё из Абхазии в Эстонию по официальным данным переехало 490 человек.[6]

---

[1] Бройдо А. Непокорный умирает стоя: война 1992-1993 годов и этнопсихология абхазов. Научное издание. – Сухум, 2010, 124; Авидзба, А. Ф. Отечественная война (1992-1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум, 2008, 138.

[2] Piirsalu, J. Suhhumi eestlaste juht päästis sõja ajal inimesi. – Päevaleht, 16.07.2007. http://www.epl.ee/news/eesti/suhhumi-eestlaste-juht-paastis-soja-ajal-inimesi.d?id=51094199 (15.03.2013)

[3] Herkel, A. Jooni Linnartist ja tema ümbert. – Laama ja Linnart. Tiibet ja Eesti. Tallinn, GO Reisiraamat, 2012, 75.

[4] Vilgats, Kalev 1992. ERO presidendi rahumissioon ei õnnestunud. – Postimees, 1.09., № 196, 5.

[5] Vahe, Urmas 1993. Andres Kollist: Eestlased on kõikjal elanud ohu piiril. – Hommikuleht № 288, 14.12., 8.

[6] Jõgeda, Tiina 1997. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 30.05., A4.

Для Эстонской Республики этот процесс был значимым по нескольким соображениям. Во-первых, речь шла о первой гуманитарной миссии, вновь обретшей независимость Эстонии.[1] Во-вторых, бегство эстонцев из Абхазии было для эстонской истории миграции самым поздним массовым бегством, не считая, конечно, оставшегося в тени Великого бегства периода Второй мировой войны. В-третьих, спасательная операция послужила толчком к началу дискуссии, каким является и должно быть отношение метрополии к диаспорам. Или, как писали позже журналисты, Эстонская Республика, вновь ставшая независимой, впервые получила возможность продемонстрировать, что «национальное государство в силах помочь своим ближним».[2]

В начале войны Россия стала эвакуировать из Абхазии русских отдыхающих.[3] Почти сразу после этого Еврейское агентство (Сохнут) начало эвакуировать евреев из Абхазии в Израиль, а в 1993 г. греческое правительство эвакуировало греков из Абхазии в Грецию. Евреев эвакуировали в метрополию в количестве 200 человек, а греков – больше тысячи, большую часть тех, кто жил в Абхазии.[4] Как евреев, так и греков вывозили из Абхазии на кораблях. По прошествии времени следует отметить, что еврейская диаспора Абхазии эвакуацией была обречена на угасание – большинство уехавших больше в Абхазию не вернулось. Большинство греков также больше не вернулось назад, хотя большая их часть считала, что это временный отъезд.[5] Эвакуация греков и евреев из Абхазии упоминается во многих работах, а упоминаний об эвакуации эстонцев довольно мало. Так же как и в случае с греками и евреями, и при этой эвакуации применялся этнический принцип – выехать позволили эстонцам, живущим в эстонских поселках Абхазии, а также членам их семей неэстонского происхождения.

Кем являются эстонцы Абхазии?

После мухаджирства на опустевшие земли царское правительство переселяло как православных, так и подданных России лютеранского вероисповедания. Так в Абхазию прибыли греки, молдаване, армяне, болгары,

---

[1] M. Iila. Eesti esimene humanitaarmissioon. – Hilda Sabbo. Eestlased XX sajandist. 2017, C. 447.

[2] T. Jõgeda. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 1997, A4.

3 S. J. Kaufman. Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca, 2001, C. 121; E. Karagiannis. Energy and Security in the Caucasus, New York, 2011, C. 81.

[4] American Jewish Year Book 1994, C. 341; M. Edwards. Jewish life slowly dies in Abkhazia. 2012. http://forward.com/news/163408/jewish-life-slowly-dying-in-abkhazia/; N. Akaba. **The "Abkhazia" project: political nation or community of minorities?** http://www.international-alert.org/ru/blog/nation-building-english-0**;** B. G. Hewitt. Discordant Neighbours: A Reassessment of the Georgian-Abkhazian and Georgian-South. Ossetian Conflicts. Leiden, Boston, 2013, C. 145.

[5] E. Voutira. The ´Right to Return´ and the meaning of ´Home´. A post Soviet Greek diasporaa becoming European? Zürich, Berlin, 2011, C. 25.

грузины-мегрелы, немцы, а также и эстонцы.[1] В 1882 г. вблизи Сухума было основано поселение Линда, в том же году в долине р. Кодор – Эстония. В 1884 г. на берегу р. Псоу было основано поселение Сальме, а в 1885 г. неподалёку в горах – Сулеви. К концу 1886 г. в Сухумский и Черноморский округа Закавказья переселилось 946 эстонцев. В 1940–1950 годах в эстонские сёла были подселены проживавшие рядом армяне турецкого происхождения, а из горных районов Грузии – сваны и мегрелы. Таким образом, эстонцы остались в своих поселениях в меньшинстве.[2]

В 1984–1985 годах этнический состав эстонских поселений был следующий: в Эстонии 1234 жителя, из них эстонцев 150; в Сальме – 1760, из них эстонцев 285; в Сулеви – 836, из них эстонцев 170.[3]

За подселением мигрантов последовал упадок доселе успешных колхозов. Урожайные фруктовые сады эстонцев были вырублены, а на их месте посажен табак. Бывшие жители вспоминали, что если грузины покупали дома эстонцев и проживали в них несколько лет, то сады переставали плодоносить. В эстонских поселениях абхазов практически не было, но там заправляли грузины. В 1980 годы грузины всё чаще намекали на то, что это их земля и эстонцам стоило бы уже вернуться на свою родину. Многие эстонцы так и поступили – уехали в Эстонию. Эстонский этнолог Марика Миккор писала: «И хотя эстонцы действительно являются на абхазской земле колонистами, тем не менее, абхазы относятся к ним хорошо, и на самом деле отъезд эстонцев им не нравился».[4]

Когда в августе 1992 года Грузия напала на Абхазию, то эстонцы старались оставаться нейтральными, хотя одиночки из них и сражались на одной или другой стороне. Правда, по данным Марики Миккор, большинство абхазских эстонцев утверждали, что они в принципе на стороне абхазов. В начале войны грузины обещали, что прежде всего они сведут счеты с абхазами, а затем и с русскими, эстонцами и другими. В печатных источниках писалось о том, что до конца войны осенью 1993 г. оставшиеся в Сухуме эстонцы с нетерпением ожидали прихода абхазов.[5]

Эвакуация эстонцев

Ко второй половине сентября 1992 г., когда война длилась уже целый месяц, в Эстонию прибыло более сорока человек абхазских эстонцев; в ос-

---

[1] Лакоба, С. Абхазия после двух империй XIX-XXI вв., 12; Ачугба, Т. А. К обоснованию статуса «грузинских беженцев», 7; Ачугба, Т. А. История Абхазии в датах, 2011, 77.

[2] Mikkor, M. Eestlased Musta mere rannikul. Tartu, 1998, 8-10.

[3] Mikkor, Marika 1994. Abhaasia eestlased. – Eesti Aeg № 12, 30.03, 7.

[4] Jõesaar, Anu 1992. Mida me arvame teadvat mägede maa eestlastest. – Postimees, 30.11., № 273, 3; Jõesaar, Anu 1992. Salme, Linda ja Sulev tagasi Eestis. – Postimees, № 221, 30.09., 4.

5 Mikkor, Marika 1994. Abhaasia eestlased. – Eesti Aeg № 12, 30.03, 7.

новном они приехали к родственникам. Часть эстонцев выехала в Адлер и ожидала возможности уехать в Эстонию. О беженцах и их впечатлениях о войне в эстонской прессе писалось много. В основном это были свежие военные впечатления беженцев. Писалось о грузинском мародёрстве в поселении Эстония, о том, как в одном и том же домохозяйстве могли грабить по 4-5 раз подряд. Сообщалось в прессе и об отдельных смертельных случаях в первые дни войны.

Встал и вопрос о размещении прибывших в Эстонию. Многие жили у родственников. К примеру, в расположенной вблизи Таллинна деревне Вайда, у одного проживавшего там родственника временное пристанище нашли 13 человек.[1]

Прибывшие в Эстонию абхазские эстонцы беспокоились за судьбу оставшихся в Абхазии и обратились к правительству Эстонской Республики с просьбой эвакуировать эстонцев из эстонских поселений Абхазии. Правительство делегировало эту задачу Миграционному департаменту Эстонии. В операции участвовал также и Спасательный департамент, который имел опыт действий в экстремальных условиях.

17 октября заместитель директора Спасательного департамента Тимберг вместе с советником департамента полетели через Москву в Сухум, чтобы уточнить, сколько человек готовы уехать из поселения Эстония, которое находилось на занятой грузинами территории. Из Миграционного департамента выехала другая группа в Адлер и оттуда в Сальме, чтобы организовать эвакуацию тамошних эстонцев.[2] Этот регион абхазы уже освободили. Таким образом, чиновникам Эстонии пришлось вести переговоры одновременно как с грузинскими, так и абхазскими властями.

Сухум и окрестные поселения

Сухум и располагавшиеся неподалёку от него сёла Эстония и Линда находились в то время в руках грузин. Сухумский аэропорт находился в 30 км от города, а от поселения Эстония всего лишь в 7 км, что значительно облегчило эвакуацию. Фронт проходил в 30 км от поселения. Это было сравнительно далеко, что не мешало эвакуации.

Первой задачей было составление списка жителей с. Эстония, желающих выехать. Миграционный департамент обещал прислать самолёт. Обстановка была напряжённой, в селе к тому времени были уже совершены грабежи.

Членов эстонских семей в поселении Эстония было 150 человек, но кроме них были также и армяне, грузины, греки и др. От грузинского бригад-

[1] Tammer, Tiina 1992. – Rahva Hääl № 225, 26. 09., 2.

[2] Õigus, Anne-Liis 1992. Kuidas kulges Abhaasia eestlaste Eestisse toomine. – Esmaspäev 16.11., № 41, 8.

ного генерала Наирошвили было получено разрешение на посадку самолёта на аэродроме Сухума; также было достигнуто соглашение о размере платы. Было поставлено условие не вывозить оружие. Большим достижением было полученное разрешение на вывоз военнообязанных лиц, так как к тому времени в Грузии уже объявили общую мобилизацию.

Самолёт ТУ-134, принадлежавший Estonian Air, прибыл в Сухум 23 октября. Генерал, который знал о том, что самолёт приземлится перед этим и в Адлере, спросил у заместителя директора Спасательного департамента Тимберга: «Какова гарантия того, что из самолёта, который совершит посадку, не выйдет 200 чеченских боевиков?». Ситуация была критической. Данная Тимбергом от лица правительства Эстонии гарантия не являлась для генерала достаточным аргументом. Члены эстонской спасательной миссии должны были отвечать за прибывающих лично, и тем самым они рисковали жизнью. Самолёт приземлился, чеченских боевиков в нём не оказалось, но вместе с экипажем прибыли главный директор Спасательного департамента и общий руководитель миссии Андрес Коллист, врач и один журналист[1]. Как они позднее описывали, всё кругом кишело грузинскими гвардейцами и бронетраспортёрами.

Вещи возвращающихся в Эстонию местных эстонцев были перевезены колхозным трактором на аэродром. Для перевозки людей использовались личные легковые автомашины двух местных эстонцев, бензин для них был привезён из Эстонии, так как в условиях войны в Сухуме господствовал настоящий топливный кризис.

Вылет в Таллинн начался вечером 24 октября, на борту было 55 эвакуируемых и их багаж.[2] Багаж было разрешено взять, по одним данным, в объеме 50 кг на человека,[3] а по другим – столько, сколько можно унести в руках.[4] Но, как вспоминают участники событий, никого это не остановило. Самолет поднялся в воздух очень тяжело. Для промежуточной посадки самолета в Адлере всем пассажирам пришлось перейти в заднюю часть перегруженного самолета, чтобы уравновесить воздушное судно. После посадки ночевали в пансионате Таллиннской птицефабрики в Адлере. В Адлере же взяли на борт еще 4 беженцев и утром 25 октября вылетели в Таллинн.[5] В Таллиннский аэропорт принимать эвакуируемых приехал тогдашний премьер-министр Март Лаар.[6]

---

[1] Õigus, Anne-Liis 1992. Kuidas kulges Abhaasia eestlaste Eestisse toomine. – Esmaspäev 16.11., № 41, 8.

[2] M. Iila. Eesti esimene humanitaarmissioon. 2017. C. 466.

[3] T. Kuuskmäe. Mandariinivälu. 2017. C. 494.

[4] I. Onksion, M. Ülviste. Abhaasiast Eestisse…, 2007. C. 16.

[5] I. Onksion, M. Ülviste. Abhaasiast Eestisse…, 2007. C. 16.

[6] M. Iila. Eesti esimene humanitaarmissioon. 2017, C. 467.

29–31 октября самолёт Estonian Air совершил в Абхазию второй рейс.[1] На обратном пути он опять сделал промежуточную посадку в Адлере, где были взяты на борт жители из поселений Сальме (Псоу) и Сулеви (Псоухуа).

Сальме и Сулеви

Земли у р. Псоу, где находились эстонские поселения Сальме и Сулеви, перешли в результате состоявшегося в начале октября успешного наступления абхазов под их контроль.[2] По словам местных жителей, за день до наступления абхазов по домам эстонцев ходили неизвестные люди, которые советовали оставить на ночь свет в домах, а к воротам привязать зелёные ленты. Так эстонцы и поступили и большинство домохозяйств эстонцев осталось нетронутыми в ходе начавшегося ночью боя.[3] Вслед за боями в поселениях были совершены мародёрства. 26 октября в Сулеви днём был полностью разграблен дом одной женщины. Местные эстонцы сказали прибывшему туда журналисту, что мародёрами были главным образом чеченцы, казаки и местные армяне. Комендант округа Гантиади Григорий Дагуа обещал раздать жителям Сальме и Сулеви при необходимости оружие, чтобы они могли оборонять себя от грабителей. Но эстонцы отказались от этого. Одной из причин отказа был страх перед возможной местью грузин, в случае если они завоюют эту местность обратно.[4]

Представители Эстонии прибыли 26 октября через границу России с Абхазией в Сальме и начали подготовку к эвакуации эстонцев. Отношение властей Абхазии к эстонцам было позитивным, и они не были заинтересованы в их отъезде. Григорий Дагуа не раз утверждал на проводившихся с представителями эстонцев переговорах, что не желает отпускать эстонцев. По его мнению, эстонцы являлись наименее криминогенной национальной группой и к тому же они очень трудолюбивы. Но 28 октября он всё же, после нескольких переговоров, утвердил список эстонцев, желающих уехать. К вечеру 28 октября эстонцы и члены их семей из Сальме и Сулеви были уже в Адлере и двумя днями позднее в Таллинне. Примерно 150 эстонцев остались всё же на месте, обещав уехать сразу же, если обстановка ухудшится.[5]

Во время второго рейса возникла проблема, чтобы вывезти людей, об их личном имуществе не могло быть и речи. Кроме эстонцев, на борт бра-

---

[1] Ruussaar, Ainar 1992. Nad tulid tagasi. – Päevaleht, 23.11., № 252, 6.

[2] Авидзба, А. Ф. Отечественная война (1992-1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008, 251; Ачугба, Т. А. История Абхазии в датах, 2011, 180.

[3] Ruussaar, Ainar 1992. Nad tulid tagasi. – Päevaleht, 23.11., № 252, 6.

[4] Ruussaar, Ainar 1992. Eestlaste elust Abhaasia segaduses. – Rahva Hääl, № 261, 7.11, 3.

[5] Ruussaar, Ainar 1992. Nad tulid tagasi. – Päevaleht, 23.11., № 252, 6.

ли и тех, которые спасались от войны, среди них был и один латыш.[1] Кинооператор Ханнес Линтроп, который ездил снимать эвакуацию, описывал так: «Я никогда не видел, чтобы ТУ-134 брал на борт такое количество багажа и людей». Из Сухума в Адлер летели так, что в обоих туалетах было по четверо мужчин, люди стояли также между кучами багажа.[2]

Поначалу в Эстонии считали, что двух спасательных операций будет достаточно. Но бои в Абхазии продолжались и скоро стало ясно, что в эстонских деревнях по-прежнему есть люди, которые желают уехать из кризисного региона. Третья спасательная операция в Абхазии состоялась 21–23 ноября. Эвакуированных разместили в различных санаториях Эстонии, которые осенью стояли без отдыхающих. Часть поселилась у родственников.

Мотивы отъезда эстонцев

Мотивы переселений – это много дискутируемая тема в литературе по миграции, на основании этого различаются добровольное и принудительное переселения. В современных исследованиях как бегство откуда-либо, так и эвакуация классифицируются как тип принудительной миграции.[3] Многие же авторы указывают также и на проблематичность различения добровольной и принудительной миграции.[4] Дихотомия добровольной и принудительной миграций основывается на предположении, что добровольных (трудовых) мигрантов к выезду на чужбину побуждает экономическая мотивация, вынужденных же мигрантов/беженцев к этому принуждает война, преследование, природные катаклизмы и пр. И хотя в принципе мотивы миграций у беженцев и добровольных (трудовых) мигрантов различны, но тем не менее в литературе есть и указания на то, что на практике этих различий на самом деле меньше, чем это принято считать.[5]

Жители эстонских поселений в Абхазии имели возможность выбора – остаться или уехать. Предложение исходило от правительства Эстонии,

---

[1] Tammer Tiina 1992. Koju või külla? – Rahva Hääl, № 284, 4. 12., 2.

[2] Lintrop, Hannes 1993. Lend miiniväljale. – Aja Pulss № 2, 26.

[3] Oltmer, Jochen 2007. Krieg, Migration und Zwangsarbeit im 20. Jahrhundert. – Zwangsarbeit im Europa des 20. Jahrhunderts. Bewältigung und vergleichende Aspekte (hrsg von Hans-Christoph Seidel, Klaus Tenfelde), 131-132. Essen: Klartext-Verlag; Oltmer, Jochen 2008. Migration, Krieg und Militär in der Frühen und Späten Neuzeit. – Krieg, Militär und Migration in der Frühen Neuzeit (hrsg von Matthias Asche, Michael Herrmann, Ulrike Ludwig, Anton Schindling), 37. LIT.

[4] Castles, S.; Miller, M. J. The Age of Migration. International Population Movement in the Modern World. The Guilford Press, New York, 1993, 26; Lucassen, J.; Lucassen, L.. Migration, Migration History, History: Old Paradigms and New Perspectives. – *Migration, Migration History, History*. Koost. Jan Lucassen, Leo Lucassen). Peter Lang, Bern, Berlin, Frankfurt am Main, New York, Paris, Wien, 1997, 10; Hansen, G.; Wenning, N. Migration in Vergangenheit und Zukunft. Hagen, 1991, 20.

[5] Richmond, A. H. Sociological Theories of International Migration: the Case of Refugees. – *Current Sociology* 36, №. 2, 1988, 19-20.

местные власти на местах препятствий не чинили. Известие об эвакуации пришло в поселения неожиданно. Быстро было начато составление списков желающих уехать. Тем самым решение остаться или уехать необходимо было принять быстро. Была осень, люди должны были оставить ожидавшие уборки урожая сады и поля. Деревья гнулись под тяжестью лимонов, мандаринов, инжира, на поляне гудели пчелиные улья, под навесами сохли связки табака. Беженцы позднее с сожалением говорили, что ничего из этого всего реализовать не удалось.[1] Случалось и так, что в самолёт грузили мандарины, а зимнюю одежду пришлось из-за перевеса оставить. В Адлере было 20 градусов тепла, а когда в Эстонии выходили из самолёта, то было 7 градусов мороза. У некоторых на ногах были лишь сандалеты. Позднее, в 1997 г. один беженец вспоминал тогдашний отъезд: «Это был ужас – мечешься по дому и не знаешь, что взять, а что – оставить. И если оставишь, то знаешь, что это уже навеки. Взял фотоальбом. Кастрюли, сковороды. Постельное бельё»[2].

Кто-то сожалел об оставшейся собаке, кто-то о пчёлах или фруктовых садах. И, конечно, о родных домах, где они родились и выросли, а также, конечно, об оставшихся членах семей. В то же время люди были измучены страхом перед грабежами и реквизициями, а также перед казавшимися бесконечными военными действиями. Одна женщина из поселения Эстония рассказывала, что отправила детей в Эстонию, потому что постоянно нервничала. «Это страшно неприятное чувство, когда ракеты с воем проносятся через головы, и дети плачут от страха»[3]. Это всё было настоящим бегством, в котором без сомнения было много драматизма. Один из эвакуированных в Эстонию людей вспоминал: «Последнее воспоминание о родных местах, это низко летящий над побережьем вертолёт, из которого стреляли… Во время нескольких первых ночей в Эстонии малыши просыпались, крича от страха. А услышав шум самолёта, они хотели лечь на пол»[4].

В то же время были и люди, которые остались в родном селе. Многие обосновывали это тем, что там находятся могилы их родителей[5] – тем самым это были связи с местом проживания, которые объединяют людей с их предками, а в более широком смысле – с историей общины, со ставшей уже своей социальной и физической средой.

Живущие в одинаковых условиях люди реагируют на изменения поразному: одни покидают родину, когда ситуация там ухудшается, другие

---

[1] Jürvetson, Astra 1992. Abhaasia sõjapõgenikud Haapsalu sanatooriumis. – Läänlane № 132, 5.11., 1.

[2] Jõgeda, Tiina 1997. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 30.05, A4.

[3] Ruussaar, Ainar 1992. Eestlaste elust Abhaasia segaduses. – Rahva Hääl, № 261, 7.11, 3.

[4] Jõesaar, Anu 1992. Salme, Linda ja Sulev tagasi Eestis. – Postimees, № 221, 30.09, 4.

[5] Ruussaar, Ainar 1992. Nad tulid tagasi. – Päevaleht, 23.11, № 252, 6.

так не поступают. Применяемая в исследованиях по миграции модель мобильности жизненного цикла уверяет в том, что в жизни потенциального мигранта есть периоды, когда вероятность миграции больше. При этом указывается на закономерность, согласно которой в разных возрастных группах частота миграции различна. Если в возрастной группе 20–25 лет частота наиболее высока, то позднее она начинает снижаться, делая затем ещё лишь в возрастной группе 45–50 лет небольшое повышение.[1] Основным контингентом в случае как добровольного, так и принудительного отъезда, являются молодые люди экономически наиболее активного возраста. Так это было на протяжении 19-го и 20-го столетий.[2] Таким образом, возраст является главным компонентом мобильности жизненного цикла и предсказателем миграции. Отсюда можно подойти к важному пункту в дихотомии добровольной и принудительной миграции – так как нельзя отрицать то, что хотя пожилые люди и страдают от войн и прочего так же как и молодые, за подобной статистикой следует искать селективные факторы, которые сближают принудительную миграцию с добровольной.

В эстонских газетах часто отмечали, что молодые уезжали, а старики оставались в Абхазии.[3] По данным Департамента гражданства и миграции Эстонии, среди беженцев из Абхазии лиц трудового возраста было 55%, детей 25%, пенсионеров – 20%.[4] Среди более молодых беженцев встречались и те, которые претворили в жизнь свои давнишние намерения: «Мы и раньше подумывали о возвращении к своим корням. В конце концов, не наша вина, что наши деды и прадеды решили когда-то покинуть отчизну». Теперь они сокрушались по поводу того, что не уехали раньше – тогда можно было бы распродать своё имущество, а теперь же пришлось уехать с пустыми руками.[5] Таким образом, наряду со страхом перед войной могли временами проявляться и экономические, и социально-биографические калькуляции.

В завершение

В октябре и ноябре 1992 г. самолёт ТУ-134 фирмы Estonian Air совершил в Сухум три успешных рейса. Общее число же прибывших из кризисного региона людей не ограничилось лишь теми, кто прибыл тогда. По дан-

---

[1] Hansen, G.; Wenning, N. *Migration in Vergangenheit und Zukunft*. Hagen, 1991, 20.

[2] Castles, S.; Miller, M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, 1993, 24, Hatton, T.; Williamson, J. G. The Age of Mass Migration. Causes and Economic Impact. Oxford University Press, New York, Oxford, 1998, 11.

[3] Tammer, Tiina 1992. – Rahva Hääl № 225, 26. 09, 2; Mattson, Toomas 1997. Abhaasia eestlased ei palu Eestilt leiba. – Postimees, 5.06., 2; Velthut-Sokka, Gea 1999. Kodumaa ei tule Abhaasia eestlastele vastu. – Eesti Ekspress, 17.06., A28.

[4] Jõgeda, Tiina 1997. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 30.05, A4.

[5] Jõesaar, Anu 1992. Salme, Linda ja Sulev tagasi Eestis. – Postimees, № 221, 30.09, 4.

ным Департамента гражданства и миграции, с начала кризиса в 1992 г. и по 1997 г. в Эстонию прибыло 492 эстонца и членов их семей. Да и среди выехавших позднее людей в миграционной частоте доминировал более молодой контингент. Писалось и о том, что более старые люди «не хотят покидать ставшие родными горы»[1].

Из тех прибывших в Эстонию 492 человек эстонцы составляли 84%, 16% относились к другим национальностям. По-эстонски свободно говорила 1/3 и вообще не владела эстонским 1/3. Образовательный уровень колебался от 4-классного начального образования до высшего – последних было 8%[2].

Правда, в начале 1993 г. правительственная делегация Эстонии ездила с визитом в Сочи, где с местной администрацией была достигнута договорённость о том, что в случае приближения фронта к Гагре, эстонцы поселений Сальме и Сулеви будут эвакуированы в расположенную в 75 километрах Красную Поляну, где также было эстонское поселение[3]. Но война в 1993 г. не дошла до Гагры. Сальме и Сулеви вынуждены были покинуть лишь одиночные семьи, которые были связаны с грузинами сванского происхождения. В прессе Эстонии, правда, приводились примеры о сожжённых домах, в том числе и о домах, эстонские хозяева которых умерли за последние два года и где тогда уже проживали грузины[4].

2–7 декабря 1993 г. Абхазию посетили главный директор Миграционного департамента Андрес Коллист и особый представитель президента Эстонии Антс Паю, которые встретились с членами Верховного Совета Абхазии и ознакомились с положением тамошних эстонцев. По оценке Коллиста, положение было тяжёлым, но не постоянно опасным, а, таким образом, новой лавины беженцев не ожидалось. Вместе с тем вновь нашло подтверждение желание властей Абхазии, чтобы тамошние эстонцы не покидали насовсем Абхазию.[5]

После окончания войны правительство Абхазии обратилось к правительствам Греции, Израиля и Эстонии с просьбой содействовать возвращению беженцев в свои родные дома. Им было обещано возвращение домов,

---

[1] Lang, Tiina. 1995. Lootuse ja lootusetuse piirimail. – Eesti Päevaleht, 9.06, № 5, lk

[2] Jõgeda, Tiina 1997. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 30.05, lk A4.

[3] Idaeestlasi pole unustatud 1993. – Pühapäevaleht, 27.02, № 46, 6; Jõesaar, Anu 1992. Salme ja Sulevi eestlased evakueeritakse vajaduse korral Punasele Lagedale, lubab Ants Paju. – Postimees, № 48, 27.02, 1; Idaeestlased peaksid tundma, et neid pole unustatud. – Rahva Hääl, № 46, 27.02, 6.

[4] Jõesaar, Anu 1992. Salme ja Sulevi eestlased evakueeritakse vajaduse korral Punasele Lagedale, lubab Ants Paju. – Postimees, № 48, 27.02, 1.

[5] Abhaasia eestlased peavad vastu. 1993. Rahva Hääl, 282, 7.12., lk 3; Teras, Allan 1993. Abhaasia eestlaste olukord ei ole nii hull, kui oli arvatud. – Rahva Hääl, 9.12. № 284, 3.

квартир и земельных владений.[1] Неизвестно, под влиянием этого призыва или нет, но среди вернувшихся были и эстонцы. Из официально прибывших в Эстонию 492 беженцев из Абхазии пятью годами позднее в родные места в Абхазию вернулось 15 человек или 3%.

Причиной возвращения было названо не приспособление к эстонскому климату, который особенно тяжёл для лёгочных больных.[2] Но вряд ли можно возвращение увязывать лишь с климатом. Были и причины культурного порядка, так как более чем вековое отделение от страны исхода переселенцев сформировало у эстонцев Абхазии менталитет, который частью отличался от менталитета эстонцев Эстонии, и это осложняло приспособляемость.

При интервьюировании абхазских эстонцев, живущих в Эстонии, они подчеркивают различия в менталитете: абхазские эстонцы более открытые, более темпераментные, а «домашние» эстонцы более замкнутые.[3] Приводится не расположенность местных эстонцев к общению, а также падение социального и экономического статуса эвакуированных в Эстонию по сравнению с их прежним уровнем жизни на Кавказе.[4]

На адаптацию прибывших в Эстонию, несомненно, повлияло то, что большая их часть была сельскими жителями, привыкшими получать средства к существованию от своего хозяйства. Некоторые семьи нашли в Эстонии работу и местожительство, применение своим агротехническим умениям в еще существовавших здесь тогда колхозах. Но большую часть беженцев разместили в городах, к жизни в которых люди привычки не имели.

Конечно, были и личные причины. Многие семьи остались после эвакуации разделёнными – часть членов семей выехала в Эстонию, часть осталась в Абхазии. Теперь люди пожелали вновь воссоединиться. Были также и случаи, когда из переехавших в Эстонию, после войны в Абхазию вернулись более пожилые члены семей, а дети остались в Эстонии.[5] Но и те, кто остался в Эстонии, часто посещают свои родные места в Абхазии, многие даже несколько раз в году – ведь там они родились и выросли, и эта земля стала их родиной.

---

[1] Shamba, Tarass 1993. Õiglus peab võitma. – Postimees. Maailm, 7.12, 3.

[2] Mattson, Toomas 1997. Ametkonnad kaaluvad eksperdi Abhaasiasse saatmist. – Postimees, 9.06, № 131, 3.

[3] I. Onksion, M. Ülviste. Abhaasiast Eestisse…, 2007. С. 38.

[4] См. I. Onksion, M. Ülviste. Abhaasiast Eestisse…, 2007. С. 30.

[5] Jõgeda, Tiina 1997. Abhaasiast sõjapakku. – Eesti Ekspress № 22, 30.05, A4.

Е. А. Капба

СОБЫТИЯ АВГУСТА 2008 ГОДА НА КАВКАЗЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНЫХ СМИ

Большой общественный резонанс на Западе вызвали события августа 2008 года на Кавказе.

Кратко обострение обстановки в горячих точках выглядело следующим образом: 1 августа столица Южной Осетии г. Цхинвал и ряд других населенных пунктов подверглись обстрелу со стороны грузинских позиций. 3 августа к границе Южной Осетии продолжили стягиваться войска Грузии. Здесь сосредоточилось более десяти тысяч военных, были подтянуты артиллерийские орудия и системы залпового огня. Российские миротворческие силы были приведены в состояние полной готовности. Ночь с 4 на 5 августа была отмечена перестрелками между правоохранительными органами Южной Осетии и грузинскими военными. 7 августа были попытки найти дипломатическое решение конфликта, и президент Грузии Михаил Саакашвили даже выступил по телевидению с заявлением, что Грузия в одностороннем порядке прекращает огонь. Но ночью с 7 на 8 августа Грузия начала наступательную операцию против Южной Осетии при поддержке тяжелого вооружения, приступив к штурму Цхинвала. Утром территория Южной Осетии подверглась авиационной бомбардировке. Позиции российских миротворцев были атакованы. Во второй половине дня грузинским войскам удалось взять под свой контроль большую часть г. Цхинвала.

Именно тогда Российская Федерация направила в зону конфликта соединения 58-й армии, части ВДВ и спецназа для защиты жизни российских граждан на территории Южной Осетии. Началась операция по принуждению Грузии к миру. В то же время с Северного Кавказа в Южную Осетию массово стали приезжать добровольцы для защиты республики. Военные подразделения РФ вступили в бой с армией Грузии на Зарском направлении. Уже 9 августа Цхинвал был освобожден от грузинских войск. Боевые действия распространились на территорию непосредственно Грузии[1].

10 августа МИД Грузии передал в Российское посольство ноту, согласно которой военные силы Грузии прекратили огонь и выводятся за терри-

[1] Пятидневная война (8-12 августа 2008 года). Источник: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/210899/ Дата публикации: 06 августа 2020, 22:19

торию конфликта. 11 августа Президент России Д. Медведев согласился пойти на перемирие с Грузией. Посредником выступила Франция, которая представила план мирного урегулирования конфликта, включавший полный вывод грузинских и российских войск из зоны конфликта. Продвижение российских войск было приостановлено 12 августа. На встрече президентов России и Франции – Д. Медведева и Н. Саркози в Москве 12 августа 2008 г. был разработан и принят «План Медведева-Саркози». 14 августа план был подписан в Кремле президентами Абхазии и Южной Осетии, 15 августа – президентом Грузии, 16 августа – президентом России[1].

План включал шесть пунктов:

1. Не прибегать к использованию силы.
2. Окончательно прекратить все военные действия.
3. Свободный доступ к гуманитарной помощи.
4. Вооружённые силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.
5. Вооружённые силы РФ выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий.
6. Создание международных гарантий по обеспечению стабильности и безопасности в Абхазии и Южной Осетии.

После консультаций с М. Саакашвили ранее входивший в шестой пункт Плана – тезис о международном обсуждении статуса Южной Осетии и Абхазии – был исключён.

После того, как грузинские войска начали обстрел и штурм Цхинвала, в Абхазии в соответствии с союзническим договором были приведены в боевую готовность Вооруженные силы, проведена частичная мобилизация резервистов. Армейская колонна выдвинулась к границе с Грузией по р. Ингур. Серьезной проблемой была группировка грузинских войск в Кодорском ущелье, которая, согласно полученным разведданным, готовилась к наступлению вглубь Абхазии сразу после решения «осетинской проблемы». При поддержке российских войск 9 августа началась операция по выдавливанию этих сил с территории Абхазии. После интенсивной артиллерийской и авиационной бомбардировки грузинских позиций и создания заслона на грузино-абхазской границе, 12 августа была проведена зачистка Верхнего Кодора, и на территории Абхазии не осталось грузинских войск. Акваторию у побережья Абхазии начали патрулировать российские корабли[2].

---

[1] В.А. Захаров, А.Г. Арешев. Кавказ после 08.08.08. Старые игроки в новой расстановке сил. –/ М. 2010. С. 76.

[2] Пятидневная война (8-12 августа 2008 года). Источник: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/210899/ Дата публикации: 06 августа 2020, 22:19

21 августа Абхазия и Южная Осетия направили в РФ обращения с просьбой признать их независимость. 22 августа Россия завершила отвод с территории Грузии частей российской армии. По сообщениям ряда источников, СКП РФ признал погибшими в ходе конфликта в августе 2008 г. 67 российских военнослужащих, 283 было ранено. Из числа мирного населения Южной Осетии погибло 162 человека, 255 получили ранения, десятки тысяч стали беженцами. Согласно докладу правительственной комиссии Грузии, погибли 412 грузинских военнослужащих и мирных жителей, получили ранения почти 1750 человек.

Эти события получили широкую огласку в западных СМИ. Решительные действия Российской Федерации вызвали волну противоречивых и спорных публикаций, репортажей и сообщений на ведущих телеканалах, радиостанциях и интернет-порталах европейских держав и особенно США.

Что характерно, конфликт, начавшийся задолго до 8 августа 2008 г., мало интересовал западных журналистов и исследователей. Это продолжалось до момента, когда 58-я армия, в соответствии с приказом Президента РФ, вошла на территорию Южной Осетии. С этой минуты, как по команде, ведущие западные СМИ принялись красочно, с голливудским размахом освещать тему «вторжения русских в Грузию». Отличается выгодно лишь британское агентство BBC, которое публикует хронологию событий в Южной *Осетии, «начиная со штурма окрестностей Цхинвали грузинскими войсками в ночь на 8 августа 2008 года»*. Но, несмотря на такую аннотацию, лента начинается сообщением о прекращении огня между Грузией и Южной Осетией до 8 августа, на которое были намечены переговоры. А сразу после сообщений о ночном штурме Цхинвала «*с применением гаубиц и реактивных минометов»* публикуется комментарий госминистра Грузии по реинтеграции Т. Якобашвили, который сообщал следующее: *«Целью руководства Грузии является не взятие городов. В Тбилиси хотят лишь поставить точку на криминальном режиме, чтобы никто не угрожал нашим городам, гражданам и инфраструктуре»*[1]. Как городам, гражданам и инфраструктуре Грузии поможет применение гаубиц и минометов в Южной Осетии не поясняют ни журналисты BBC, ни госминистр.

Для BBC в целом характерна публикация громких цитат грузинских политических деятелей, и краткая, лапидарная характеристика потерь, жертв и разрушений. Например, стоящим размещения в тематической ленте редакторы портала посчитали сообщение премьер-министра Грузии Л. Гургенидзе: *«К сожалению, мы вынуждены были прибегнуть к уста-*

[1] Вооруженный конфликт в Южной Осетии. Источник: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7548000/7548983.stm Дата публикации: 08 августа 2008.

новлению порядка и мира силами вооруженных сил, так как, несмотря на озвученные президентом Грузии инициативы и прекращение огня в одностороннем порядке, сепаратисты открыли массированный огонь по грузинским селам»[1]. Видимо, такая позиция соответствовала информационной политике британского новостного агентства.

Такие цитаты имеются и в единичных статьях по абхазской тематике накануне конфликта. В сообщении о российском проекте резолюции Совбеза ООН по ситуации в Кодорском ущелье в июле 2008 г., где российская сторона призывает придерживаться Московских соглашений 1994 г., самым авторитетным мнением для журналистов ВВС является комментарий М. Саакашвили: *«Тбилиси должен продолжить консультации с Москвой по вопросу деэскалации ситуации в зонах абхазского и югоосетинского конфликтов… власти Грузии делают все для сохранения территориального единства страны и мирного урегулирования конфликтов»*[2].

Вообще, кажется, что ответственные за «грузинскую» тему работники агентства слабо представляют себе регион, его географию и его проблемы. *«Абхазия направляет помощь Цхинвали»,* – сообщает ВВС 8 августа 2008 г., имея в виду выдвижение колонны Вооруженных сил Абхазии к границе по р. Ингур. И сразу далее – *«Около тысячи добровольцев из непризнанной республики Абхазия направляются в Южную Осетию»*[3]. Из контекста понятно, что авторы заметки не собираются вникать – те ли это силы, которые подчиняются официальным властям Абхазии, или какие-то другие. И уж точно не задаются вопросом, как собираются попасть к театру боевых действий абхазские военные, если до него десятки километров территории Грузии.

Такая кажущаяся некомпетентность и поверхностность на проверку оказывается частью осознанной политики агентства: в статье, посвященной последствиям событий августа 2008 г. в Абхазии и оценке абхазами ситуации в регионе в тот период, откровенно говорится о всенародном ликовании по поводу российского вмешательства в конфликт. Но при этом заглавной цитатой выбрана вырванная из контекста фраза одного из основных респондентов – Н. Акаба, председателя ассоциации «Женщины Абхазии»: *«Я не хотела бы, чтобы Абхазия превратилась в военную базу и курорт для России».* Эта фраза вовсе не отражает сущности статьи, и тем более содержания интервью, зато она по своему настроению соответствует общему информационному фону западных СМИ. Она подходит

---

[1] Вооруженный конфликт в Южной Осетии. Источник: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7548000/7548983.stm Дата публикации: 08 августа 2008.

[2] Совбез ООН обсудит резолюцию по Абхазии. Источник: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7496000/7496522.stm Дата публикации: 08 июля 2008.

[3] Там же.

редакторам британского агентства куда лучше, чем, например, другая цитата госпожи Акаба: *«Теперь в Абхазии мы чувствуем себя в гораздо большей безопасности, чем в предыдущие 15 лет. Мы считаем Россию нашим защитником»*[1]. Разместить такое в качестве заголовка BBC, конечно же, не посчитало логичным. Ведь случайный посетитель странички русской службы BBC, который занимается «серфингом» интернет-пространства и просто листает ленту новостей, обратит внимание только на надпись под фотографией и не будет читать длинный скучный текст. В его мозгу отложится, что жители Абхазии не хотят на своей территории российской военной базы, а что там происходит на самом деле – это же читать нужно! Огромный текст мелкими буквами – это для среднестатистического интернет-пользователя слишком сложно.

Так, например, вместе с первыми сообщениями о вводе российских войск в Южную Осетию в американском сегменте глобальной сети поднялась паника: *«Я живу в Джорджии и не вижу нигде русских. Не слышно ни звука, но говорят, что они ввели танки. Мне стоит беспокоиться?»* – написала пользовательница сервиса Yahoo!Answers. Разницу межу Джорджией и Грузией ей объясняло около полутора сотен человек, ведь Georgia – принятое в англоязычных странах обозначение Грузии – аналогично названию американского штата[2]. Эта комичная ситуация – результат целенаправленной работы телеканалов, печатных изданий и интернет-порталов, которые выполняли заказ своих нанимателей и создавали информационный фон, соответствующий текущему политическому мейнстриму в странах ЕС и НАТО.

Несмотря на наличие таких рупоров официальной политики западных держав как BBC, даже в Великобритании присутствуют журналисты и издания, не боящиеся высказывать альтернативную точку зрения. Так, например, причиной «Пятидневной войны» в августе 2008 г. крупная газета «Guardian» считает экспансионистскую политику НАТО на западных и южных границах России. При этом называются вполне конкретные способы избежать дальнейшей эскалации: *«…не так уж и сложно найти способы бороться с тем, к чему привели события 7 августа – Запад должен прекратить пытаться передвигать мебель на южной границе России; Запад должен прекратить милитаризацию Черного моря; Запад должен прекратить делать вид, что этот конфликт является всего лишь борьбой между автократией и западной либеральной демократией. Иначе Россия и НАТО могут, сами того не желая, оказаться в состоянии кон-*

[1] Абхазия надеется на светлое будущее. Источник: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7783000/7783859.stm Дата публикации: 15 декабря 2008.

[2] Жители американского штата Джорджия ищут на улицах российские танки. Источник: https://lenta.ru/news/2008/08/09/answers/ Дата публикации: 9 августа 2008.

фликта, которого ни та, ни другая сторона не хочет, и к которому обе стороны не готовы…»[1].

Но для Великобритании это скорее исключение из правила. Другая газета – «Financial Times» – напротив, уверена, что избежать будущих конфликтов на постсоветском пространстве можно лишь ужесточив политику по отношению к России, в частности, на Украине. На ее страницах отмечается: «*кризис в Грузии наглядно демонстрирует, что более слабые соседи России нуждаются в защите от российской агрессии… Запад должен ответить на акции Москвы, и ЕС должен играть тут важную роль. В 2004 году, когда прозападно настроенный Виктор Ющенко стал президентом Украины, Запад обещал Киеву многое. Далеко не все обещания стали реальностью…»*[2]. Особенно цинично это звучит с сегодняшней точки зрения, когда Украину до сих пор кормят обещаниями и будущими благами, которые сулит вступление в ЕС и НАТО.

По мнению авторов «Financial Times», *«Россия Владимира Путина завоевала соседнюю страну, аннексировала часть ее территории и установила режим частичной военной оккупации. Она пытается свергнуть президента Грузии и переделать геополитический порядок в мире»*[3]. Как видно, этих публицистов вовсе не интересует наличие на якобы аннексированных территориях каких бы то ни было государственных образований. Сведениями о том, что Абхазия и Южная Осетия задолго до августа 2008 г. с оружием в руках доказали свое право на независимость и годы существовали в условиях блокады и отсутствия геополитической поддержки, колумнисты из «Financial Times» не располагают, или осознанно их замалчивают. Характеризуя политическую ситуацию в Абхазии и Южной Осетии на современном этапе, газета использует словосочетание *«эрзац-независимость»* и намекает на возможность расширения такой формы контроля над территориями соседних государств со стороны России[4].

«Daily Telegraph» в конце 2008 г. публикует статью с анализом украино-российских отношений, в которой затрагивает и интересующую нас тематику. Тогда издание отмечало: *«После того, как Москва собственноручно решила перекроить границы Грузии, на Западе нарастают опасения, что Кремль собирается расширить свой географический ревизионизм, и что его главной целью является Крым»*[5]. После воссоединения Крыма с Российской Федерацией можно говорить о дальновидности журналистов этой британ-

---

[1] Конфликт, к которому никто не готов. Источник: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7587000/7587320.stm Дата публикации: 29 августа 2008.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

ской газеты, но, с другой стороны, проводить параллели между Абхазией – страной с многовековой преемственной государственностью, которая самостоятельно добилась независимости в ходе кровопролитной войны, и Крымом – это выглядит несколько по-дилетантски.

Тенденции, характерные для британских СМИ, легко прослеживаются в работе их заокеанских коллег. Уже 9 августа 2008 г. в репортаже об экстренном заседании СБ ООН «Голос Америки» считает своим долгом опубликовать цитату постоянного представителя Грузии при ООН Ираклия Аласания, который обвинил Россию в полномасштабном вторжении: *«Мы находимся в состоянии войны, Россия открыто бросает вызов международному сообществу. Эта агрессия направлена на то, чтобы Грузия отказалась от Северо-атлантической ориентации и на уничтожение демократических завоеваний нашей страны»*. Посол Аласания опроверг сообщения о том, что грузинские войска наносили удары по российским миротворцам. *«Ничего не может быть дальше от правды»,* – сказал он[1]. Таким образом, «Голос Америки» доводит до читателя выгодную американским властям информацию в форме цитаты грузинского политика, защищая себя от нападок в размещении ложных сведений. Кроме того, в репортаже сообщается, что постоянный представитель США при ООН З. Халилзад выразил глубокую озабоченность эскалацией насилия. Он призвал Россию уважать территориальную целостность и суверенитет Грузии, отозвать свои войска и прекратить авианалеты в зоне югоосетинского конфликта и за её пределами, проигнорировав заявления представителя России В. Чуркина об атаках на миротворцев и мирных жителей. В. Чуркин поддержал предложение по прекращению огня с условием, что Грузия вернется к status quo до 7 августа. И здесь «Голос Америки» выделяет отдельным абзацем цитату грузинского дипломата Аласания: *«Мы не можем вернуть контроль вооружённым бандам, – сказал он, имея в виду… …сепаратистов. – Потому что эти банды вновь начнут агрессию против мирного населения»*[2]. И если «вооруженные банды» – это словотворчество господина Аласания, то пояснение к цитате – «сепаратисты» – это уже мнение редакции «Голоса Америки».

Доклад Международной независимой комиссии Евросоюза после девятимесячного расследования о войне августа 2008 г., который глава комиссии, швейцарский дипломат Х. Тальявини передала представителям России, Грузии, ЕС, ОБСЕ и ООН, не остался незамеченным в западной прессе. Ему была посвящена отдельная публикация, в которой упоминалось о признании Грузии виновницей войны. Но не это интересовало журналистов «Голоса Америки». Акцент в статье сделан на «диспропорцио-

[1] Экстренное заседание СБ ООН по ситуации в Грузии. Источник: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2008-08-09-voa2/636506.html Дата публикации: 9 августа 2008.

[2] Там же.

нальном ответе» России на агрессивные действия Грузии. В публикации отмечалось: *«…военные действия России зашли намного дальше разумных пределов обороны. В частности, российские войска не должны были переходить административных границ Южной Осетии и не имели права участвовать в военных действиях на территории Абхазии, которая не подверглась нападению Грузии…»*.

«Голос Америки» вполне солидарен с комиссией Евросоюза по вопросу суверенитета Абхазии и Южной Осетии и считает: *«В докладе указывается, что Южная Осетия и Абхазия «не имели права на отделение от Грузии», и что «признание их государственного суверенитета третьей страной противоречит международному праву». Авторы доклада также пришли к выводу, что возможности политического урегулирования конфликта стали более ограниченными «после признания Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств одной из сторон, участвовавших в конфликте»*[1].

Видимо, по мнению авторов статьи, абхазские и российские войска должны были дождаться, когда грузинская артиллерия и системы залпового огня начнут стрелять еще и по Сухуму, прежде чем выдворить с территории Абхазии незаконно находящиеся там грузинские вооруженные формирования. А идея о том, что ВС РФ должны были, принуждая Грузию к миру, остановиться у границ Южной Осетии и вовсе кажется полным абсурдом! Наверное, после операции «Багратион» советская армия должна была остановиться у Бреста и не продолжать наступление на Запад – это ведь тоже «диспропорциональный ответ»?

Тем не менее в качестве вывода американский портал в завершение статьи публикует очередной комментарий очередного грузинского политика, на сей раз – бывшего министра иностранных дел Грузии Тедо Джапаридзе, который говорит, в частности, следующее: *«…В настоящий момент меня не интересует, кто первым выстрелил и кто кого провоцировал – дело историков дать ответы на эти вопросы. Наиболее болезненный факт заключается в том, что Грузия потеряла эти территории, Россия признала их независимость, а некоторые маргинальные актеры мировой политики последовали ее примеру…»*[2]. Волей-неволей напрашивается аналогия: например, если бы Геринг сказал, что его не интересует, кто первым выстрелил в начале Второй мировой войны, а вот за потерю Силезии он переживает…

«Голос Америки» и не пытается скрывать интересы Белого дома и Госдепа США в ситуации на Кавказе. Портал сообщает: *«Решение России признать независимость Абхазии и Южной Осетии еще более усиливает напряженность в отношениях между Вашингтоном и Москвой. Президент Буш,*

[1] Экстренное заседание СБ ООН по ситуации в Грузии. Источник: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2008-08-09-voa2/636506.html Дата публикации: 9 августа 2008.

[2] Там же.

который когда-то рассчитывал на личные дружеские отношения с Владимиром Путиным, заявил, что эти районы являются частью Грузии»[1].

Несколько особняком от англоязычных СМИ стоят крупные печатные издания и интернет-порталы континентальной Европы. Они более сдержаны в своих высказываниях, объективны в суждениях, одно и то же издание может одновременно публиковать несколько альтернативных точек зрения. Лучшим примером здесь являются германские СМИ.

Так, например, примечательным является использование такого определения, как *«корневая территория Грузии»* в статье «Российско-грузинский конфликт: хроника событий 2008 года» одного из самых авторитетных печатных органов Германии – «Deutche Welle»: *«…и танки, которые начинают продвижение на «корневую» территорию Грузии»* и далее *«22 августа Россия сообщает о завершении вывода своих подразделений с «корневой» территории Грузии, однако отдельные подразделения оставлены для исполнения контрольных функций в «буферной зоне» вокруг Абхазии и Южной Осетии»*[2]. То есть этот авторитетный источник выделяет Абхазию и Южную Осетию из «корневой» территории Грузии, признает их отличия и особенности! Такой нюанс не характерен для большинства западных СМИ и заслуживает отдельного внимания.

Авторы «Deutche Welle» с немецкой обстоятельностью пытаются разобраться в причинах и предпосылках Пятидневной войны, и в отличие от своих британских и американских коллег не ограничиваются в этом поиске постсоветским периодом. В материале «Справка: Россия и Грузия – история взаимоотношений» проводится анализ шести веков истории, начиная с посольства кахетского владетеля Александра к царю Ивану III в 1473 году. Германские исследователи вполне разделяют понятия «Кахетия» и «Грузия», и откровенно сообщают о том, что присоединение Картли и Кахети к России произошло гораздо раньше, чем вхождение Абхазии в состав империи! *«24 июля 1783 – Подписание Георгиевского трактата о переходе Картли и Кахетии под протекторат России… Февраль 1810 – Манифест Александра I о присоединении Абхазского княжества к Российской империи»*. Более того, существование автономного абхазского государства до 1864 года также не является для них секретом. *«1864 – Россия упразднила Абхазское княжество»*[3].

---

[1] Последствия действий России в Грузии будут ощущаться на всем постсоветском пространстве, считают эксперты. Источник: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2008-08-29-voa14/605627.html Дата публикации: 29 августа 2008

[2] Российско-грузинский конфликт: хроника событий 2008 года. Источник: https://www.dw.com/ru Дата публикации: 07.08.2009.

[3] Российско-грузинский конфликт: хроника событий 2008 года. Источник: https://www.dw.com/ru Дата публикации: 07.08.2009.

Но несмотря на это германские журналисты, следуя западному мейнстриму продолжают называть абхазов сепаратистами: *«июнь-июль 1918 – Грузинская армия и Народная гвардия разгромили силы абхазских сепаратистов и заняли Сухуми, Гагры»*.

Спорная терминология не мешает «Deutche Welle» признать существование независимой Абхазской ССР *«28 марта 1921 – Абхазия была провозглашена независимой ССР»*. Объективный подход сохранился и в освещении событий постсоветского периода в целом и Пятидневной войны, что позволяет говорить об неангажированности германских журналистов и стремлении их к объективности.

В отличие от англоязычных коллег, цитирующих представителей грузинской стороны конфликта, германские СМИ сообщают о том, что «*…российские и грузинские источники дают противоречивую информацию…»,* и подают сведения в таком ключе: *«Грузинские власти утверждают, что над территорией страны удалось уничтожить 5 российских военных самолетов. Российские военные все сообщения о сбитых самолетах опровергают…»*[1]. Такая позиция не может не вызывать уважения.

Именно для «Deutche Welle» характерно отдельное изучение ситуации в Абхазии в августе 2008. *«Пятый день войны начался с боев в Кодорском ущелье» – сообщает* издание 12 августа – «*Абхазские сепаратисты во вторник утром, 12 августа, начали операцию по вытеснению грузинских подразделений из Кодорского ущелья»*. Однако под иллюстративной фотографией, изображающей вооруженных людей в камуфляже, помещена надпись *«Бойцы абхазской армии»,* а большая часть информации для статьи почерпнута из сообщений «*…миноборонь Абхазии. В министерстве напомнили, что накануне грузинским частям была предоставлена возможность покинуть верхнюю часть Кодорского ущелья по гуманитарному коридору»*[2]. «Абхазская армия», «миноборонь Абхазии» – использование таких формулировок позволяет говорить о признании германскими журналистами существования на территории Абхазии государственной власти и организованных вооруженных сил. Это не похоже на «сепаратистов» и «вооруженные банды». Скорее всего, термин «сепаратисты» употребляется без субъективно-негативного оттенка, отражая только лишь центробежную (по отношению к Тбилиси) политику Республики Абхазия.

Германские СМИ в августе 2008 г. довольно резки и беспощадны в выражении своего мнения по отношению к Тбилисским властям, особенно к М. Саакашвили. *«Саакашвили первым полез в драку… …Саакашвили пе-*

[1] Справка: Россия и Грузия – история взаимоотношений / https://www.dw.com/ru/ Дата публикации: 14.08.2008

[2] Пятый день войны начался с боев в Кодорском ущельеhttps://www.dw.com/ru Дата публикации: 12.08.2008

решел грань дозволенного в августе 2008 года… … Саакашвили навлек беду на грузин и осетин и, возможно, навсегда потерял обе самовольно отделившиеся от Грузии области» – высказывается «Frankfurter Allgemeine». При этом не стоит думать, что газета занимает антигрузинские или пророссийские позиции. Причиной Пятидневной войны автор статьи – журналист В. Кирхмайер – считает *«…весенние российские провокации в Абхазии»*, а лучший для Германии в частности и Евросоюза в целом вариант действий для него выглядит так: *«…даже если Саакашвили и останется президентом Грузии, Западу следует оказывать этой стране поддержку. Необходимо интегрировать Грузию в западные структуры. Нельзя давать повод ястребам в Кремле использовать тот же самый арсенал угроз и средств шантажа, что был применен против Тбилиси задолго до августовской войны, по отношению к другим бывшим советским республикам, выбравшим демократический путь развития и ориентирующимся на Запад»*[1].

Кёльнская газета «Kölnische Rundschau» и вовсе обвиняет Саакашвили в попытке стравливания Запада и России. *«Саакашвили пытается втянуть в конфликт США, Европу и НАТО на стороне Грузии. За спиной Южной Осетии – «большой брат» Россия. В результате может возникнуть новый фронт между Востоком и Западом»* – и такая перспектива, в третий раз идти войной на Восток – вовсе не прельщает кёльнских публицистов[2].

Выходящая в Майнце газета «Allgemeine Zeitung Mainz» весьма скептически настроена по отношению к руководству Российской Федерации, которое, по мнению ее авторов, хочет *«…научить страху грузин, которые попались в умело расставленный капкан»,* но при этом признают, что Южная Осетия и Абхазия – «мятежные» только с точки зрения Тбилиси[3].

Газета Westdeutsche Allgemeine Zeitung не стесняется в формулировках, обвиняя основных участников конфликта: *«В происходящем виновны все участники. Россия, которая цинично использует конфликты в Южной Осетии и Абхазии в своих интересах; США, которые укрепляют Грузию из-за ее значения как транзитной страны для поставки нефти и газа и, может быть, как военный плацдарм для нанесения удара по Ирану. США также покрывали нарушения демократических процедур президентом Саакашвили и его безответственные провокации в адрес Москвы. И один из главных виновников нынешних событий – Михаил Саакашвили, который правит Грузией*

---

[1] Frankfurter Allgemeine: Саакашвили первым полез в драку https://www.dw.com/ru/frankfurter-allgemeine- Дата публикации: 30.09.2009.

[2] Пресса: Грузия попалась в умело расставленный российский капкан. Источник: https://www.dw.com/ru Дата публикации: 08.08.2008

[3] Там же.

больше как авантюрист, чем как государственный деятель. А теперь еще и вовлекает грузин в военную авантюру, которая может закончиться для них полной катастрофой»[1].

Как видно из вышесказанного, германская пресса достаточно объективна в своих суждениях, стремится проникнуть в сущность происходящих на Кавказе событий и не склонна безусловно становится на сторону прозападного Саакашвили. Такая картина характерна в целом для континентальных европейских СМИ.

12 октября французская Le Monde, комментируя утверждения грузинской стороны о том, что артобстрел и нападение на Цхинвал произошло после того, как *«сотни российских танков уже прошли по Рокскому туннелю, связывающему Южную Осетию с Россией, чтобы начать вторжение»*, отмечала, что до 8 августа никто публично не говорил о российских танках, и приводила слова посла Франции в Грузии Э. Фурнье: *«Грузины не звонили своим европейским союзникам со словами: русские нас атакуют»*[2].

Вообще, автор этих строк – Д. Литтель, ярко выделяется из всей плеяды западных журналистов, освещающих конфликт в своих «Заметках» для Le Monde. Он действительно пишет с места событий, глубоко погружаясь в ситуацию, интересуясь мнением экспертов – например, известного абхазского историка С. Лакоба. *«С точки зрения абхазов, их нация, находившаяся в постоянной конкуренции с грузинскими княжествами, никогда не была частью Сакартвело (Грузии), земли, чьи границы постоянно менялись, пока национал-меньшевики, а затем революционеры-большевики не придали им нынешние очертания. Согласно широко распространенному мнению, хотя его и оспаривают ученые, которые считают, что истинные события были не такими однозначными, Абхазию Грузии 'отдал' в 1931 году грузин Иосиф Сталин, после этого она стала автономной республикой, хотя до этого имела равный Грузии статус»,* – пишет журналист. Справедливости ради, приводит он и грузинскую версию. *«Кого стоит винить за все унесенные жизни и все разрушения? Согласно версии, выдвигаемой сегодня грузинами, они всего лишь защищались от подготовленного заранее вторжения России»* – и тут же подвергает ее сомнению: «*Эта точка зрения проблематична потому, что противоречит всем заявлениям, которые грузинская сторона делала во время событий. В ночь с 7 на 8 августа, когда началась атака на Цхинвали, генерал Мамука Курашви-*

[1] Пресса: Грузия попалась в умело расставленный российский капкан. Источник: https://www.dw.com/ru Дата публикации: 08.08.2008

[2] Литтель Д. Путевые заметки из Грузии // Le Monde Источник: https://web.archive.org/web/20081014005026/http:/www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/244584.html Дата публикации: 12 октября 2008.

ли, командующий миротворческими операциями грузинских вооруженных сил, выступил по телевидению и заявил, что Грузия начала операцию 'по восстановлению конституционного порядка в Южной Осетии'. Немногим позже Дмитрий Санакоев, бывший сепаратист, перешедший на сторону Тбилиси, обратился к осетинам на их родном языке и разъяснил, что Грузия несет им демократию»[1].

Сам факт публикации такого материала в одном из крупнейших и авторитетнейших французских изданий говорит, как минимум о том, что французская общественность в августе 2008 г. была открыта для обмена мнениями и сохраняла нейтралитет, что дало возможность для президента Саркози в последствии выступить в роли посредника на переговорах, приведших к подписанию «Плана Медведева-Саркози».

Подводя итоги обзора освещения западными СМИ обострения грузино-абхазского и грузино-осетинского военно-политического противостояния в августе 2008 года стоит отметить несколько моментов:

1. В западных источниках интересующие нас события принято называть Пятидневной войной и обозначать ее хронологические рамки с 8 по 12 августа 2008 года.

2. Этот конфликт рассматривается в первую очередь как столкновение России и Грузии, и только на этом фоне уделяется внимание непосредственно абхазской и югоосетинской проблематике.

3. Большее внимание уделяется югоосетинскому вектору противостояния, как основному театру боевых действий и точке приложения усилий ВС РФ для принуждения Грузии к миру.

4. Англоязычные СМИ, начиная с первых часов обострения и до сегодняшнего момента, винят в ее разжигании руководство России. Сначала Российскую Федерацию обвиняли в «военном вторжении», а после выхода доклада независимой комиссии Евросоюза – в «диспропорциональном ответе». В англоязычной прессе также принято считать Абхазию и Южную Осетию аннексированными территориями, признавая за ними только некую «эрзац-независимость».

5. Континентальные европейские СМИ, в частности – германские и французские, стараются отразить несколько альтернативных точек зрения, обращают внимание на серьезные этнические и исторические предпосылки конфликта, а виновными видят не только российские власти, но и президента Грузии Михаила Саакашвили, а также Соединенные Штаты Америки.

---

[1] Литтель Д. Путевые заметки из Грузии // Le Monde Источник: https://web.archive.org/web/20081014005026/http:/www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/244584.html Дата публикации: 12 октября 2008.

События августа 2008 г. пробудили интерес европейских и американских исследователей к новейшей истории Абхазии, Грузии, Южной Осетии. Попытки докопаться до предпосылок этого конфликта послужили причиной исследования политических процессов, протекавших в регионе в течение всего постсоветского периода и ранее, в том числе – войны 1992-1993 года в Абхазии. И, возможно, такие тенденции помогут преодолеть последствия слепого следования политическому мейнстриму и позволят западному читателю получить объективные сведения о современной ситуации на Кавказе, в Восточном Причерноморье и, конечно, Республике Абхазия.

А.Ф. Авидзба

«АБХАЗИЯ – 2020. РЕСПУБЛИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И «ВАКЦИННОЙ ДИПЛОМАТИИ». О РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ»[1].

Красиво оформленную страницу своей истории под названием «2020» человечество оставило позади, но оно еще неоднократно будет перелистывать эту страницу. И не только потому что этого требуют законы истории, которая порой бывает безжалостна к тем, кто не хочет ее помнить, но и потому, что 2020 год с его пандемией и беспомощностью человечества перед ней еще долгое время останется настоящим, или «прошлым, которое не проходит». Это связано не только с неясностью и непредсказуемостью последствий, в том числе грядущих, заболевания COVID-19, но и его влияния на геополитику. Мир, какие бы потери он не понес и еще понесет в борьбе с пандемией, одержит победу над COVID-19, но в то же время, судя по всему, новые линии разлома в геополитическом противостоянии, появившиеся в пандемическую эпоху, преодолеть будет значительно сложнее. На сегодня свершившимся фактом является то, что пандемия, вместо того чтобы объединить человечество перед лицом общего невидимого врага – вируса – стала детонатором нового витка «холодной войны» с новой же ареной противостояния. Если раньше основным элементом глобального противодействия была т.н. «гонка вооружений», которая использовалась для сдерживания противной стороны, то сейчас к этому арсеналу добавилось противоядие «болезни 2020», которая стала основным оружием в «войне вакцин», которая, в свою очередь, во всяком случае, пока, ведется в рамках «вакцинной дипломатии». К ней я постараюсь вернуться чуть позже, сейчас немного необходимой ретроспективы.

1 декабря 2019 г. появились первые сообщения о том, что в китайском Ухане госпитализированы по меньшей мере 27 человек, семь из них в критическом состоянии. Тогда речь шла о заболевании пневмонией неизвестного происхождения, что стало предтечей новому вызову для всего человечества. Тем временем в Абхазии начало 2020 года было ознаменовано очередным витком внутриполитического противостояния и 9 января, на

[1] Статья написана на основе доклада, прочитанного на Итоговой сессии АбИГИ 6 апреля 2021 г. и содержит информацию, как следует из ее названия, на конец 2020 года.

фоне беспорядков и захвата правительственных зданий протестующими, Парламент «в связи со сложившейся напряженной общественно-политической обстановкой в республике и во избежание дальнейшей дестабилизации в обществе, что может привести к неконтролируемым процессам и непоправимым последствиям, в целях сохранения стабильности в государстве», по существу, потребовал от Президента подать в отставку[1]. А уже 12 января, т.е. на второй день после того, как в Китае заявили о первом умершем от нового типа коронавируса, сначала появилась информация о назначении Центризбирком Абхазии на 22 марта даты повторных президентских выборов[2], а через несколько часов стало известно о сложении Р. Хаджимба с себя полномочий Президента[3]. 13 января Парламент назначил и. о. президента премьер-министра В. Бганба[4], который уже выступал в таком качестве после политического кризиса в 2014 году. Таким образом, параллельно с глобальной драмой, вызванной появлением и развитием пандемии коронавируса, в Абхазии разыгрывалась своя политическая драма.

22 января власти Китая заявили о мутации коронавируса и глобальной эпидемии. МИД Абхазии отреагировал на это 27 января рекомендацией гражданам Абхазии «воздержаться от посещения Китайской Народной Республики до стабилизации ситуации»[5]. Позже 3 февраля на границе с Грузией была размещена передвижная станция флюорографии для осуществления профилактических мероприятий по недопущению проникновения в Абхазию вирусных заболеваний из Грузии[6]. С 4 февраля на КПП «Псоу» и «Ингур» были введены ограничения на въезд мигрантов на территорию Абхазии[7].

Тем временем коронавирус, получивший 11 февраля официальное название COVID-19, продолжал свое стремительное шествие по планете. 20 января был зафиксирован первый случай заражения в Южной Корее, 21 января – в США, 22 января – в Таиланде, 24 января – во Франции – первое проявление болезни в Европе; 25 января – в Австралии; 26 января – в Канаде; 28 января – в Германии; 31 января – в Италии и в России; 1 февраля – в Испании. 2 февраля впервые вне Китая на Филиппинах умер зараженный ко-

---

[1] http://apsny.ru/news/index.php?ID=44123. (дата обращения – 2 мая 2021).

[2] https://www.vesti.ru/article/1269696 (дата обращения – 2 мая 2021).

[3] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11603 (дата обращения – 2 мая 2021).

[4] https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200113/1029232300/Parlament-naznachil-Bganba-io-prezidenta-Abkhazii.html (дата обращения – 2 мая 2021).

[5] http://apsny.ru/news/?ID=44502 (дата обращения – 2 мая 2021).

[6] https://news.myseldon.com/ru/news/index/223125060 (дата обращения – 2 мая 2021).

[7] https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200204/1029387302/Migrantam-zapretyat-vezd-v-Abkhaziyu-iz-za-opasnosti-rasprostraneniya-koronavirusa-.html (дата обращения – 2 мая 2021).

ронавирусом; 13 февраля – в Японии; 15 февраля пациент с коронавирусом скончался в Париже; 19 февраля – в Иране; 20 февраля – в Южной Корее; 22 февраля – в Италии; 29 февраля – в США; 1 марта – в Австралии.

На этом фоне, 17 февраля Центризбирком Абхазии зарегистрировал кандидатов в президенты и вице-президенты, каковыми стали: А. Ардзинба и А. Ашуба; А. Бжания и Б. Гунба; Л. Дзапшба и В. Хашба[1]. А временные власти Абхазии старались совместить довольно непростую предвыборную кампанию с мерами по борьбе с эпидемий. 26 февраля МИД призвал граждан Абхазии воздержаться от посещения стран, в которых зафиксированы случаи заражения коронавирусной инфекцией[2]. 27 февраля и. о. Президента В. Бганба подписал распоряжение, согласно которому с 1 марта до 7 апреля ограничивался въезд в Абхазию иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением граждан стран, с которыми действовал безвизовый режим; до 7 апреля также приостанавливалась выдача виз для въезда в Абхазию иностранцам[3]. 3 марта была открыта круглосуточная горячая телефонная линия[4]; 4 марта создан Межведомственный оперативный штаб по защите населения[5], который 6 марта рекомендовал организациям не проводить массовые мероприятия[6].

11 марта Всемирная организация здравоохранения заявила, что распространение нового коронавируса COVID-19 обрело характер пандемии. В этот же день, 11 марта, и. о. Президента Абхазии В. Бганба подписал Распоряжение, согласно которому «в связи с увеличением в Грузии количества лиц, больных коронавирусной инфекцией», пункты пропуска на абхазо-грузинской государственной границе закрывались с 20:00 часов 14 марта 2020 года для выезда и въезда всех категорий граждан, за исключением работников ИнгурГЭС[7]. 12 марта было подписано распоряжение о временном запрете, сроком до 7 апреля, на проведение спортивных, культурно-массовых мероприятий и зарубежных командировок[8].

13 марта гендиректор ВОЗ Т. Гебреисус заявил о том, что Европа стала центром пандемии COVID-19; в США был введен режим чрезвычайной ситуации; приостановлены пассажирские воздушные перевозки из России

---

[1] https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200217/1029473016/TsIK-Abkhazii-zaregistriroval-kandidaitov-v-prezidenty-i-vitse-prezidenty.html (дата обращения – 2 мая 2021).

[2] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/othernews/soobshchenie-mid-abkhazii-/ (дата обращения – 2 мая 2021).

[3] https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67007/#:~:text=... (дата обращения – 2 мая 2021).

[4] http://abkhazinform.com/item/10108-v-abkhazii-otkryta-kruglosutochnaya-goryachaya-telefonnaya-liniya-po-koronavirusnoj-infektsii. (дата обращения – 2 мая 2021).

[5] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11727 (дата обращения – 2 мая 2021).

[6] https://news.myseldon.com/ru/news/index/225226288 (дата обращения – 2 мая 2021).

[7] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11736&print=Y

[8] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11737

в Италию, Германию, Испанию, Францию. С 16 марта российские вузы перешли на дистанционное обучение; прекращено авиасообщение России со странами Евросоюза; граница России и Беларуси закрыта. С 18 марта до 1 мая был запрещен въезд в Россию всех без исключения иностранных граждан и лиц без гражданства; на 30 дней были закрыты внешние границы ЕС.

18 марта и. о. Президента Абхазии В. Бганба подписал Распоряжение о дополнительных мерах по защите населения от коронавирусной инфекции, которое предписывало: гражданам, прибывшим в Республику Абхазия из стран, где зафиксированы случаи заболевания коронавирусной инфекцией, обеспечить самоизоляцию на дому на срок 14 дней со дня прибытия (не посещать работу, минимизировать посещение общественных мест); руководителям органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций вне зависимости от форм собственности обеспечить отстранение от нахождения на рабочем месте лиц с повышенной температурой. В документе также говорилось о необходимости с 20 марта по 7 апреля: центральным и местным органам государственного управления, государственным учреждениям, предприятиям и организациям освободить работников старше 60 лет от выполнения трудовых (служебных) обязанностей (без ущерба для производства) с сохранением заработной платы; приостановить деятельность дошкольных образовательных учреждений вне зависимости от форм собственности; приостановить деятельность по приему (пропуску) экскурсантов (туристов) в Рицинский реликтовый национальный парк, РУП «Комплекс Новоафонской пещеры им. Г.Ш. Смыр», Ботанический сад Института ботаники, питомник Научно-исследовательского института экспериментальной патологии и терапии; рекомендовать физическим и юридическим лицам, организующим экскурсионное обслуживание иностранных граждан и лиц без гражданства, приостановить деятельность по организации экскурсий; религиозным организациям Республики Абхазия запретить паломникам – иностранным гражданам и лицам без гражданства посещение культовых сооружений. Также документ предписывал до 30 марта продлить в школьных образовательных учреждениях каникулы; приостановить деятельность образовательных кружков, спортивных и танцевальных секций; приостановить занятия в Абхазском государственном университете, Сухумском открытом институте, а также в средне-профессиональных образовательных учреждениях Республики Абхазия. Документ также рекомендовал гражданам перенести проведение обрядовых торжеств на период после 7 апреля[1].

18 марта был создан Координационный штаб по защите населения от коронавирусной инфекции под председательством В. Бганба[2]. 19 марта

[1] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11741
[2] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11739

экспертная миссия ВОЗ и ПРООН прибыла в Абхазию, которая привезла с собой в качестве помощи: более 500 наборов для персонального ухода, более 600 литров антисептиков, и около 500 литров антибактериального мыла[1]. **20 марта в Абхазию** были **завезены средства для диагностики у пациентов нового коронавируса, разработанные Государственным научным центром вирусологии и биотехнологии Роспотребнадзора «Вектор»**[2].

В это время в Абхазии официально не зарегестрировано ни одного случая заболевания COVID-19, но у властей и у подавляющего большинства населения было осознание неизбежности столкновения с пандемией. На таком тяжелом психологическом фоне, вызванном, прежде всего, страхом перед неизвестностью, 22 марта состоялись выборы президента. После завершения выборов, казалось, многие вздохнули с облегчением, причем не только люди, ответственные за их проведение, но и многие участники самого выборного процесса. Было не мало тех, кто понимал, что наступят времена после выборов, а они, судя по всему, сулили не только благостные перспективы, в том числе и для выигравших эти выборы. Выборы прошли, но у власти пока оставался и.о. Президента, который в принятии ограничительных мер вынужден был считаться с необходимостью завершения предвыборный кампании, так как ужесточение карантинных мер могло отпугнуть население от участия в выборах, что, в свою очередь, было чревато продолжением острой фазы политического кризиса. Об этом могут свидетельствовать последовавшие меры по защите населения от коронавирусной инфекции COVID-19.

24 марта и.о. Президента В. Бганба подписал Распоряжение, согласно которому «с 25 марта по 7 апреля на территории Республики Абхазия запрещалось проведение массовых мероприятий; проведение корпоративных (торжественных) мероприятий; экскурсионная деятельность; въезд в Республику Абхазия иностранных граждан и лиц без гражданства в экскурсионных и туристических целях; движение (использование) общественного транспорта (внутригородского, пригородного, междугороднего) за исключением такси. На эти же сроки приостанавливалась деятельность магазинов беспошлинной торговли (дьюти-фри) на абхазо-российской государственной границе; объектов общественного питания вне зависимости от форм собственности; центральных и вещевых рынков в г. Сухум и районах Республики Абхазия; свадебных залов (залов торжественных мероприятий); фитнес-центров, спортивных залов, салонов физиотерапии (spa-салонов). До 7 апреля продлевались приостановление деятельности детских дошкольных учреждений вне зависимости от форм собственно-

[1] https://regnum.ru/news/society/2889032.html

[2] https://abh-n.ru/v-abxaziyu-zavezeny-sredstva-dlya-diagnostiki-koronavirusa-u-pacientov/#:...

сти; каникулы в школьных образовательных учреждениях; приостановление деятельности образовательных кружков, спортивных и танцевальных секций; приостановление занятий в Абхазском государственном университете, Сухумском открытом институте, а также в средне-профессиональных образовательных учреждениях Республики Абхазия. Министерству здравоохранения и социального обеспечения Республики Абхазия было предписано: организовать работу с населением в части информирования о симптомах, профилактике, конкретных мерах и действиях, которые необходимо своевременно предпринимать в различных ситуациях, связанных с коронавирусной инфекцией COVID-19; организовать круглосуточные дежурные бригады скорой медицинской помощи для доставки пациентов с признаками заболевания коронавирусной инфекцией в выделенные медицинские учреждения; утвердить план действий и провести тренировки медицинского персонала на случаи выявления больных коронавирусной инфекцией. Руководителям центральных и местных органов государственного управления, государственных учреждений, предприятий и организаций, за исключением силовых и правоохранительных органов, учреждений здравоохранения и социальной сферы, аварийно-спасательных и коммунальных служб, предписывалось сократить до минимума нахождение работников на рабочих местах с сохранением заработной платы с 27 марта по 7 апреля. Организациям торговли было рекомендовано не допускать повышения цен на товары первой необходимости, включая продукты питания, детские товары, лекарственные средства, медицинские изделия, средства дезинфекции и индивидуальной защиты»[1].

25 марта Гудаутская центральная районная больница была определена резервным госпиталем, где к тому времени работал инфекционный корпус, рассчитанный на 70 коек; предполагалось при необходимости задействовать и другие отделения[2].

Примечательно, что на фоне введения все новых и новых ограничительных мер по всему миру, «в свете положительной динамики в вопросе сдерживания распространения коронавируса», с 25 марта были сняты ограничения для населения на въезд и выезд из китайской провинции Хубэй – очага возникновения и распространения пандемии.

С 27 марта было прекращено регулярное и чартерное авиасообщение России с остальным миром. По решению Правительства РФ от 27 марта с 30 марта закрывалось движение через все российские пограничные, включая автомобильные и железнодорожные, пункты пропуска; в том числе с 00:00

[1] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11828

[2] https://minzdrav.apsny.land/novosti/item/440-gudautskaya-tsrb-stanet-rezervnym-gospitalem-dlya-vozmozhnykh-bol-nykh-koronavirusnoj-infektsiej-covid-19.

30 марта временно приостанавливалось движение пассажирского поезда № 305/306 сообщением Москва – Сухум[1].

27 марта и. о. Президента Абхазии В. Бганба подписал Указ о введении чрезвычайного положения на всей территории Республики Абхазия с 00 часов 00 минут 28 марта до 00 часов 00 минут 20 апреля[2]. В Народном Собрании – Парламенте РА Указ был утвержден «в интересах обеспечения безопасности граждан, противодействия распространению в РА коронавирусной инфекции COVID-19»[3]. 31 марта В Галском районе был введен комендантский час.

7 апреля В. Бганба подписал Распоряжение о закрытии государственной границы по р. Псоу с 00 часов 00 минут 8 апреля по 20 апреля[4] для всех категорий граждан «за исключением работников дипломатических учреждений иностранных государств, аккредитованных в Республике Абхазия, военнослужащих Пограничного управления ФСБ России в Республике Абхазия, Объединенной российской военной базы; водителей транспортных средств, осуществляющих международные грузовые перевозки»[5].

7 апреля в Абхазии, в г. Гагре, **был** зарегистрирован **первый случай заражения коронавирусом** COVID-19[6]**,** а 8 апреля в Гагрском районе был введен комендантский час. Однако уже 17 апреля карантинные меры были несколько смягчены: с 20 апреля открывались рынки во всех районах республики, но они не должны были функционировать больше трех дней в неделю; при соблюдении мер безопасности свою деятельность могли возобновить торговые объекты, в том числе вещевые, магазины техники, стройматериалов, бытовой химии; с 21 апреля были отменены ограничения на въезд в Гагрский и Галский районы[7]. Тем временем утром 26 апреля в Гудаутском госпитале был зарегистрирован первый случай смерти от осложнений, вызванных COVID-19[8].

---

[1] ЖД сообщение между Абхазией и Россией было восстановлено 7 августа 2020 г.

[2] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11845

[3] http://apsny.ru/news/?ID=45906

[4] Это решение продлевалось неоднократно. И граница на р. Псоу была открыта **1 августа 2020 г. Такое решение** было принято 31 июля по итогам заседания оперативного штаба под руководством вице-премьера РФ Т. Голиковой, на основании заключений Роспотребнадзора и Минздрава России по оценке санитарно-эпидемиологической обстановки в Абхазии и готовности инфраструктуры к приему туристов. Тогда и абхазская сторона, по словам Премьер-министра А. Анкваб, «зеркально отреагировала на решение российских коллег и также без ограничений открыла свою границу для россиян».

[5] http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=11882

[6] https://abh-n.ru/podtverzhden-pervyj-sluchaj-zarazheniya-koronavirusom-v-abxazii/#:....

[7] https://sputnik-abkhazia.ru/coronavirus/20200421/1029948180/Zhizn-posle-ChP-chto-proiskhodit-v-Abkhazii-posle-snyatiya-ryada-ogranichitelnykh-mer.html

[8] http://abkhazinform.com/item/10466-patsientka-1925-goda-rozhdeniya-skonchalas-rano-utrom-v-gudautskom-gospitale.

Между тем 19 марта появилась информация о том, что ученые в Петербурге расшифровали полный геном нового коронавируса. Это было важным шагом к созданию вакцины против него. Всего в мире о работе над вакцинами от COVID-19 заявили к тому времени более 60 научных организаций и фармкомпаний. 20 марта в Роспотребнадзоре сообщили о том, что в России разработаны прототипы вакцин, основанные на шести различных технологических платформах. С тех пор наступает эпоха «вакцинной дипломатии», что способствовало большей актуализации судеб интересов стран, не входящих в число государств-вакционеров (производителей вакцин).

В обзоре МИД России за 2020 г. говорилось: «Республикам (Абхазии и Южная Осетия) предоставлялась масштабная помощь в борьбе с пандемией коронавируса: работали многопрофильные мобильные госпитали и отряды радиологической, химической и биологической защиты Минобороны России, поставлялись тест-системы и командировались медицинские специалисты»[1]. Никто не говорит о том, что это мало, тем более – плохо. Но речь о другом. В том же обзоре МИД России констатировалось: «Белоруссия стала первой страной, зарегистрировавшей и получившей российскую вакцину «Спутник V». Начата работа по организации ее производства на территории Белоруссии»[2]; «В декабре в Казахстане на площадке Карагандинского фармацевтического комплекса состоялся запуск совместного производства вакцины «Спутник V»[3]; «В позитивном ключе развивалось сотрудничество в целях поставок в Венгрию вакцины «Спутник V»[4]; «В декабре в Белград поставлена первая партия российской вакцины «Спутник V»[5]; «Отечественная вакцина «Спутник V» прошла регистрацию в Аргентине, Боливии, Венесуэле, Гайане, Гватемале, Гондурасе, Парагвае, Мексике, Никарагуа, Сент-Винсенте и Гренадинах. Достигнуты договорённости о поставках вакцины в эти и ряд других латиноамериканских стран»[6].

Повторюсь, ничего плохого во всем этом не может быть, наоборот – очень хорошо с точки зрения здоровья граждан названных стран, а также – продвижения российской вакцины, а, следовательно, российского влияния. Однако отсутствие хотя бы какого-то количества доз российской вакцины в Абхазии[7], вне зависимости от того на каких условиях она до-

---

[1] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2020 году. Обзор МИД России. Москва, март 2021. С. 21.

[2] Там же. С. 18.

[3] Там же. С. 18.

[4] Там же С. 42.

[5] Там же. С. 42.

[6] Там же. С. 47.

[7] 30 апреля 2021 г. в Абхазию из России доставили первую партию вакцины «Спутник V» в количестве 6 500 доз, а вакцинация началась 11 мая.

ставлялась в страны ближнего и дальнего зарубежья, не могла не вызывать вопросов в эпоху «вакцинной дипломатии»….

Маленькие страны обречены в первую очередь задавать вопросы самим себе. Не это ли имел в виду представитель российской геополитической мысли Т. Бородачев, вопрошавший: «Так вправе ли младшие партнёры в союзнических отношениях в принципе на что-то рассчитывать?» и сам на него отвечал: «Даже если более слабые страны не создают поводов усомниться в собственной лояльности, доказать свою действительную нужность им крайне сложно»[1]. Ему же принадлежит уже более конкретное умозаключение: «Нравится нам это или нет, у великой державы – участницы глобального ядерного клуба – не может быть союзников»[2].

Тем временем в концепции внешней политики Абхазии 2020 г. в разделе «Основные направления внешней политики» первым пунктом обозначено «укрепление и развитие взаимовыгодных союзнических отношений между Республикой Абхазия и Российской Федерацией»[3]. В обзоре деятельности МИД Абхазии за 2020 г. также говорится, что приоритетное значение уделялось дальнейшему развитию и углублению дружественных взаимоотношений с Российской Федерацией[4]. В свою очередь, в обзоре МИД России за 2020 г. сказано: «Россия активно содействовала социально-экономическому восстановлению, обеспечению безопасности и расширению международных связей Республики Абхазия»[5]. При этом в обеих случаях приводятся ссылки на Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Абхазия и Российской Федерацией от 17 сентября 2008 г. и Договор между Республикой Абхазия и Российской Федерацией о союзничестве и стратегическом партнёрстве от 24 ноября 2014 г.

Стратегическое партнерство России и Абхазии отражено также в договоре о совместной охране границы, что является ключевым компонентом обеспечения безопасности Республики Абхазия и поддержания региональной стабильности[6]. Наряду с этим у России и Абхазии одинаковая

---

[1] Бородачёв Т. Национальная безопасность как единственный приоритет России // Журн. «Россия в глобальной политике», №2, 2021 март/апрель. / https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-i-eyo-sosedi/ (дата обращения – 30 марта 2021).

[2] Там же.https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-i-eyo-sosedi/

[3] Концепция внешней политики Республики Абхазия, 4 декабря 2020 г. // https://apsnypress.info/ru/item/1649-kontseptsiya-vneshnej-politiki-respubliki-abkhaziya. (дата обращения – 25 марта 2021).

[4] Обзор деятельности МИД Абхазии за 2020 г. 29 декабря 2020 г. // http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/otchet-o-deyatelnosti-mid-abkhazii-za-2020-god/ (дата обращения – 25 марта 2021).

[5] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2020 году… М., март 2021. С. 21.

[6] Концепция внешней политики РА… / https://apsnypress.info/ru/item/1649-kontseptsiya-vneshnej-politiki-respubliki-abkhaziya.

оценка истории ВОВ, что важно, тем более на фоне всеобщей и глобальной переоценки ценностей и попыток пересмотра прошлого, в том числе на постсоветском пространстве, продиктованными современными геополитическими устремлениями.

Расшатывание международно-правового фундамента, нарастание нестабильности и неустойчивости, хаотичная фрагментация глобального пространства, углубление недоверия между участниками международной жизни – это, по мнению министра иностранных дел России С. Лаврова, реалии сегодняшнего мира, сложившейся в результате действий США[1]. Эти тенденции не могут не отразиться на политическом климате региона, который в России называют ближним зарубежьем, и который, в свою очередь, является, по мнению Ч. Хуашэна, ключевым фактором в формировании структуры российской дипломатии и точкой противостояния России и США[2]. Более того, европейское командование Вооруженных сил США провозгласило своим приоритетом в одном из важнейших частей ближнего зарубежья – Причерноморье – «сдерживание российской агрессии»[3]. При этом «геополитическое соперничество между Западом и Россией качественно возросло, втягивая в свою орбиту соподчинённые региональные конфликты», в частности, Абхазию[4]. Об этом свидетельствуют и военные учения в названном регионе. К примеру, в июле в Черном море прошли военные учения стран НАТО «Sea Breeze 2020», в которых участвовали 27 боевых кораблей, 19 самолетов и 2000 военнослужащих из Украины, Грузии и семи стран-членов НАТО: США, Болгарии, Турции, Румынии, Франции, Испании и Норвегии[5]; в сентябре на территории Грузии – учения стран НАТО «Достойный партнер 2020» (Noble Partner 2020), в которых были задействованы несколько тысяч военнослужащих, тяжелая военная техника, авиация и корабли ВМФ США[6].

---

[1] С. Лавров. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем – Россия в глобальной политике / https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/ 7/11. (дата обращения – 30 марта 2021).

[2] Чжо Хуашэн. Россия и ее ближнее зарубежье: вызовы и перспективы // https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-blizhnee-zarubezhe/(дата обращения – 30 марта 2021).

[3] А.В. Баранов. Социокультурные и геополитические процессы в Черноморском международном регионе: взаимообусловленность // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. Туапсе, 1–3 октября 2020 г. – Краснодар. 2020. С. 7.

[4] Там же. С. 5.

[5] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhaziya-v-svyazi-s-voennymi-ucheniyami-stran-nato-v-chernom-more-/ (дата обращения 1 апреля 2021)

[6] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/zayavlenie-mid-respubliki-abkhaziya11111/ (дата обращения 1 апреля 2021)

Нужно иметь в виду, что все это происходит на фоне функционирования закона Грузии, принятого еще в 2008 г., по которому Абхазия объявлена «оккупированной» Россией территорией, что сопровождается постоянной критикой Москвы, иногда выходящей далеко за рамки дипломатической риторики. В частности, 10 июня посол США в ОБСЕ Д. Гилмор назвал Россию «оккупантом», а Абхазию и Южную Осетию – «оккупированными территориями»[1]; 26 июня премьер-министр Грузии Г. Гахария назвал главным вызовом для Грузии и ее национальной безопасности «российскую оккупацию»[2]; 7 августа делегация Европейского Союза в Грузии сделала заявление «по случаю 12-й годовщины конфликта между Россией и Грузией», в котором выражалась поддержка суверенитета и территориальной целостности Грузии[3]; 29 сентября в Брюсселе Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в ходе пресс-конференции с премьер-министром Грузии Г. Гахария выступил с рядом заявлений, в которых, в частности, призвал ускорить подготовку к приему Грузии в НАТО, а также призвал Россию отозвать признание независимости Абхазии и Южной Осетии[4]; посол США при ОБСЕ Д. Гилмор в ходе выступления на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене 12 ноября обвинил Россию в срыве Женевских Международных дискуссий и назвал ее «стороной конфликта», а не посредником[5].

В самой России, безусловно, не могли не замечать складывавшейся ситуации. В частности, в обзорах МИД России регулярно «масштабные совместные учения»[6], «плотное взаимодействие»[7], «продолжающееся сбли-

---

[1] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhaziiras/ (дата обращения – 25 марта 2021)http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhaziiras/

[2] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii62/ (дата обращения – 25 марта 2021)http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii62/

[3] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-116/ (дата обращения – 25 марта 2021)http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-116/

[4] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-v-svyazi-s-prizyvom-y-stoltenberga-ob-uskorenii-podgotovki-k-priemu-gruzii-/ (дата обращения – 25 марта 2021)http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-v-svyazi-s-prizyvom-y-stoltenberga-ob-uskorenii-podgotovki-k-priemu-gruzii-/

[5] http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-v-svyazi-s-vystupleniem-posla-ssha-pri-obse-dzh-gilmora/ (дата обращения – 25 марта 2021) http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-mid-abkhazii-v-svyazi-s-vystupleniem-posla-ssha-pri-obse-dzh-gilmora/

[6] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2016 году… – М., апрель 2017. С. 40.

[7] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2017 году… – М., март 2018. С. 30-31.

жение»[1] Грузии и НАТО назывались основной угрозой для региональной безопасности. Однако нельзя не признать право на жизнь следующей мысли архимандрита Дорофея о том, что «существующее положение вещей не означает, что РФ впредь не должно выстраивать выгодные для собственной страны отношения с Грузией (в том числе в ущерб интересам Абхазии)»[2].

Что касается взаимоотношений Абхазии и Грузии, то главным их лейтмотивом остается инерция «оккупированных территорий». В этой стратегии, наряду с демонстрацией военного превосходства своих союзников, Грузия использует политику «мягкой силой», с помощью которой при поддержке щедрых доноров, старается вернуть, вернее, «купить» расположение большинства людей, живущих в Абхазии. При этом, по мнению официальных властей Абхазии, «важным шагом на пути к нормализации отношений должен стать документ, фиксирующий отсутствие у сторон намерения возобновить боевые действия». Принятие подобного документа, как они полагают, «станет гарантией мирных намерений Грузии и продемонстрирует готовность Грузии к подлинному равноправному диалогу»[3]. Более того, второй абзац пункта 2.3 Концепции внешней политики РА от декабря 2020 г. гласил: «Республика Абхазия допускает возможность создания условий для формирования дополнительного формата многоуровневых переговоров между Грузией и Республикой Абхазия, в рамках которого появится возможность обсуждать с грузинской стороной вопросы, представляющие взаимный интерес, решение которых в рамках Международных Женевских дискуссий не представляется возможным»[4]. Такая «дипломатичность» абхазских властей, проявленная на фоне политики Грузии и ее союзников, направленной на всеобъемлющее размывание основ абхазской государственности, была воспринята многими в Абхазии как излишне мягкая и неоправданная. Чуть менее чем через полгода, 25 мая 2021 г., без особых разъяснений причин, процитированный абзац был изъят из документа согласно Указу президента о внесении изменения в «Концепцию внешней политики Республики Абхазия», утвержденную 4 декабря 2020 г.[5]. Наряду с позицией «Концепции….» в абхазском экспертном сообществе существует мнение о необходимости проведения более наступательной внешней политики и задействование с помощью миро-

---

[1] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2018 г… – М., март 2019. С. 28.

[2] Архимандрит Дорофей (Дбар). Абхазия сегодня. Что делать? – Новый Афон. 2019. С. 114.

[3] Концепция внешней политики РА, 4 декабря 2020 г. // https://apsnypress.info/ru/item/1649-kontseptsiya-vneshnej-politiki-respubliki-abkhaziya.

[4] Концепция внешней политики РА, 4 декабря 2020 г. // https://apsnypress.info/ru/item/1649-kontseptsiya-vneshnej-politiki-respubliki-abkhaziya.

[5] https://apsnypress.info/ru/item/3439-v-kontseptsiyu-vneshnej-politiki-ra-vneseno-izmenenie-isklyuchayushchee-dopolnitelnyj-format-mnogourovnevykh-peregovorov-s-gruziej (дата обращения – 9 июня 2021).

вого сообщества механизма принуждения Грузии к признанию независимости Абхазии[1].

Надо также помнить, что Абхазия уже в течение более чем двух веков находится на линии противостояния России и Турции, которая хотела бы играть роль самостоятельной силы геополитического притяжения. Имперские устремления Турции, несмотря на периодическое оздоровление отношения с Россией, никуда не делись. Но при этом следует учитывать и то обстоятельство, что договор Монтрё по Черному морю 1936 г., установивший суверенитет Турции над проливами Босфор и Дарданеллы, начиная с 2008 г., по крайне мере, дважды нарушался именно ВМС США.

В целом, очевидно, что Абхазия оказалась на острие противостояния нескольких военно-политических и культурных пространств. При этом она прозрачно и довольно ясно декларирует свой, в том числе культурно-цивилизационный выбор: «Республика Абхазия намерена создавать условия для полноценного участия в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, реализуемых по инициативе и (или) при содействии Российской Федерации»[2].

Наше время характеризуется концом постоянства, в котором больше заинтересованы малые страны, располагающие меньшими возможностями для отстаивания своих интересов. Потенциал великих держав позволяет им защищать свои интересы и в условиях отсутствия постоянства и стабильности. В такой ситуации малые страны заинтересованы в мировом порядке в традиционном понимании этого слова и институциональном закреплении этого порядка. Однако, по справедливому замечанию Т. Бородачева, «великие державы идут на создание формальных институтов союзничества, если это необходимо для обеспечения их собственных интересов». Но при этом он же признает, что «аргументация представителей институционалистского подхода, ратующих за то, что институты в любом случае снижают транзакционные издержки и поэтому выгодны, здесь имеет убедительные основания»[3].

Тем временем региональные союзы, создающиеся в интересах региональной безопасности, как правило, продиктованы геополитическими и

---

[1] Лейла Тания. Принудительное признание независимости Абхазии со стороны Грузии и региональная безопасность // Альманах «Диалог времен». №3. Сухум. 2020. С. 325-397. / Электронный ресурс http://apsnyteka.org/file/Dialog_vremen_2020_3.pdf (дата обращения – 7 июня 2021).

[2] Концепция внешней политики РА… / https://apsnypress.info/ru/item/1649-kontseptsiya-vneshnej-politiki-respubliki-abkhaziya.

[3] Бородачёв Т. Национальная безопасность как единственный приоритет России // Журн. «Россия в глобальной политике», №2, 2021 март/апрель. / https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-i-eyo-sosedi/

геоэкономическими процессами, в которых напрямую или косвенно задействованы все коллективные или самостоятельные акторы, имеющие свои интересы в «Большой игре» и способные заявлять об этом. Региональная безопасность связана с геополитикой, а региональная геополитика диктуется трендами и тенденциями глобальной геополитики. Сегодня, образно выражаясь, у стран и народов задач становится все больше, а пути, по которым «пролегают» их решения, все более узкими, что приводит к очень частым, если не постоянным скрещиваниям этих «путей» и столкновению интересов.

Современные реалии и тенденции, судя по всему, в обозримом будущем приведут к тому, что страны региона, обладающие собственными, иногда противоположными интересами, придут к осознанию необходимости серьезной интеграции военно-политических и экономических потенциалов. На мой взгляд, подобный союз, основанный не только на принципах общности интересов, но и сочетании законов реалполитики и идеалполитики, учитывающий культурную самобытность каждого из его участников, мог бы создать условия для конструирования более или менее справедливой военно-политической конфигурации.

При этом новое институциональное образование может быть создано, скорее всего, в рамках российского проекта «Большой Евразии», которая, по справедливому замечанию Н. Капур, «является не только экономической, но и политической стратегической концепцией, следовательно, для достижения поставленных целей потребуется больше, чем экономический союз»[1]; или инициативы России Большого Евразийского партнерства (БЕП), работа по формированию которой получила «новые импульсы» в 2020 г.; а приверженность к ее реализации была зафиксирована в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., а также отмечена в Совместном заявлении глав государств ШОС от 10 ноября[2]. (Это не исключает возможность тесного сотрудничества с государствами из других частей света). Такой союз или содружество стало бы серьезным фактором стабильности в регионе и не только; могло бы способствовать дальнейшему международному признанию Абхазии, что провозглашается одним из основных принципов внешней политики страны. А это, в свою очередь, будет соответствовать интересам Российской Федерации, первой признавшей государственную независимость Республики Абхазия.

---

[1] Капур Нивидета. Проект «Большая Евразия в восприятии нового поколения российских и зарубежных лидеров» / https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-evraziya-bolshe-vyzovov/.

[2] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2020 году… – М., март 2021. С. 23.

Л. А. Делова,
г. Майкоп

ОТНОШЕНИЕ К МЕРАМ ПРОФИЛАКТИКИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Более полутора лет человечество живёт в условиях новой реальности. Ограничения, вызванные пандемией коронавируса COVID-19, изменили жизнь людей всей планеты во всех сферах[1]. В наш обиход вошли понятия «пандемия», «ПЦР-тест», «ковид», «локдаун», «коронавирусная инфекция», «инфекционный госпиталь», «социальная дистанция», «дистанционное обучение», «удалённая работа».

Новостные порталы приносят пугающие сообщения о новом штамме ковида, прогнозы по распространению штамма «дельта» COVID-19, о статистике заразившихся коронавирусом, о ходе вакцинации[2], [3].

В представленной статье рассматриваются результаты социологического опроса, проведённого в мае 2021 г. Были опрошены студенты, обучающиеся в медицинском институте ФГБОУ ВО «МГТУ» (Майкопский государственный технологический университет), с целью изучения соблюдения мер профилактики коронавирусной инфекции и отношения к ним в период локдауна и после него, а также отношение населения к вакцинации.

Исследование проведено ещё до начала «третьей волны» заболеваемости COVID-19 в нашей стране, до увеличения темпов распространения нового, индийского, штамма коронавируса. Сейчас, когда резко возросло число заболевших во всех регионах, когда вирус мутировал и власти пред-

---

[1] Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 5–13.

[2] В ВОЗ рассказали об угрозе штамма «дельта» COVID-19: [Электронный ресурс]. URL: http://https://russian-rt-com.turbopages.org/russian.rt.com/s/world/news/885315-voz-ugroza-delta?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FGlava_VOZ_zayavil_onachale_tretej_volny_pandemii_koronavirusa_vmire--2c4b57e230408b09f6a64a4575274875 (дата обращения: – 20.07.2021).

[3] Мурашко заявил, что поражение легких при ковиде стало развиваться примерно вдвое быстрее: [Электронный ресурс]. URL: http://https://news.mail.ru/society/47173886/?frommail=1&exp_id=899 (дата обращения: – 20.07.2021).

принимают меры, способствующие снижению заболеваемости[1], [2], результаты проведённого опроса представляются крайне актуальными, так как показывают настроения, мнение определённой части молодёжи ещё до усиления мер профилактики.

Объект исследования – студенты медицинского института ФГБОУ ВО «МГТУ». Их мнение представляется важным, так как будущая профессиональная деятельность этих респондентов связана с лечением больных, а также потому, что некоторые из опрошенных работали и сейчас работают в «красной зоне», в инфекционных госпиталях и отделениях и имеют о коронавирусной инфекции сведения не из средств массовой информации. Они знают о ковиде «изнутри», не понаслышке.

С целью уточнения вопросов до начала количественного опроса (анкетирования) был применён качественный метод исследования – проведено две фокус-группы. В ходе проведения неформализованных бесед (фокус-групп) было выявлено, что крайне актуальными для студентов являются проблемы, связанные с дистанционным обучением. Участники групповых дискуссий говорили об особенностях занятий в режиме онлайн, о том, что их не устраивало в таком формате обучения качество получаемых ими знаний, потому что некоторые преподаватели не проводили должным образом занятия, вяло отвечали на письма к ним с вопросами по пройденному материалу. Другая часть участников неформализованных бесед считает, что дистанционное обучение хорошо тем, что не приходится тратить время на дорогу. В ходе проведения фокус-групп студентами были высказаны и другие мнения. Это способствовало расширению тематики анкеты. Мнения студентов о вакцинации в ходе проведения фокус-группы разделились приблизительно пополам: половина участников неформализованных бесед считают необходимой вакцинацию, так как это спасает жизни людей; другая, что вакцина – ещё до конца не испытана, поэтому нежелательно делать прививку. В результате групповых дискуссий, после анализа высказанных студентами мнений, была скорректирована анкета, включившая в итоге 25 вопросов, которые и предложили респондентам. Был добавлен блок вопросов о дистанционном обучении. Подробный анализ результатов ответов на эти вопросы, об отношении к дистанционно-

---

[1] Информация Роспотребнадзора от 18.06.2021 «О создании базы данных «Национальная база данных геномных последовательностей вируса SARS-CoV-2»»: [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL:https://www.rospotrebnadzor.ru/region/rss/rss.php? ELEMENT_ID=18101 (дата обращения – 19.06.2021).

[2] Правительство утвердило программу углублённой диспансеризации населения граждан: [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/42530/ (дата обращения – 18.06.2021).

му обучению, об особенностях его будет представлен в следующей статье. Необходимо отметить, что анкетирование показало, что основная часть опрошенных студентов восприняла изменение привычного алгоритма обучения – аудиторных занятий в очном режиме, адаптировавшись в той или иной степени к новому характеру учебного процесса – в режиме онлайн. Так, на вопрос: «Как вы адаптировались к новым условиям дистанционного обучения?» 24% респондентов ответили «отлично», 39,5% – «хорошо», 27,2% – «удовлетворительно» и 9,3% – «плохо».

Преобладающее число опрошенных – 45,7% – ответили, что предпочли бы очные занятия (вопрос: «Как бы вы хотели заниматься – онлайн или очно?»). Варианты ответов: «дистанционно», «очно», «совмещая онлайн и очное обучение», «свой вариант». Совмещать очное и онлайн обучение хотели бы 35,7% респондентов, заниматься лишь в дистанционном формате – 18,6%. Других вариантов занятий никто не предложил.

Одна из задач, поставленных при проведении опроса, – выявить, как студенты, участвовавшие в исследовании, соблюдали в период карантина и после него меры, рекомендованные Роспотребнадзором для профилактики коронавирусной инфекции (маски, перчатки, дезинфицирующие средства, социальная дистанция)[1], [2], [3].

На прямой вопрос анкеты о соблюдении мер профилактики COVID-19 во время локдауна, 86% респондентов ответили «да», «частично» – 11,7%, «нет» – 2,3%, что показывает высокий уровень ответственности студентов медицинских специальностей за своё здоровье и здоровье окружающих.

Напомним, что опрос студентов проводился в мае 2021 г., до всплеска заболеваемости ковидом в июне, до появления в новостных лентах пуга-

---

[1] Инструкция Роспотребнадзора от 23 января 2020 года № 02/770-2020-32 по проведению дезинфекционных мероприятий для профилактики заболеваний, вызываемых коронавирусами: [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: ya-Rospotrebnadzora-_-02-770_2020_32-po-provedeniyu-dezinfektsionnykh-meropriyatiy-dlya-profilaktiki-zabolevaniy_-vyzyvaemykh-koronavirusami.pdf (дата обращения – 17.06.2021).

[2] Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 16.04.2021 № 13 «О внесении изменений в постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18.03.2020 № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019»» (Зарегистрирован 20.04.2021 № 63181): [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/post.php (дата обращения – 17.06.2021).

[3] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»»: [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74077903/ (дата обращения – 17.06.2021).

ющих известий о вспышке штамма коронавируса в Индии и распространении его в России.

Известно, что в период до «третьей волны» произошло расслабление населения, «тотальный нигилизм», зачастую явное несоблюдение мер профилактики[1]. Об этом заявила журналистам заместитель директора по клинико-аналитической работе ЦНИИ эпидемиологии Роспотребнадзора Наталья Пшеничная. «Нам не удалось избежать нового подъема заболеваемости в связи с массовым игнорированием мер профилактики распространения нового коронавируса. Особенно актуально их соблюдение сейчас, когда циркулирует индийский штамм и наиболее активная часть населения – молодежь – его распространяет в своей среде и в других возрастных группах», – сказала она. Пшеничная подчеркнула, что в последнее время граждане очень расслабились, хотя коллективный иммунитет к коронавирусу еще не достигнут. «Коронавирус никуда не делся, и такое полное пренебрежение защитными правилами создает все условия для его дальнейшего распространения. Поэтому так жизненно важно вакцинироваться. Сейчас это единственная возможность остановить рост заболеваемости», – заключила она[2], [3].

Период опроса студентов, май 2021 г, совпал со временем массового ослабления населением мер профилактики COVID-19. Один из вопросов, предложенных респондентам, звучал так: «Как вы относитесь к тому, что сейчас не соблюдаются меры защиты от ковида в общественных местах (транспорт, магазины, учебные заведения)?» 30,2% опрошенных ответили «необходимо жёстко соблюдать меры профилактики»; 61,2% считали «это нормально»; остальные 8,6% респондентов дали иной, свой ответ, сформулировав его как «желательно соблюдать меры профилактики», «лучше продолжать соблюдать меры профилактики», «в местах скопления людей», «это ожидаемо, но лучше соблюдать меры защиты от вируса». Сопряжён с этим был вопрос: «Соблюдаете ли вы сейчас меры профилактики COVID-19?». 62% респондентов дали ответ «да», 20,2% опрошенных соблюдали частично, а 17,8% считали – «опасность миновала» и ответили «нет». В этот же блок вошёл следующий вопрос «Как вы считаете, необходимо ли в нынешних условиях соблюдать меры профилактики COVID-19? Если

---

[1] Попова объяснила рост числа случаев ковида «тотальным нигилизмом»: [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/p/1404112 (дата обращения – 18.06.2021).

[2] В Роспотребнадзоре сообщили, что индийский штамм коронавируса в РФ распространяет молодежь: [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/ society/46782241/?frommail=1&exp_id=899 (дата обращения 19.06.2021).

[3] Индийский штамм коронавируса достиг версии «дельта плюс»: [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/46803050/?frommail=1&exp_id=899 (дата обращения 20.06.2021).

«да», то какие именно?» Ответы студентов показали, что, обучаясь медицинским специальностям, они осознают опасность коронавирусной инфекции и хорошо понимают необходимость мер профилактики её: 64,3% участников опроса ответили «да», указав на необходимость таких мер профилактики, как «вакцинация», «масочный режим», «дезинфицирующие средства», «маски и дезинфицирующие средства». 16,3% опрошенных студентов считали, что необходимо частично соблюдать меры профилактики. 19,4% респондентов дали ответ «нет», они уверены, что соблюдать защитные меры не нужно, что является, по нашему мнению, показателем общего «тотального нигилизма».

Ответы на вопрос: «Ваше отношение к вакцинации от коронавирусной инфекции» также продемонстрировали нигилизм, свойственный многим молодым людям в период расслабления до появления индийского штамма, а также неоднозначное отношение к вакцинации в обществе в целом. Ответы на этот вопрос показали наибольший разброс мнений. Так, считают, что вакцинация эффективна, 31% опрошенных студентов, 61,2% респондентов дали ответ «не верю в её действие». 7,8% участвовавших в опросе дали другие ответы, характеризующие их представления о вакцинации. Были высказаны такие мнения: «желательна проверка», «пока не определилась», «эффективна, но не во всех случаях», «нейтрально, но делать не буду», «считаю, что человек сам должен решить, стоит ли делать», «считаю, что нужно обратить внимание на иммунитет», «я не знаю».

На вопрос: «Эффективны ли, по вашему мнению, меры по предупреждению распространения коронавирусной инфекции?» 73,7% опрошенных дали ответ «да», 20,1% – «нет», 6,2% считают, что ограничения ущемляют их права. Ответы на этот вопрос анкеты показывают понимание большинством студентов медицинских специальностей ограничений, введённых в период пандемии.

В вузе вместе со студентами – жителями Российской Федерации обучаются студенты-иностранцы – граждане стран ближнего и дальнего зарубежья. Один из вопросов анкеты звучал так: «Общаетесь ли вы со студентами-иностранцами, несмотря на пандемию?» Ответы студентов-медиков – наших сограждан – послужили в данном случае маркером толерантности: 80% опрошенных продолжают общаться с сокурсниками-иностранцами, демонстрируя отсутствие ксенофобии, считая, что иностранные студенты, обучающиеся с ними в вузе, не могут являться источником заражения.

Таким образом, опрос студентов-медиков выявил высокую степень их ответственности за своё здоровье и здоровье окружающих, понимание мер, предпринимаемых Роспотребнадзором с целью нераспространения вируса, а также отсутствие ксенофобских настроений, высокий уровень толерантности, что проявилось в отношении к студентам-иностранцам.

Вместе с тем ответы на вопросы анкеты продемонстрировали наряду с пониманием необходимости строгого соблюдения мер защиты от коронавирусной инфекции и нигилизм, свойственный в этот период многим молодым людям в нашей стране. Кроме того, вопрос о вакцинации – наиболее спорный, ответы об отношении к вакцинации показали существующий в обществе разброс мнений. Большинству респондентов на момент опроса было свойственно неверие в вакцинацию, недоверие к этой мере профилактики коронавирусной инфекции, о чём свидетельствуют и многочисленные публикации в сети Интернет.

Дата написания статьи – 21 июля 2021 г.

О. В. Маан

ЭТИКЕТНЫЕ НОРМЫ И ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АБХАЗОВ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЭТНОСОВ КАВКАЗА (ПО ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.)

С периода раннего Средневековья абхазы служили, как об этом будет сказано ниже, каналом проникновения византийской и другой культуры в соседние регионы. Об этом позволяют судить введенные к настоящему времени в научный оборот новые источники о межэтнических контактах абхазов. Они доказывают справедливость высказывания Д. И. Гулиа о том, что абхазы «безусловно являлись распространителями культуры среди соседних жителей, живших на севере и северо-западе, а также на востоке от них»[1]. К близкому выводу пришел В. И. Абаев, утверждавший, что «Абхазия была, пожалуй, основным каналом, служившим для связи Грузинского государства с алано-осетинами»[2]. Исходя из этого мы не исключаем, что через абхазское посредство в Картли могли проникать, в частности, некоторые имена северо-восточной группы иранских народов[3].

Как и кабардинцы, считавшиеся на Северном Кавказе законодателями моды (на одежду, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки), абхазы среди картвельских народов, которые в период Абхазского царства входили в состав этого государства, распространяли элементы своей культуры. Показательно, что еще в конце XIX в. в Грузии абхазов даже называли «французами Кавказа»[4]. Можно предполагать, что в картвельскую среду проникала в первую очередь культура абхазских князей и дворян, – Аамсташэара. Абхазские этикетно-поведенческие нормы и в особенности правила дворянского кодекса чести и престижные обычаи со

[1] Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухуми. 1986. С. 137.
[2] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. – М. – Л., 1949. С.318.
[3] Об этом см.: Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум. 2010. С. 131.
[4] Марков Евг. Очерки Кавказа. – СПб. – М., 1887. С. 360 – 361.

временем, очевидно, получали распространение в самых широких слоях картвельского населения. Другими словами, происходило заимствование элитарных элементов абхазской культуры различными слоями картвельского населения, так как в феодальном обществе обычаи, которым следовала социальная верхушка, считались образцом поведения. Неслучайно архимандрит Леонид (Кавелин) посчитал нужным отметить, что «усилилось нравственное влияние абхазов на соседние народы, страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику»[1]. Причем, «громадное культурное влияние» абхазов, по мнению К. Кудрявцева, «мы можем наблюдать почти во всех областях жизни и даже быта» картвелов[2]. О проникновении в Грузию самобытных черт абхазской культуры раннесредневекового времени (элементов хозяйственного быта, народной одежды, традиции и т. д.), включая язык, писал проф. Г. А. Дзидзария[3].

Поведенческие нормы «знаменитого абхазского этикета»[4], получавшие распространение в среде грузин, мегрелов, турок-османов и других народов, были для них по всем данным выражением аристократической изысканности и благородства[5]. Некоторыми исследователями подмечено, что жители Западной Грузии человека с хорошими манерами сравнивали с абхазом. Мегрелы и имеретинцы, желая отметить благовоспитанного человека, употребляли выражение: «воспитан как абхаз»[6]. Стоит привести

---

[1] Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887. С. 92.

[2] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922. С. 124. Законодателем мод и этикета в аристократических кругах Грузии был, например, общественный деятель и поэт, сын последнего владетеля Абхазии Ахмытбея (Михаила) – Георгий Чачба. С Георгия Чачба, как принято считать, художником Зичи был срисован образ Тариэла из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Цит. по: Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя»//Абаза. Общественный, литературно-художественный, научно-популярный журнал Всемирного Абхазо-абазинского (Абаза) конгресса и Государственного комитета по репатриации Республики Абхазия. 1(18). 10.04. 15. С. 57).

[3] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979. С. 16. Согласно одному из абхазских преданий, записанных Ш. Д. Инал-ипа, апсха (царь Абхазии) воспитал у себя дома внучатых племянников, и отправляя их в Грузию (одна из его дочерей была замужем за грузином), одел их «во все абхазское». Там эта одежда так понравилась, что с тех пор ее стали носить и грузины (Инал-ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1988. С. 314 – 316).

[4] Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // Полевые исследования Института этнографии. 1980 – 1981. – М., 1984. С. 107.

[5] О заимствовании турками-османами элементов абхазской, шире кавказской, культуры, например, Мурат Яган отмечал: «Турки вообще переняли у кавказцев многое, включая разные обычаи и даже манеру одеваться» (Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа». – Краснодар. 2002. С. 282). О влиянии абхазской культуры на турецкую знать см. также в кн.: Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX века). – Сухум. 2012. С. 85 – 90.

[6] Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974. С. 23.

и слова ректора Тбилисской академии художеств, акад. А. Кутателадзе, высказанные им в 1968 г., находясь в Абхазии. Когда наши деды и их деды видели среди грузин красивого, статного парня или девушку, говорили: «Ааи ра ламазиа рогор апхази», в смысле, «какой он красивый (красивая), как абхаз (ка)»[1]. В Мегрелии, хорошо отзываясь о девушке, сравнивали ее с абхазской невесткой[2]. В 1930-х гг. старики Гурии помнили, что замужних женщин раньше называли по девичьей фамилии; при обращении к родственницам или упоминании их заочно заменяли окончание –дзе, –швили, –иа, –уа, и др. на –пхе (–рхе). Это выражало уважение[3]. Там же (в Гурии и Мегрелии) издавна хорошая скаковая лошадь, изящное наездничество часто ассоциировалось с представлением об абхазе[4]. В Западной Грузии, писал О. В. Вахания по этому поводу, до сих пор осталась поговорка: «Среди всадников абхазца можно отличить издалека»[5].

Немаловажно отметить, что, заимствуя абхазские поведенческие нормы, соседним народам, как показывают наши полевые материалы, было хорошо известно о том, что, например, по обычаю аталычества в абхазской семье учили не просто правилам поведения в обществе, а тонкостям этикета.

Практически все бытописатели Абхазии подчеркивали необычайную учтивость, корректность и вежливость ее жителей. Об этих качествах в книге «Народы мира» отмечалось, что абхазы «**выгодно отличаются» от своих соседей «деликатностью в обращении с женщинами и чувством взаимной солидарности»**[6]**. Поведенческие правила абхазов наиболее полно** были подмечены Н. Н. Альбовым, наблюдения которого дали ему основание считать, что абхазы «очень приветливы, вежливы в обращении и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь, – пишет он, – положительно поражен тактом, с каким умеет держать себя какой-нибудь простой абхазский крестьянин»[7]. Не ограничиваясь только этими оценками, автор приводит сравнительный материал с соседними абхазам северо-западными народами. «Уменье держать себя, так сказать, хороший

---

[1] Думаа А. Н. Путь к свободе. – Сухум. 2013. С. 24 – 25 (на абх. яз.).

[2] Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми. 1988. С. 212.

[3] Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именования в южно-кавказских языках и фольклоре // Памяти акад. Н. Я. Марра. – М. – Л., 1938. С. 186.

[4] Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959. С. 32; Бгажба Х. С. Этюды и исследования…С. 23. Кстати, мегрельское междометие понукания лошади «ачу цхен» также считается усвоенным из абх. «ачы» – лошадь: «цхен» по-мегр. тоже «лошадь».

[5] Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии. – Сухуми, 1958. С. 19–20.

[6] Народы мира». 12-я книга. – Ленинград. 1928. С. 664.

[7] Альбов Н. Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // «Живая старина». Вып. III. – СПб., 1893. С. 313.

тон абхазцев, – говорит Н. Альбов, – особенно резко бросается в глаза при сравнении их с…кубанскими соседями, карачаевцами: последние кажутся в сравнении с абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы приезжаете в абхазский дом, хозяин и хозяйка после первых приветствий сейчас же осведомляются о состоянии здоровья вас самих и вашего семейства, и если бы вам хотелось с дороги отдохнуть, спешат удовлетворить ваше желание и оставляют вас в покое. Во всяком случае, здесь нет и в помине того назойливого любопытства, доходящего до бесцеремонности, которое проявляют по отношению к гостью карачаевцы или сванеты»[1]. Выражения этикета были отмечены Н. Альбовым и при сравнении одежды абхазов и западногрузинского населения: в Абхазии, по его словам, «нет того стремления к щегольству в одежде, которое заметно у мингрельцев, имеретин и гурийцев»[2]. Почти то же самое писала К. Серена в отношении отличия одежды мегрелов и самурзаканцев: «эти люди (самурзаканцы. – **О. М.**) лишены присущего мингрельцам кокетства, проявляющегося в стремлении показать себя в выгодном свете и приодеться в свой самый новый и блестящий наряд»[3].

В качестве отдельных черт этикета в известной степени можно рассматривать применение косметики женщинами и отчасти мужчинами. По эт-

---

[1] Альбов Н. Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // «Живая старина». Вып. III. – СПб., 1893. С. 313.

[2] Альбов Н. Н. Этнографические наблюдения в Абхазии…С. 307. О том же сообщалось в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1898. С. 29».

[3] Серена К. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа.– М. 1999. С. 49. Выше говорилось о том, что абхазы являлись распространителями культуры среди соседних народов. Интересны в этой связи, например, материалы по обуви у населения Северо-Западного Кавказа, точнее относительно т. н. колотушек, по-абх. «акапкап», подошва которых изготавливалась из древесины шелковицы. По словам Г. Ф. Чурсина, подобные деревянные ходули носили также кабардинки, черкешенки и карачаевки (Цит. по: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 372). Такую обувь, под названием «какаби», носили и мегрелки (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – С.- Петербург. 1914. С. 354). Согласно И. Кипшидзе, «какаби» – это обувь с деревянной подошвой на высоких каблуках и с кожаным передом (Там же). Здесь, возможно, имело место параллельное возникновение обеих названий у абхазов и мегрелов вследствие звукоподражания. Нужно правда сказать, что аналогичная обувь была распространена среди арабов и через турецкое посредство попала на Северо-Западный Кавказ, откуда получила распространение среди социальных верхов соседних народов (Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе. 1990. С. 23). Хорошо при этом известно о тесных торгово-экономических связях абхазов с турками, о чем, сообщал, например, Эвлия Челеби. По его свидетельству, в гавань одного из племен в «стране Абаза» один раз в год заходят суда со всех сторон и привозят… другое военное снаряжение, грубую обувь, окантовку для сукна, бязь на рубашки и подкладку, железные орудия для очага, котлы, железные цепи для подвешивания котлов над очагом, соль, мыло и другое» (Там же). Если помнить, что на Северный Кавказ этот вид обуви был занесен турками, то можно с уверенностью говорить об абхазах (абазе) как первых распространителях этой женской обуви среди соседних народов (Там же).

нографическим данным, абхазки, особенно представительницы дворянско-княжеского сословия, для украшения своего лица пользовались как местными румянами (ацэапшь), так и и импортными белилами (асаку) и пр. М. Пейсонель среди товаров, ввозимых из Крыма в Черкесию и Абхазию, называет и краски для протирания лица, белила и румяна, причем все абхазки, по его словам, «… употребляют их в большом количестве»[1]. Пожилые мужчины у абхазов нередко красили усы в рыжий цвет, для чего использовали листья и цветы бальзамина султанского (ақына)[2]. Увлечение косметикой считалось уделом женщин, но чрезмерное употребление ими парфюмерией, а тем более мужчиной, в обществе порицалось.

О том, как украшали себя мегрелки, у Ламберти читаем: «Для окраски лица употребляют белила или сок черешень. Белила…хорошо толкут и так нежно им мажут лицо, что оно кажется скорее обсыпанным мукою, чем подкрашенным. Что же касается румян, то на все красное, что им попадается в руки, будь ли это лаконос, киновар, марганец или мыловка, жадно бросаются и этим делают два пятна на щеках, и кажется, будто они нечаянно испачканы… Брови красят чернильными орехами так, что с обеих сторон доводят их почти до ушей, а внутри, выше носа, соединяют. Той же самой краской они также красят и ресницы. Они даже не щадят белок в глазу и какой-то мазью придают ему желтизну…»[3]. Описывая использование косметики абхазками, Н. Альбов отмечает, что «обычай румяниться и подводить брови существует в Самурзакани, куда, вероятно, проник из Мингрелии. Впрочем, – добавляет автор, – абхазки вовсе и не нуждаются в этом, они обладают очень красивым цветом лица и бровями»[4]. Говоря же о том, как ухаживали за собственной внешностью мужчины в Западной Грузии, А. Цагарели сообщал, что «имеретины в усах, усы и ногти красят»[5].

Некоторые авторы, излагающие сведения о внешнем облике абхазо-адыгов и западногрузинских жителей, обращали внимание и на различие причесок у них. У абхазов на верхней части головы отращивали густую прядь волос (называемых по-абхазски «ахыцэкэыкэын»), наподобие запорожского чуба[6] (обычай оставлять клок волос на макушке засвидетель-

---

[1] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 г. – Краснодар. 1927. С. 24.

[2] Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982. С. 48 – 49.

[3] Ламберти Арк. Описание Колхиды, именуемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 45.

[4] Альбов Н. Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. – Сухум. 2016. С. 112.

[5] Цагарели А. Сношения России с Кавказом в XVI –XVIII столетиях. – СПб., 1981. Т. 1. С. 71, 72, 194.

[6] Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962. С. 396 – 397.

ствован разными авторами и у адыгов)[1]. Волосы на голове брили наголо и взрослые, и молодые[2], «оставляя только усы и бороду»[3] в знак чести и высоких моральных качеств мужчины[4]. Бороду и усы стригли в кружок[5].

В отличие от абхазов и адыгов, оставлявших на голове пучок волос, мегрелы пробривали макушку головы, как это отмечал во второй половине XVII в. Ж. Шарден[6]. Сваны еще в первой половине XIX в. волосы также стригли в кружок, но бороды брили и большинство носило усы[7].

Весьма существенной частью этнографии общения является этикет приветствий и прощаний. Н. Альбов коснулся и этих элементов этикета абхазов. Так, в частности, относительно приветствий абхазов он писал: «Когда вы находитесь в дороге – все равно, кто бы вы ни были, вы получаете от всех встречных приветливое «здравствуй» («бзиала уаабейт») или «добрый день», «добрый вечер» («мшыбзиа», «хулыбзиа»). Этого уже вы не встретите на дорогах в Мингрелии»[8].

В своих этнографических наблюдениях Н. Альбов заострил внимание на высокоразвитом в абхазах чувстве собственного достоинства. Сравнивая их опять с западными грузинами, он подмечает, что абхазы «не так

---

[1] Лавров Л. И. Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. I. – Нальчик. 1955. С. 50, 53.

[2] М. Броссе, присутствовавший на пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадиани в 1848 г., писал, что «в толпе верующих съехавшихся в церковь в Зугдиди, можно было увидеть абхазцев – христиан, которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку» (Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тб. 1983. С. 317–318).

[3] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. 1898. С. 28.

[4] Брить бороду считалось недостойным мужчины. Видимо, с этим связаны слова проклятия, которые можно было услышать в основном еще в недавнее время из уст женщин: «Чтобы обрил (обрила) ты себе голову!» (Ухы усааит!», «Бхы бсааит!»).

[5] См.: Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов…С. 48. Брить усы и бороду мужчины-абхазы стали с начала XX в.

[6] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 1673 гг. – Тифлис. 1902. С. 32.

[7] См.: Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX – XX веков: традиции и инновации. – М., 1982. С. 61.

[8] Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии…С. 313. Разумеется Н. Альбов фиксировал то, что он лично видел и слышал от местного населения Мегрелии и Абхазии, поэтому у нас нет оснований не доверять его сообщениям. Правда, в некоторых случаях Н. Альбов все же был не до конца объективен и его данные вызывают возражения. Например, когда он писал, что «возможность пользования лесным богатством Абхазии явится не раньше, чем будут проведены в стране хорошие дороги и она заселится более густо и притом населением более культурным, чем настоящее» (см.: Альбов Н. М. Из Абхазии // Альбов Н. М. Леса Абхазии (Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России». – Одесса. 1892. С. 6). Дело однако здесь заключалось не в отсутствии культуры у абхазов, а наоборот, в том, что они, следуя выработанному вековой традицией комплексу этических и экологических норм, рачительно относились к своим землям и лесным ресурсам, как к природной среде, в которой они обитали.

обидчивы и вспыльчивы как гурийцы, но тем не менее, не выносят даже простой брани и тем более – побоев». Всякого, кто позволит себе оскорбить абхазца действием, говорит он, ожидает кровная месть со стороны обиженного. Сварливые люди не пользуются в стране никаким уважением. Не было еще примера, чтобы оскорбление женщины и в особенности девушки оставалось безнаказанным[1]. Что касается самих абхазских женщин, то для их характеристики показательна оценка, данная Карлой Сереной. По ее свидетельству, абхазские женщины «более сдержанны в манерах, чем их соседки мингрелки»[2].

На поведенческие правила абхазов и их внешний облик неоднократно обращалось внимание и в работах грузинских авторов XVIII – XIX вв. Так, Вахушти Багратиони, характеризуя абхазов и мегрелов, писал, что первые более проворны и статны, нежели мегрелы[3] (те же источники XVIII – XIX вв. свидетельствуют, что абхазы по своему внешнему виду почти ничем не отличались от убыхов и западных адыгов). А в источнике конца XIX в. о облике абхазов, в частности, сообщалось: «Черты лица (абхазов. – **О. М.**) крайне характерные, сразу отличающие их от других племен… Старики в особенности в Самурзакани имеют очень почтенный вид. В юго-восточной части Самурзакани мужчины имеют чисто мингрельский тип,

---

[1] Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии. – М., 1999. С. 313.

[2] Серена К. Путешествие по Абхазии…С. 49 – 50. Интересные сообщения в источниках имеются относительно семейного и общественного положения абхазских и мегрельских женщин. Об этом, например, З. Рихтер сообщала, что мингрельские женщины «порабощены, угнетены, работают за мужчин, не пользуются никакими правами. Абхазские женщины совсем на ином положении. Исстари они занимали общественные должности, даже участвовали в войнах, бывают всюду, где мужчины, на собраниях, скачках, в гостях. Они политически развиты, очень разговорчивы, жизнерадостны» (*См.: Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии. – Москва – Ленинград. 1930 г).* Соглашаясь с данной оценкой, справедливости ради следует все же отметить, что у абхазов женщины никогда не участвовали в народных собраниях, обсуждавших дела межобщинного управления, не участвовали в сельских или поселковых сходках и в судебных собраниях. Девушки и пожилые женщины могли посещать их, если разбирались бракоразводные дела, дела об отказе от брачных залогов или такие связанные с кровомщением дела, где были замешаны женщины, но права голоса не имели, оставаясь пассивными участницами (см.: Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX – XX вв.) // КЭС. I. – М., 1955. С. 146). По некоторым другим нашим сведениям, в делах, связанных с кровной местью, два женских голоса приравнивались к одному мужскому голосу.

[3] Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили. – Тифлис. 1904. С. 234. В связи с физическим типом абхазов, небезынтересны сведения врача И. Пантюхова о том, что в Самурзакани, «особою высотою роста отличались дворяне и князья, имевшие глаза светлых цветов…» (Пантюхов И. И. Самурзаканцы // Газ.«Кавказ». №77. 1892 г.). Князей же и дворяне (тавады и жиноскуа, т. е. дворяне), носящих «фамилии, как писал А. Н. Введенский, одинаковые с тавадами и азнаурами Мингрелии, в Самурзакани нет» (А…[Введенский А. Н.]. Абхазцы. (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» //ССКГ. Вып. V. – Тифлис. 1871. С. 15).

т. е. черты лица более тонкие и мелкие, выражение глаз более мягкое»[1]. Дм. Бакрадзе, отмечая, что у мегрелов «черты лица нежные, более женственные», и что «мужской красоты в них нет», по внешнему виду также отличал население Абхазии (как и Самурзакана) от мегрелов. «Чем далее вы углубляетесь в Самурзакань и Абхазию, – пишет он, – тем более физиономии делаются суровее и красота мужчин преобладает над красотою женщин»[2]. Тот же автор показал различие поведенческой культуры между жителями Мегрелии и Абхазии. «Мингрельцы, – пишет он, – в обращении скромны и вкрадчивы. Самурзаканцы и абхазцы держат себя свободно и гордо, говорят с кем бы то ни было без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье»[3]. Причины подобного различия в поведении заключались в существований так называемого «горского феодализма», оставившего глубокий след в психологии и образе жизни абхазского народа, что давало несравнимо больше прав и свобод членам общества, чем жесткий феодальный строй Мегрелии.

У абхазов и родственных им адыгов показателем высокой культуры межсословных отношений являлось соблюдение такой устойчивой культурной традиции, как почитание человека вставанием – одного из самых распространенных атрибутов приветствия у всех народов.

По свидетельству Ш. Д. Инал-ипа, дворяне и князья, пользуясь своим положением, не всегда утруждали себя традиционным вставанием при появлении человека независимо от его сословной принадлежности[4].

Однако если даже представители высшего сословия меньше считались с традиционными обычаями, тем не менее в этнографической действительности абхазов зафиксировано множество фактов уважительного с их стороны отношения к низшим слоям населения. Поскольку в основании этических традиций абхазов важное место занимала эмпатия как форма проявления внимания, сострадания, понимания, в том числе и в межсословных отношениях. Так, по нашим полевым материалам, например, ачандарские князья Ачба при приходе к ним в усадьбу по каким-либо делам даже ахоую или агыруа (досл. «мегрел, т. е. касты домашней прислуги у абхазов)[5], оказывали им уважение вставанием[6]. По тем же этнографическим данным, у абхазов (как и у родственных им абазин и адыгов) молодой человек самого высокого происхождения обязан был вставать перед

---

[1] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь…С 28, 29.

[2] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». 1860.

[3] Там же.

[4] Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете – Сухуми. 1984. С. 44.

[5] По источникам, это были «иноплеменные рабы, добытые грабежом, покупкою или пленные взятые на войне».

[6] Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX вв)… С. 58–59.

стариком и не садиться без его позволения. Даже старый невольник не совсем был исключен из этого правила. По заключению Ф. Торнау, «хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако же мне случалось нередко видеть, как они сажали с собой за стол пришедшего в кунахскую седобородого невольника»[1]. Аналогичные случаи в отношении мегрелов приводит Н. Дубровин: «владелец нередко видел за своим столом нищего, калеку изуродованного..»[2].

Если некоторые авторы относительно периода раннего Средневековья особо отмечали о том, что «нравственное влияние абхазов на соседние народы»[3] стало более сильным, то другие авторы, описывая быт и культуру абхазов конца XIX в., указывали на значительное воздействие уже на нравственные устои и обычаи абхазов их юго-восточных соседей. Так, один из лучших знатоков традиционного быта абхазов Г. А. Рыбинский, отметив, что пограничная Самурзакань «подвергалась все время ее (Мегрелии. – **О. М.**) воздействию», в результате чего «абхазцы Самурзакани не говорят уже на своем родном языке», сообщал: «нравы там тоже подверглись сильному изменению и дурно отозвались на сословных отношениях дворян к крестьянам. Последним туго, очень туго пришлось оттого, что абхазские князья и дворяне Кодорского ущелья и Самурзакани стали усваивать высокомерное обращение, какое практикует искони дворянство Мингрелии к своим крестьянам»[4].

Еще ранее тот же автор не без основания указывал, что мегрелы являются в Абхазии монополистами торговли, «засасывающей…абхазцев в свою многогрешную утробу». «Но это засасывание абхазцев, – продолжает Г. А. Рыбинский, – производится ими вежливо, галантно и даже с приятностью… В галантности общения, так нравящейся женщинам, абхазцы конкурировать с мингрельцами не могут, хотя и их вежливость могла бы послужить для россиян образцом, достойным подражания»[5].

---

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера… С. 44.

[2] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе…С. 258.

[3] Леонид А. Абхазия и ее христианские древности…С. 92.

[4] Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». 1893 г. № 186.

[5] Иностранцы, – пишет Г. Рыбинский, – боятся их (мегрелов. – **О. М**.) коварства и открещиваются от них в тех случаях, когда это возможно. Даже рабочая и крестьянская сила заражена этой нравственной порчей…Благодаря этой… порче, в Гурии сложилась поговорка: «Ты поступил как мингрелец!» (Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». 1893 г. № 186). Подобная оценка мегрелов была связана, в частности, с тем, что они, проявляя в Абхазии «большую деятельность в… торговле и извозе» (Н. Я. Марр), мало заботились о том, что добивались обогащения и незаконным путем. «Изворотливый и изобретательный на всевозможные каверзы ум» мегрелов, по словам Г. А. Рыбинского, «подорвали успешность дела лесопромышленника Сибирякова, были косвенной причиной банкротства нескольких французских и бельгийских компаний по эксплуатации леса…» (Рыбинский Г. А. Абхазские письма. VII // Газ. «Кавказ». 1893. № 186).

К одному из наиболее ярких примеров отрицательного влияния на нравственные ценности абхазов, согласно сведениям некоторых старожил, относится явление т. н. «права первой ночи», который, по сообщениям тех же информаторов, был заимствован абхазскими феодалами из Западной Грузии **(данный обычай был широко распространен во многих культурах, а в Европе просуществовал до XVII – XVIII вв.).** Этим правом по отношению к невестам зависимых крестьян, действительно, пользовались преимущественно некоторые абхазские владетельные князья (право первой ночи широко практиковало, например, и восточночеркесское дворянство)[1]. Наши материалы говорят о том, что утверждения о якобы традиционности данного явления у абхазов, являются неверными. Все наличествующие немногочисленные рассказы свидетельствуют о неприятии абхазами (и адыгами, ведшими борьбу против этого унизительного явления) подобного права, которое отмечалось лишь в единичных случаях как право феодала.

Традиционная нравственная культура абхазов и адыгов занимала особое место в их истории. Характерно, что в газ. «Черноморский вестник» за 1899 г. отмечалось, что в нравственном отношении «абхазец стоит гораздо выше своих соседей. Гостеприимство его… совершенно бескорыстно. Он не знает, что такое вероломство и на слово абхазца можно смело положиться[2], он предан, но сохраняет чувство собственного достоинства. Наконец, абхазец не предается пьянству, потому свободен от всех последствий этого порока»[3].

Останавливаясь на гостеприимстве абхазов, Г. А. Рыбинский сообщал, что «абхазец…ставит на стол все свои достатки и ухаживает за ним (гостем. – **О. М.**) с известным церемониалом». Этот же автор далее писал: «У мингрельца – крестьянина не всякий встретит гостеприимство, а если и встретит, то оно вызвано расчетом, в ожидании какой-нибудь для себя выгоды»[4]. По этому поводу С. П. Басария верно отмечал, что делать подобные «категорические выводы по адресу нации – это очень рискованно и, сплошь и рядом, такие выводы страдают неправильностью»[5]. Вместе с тем можно предположить, что у некоторых народов с развитием торговли и другого общения в основе гостеприимства в определенной степени могла появиться корысть.

---

[1] Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. – Майкоп. 1987. С. 214 –215.

[2] О противоположной в этом отношении характеристике юго-восточных соседей абхазов см. например: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе…С. 211.

[3] Кавказский берег // Газ. «Черноморский вестник». 1899. № 245.

[4] Рыбинский Г.А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис. 1894. С.13.

[5] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923. С. 81.

Для анализа, вообще, обычая гостеприимства у абхазов важными представляются описания, данные этому институту античными авторами. По свидетельству П. К. Услара, классики хвалят гостеприимство колхов, пособие, которое они выдавали потерпевшим кораблекрушение у их берегов… при чем выдаваемы были путникам и деньги для дальнейшего пути… в Колхиде по дорогам были «расставлены каменные таблицы, на которых для сведения путешественников, объяснено направление путей, расположение ночлегов и т. п.»[1].

Как можно судить на основании проведенных исследований, распространенные в Колхиде, в том числе и на территории современной Западной Грузии семейные и общественные гостиные дома своими истоками, по всей вероятности, уходят в глубокую древность[2].

Исходя из наличия на территории нынешней Западной Грузии с древности субстратного абхазо-адыгского населения (ими и была занята указанная территория до прихода картвельских племен)[3], которое затем было ассимилировано мегрелами и другими западногрузинскими племенами и воспринявшими от древних абхазо-адыгов антропологические и этнографические черты, становится понятным, в частности, и происхождение в Колхиде общественных и семейных гостиных домов.

Вплоть до середины XIX в. в каждом кавказском доме имелось специальное помещение для приема гостей – обычно одна из комнат дома, где жила семья. Однако зажиточные хозяева возводили для приема гостей отдельное строение, известное в историко-этнографической литературе под названием кунацкая[4]. Отдельный дом для гостей было принято строить и у адыгов, причем до отмены крепостного права кунацкую имели обычно дворяне и князья, а у причерноморских шапсугов, натухайцев, абадзехов очень часто – и свободные крестьяне[5]. При этом, как и у абхазов, в кунацкой адыги размещали почетного гостя, а родственников, прежде всего кровных, принимали в гостиной жилого дома[6].

При наличии в обычае гостеприимства абхазов и адыгов многих общих моментов, есть и ряд отличий. Как пишет Ш. Д. Инал-ипа, у адыгов первыми в гостевую (кунацкую) входят гости (согласно Б. Х. Бгажнокову, гость

---

[1] Услар П. К. О колхах // ИКОИРГО .Т. XIV. Вып. 2.Апснытека

[2] Подробнее об этом см.: Чиковани Т. А.О традиции строительства гостиных домов на территории Колхиды // Мацне. №1. 1972. С. 141 (на груз.яз.).

[3] См.: Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Том III. – Сухум. 2011. С. 581.

[4] Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства…» // СЭ. 4. 1985. С. 111.

[5] Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград. 1985. С. 180.

[6] Там же. С. 179.

входил в гостиную вслед за хозяином), а у абхазов старейший из хозяев[1]; у адыгов приличия требуют, чтобы хозяева в присутствии гостя не разговаривали между собой, что абхазами соблюдается в сравнительно более слабой форме (в основном молодежью); сидящему в седле гостю абхазы обычно не дают перед отъездом напитка, в отличие от адыгской стремянной чаши «махсыма», не говоря о том, что абхазы вместо исламизированного «Ты – гость аллаха» говорят, как правило, «Ты – гость бога»; абхазы не знают также мусульманского приветствия «Сэлам алейкум!». Эти и другие тюркоязычные заимствования имеют у черкесов широкое распространение[2].

В отличие от абхазов, у адыгов, по утверждению некоторых грузинских этнографов, стоящий в стороне дом для гостей, являлся обязательным атрибутом семейного имущества[3]. Как показывают наши материалы, «гостевой домик» у абхазов являлся таким же строением, созданным руками хозяина дома и членов его семьи, как например, амбар для хранения зерна, винодельня и другие постройки. Поэтому все жилые и хозяйственные постройки, располагавшиеся в усадьбе (ашта, амдзырха) семьи, в том числе, естественно, «асасааирта», как и кунацкая у адыгов, являлись обязательной составной частью семейного имущества абхазов.

Двери гостевого дома на Кавказе, как и двери основного дома, никогда не закрывались. В противном случае это могло быть расценено как нежелание хозяина видеть у себя гостей [4]. То же мы наблюдаем в отношении абхазов: чтобы не навлечь подозрения в том, что хозяин, избегая гостей, закрывается в своем жилище, двери гостиного дома у абхазов целый день (и летом и зимой) были открытыми[5]. В отношении мегрелов С. Макалатия описывает несколько иную картину: по его утверждению, у мегрелов дом «ода», днем, если в семье нет гостя, закрыт[6].

В 1920 г. по Западному Кавказу путешествовал профессор из Турции, создатель букваря для абхазов, проживающих в Турции, Мустафа Бутба. В путевых заметках о поездке из Мегрелии в Абхазию он пишет, что в Ме-

---

[1] Гость у абхазов должен был переступить порог дома правой ногой, в случае же если он перешагивал порог с левой ноги, считали, что он внес в семью несчастье.

[2] Кроме того, в отличие от тех же адыгов, у абхазов человеку, вышедшему из-за стола, обратно возвращаться за стол по этикету не полагается.

[3] Бахиа-Окруашвили С. И. Основные черты семейного быта абхазов до революции// КЭС. Т. VII. – Тб., 1988. С. 93.

[4] Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства…»…С. 111.

[5] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. С. 21; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 423. И в настоящее время, если только не по причине холода или каких-то иных обстоятельств, абхазские семьи во время приема пищи оставляют двери домов открытыми, чтобы человек, появляющийся во время приема пищи хозяевами, не подумал, что его приход не желателен.

[6] Макалатия С. История и этнография Мегрелии. –Тб., 1941. С. 251 (на груз. яз.).

грелии, на левом берегу Ингура, «в небольшом мегрельском селе, расположенном поблизости», ему со своим спутником пришлось искать ночлег, так как они не успевали перейти на абхазский берег реки, ибо вечерело. М. Бутба спросил попутчика, «нельзя ли переночевать где-нибудь в селе, – тот ответил, что у мегрелов нет обычая принимать гостей (?), и у нас один выход заплатить здесь, в духане, за ночлег и переночевать»[1]. «После того, как мы перешли границу с Мегрелией,– продолжает М. Бутба, – нас встречали с теплотой и гостеприимством»[2]. И далее: «Мы не смогли найти на левом берегу места, где переночевать, кроме духана, а здесь (в Самурзакане. – **О. М.,** «в омегрелившемся абхазском селе») на правом берегу, все двери домов открыты»[3].

Если же в мегрельских семьях путники встречали гостеприимство, то это были, по утверждению некоторых старожил, мегрелы, которые в течение многих лет работали в качестве плотников и строителей домов в Абхазии у абхазов, от которых ими и был перенят этот обычай.

В основе подобной отрицательной оценки якобы отсутствия у мегрелов гостеприимства (что противоречит другим историческим материалам), лежала, очевидно, непростая история взаимоотношений двух народов, историческая память (например, заселение мегрелами абхазских земель в период махаджирства), что давало основание для возникновения этнических предубеждений.

И в то же время причина отсутствия у крестьянства Мегрелии возможности принимать гостей заключалась, надо полагать, в тяжелых условиях жизни, крайней бедности[4], безземелья, феодальной эксплуатации, которая нигде в Грузии не сказывалась так сильно, как в Мегрелии [5].

И если даже в других частях Западной Грузии, в отличие от Мегрелии, лучше соблюдалась традиция гостеприимства, она тем не менее, судя по материалам XIX в., вряд ли могла сравниться с абхазской. По словам Н. Дубровина, гуриец «не так гостеприимен, как например, абхазец или черкес»[6].

В прошлом у абхазов во время приема гостей присутствие женщин не допускалось. Однако под влиянием обычаев соседних народов, особенно в советские и постсоветские периоды, этих традиций стали придерживаться и абхазы. В начале XX в. А. А. Миллер подчеркивал: «Если абхазы придер-

---

[1] Бутба М. Воспоминания о Кавказе. – Анкара. 1990 // Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921). – Сухум. 2009. С. 318.

[2] Там же. С. 319.

[3] Там же. С. 320.

[4] В учебнике «География Российской империи (6-е изд. – СПб., 1892. Приложение. С. 18)», причина «крайней бедности» мегрелов объяснялась их ленью, что якобы являлось «главной отличительной чертой мингрельцев» от грузин.

[5] БСЭ. – М., 1938. С. 569.

[6] Там же. С. 223.

живаются так строго обычаев в общественных делах и вопросах чести, то в других отношениях они охотно воспринимают от мингрельцев и русских всякие новшества. Во время приема гостей присутствуют даже женщины, что раньше не допускалось ни в каком случае»[1].

При встрече гостей женщины совершали ритуал трехкратного обведения рукой вокруг головы пришедшего, как бы магически перенося на себя его недуги[2], целовали его в плечо, слегка прикасаясь к нему (в настоящее время, особенно у абжуйцев, вошло в привычку рукопожатие). Этот ритуал существует и у мегрелов. В прошлом же абхазы, как и адыги, не придерживались таких популярных в мире обычаев, как поцелуй (сегодня у абхазов, в отличие от адыгов, получил большое распространение)[3], приветственное обнажение головы и рукопожатие, которые только с недавнего времени стали все больше входить в привычку. Правда, спешившегося гостя, если он был особенно почетен и знатен, адыги нередко обнимали, а у причерноморских адыгов к тому же целовали в руку и в лоб[4].

Накрывая на стол, женщины-абхазки говорили: «Ничего особенного нет, но просим принять, что есть», то же самое говорят мегрелы. В ответ гость в мегрельской семье отвечает: «Мачхома», что значит «ведь всего вдоволь!». Данное слово, как представляется, производно от аналогичного абхазского слова «мач ыкоума?» («мало ли еды на столе?») – как говорит абхазский гость хозяевам дома.

По этнографическим материалам, приводимым А. Першицем и Я. Смирновой, на Северном Кавказе женщины в мужском застолье не участвовали. Они могли только обслуживать пирующих в гостевом помещении[5]. «Но у абхазов, а также у горных грузин и др., хозяйка дома иногда все-же выходила к гостям, но только для того, чтобы провозгласить в их честь тост и тут же выйти»[6].

Письменные источники однако свидетельствуют, что старшая хозяйка дома у абхазов не просто поднимала тост и уходила, но и сидела в присутствии гостей за общим столом. Вот, например, слова очевидца, который в 1925 г. наблюдал быт бзыбских абхазов: «…Иногда к шумному, несколько опьяневшему столу чинно подойдет пришедшая из амацурты стару-

---

[1] Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. I. – СПб. 1910. С. 125.

[2] Об этом см. также напр.: Ардзинба В. Г. Мифы и ритуалы древней Анатолии // Ардзинба В. Г. Собрание трудов. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. – Москва – Сухум. 2015. С. 85 – 86.

[3] В Грузии в целом, по сложившейся традиции при встрече все целуют друг друга в щеку.

[4] См.: Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград. 1985. С. 181.

[5] nacionalsoglasie.kmormp.gov. spb. ru/…

[6] nacionalsoglasie.kmormp.gov. spb. ru/…

ха-хозяйка. Тотчас поднимается тост за ее здоровье, она с достоинством отвечает, выпивает рюмку водки и садится за стол, принимая участие в общей беседе, но сама ничего не кушая»[1]. Все это без особых изменений наблюдается и в настоящее время. У мегрелов старшая женщина в доме не просто могла посидеть за столом в присутствии знакомых гостей, но и принимала участие в приеме пищи.

Согласно полевым материалам, записанным в 2000-х гг. канд. ист. наук, с.н.с. Московского института открытого образования А. А. Шевцовой, «кахетинский хозяин уважает и угадывает каждое желание гостя, конечно, он будет счастлив, если вы оцените каждое блюдо и напиток на столе, но никто не будет «пичкать» вас, как в Западной Грузии». Отсюда можно сделать вывод о том, что гостеприимство в Западной Грузии, нежели у восточных грузин, считалось более щедрым и обильным, и особенно, по нашим полевым материалам, в северо-западных районах Западной Грузии, прилегающих к Абхазии. Причем, обильно накрытый стол они ассоциировали с гостеванием в мегрельском доме именно абхазов. Так, сосед или родственник, посетивший семью мегрела, стол в которой ломился от обилия и разнообразия пищи, произносил слова восхищения: «Какой шикарный стол! Вы ждете абхазов?»[2].

По обычаю гостеприимства-асасства, феодал в Абхазии во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был угощать помещика должным образом, в результате чего подчас «в один день истреблялся труд целого года»[3]. Согласно источнику, ахылапшю, т. е. покровитель, патронат которого признавали многие общины, «имел по обычаю право переезжать с семьей в зимнее время из одной деревни в другую недели на две, на три и кормиться в них…»[4].

Данная форма гостеприимства имела распространение и в Мегрелии. Крестьяне повсеместно были обязаны содержать своих помещиков с их семействами и свитой, когда бы им не вздумалось пожаловать к ним в гости. В частности, в Нижней Мегрелии для крепостных существовала повинность под названием «очкомури», т. е. «кормление», сущность которой заключалась в том, что помещик один или два раза в год приезжал к мебегре, который должен был угощать его[5].

Эта форма «кормления» в Мегрелии отличалась от абхазской, что было связано с существованием в Западной Грузии крепостного права, в ре-

---

[1] Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Этнография. 1925. №1 – 2.

[2] Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АбИГИ АН Абхазии 2013 года. Тетрадь 1, л. 6. (Домашний архив).

[3] Дзидзария Г. А. Труды. Т. I. – Сухуми. 1988. С. 390.

[4] Там же.

[5] Дзидзария Г. А. Труды. Т. I… С. 391.

зультате чего обычай «кормления» носил там более ярко выраженный эксплуататорский характер. Правда, в юго-восточной части Абхазии (Самырзакане и Абжуа), примыкающей к Мегрелии, под влиянием последней феодальные отношения были развиты сильнее, чем в западной и нагорной Абхазии, где заметнее сохранялись общинно-родовые связи[1].

На традиционном обычно-правовом институте гостеприимства «асасстве», во многом основывались перемещения в большом количестве в Абхазию мегрелов и других западногрузинских представителей. Этому содействовало и то обстоятельство, что оказание покровительства «асасам» являлось одним из признаков, определявших силу и значение абхазских феодалов.

В этой связи следует вспомнить, что еще Ламберти неоднократно подчеркивал значительную миграционную подвижность мегрельского населения. При этом стремление мегрелов к переселениям он объясняет географическими условиями. Например, в одном месте своего сочинения он пишет: «Чтобы наслаждаться различными местностями, мингрельцы постоянно переходят с одного места на другое»[2]. В другом месте Ламберти отмечает: «Вся жизнь мингрельца непрерывная кочевка»[3].

Но только ли желанием наслаждаться разными местностями можно объяснить частые перемещения мегрелов? Вообще же, природные условия территории несомненно влияют на жизнь народа, отражаясь в некоторых общих особенностях его хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Однако гораздо сильнее на образ жизни и ментальность народа действует фактор социально-политический. По справедливому замечанию проф. Ш. Д. Инал-ипа, «существовали, конечно, более глубокие социально-экономические и политические причины, вынуждавшие мегрелов часто переходить с места на место и даже покидать родной край. Эти причины, – продолжает этнограф, – были связаны в первую очередь с феодальным строем, с его беззаконием, унижением человеческого достоинства, спасаясь от которого люди убегали куда глаза глядят» [4].

Исключительно жестокая феодально-крепостническая система, существовавшая в Мегрелии, которая мало отличалась от рабства, не давала выработать региональное самосознание, поэтому история не знает наличия там этнографических групп, как это имеет место у абхазов и адыгов (у абхазов – например, псхувцы, гумцы, абжуйцы, дальцы, цабальцы и др.; у адыгов – абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, темиргоевцы, шапсуги, кабардинцы и др.). Иными словами, более сильные в Мегрелии фео-

---

[1] См.: Народы Кавказа. Этнографические очерки…С. 400.

[2] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией…С. 219.

[3] Там же. С. 114.

[4] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 58.

дальные отношения способствовали отсутствию внутреннего деления общества на ясно очерченные этнографические группы, что в свою очередь вело к большей централизации владетельской власти. В Абхазии же общественные отношения носили демократический характер, т. е. существовало народовластие и были «хорошие отношения» между феодалами и крестьянами[1], что не могло привести к усилению центральной власти (с другой стороны, отсутствие в Абхазии крепостного права в привычном понимании, демократическое устройство общества отразилось на самосознании народа, сформировав его свободолюбивый дух, что привело к возрождению в результате победы, одержанной в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг., утерянной в советское время абхазской государственности).

Исходя из вышеназванных черт социальной организации, переселения мегрелов в рамках обычая гостеприимства отличались той особенностью, что у них наблюдалось явно выраженное тяготение к миграциям не куда-нибудь на восток, вглубь грузинских земель, а именно в Абхазию[2], как в страну со своеобразным социально-экономическим и политическим устройством, где крепостное право существовало в очень смягченной форме[3].

Попытки пресечь или хотя бы сократить число мегрельских переселенцев, которую предпринимала администрация, не имели успеха, и наплыв мегрелов (особенно в 1860 – 1880 гг.) с каждым годом усиливался[4]. Демографические и этнокультурные последствия переселений в Абхазию значительных масс мегрельского населения[5] были огромны, поскольку они способствовали не только этническому взаимопроникновению местного и пришлого элемента, но и сильным процессам ассимиляции абхазов.

---

[1] Газ. «Кавказ». 1877. №122. Это обстоятельство можно продемонстрировать, например, следующим фактом из традиционного быта абхазов. По свидетельству 85-летнего старожила сел. Кындыг Мамии Киут, когда на Мыкуской поляне, где проходили народные собрания абжуйцев, появлялись известные в народе крестьянские ораторы и судьи Хапара, Мамсыр и Осман Киут, присутствовавшие там представители высшего сословия вставали и помогали им спешиться с коней (Полевой материал автора. 2015 г.).

[2] См.: Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности… С. 140.

[3] По этому поводу К. Бороздин в 1860-х гг. отмечал, что земли в Абхазии «вдвое плодороднее мингрельских и крепостного права вовсе не существует» (Бороздин К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. Кн. 7. – Тифлис. 1866. С. 60 – 61).

[4] Соловьева Л. Т. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты в развитии национальных культур. – М., 1985. С. 103.

[5] Переселению в Абхазию большого количества мегрелов способствовали и возрастающие числом абхазо-мегрельские смешанные браки (в частности, абхазские князья владетельского рода Чачба-Шервашидзе по политическим и сословным соображениям, как правило, женились только на мегрелках из владетельской же фамилии Дадиани), в результате чего, при переходе к мужу каждая мегрельская княжна в качестве приданого всегда брала с собой на постоянное жительство в Абхазию то или иное количество своих крепостных крестьян (иногда чуть ли не целыми селами) и других приближенных лиц.

Таким образом, на основании приведенных историко-этнографических материалов можно сделать вывод о том, что Абхазия в XIX в. в социальном отношении характеризовалась как страна с развивающимися (с разной интенсивностью в различных ее частях) феодальными отношениями, получившими наибольшее развитие в пограничных с Мегрелией районах. Патриархальные отношения, доставшиеся в наследство от более ранних этапов исторического развития, налагали отпечаток своеобразия на поведенческие характеристики и формировали нормативность традиционной культуры общения абхазов. Это же можно сказать и о сохранившихся до первых десятилетий советской власти и дольше институтах и обычаях кровной мести, гостеприимства, взаимопомощи и др. Этнические нормы абхазов, рассмотренные в этнографическом аспекте и в сравнении с культурой поведения других народов, дают возможность показать их этноспецифические особенности, глубже проникнуть в особенности традиционной культуры, понять морально-этические устои и систему взаимоотношений. Сопоставительное описание этикетных правил абхазов и других этносов, почерпнутые из публикации авторов XIX – первой половины XX в., а также полевых этнографических материалов, в том числе и личных наблюдений автора этих строк, во многих случаях наиболее рельефно выявляет отличия и особые поведенческие нормы абхазов. Нормы этикета абхазов находились в полном соответствии с особенностями общественного строя, социального быта и отношений, господствовавших в обществе. Они не оставались неизменными, так как находясь в наибольшей контактности со своими юго-восточными соседями, а затем в иноэтническом окружении и испытывая значительное влияние мегрелов, абхазы восприняли многие их культурно-бытовые традиции. Это определенным образом отразилось на поведенческих, этикетных характеристиках абхазов, особенно в восточной части страны. Однако стремление не раствориться в иноэтнической среде вело к сохранности здесь большинства обычаев и обрядов, в том числе религиозных и других представлений абхазов. В традиционном абхазском обществе, в отличие от картвельских, сохранялся тип социальной организации, который может быть определен как «горизонтальный». Прочность устоев этой специфической социальной организации на протяжении многих веков сохранялась только при наличии структур и механизмов, которые носили по своей сути социокультурный, а не административно-иерархический и юридически фиксированный характер.

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

МИЛЛЕР А.А. И ЕГО АБХАЗСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Александр Александрович Миллер (1875–1935[1]) представлял собой тип ученого, характерный как для российской гуманитарной науки первой трети XX в., так и для одного из ее институтов – Этнографического отдела Русского музея, одним из создателей которого он являлся, хотя его и не было в первом составе хранителей музея[2].

Сотрудничество А.А. Миллера с Этнографическим отделом Русского музея началось в 1906 году. Тогда начинается и самостоятельная научная деятельность исследователя. Его главной задачей было изучение культуры народов Российской империи (Юг Российской Империи) и пополнение вещевых фондов. С этой целью он в 1907 году, уже будучи сотрудником музея, посетил Абхазию. Свою профессию он характеризовал как «история материальной культуры (древняя и этнографическая)». Именно тогда он начинает работу для Императорской Археологической Комиссии (ИАК). Оказавшись на Кавказе, он в течение 1907 года изучал материальную культуру абхазов и черкесов, собирал коллекции, производил археологические разведки и раскопки[3].

---

[1]А.А. Миллер был репрессирован. Его обвинили в том, что «…будучи завербован в контрреволюционную, фашистскую организацию, входил в ячейку при Этнографическом отделе Гос[ударственного] Русского Музея. Систематически выезжал по заданию Центра организации на Северный Кавказ для собирания необходимых организации сведений о политических настроениях крестьянства национальных районов и для ведения фашистской агитации и пропаганды среди них, руководил молодежной ячейкой организации, установил во время заграничных командировок личные связи в контрреволюционных целях в рядах белоэмигрантских деятелей, в том числе с крупным сотрудником контрразведки Минорским, и информировал последних о внутриполитическом положении на Северном Кавказе», т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.58 – 6, 10, 11 УК РСФСР. 29 марта и 2 апреля 1934г. соответственно Коллегией и Особым совещанием при Коллегии ОГПУ А.А. Миллер был осужден к 5 годам лагерей с заменой ссылкой в Казахстан, но затем он все-таки оказался в карагандинском лагере, где и умер от паралича сердца 12 января 1935 г.

[2] Дмитриев В.А. Этнографический отдел Русского музея в комплексе научных интересов А.А. Миллера, палеонтолога и музейного деятеля // journal.kunstkamera.ru

[3] Решетов А.М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеевед (к 125-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 8-16

Результатом работы А. А. Миллера как этнографа была одна из самых значительных вещевых коллекций по этнографии Абхазии, поставившая музей в Санкт-Петербурге в число обладателей (и количественно, и качественно) главных собраний по абхазской этнографии. Результаты его поездки, а вместе с тем и изучение культуры абхазского народа были отражены в статье «Из поездки в Абхазию», опубликованной в Материалах по этнографии России»[1].

Судя по его отчету, который хранится в архиве РЭМ, в экспедиции участвовал только А.А. Миллер, но можно предположить, что в экспедиционном поле с ним работали также местные жители, поскольку в отчете и описях имеются зафиксированные абхазские термины, фамилии, топонимия, названия некоторых заболеваний и даже отрывки текстов обрядовых песен и молитвы на абхазском языке. Участие вместе с исследователем местных жителей или чиновников, знающих абхазский язык, подтверждает и то, что ему удалось подробно описать народное судопроизводство абхазов в двух селах. Вот что мы читаем в его отчете: «В важных вопросах, касавшихся края и общих интересах, князь созывал совет старейшин, непременно под деревом. Старшины садились кругом, на земле, князь занимал скамью. В Лыхнах, где была столица Абхазии, на поляне, под громадным деревом, до сих пор стоит большая каменная скамья, на которой сидел князь во времена совещаний. На таких советах говорить мог каждый[2]. Неоднократно я наблюдал, как собирались сходы. Старики садились кругом, князь или ближайший влиятельный дворянин садился на скамью. Обычное право до сих пор сохраняет в быту и судах абхазцев всю свою силу. Старики, выборные судьи, судят на основании того, как бывало в старину и как принято было поступать в аналогичных случаях. Иногда для консультации вызывают посторонних лиц, знающих в подробностях какие-нибудь дела, сходные с разбираемым. Обвиняемый, защищаясь, прибегает ко всяким увертками и пользуется широко, неотразимым на абхазцев, обаянием красноречия.

Местные кузнецы считаются священными лицами, а кузницы – рядом с храмом, где приносят жертвы и присягают. Порядок привода к присяге таков: в кузнецу ведут присягающего, при обряде присутствует и один из судей. Присягают, положив молот на наковальню, говорит: «Пусть, если я показываю лично, *Шьашәы – абжьныха* разобьют мою голову». Кузнецу платят за это, обыкновенно 50 к. – 1 р. Если случится, что присягнувший заболел, считается, что присяга была лишней и был покаран виновный.

---

[1] Миллер А. А. из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910. С. 61–80.

[2] АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 404. Л. 5

Родственники больного обращаются к гадалке, которая изрекает свой приговор, напр., больной для отмщения должен уплатить двойную сумму украденного, если он подозревался в краже и т.д., или просто заберут сумму денег. Семья принесшего присягу идет в кузницу, куда приводят козленка, нескольких кур, вино, пироги с сыром. На наковальню кладут деньги и ставят свечу. Больной должен присутствовать. Кузнец читает молитву и просит за больного и от себя простить виновного и покаявшегося. После молитвы садятся и едят принесенные семьей виновного еду. Кузнец берет кусок сердца и печенки, обливает их вином и кладет в стену кузни, причем говорит: «Чтобы ты больше не болел, пока я этими кусочками не накормлю Ачба (Анчабадзе) и Ач-ачаба (Шервашидзе)[1]».

В случае разногласия в наказаниях или упорстве обвиняемого, суд может постановить: привести к присяге в кузнице, а в особенно важных случаях – в Илорский храм или на священную гору Дыдрыпш. В этих случаях назначаются несколько соприсягателей непременно одного князя и одного дворянина. При присяге присутствует кто-нибудь, обыкновенно старший из фамилии Чичба – жрецов и хранителей священной горы по наследству.

Свои заметки по народному судопроизводству у абхазов Миллер завершил словами: «Само абхазское обычное право крайне интересно и заслуживает специального исследования. До сих пор мы имеем по этому вопросу лишь беглые и дилетантные заметки»[2].

А.А. Миллер в своем отчете о поездке в Абхазию оставил сведения об охоте и религиозных обрядах, связанных с ней. «Покровителем охотников считается божество "Ажвейпшя-Абн-Инчьваху". Отправляясь на охоту, ему молятся и приносят жертвы. Вот какую молитву читал дворянин Беслан Хварцкия, возвратившись после службы к себе в имение и идя на охоту. Взяв в руку нащипанную у охотничьих собак шерсть, он сказал: «Абн-Инчьваху, бог семьи Хварцкия, Ажвепшя (святые), чтобы мы не осрамились, чтобы Беслан не осрамился и убил лучшего кабана, радостью и большой добычей мы возвратились домой». После молитвы Хварцкия бросил шерсть собаки на огонь»[3].

Как говорилось выше, основной целью фондообразователя было сбор вещей, позволявших раскрыть абхазский быт. В результате экспедиции, которая состоялась летом 1907 г., А.А. Миллером был собран вещевой материал, который в настоящее время включен в коллекцию 1247 РЭМ. В состав коллекции входит:

---

[1] А18РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д 404. Л. 6-7
[2] А18РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д 404. Л. 6-7
[3] А РЭМ В.1. Оп.2. Д 404. Л 11

1) мужской костюм и принадлежности к нему;

2) снаряжение охотника и путника;

3) утварь хозяйственная (предметы земледелия и скотоводств) и домашняя;

4) утварь ремесленная (кузнечные инструменты и инструменты для обработки шерсти);

5) игрушки, музыкальные инструменты.

Следует отметить, что коллекция была зарегистрирована самим фондообразователем в период октября-декабря 1907 г. и является уникальной, так как содержит редкие и единственные в своем роде экспонаты, такие как абхазские веера.

При описании коллекции исследователь столкнулся с трудностями лингвистического характера, обусловленными тем, что он был вынужден фиксировать абхазские термины и названия «на слух», не владея при этом абхазским языком.

В тексте описи представлены следующие термины (см. табл.).

	Как он писал	Как правильно	Что значит
1	Акумджё	Акәымжәы	Черкеска
2	Акумзувя-айква	Акәмызцәеиқәа	Шерстяные брюки
3	Ататынжса	Аҭаҭынжәга	Курительная трубка
4	Эмхос	Аймхәц	Ожерелье, цепочка
5	Эмхос	Аҭесцыхә	Четки
6	Ацвиджра	Аҳазыр	Газырь
7	Ашхвёвя	Ашәаԥа	Лыжи
8	Аканчи	Аԟамчы	Плетка
9	Аваркуар	Аԟәарԟәар (аҵәҵәа)	Колокол для буйвола
10	Ахукуа	Аԟәԟәа	Колодка для свиньи (ярмо)
11	Ачаса	Аҽага	Цапка для полевых Работ
12	Ацькяга	Аҽбыга (ачаала)	Коса
13	Ачейчшуа (Бзыбский диал)	Аҳаҭа, ачаԥыртра	Мешок из козлиной кожи
14	Ачва	Аҵәаҳә	Крючок для подвешивания
15	Ацуаху	Аҵәаҳә	Крючок
16	Амгабеста (Абж. диал)	Амҳабыста	Лопатка для варки мамалыги
17	Аместхвагу	Амыстхәага	Палка для размешивания мамалыги
18	Акандыл (Вышел из обихода)	Акандел	Светильник

19	Ачвишхчи (вышел из абихода)	Ацәахчы	Кожаная подушка
20	Амбаши	Ампахьшьы	Полотенце
21	Ашвё-дзрыжга	Аҳәаʒрыжәга	Железные ножны, в которых закаливают шашки
22	Абедзидзы (вышел из обихода)		Костяная спица

Из таблицы следует, что зафиксированы как общеабхазские термины, так и узколокальные. А.А. Миллер не дает объяснения, в какой именно части Абхазии были записаны названия предметов, впоследствии приобретенных. Возможно, по причине своего незнания он не учел диалектные отличия в абхазском языке. Кроме того, экспонаты с одинаковыми функциями фондообразователь называет по-разному, например *ачва* (1247-107)[1], *аӷәаҳә* и *ацуаху* (1247-105/a,b,c)[2], тот же *аӷәаҳә,* т.е. крючки для подвешивания чего-либо. Причину, по которой эти экспонаты получили благодаря А.А. Миллеру разные названия, сейчас уже невозможно установить, так как первый термин *ачва* вообще непонятен. О каком предмете идет речь можно узнать, только увидев сам экспонат или прочитав пояснение, которое дает фондообразователь на русском языке. Следующий экспонат в описании А.А. Миллера получил название *ацькяга* (1247-61). В пояснении на русском языке он пишет, что этот предмет является разновидностью косы. В абхазском языке это орудие труда имеет два названия *ашбыга* и *ачаала*. Можно предположить, что название, которое он дал предмету, абжуйское. В настоящее время такие косы вообще не используются в хозяйстве, поэтому современный исследователь не может установить, в каких именно целях использовался рассматриваемый предмет. Нам остается только довериться фондообразователю, соглашаясь с ним в том, что это действительно коса, потому что в описании его использования А.А. Миллер пишет: «Инструмент держат двумя руками и косят, размахивая в обе стороны». Деревянный крючок для подвешива-

[1] Деревянный крючок для подвешивания утвари, двойной. Слегка изогнутая, оструганная палка, кончается на каждом конце крючком. Одним крючком «ачва» цепляется за потолочную перекладину, на другой вешается утварь. Фондообразователь указывает, что на таких крючках вешают утварь, но известно, что такими крючками пользовались скотоводы в горах для приготовления и разогревания пищи на костре. Таким образом, можно утверждать, что крючки имели двойное назначение.

[2] Деревянная цепь над очагом для подвешивания котла. Состоит из двух деревянных стержней, кончающихся крючком. Одним крючком «цепь» вешается на потолочную перекладину, на другой крючок подвешивается котел. На каждой стороне стержней сделаны глубокие нарезы. Оба стержня, крючками в противоположные стороны и нарезами наружу, вставляются в деревянную муфту, с помощью которой «цепь» может укорачиваться.

ния утвари, двойной. Слегка изогнутая, оструганная палка кончается на каждом конце крючком. Одним крючком «*ачва*» цепляется за потолочную перекладину, на другой вешается утварь. Несмотря на то что фондообразователь указывает, что на таких крючках вешают утварь, известно, что такими крючками пользовались скотоводы в горах для приготовления и разогревания пищи на костре. Таким образом, можно утверждать, что крючки имели двойное назначение[1].

Не меньший интерес представляют два экспоната, которые в описи А.А. Миллера получили название *эмхос* (1247-31, 1247-32). Возможно, ему продиктовали абхазское название *аимхәыц,* т.е. «бусинки, нанизанные на нитку». При этом под названием *эмхос* в описи фигурируют оба предмета, один из которых цепочка. У цепочки в абхазском языке есть еще одно название ахәыдхатца, т.е. «то, что надевают на шею». Следует пояснить, что и *аимхәыц*, и ахәыдхатца в настоящее время, особенно среди молодежи, используют редко. Эти названия легко были заменены словом «цепочка» из русского языка с добавлением к основе слова префикса а. Исследуя данные экспонаты, нужно уточнить, что название одного из экспонатов ошибочное, так как это, скорее всего, не ожерелье, а четки. Тогда мы можем предположить, что данный предмет атрибутирован неправильно, так как четки в абхазском языке называются *аттҷесҧыҳә*, а не *аимхәыц*.

В коллекции 1247 встречаются предметы религиозного характера. Например, *ачимза* (1247-110) *ацәымза* или *ацәашьы*. Разное название одного предмета объясняется следующим образом. Жители Бзыбской Абхазии называют свечку ацәымза, а жители Абжуи *ацәашьы*. Именно такие свечки использовали во время поминок, которые абхазы устраивают на 40 или 52 день со дня смерти[2] и на годовщину. После окончания трапезы эти свечки раздавали гостям. Чем длиннее свечка, тем, как считалось в народе, она «полезнее» для усопшего. Полезность заключалось в том, что длинная свеча дольше горит на том свете.

---

[1] Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Абхазские термины в музейной документации РЭМ (по материалам экспедиции А.А. Миллера в Абхазию 1907 г.)

[2] Так как абхазы по своим религиозным верованиям делятся на православных и мусульман, традиционные обряды, особенно жизненного цикла, пропитаны традициями мировых религий. В похоронно-поминальной обрядности так называемые первые поминки абхазы-православные устраивают на седьмой день со дня смерти покойного. Этот день называют ахаатәыфара, т.е. «день, когда едят сладкое». Абхазы-мусульмане поминают усопшего на пятнадцатый день. Вторые поминки, как правило, православные устраивают на сороковой день, а мусульмане – на пятьдесят второй. Интересно, что в течение этих дней каждый вечер в честь покойного накрывают стол, стараясь в этот момент удовлетворить душу покойного, приготовив его излюбленные блюда. См.: [Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Влияние трансформации абхазского общества в XX в. на изменения в похоронно-поминальной обрядности в современной Абхазии. // Религиоведение. № 4, 2013. С. 157-163

Известно, что абхазы почитают священные места, которые впоследствии становились святилищами. Эти святилища имелись в каждой общине[1]. Одно из наиболее распространенных священных мест, чаще всего семейных или родовых, – священные кузни. Для того чтобы в семье и роду не было трагических событий и им сопутствовала удача, абхазы проводят в священных местах-аныха различные моления. Не все обряды совершаются днем. Одним из обрядов, который проводится ночью, является обряд кузнеца, в современной интерпретации моление на «старый» Новый год, который называется *ажьырныха* или *хьачхәама*. Во время проведения этого обряда для освещения кузни участники использовали специальные лампады-а*кандел* (1247-109)[2], как их называли в Бзыбзской Абхазии, или, по названию, принятом в Абжуйской Абхазии, *акуаҷаб*. А.А. Миллер записал название именно на бзыбском диалекте акандыл и пояснил, что это «светильник (лампада)», не упомянув, что такие лампады использовались только в ритуальных целях для освещения святилищ. Кроме того, этот термин в настоящее время вышел из обихода. Сейчас если и используют какой-то термин, то чаще всего *акуаҷаб*. Менее проблематичными являются названия из абжуйского диалекта, так как он лежит в основе литературного абхазского языка и многие названия на нем вошли в абхазско-русский словарь. Еще один предмет, в названии которого мы встречаем диалектные отличия, это *амгабеста* (1247-103)[3]. Зная эти отличия, легко

[1] По сообщению Ш.Д. Инал-ипа, в современной Абхазии существовало более 30 древних языческих святилищ аныха [Ина-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара,304]. К тому же существует предположение, что это число неполное. Святилище-аныха – это священное место, где совершаются жертвоприношения и приносят клятвы. Святилища в Абхазии бывают двух видов: родовые, т.е. фамильные и региональные. К региональным святилищам относятся Дыдрыпшь-ныха (сел. Ачандара), Лых-ныха (сел. Лыхны), Лдзаа-ныха (сел. Лдзаа), Псху-ныха или Инал-Куба в горной области Псху (верховья реки Бзыбь). В Абжуйской Абхазии наиболее известно святилище Елыр-ныха (сел. Илор), а также Лашькьындар-ныха в Ткуарчале. В Абхазии есть традиционное мнение о семи святилищах, связанных с семью историческими областями. Из перечисленных выше видно, что святилищ шесть, а так как Псху-ныха имеет два названия, получается семь. По сообщению Г.Ф. Чурсина, между всеми абхазскими святилищами сохраняется связь, и одно святилище может выступать как часть или доля другого, более древнего. Распадение разросшегося рода приводило к отделению от родовой святыни «доли», которая и переносилась на место нового поселения выделившейся части рода. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. С. 28 29.

[2] Светильник железный, плоский, грушевидной формы с отверстием в середине и носиком. Ручка дугообразно изогнута, к ней прикреплен стержень с крючком для подвешивания. Для светильников, теперь уже вышедших из употребления, использовалось медвежье сало или дельфиний жир. Фитилем могла служить простая тряпка. Употребление в качестве «горючего» материала медвежьего сала подтверждает занятие абхазов охотой, а дельфиний жир говорит о том, что им не было чуждо рыболовство, причем в море.

[3] Лопаточка для накладывания мамалыги. Круглая, прямая ручка кончается круглым и плоским расширением. Сделан из ольхи. Действительно, такие лопатки изготовляют из

можно установить, что предмет был приобретен в Абжуйской Абхазии, так как именно там его называют амҳабыста, тогда как в Бзыбской Абхазии он называется *амҳаԥ*. В описании функциональности предмета фондообразователь ошибочно пишет, что это лопатка для накладывания мамалыги. Следует пояснить, что такие лопатки *амҳаԥ* выполняют две функции. Первая – с ее помощью варят мамалыгу в небольшом количестве, т.е. для семьи. И вторая – ее же используют, когда в семье или в общине проводят большие застолья. Во время больших застолий мамалыгу варят на несколько сот человек специальными ореховыми палками, которые называются амыстҳәага. В таком случае амҳаԥ используют только для накладывания мамалыги на тарелки[1]. И здесь фондообразователь ошибочно указывает *аместхвагу* (1247-102[2]) как палку только для перемешивания мамалыги, а не для варки.

Проблема, с которой сталкивается исследователь, заключается в выяснении правильного произношения терминов, так как многие из них вышли из обихода в связи с тем, что некоторые занятия, в которых использовались эти предметы, остались в прошлом. Примером здесь может послужить термин *абедзидзы* (1247-144). К сожалению, установить, как в современном абхазском языке звучит название этого предмета, невозможно, так как он вышел из употребления, можно только предположить, что оно звучит как *абазыз,* что в переводе означает шило для ткани. Смею предположить, что это не шило, а шпилька для волос, но это еще нужно подтвердить путем исследования похожих предметов. Отдельный интерес представляет экспонат *ачьвишьхчи* (1247-114) кожаная подушка. Как и многие другие термины, название этого экспоната тоже записано неверно. Его правильное название, скорее всего, *ацәахчы* (*ацәа* кожа, *ахчы* подушка). Предмет также давно вышел из обихода. Кто мог использовать данный экспонат, остается неизвестным. Носитель языка может сказать, что данная подушка могла выполнять две функции. Первая ее использовали для сна на веранде дома, в котором был устроен топчан. И вторая, скорее всего, верная: кожаную подушку использовали пастухи. Не меньшие труд-

---

ольхи, потому что ольха дольше сохраняется и не гниет в воде. Кроме того, при сильном и интенсивном перемешивании, когда варят мамалыгу ольха не трескается, в то время как сделанные из другого дерева лопатки трескаются и фрагменты рабочей части быстрее откалываются.

[1] В позапрошлом столетии мамалыгу накладывали каждому прямо на стол – *аишәа*. Позднее термин *аишәа* стали использовать для обозначения только поминального стола.

[2] Палка для размешивания мамалыги. Ольховая выструганная палка, кончающаяся крючком. Крючок служит для подвешивания аместхвагу к стене. Конец крючка украшен: его верхушка имеет четыре правильных сквозных прореза. Если в прошлом *амыстхәага* использовали несколько раз, то в настоящее время они разовые. На следующее мероприятие делают новую *амыстхәага*.

ности вызывают и описания ритуалов Бзыбской и Абжуйской Абхазии, сделанные А.А. Миллером, где он пытается привести абхазские термины, но из-за того, что они переданы искаженно, непонятен смысл молитв и песен, которые исполняются во время их совершения. Кроме того, из-за незнания языка и опоры на сообщения информантов, которые также языка не знали, собиратель периодически сообщает искаженную информацию. Например, он пишет о «Божьей болезни», хотя речь идет о специфическом термине, который переводится как «цари гостят» *(ахцәатаара)*. В настоящее время таких «больных» лечат развлеканием игрой на ачамгуре, а в прошлом игрой на апхьарце. Также в течение 40 дней больной соблюдает постельный режим, в течении этого времени не выполняются никакие полевые работы, нельзя проливать кровь животных и т.д[1].

А.А. Миллер в своем отчете дает подробное описание обряда вызывания дождя. Особый интерес в связи с данным источником имеет приведенная собирателем песня, которую, согласно А.А. Миллеру, поют во время проведения обряда вызывания дождя в Бзыбской Абхазии:

Во время бездождия (имеется в виду засуха), когда воды на урожай кукурузы был (*не разб. Р.З.*) плохим[2] на сельском сходе дается обет: в известный день совершить моление с жертвоприношением, называемым «Ацуных». Все приготовления поручаются кому-нибудь одному, за что в возмещении расходов, общество выплачивает устроителю пуда по 2 кукурузы с дома. В жертву приносят двух или трех быков. Муку и пироги приносит каждый с собой. В назначенный день все собираются у реки, где священник (православный) совершает молитву. После молебствия режут быков и мясо варят. Из кольев строят вышку, около 3 аршин высотой – «ашамкят». На вышку кладут сердце, печенку и вообще лучшие куски, выбирают 2-3 стариков, которые выступают вперед. Один из них на деревянную вилку (просто палочку) надевает кусочек сердца, печенки, высоко держит эту палочку и обращается с импровизированной молитвой к Анца, в которой перечисляет все бедствия, могущие произойти от бездождия. По окончании молитвы все отвечают «аминь». Затем все садятся на землю, кроме женщин, не принимающих в этом никакого участия, и едят мясо и все приготовленное. Столы при этом не употребляют – садятся на листьях. По окончании обряда, старики уносят с собой мясо, которое лежало на «ашамкят».

Во время засухи проделывают еще один обряд, интересный другим жертвоприношением. Собираются дети, преимущественно девочки, делают чучело из…. И с пением несут его к речке. Поют при этом:

---

[1] Полевой материал автора в Республику Абхазия. В 2014 г. Информант Габелия Нелли Тархуновна. 1959 г.р.

[2] А18РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д 404. Л.9.

«дзиуоу, дзиуоу, дзарикуакуа маркалтышь.
Ах ипха дзышабоит,
аюы лыжуам Адзы лымам,
акуракуа еимылдоит – дзыхуычык, дзы хуычык».

Первая фраза теперь утратила всякий смысл, и никто не мог мне дать никаких объяснений. Однако Дзиуоу – божество, к которому обращаются. Первая часть такова: «царская дочь хочет пить, но вина она не пьет, а воды нет, она ищет маленькие ручейки (*не разб. РЗ*) хоть капельку, капельку». Не знаю, есть ли варианты, но в Ачандарской общине мне объяснили смысл всего обряда так: «царскую дочь продать в обмен за хороший дождь».

Принесенные к реке чучела сначала носят три раза вдоль берега, а затем топят. При этом нужно убивать лягушек. Дно ручья надо вспахивать сохой. Теперь этот обряд, совершенный там, превращен в детскую игру, 50 лет назад его совершали гораздо торжественней; чучела, сидевшие на осле, сопровождали к реке женщины, одетые в самое лучшие праздничные наряды[1].

А.А. Миллер сожалеет, что не знает абхазского языка. Он считает, что поэтому лишен возможностей сколько-нибудь прояснить многие интересные вопросы, почти еще не затронутые, он же может ограничиться лишь отрывистыми наблюдениями: «Должен здесь сделать, кстати, оговорку о почти непостижимой трудности написания абхазских имен алфавитом русского языка, т.к. многие звуки абхазской речи совсем отсутствуют в русском и европейском языках»[2].

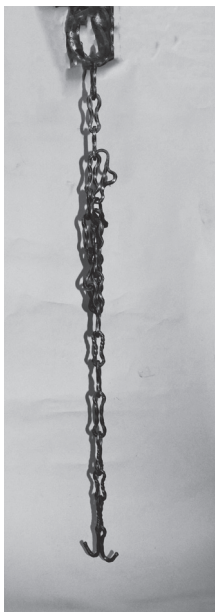
Таким образом, благодаря собранным А.А. Миллером данным мы имеем многообразные термины, обозначающие элементы бытовой культуры абхазов, причем как общеабхазских, так и узколокальных. При этом собиратель приводит ряд терминов, которые уже вышли из употребления, поскольку на протяжении последнего столетия изменились традиционное хозяйствование и быт абхазов и часть абхазских терминов была вытеснена аналогиями из русского языка. При анализе материалов описей и отчетов становится очевидным, что понимание текста затруднено для исследователя в том случае, если читатель-исследователь не имеет представления об особенностях абхазского языка, включая его диалектные различия. Кроме того, поскольку часть терминов уже вышла из употребления, искаженная их запись лишает возможности узнать, как они звучали в речи носителей языка.

---

[1] АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д 404. Л. 10-11
[2] А18РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д 404. Л.7

Лопатка (амҳаԥ) для варки мамалыги. РЭМ 1247-103. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.

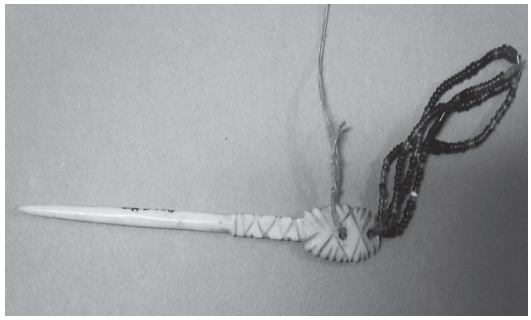
Светильник (акандел). РЭМ 1247-109. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.



Надочажная цепь (архнышьна). РЭМ 1247-106. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.

Посох (алабашьа). РЭМ 1247-106. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.

Костяная спица. РЭМ 1247-144. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.



Костяной нож для прибивания поперечной нитки (адашьна). РЭМ 1247-139. Фондообразователь А.А. Миллер 1907 г. Сухумский окр. Кутаисская губ.

Э.Г. Узунян[1]

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСТОЙЧИВОСТИ ДИАСПОРЫ НА ПРИМЕРЕ АМШЕНСКИХ АРМЯН АБХАЗИИ

Армяне – один из древнейших народов мира, документальная история которого насчитывает более трёх тысячелетий. Говорят на армянском языке, принадлежащем к индоевропейской языковой семье[2]. На протяжении длительного времени армяне не раз переживали трагические этапы своей истории, а также периоды могущественного расцвета. Два события, произошедшие в начале XX века, стали переломными в новейшей армянской истории, коренным образом изменив будущее народа. Первое событие – Геноцид армян и эмиграция, в результате которых Западная Армения и все остальные районы Османской империи лишились армянского населения. Вторым событием стало приобретение независимости Арменией в 1918 году. С этого периода важнейшей задачей армян становится вопрос взаимоотношений между армянами, проживающими на территории Армении и Спюрка[3]. Этнокультурную историю армянского народа трудно представить себе без истории его диаспоры, составляющей теперь в конце XXI века более половины его общей численности.

На сегодняшний день согласно действующей Стратегии национальной безопасности Республики Армения от 2007 года сохранение армянства и развитие национальной самобытности армянского народа в Армении и Диаспоры является основополагающими ценностями национальной безопасности[4]. В деле сохранения армянства особая важность уделяется развитию армянского языка, литературы и культуры, а также других ветвей армянского историковедения и арменоведения как факторов, обеспечивающих сохранение национального духовного наследия и олицетворяющих национальную самобытность[5]. Существует обширная литература по истории формирований различных переселенческих очагов армянского

---

[1] Аспирант кафедры «археологии, этнологии, древней и средневековой истории» Кубанского государственного университета.

[2] Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма Наука,.1972. С. 43.

[3] Спюрк – армянские общины во всем мире.

[4] Стратегия национальной безопасности Республики Армения–2007. С. 2.

[5] Концепция развития содружества Армения – Диаспора – 2009. С. 103.

народа, в данной статье мы осветим некоторые фрагменты истории диаспоры амшенских армян Абхазии, одной из наиболее компактно проживающей. Уже более ста лет на территории Абхазии и Краснодарского края РФ отдельными поселениями, а также смешанно с абхазами, русскими и другими этносами проживают десятки тысяч армян, большая часть предков которых являются амшенцами, чей созидательный труд стимулирует развитие экономической и культурной жизни этих краев[1]. Амшенские или причерноморские или понтийские армяне являются представителями субкультуры локальной группы армян. Исторически сложилось так, что судьба амшенских армян и абхазов схожа, незадолго до этого абхазский народ также пережил депортацию в Турцию.

Первое выселение абхазов в Османскую империю восходит к началу XIX столетия. В конце 70-х годов XIX века в результате Русско-турецкой войны и особенно из-за депортации коренных жителей (абхазов, убыхов и адыгов), восточный берег Черного моря настолько обезлюдел, что одни авторы его называли «опустошенным берегом»[2], другие – «мертвым берегом»[3], третьи – «обиталищем хищников»[4] и т.п. В Абхазию стали прибывать из Трапезундской области Турции группы амшенских армян. Одна из первых групп в октябре 1879 года высадилась на Пицундском мысу. Получив разрешение от российских властей «поселиться на свободных землях по их выбору», они обосновались в селе Мцара Гудаутского района.

Амшенские армяне с самого начала установили добрососедские и толерантные отношения с абхазским народом. Как отмечал позже известный абхазский педагог и просветитель С.П. Басария, армяне «очень осторожны к абхазам, признают за абхазской нацией исторические, юридические и насиженные права на территорию, называют себя гостями в Абхазии, охотно открывают свои двери абхазам и всячески стараются подражать гостеприимству их. К большой чести армян надо отнести и то, что это единственная нация в Абхазии, которая бережно относиться к старинным абхазским именам местностей: все их села названы древними абхазскими именами»[5].

Многовековая жизнь в иноэтническом окружении заставляет людей интегрироваться в местный уклад, искать свое место в социальной струк-

---

[1] Концепция развития содружества Армения – Диаспора – 2009. С.-106.

[2] Доклад был зачитан на собрании «Хозяйственного общества Императора» 19 января 1879 г.

[3] Дгиури -900 кв сажен, т.е. такой отрезок земли, который крестьянин может вспахать за день (Д.И. Чубинов. Грузино-русский словарь. – Тбилиси, 1984, С. 486).

[4] «Голос» – либеральная газета. Выходила в Санкт – Петербурге в 1863-1884 гг. (Советский энциклопедический словарь. – М., 1985. С. 318.

[5] Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом экономическом отношении. – Сухум-Кале, 1923. С. 81-82.

туре и экономике, воспринимать языки, культуру, обычаи, образ жизни окружающих. Рассеивание превратилось в образ жизни, в особо устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, специфическую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического материка. Специфика формирования этнокультурной идентичности образовательными и культурными институтами состоит в том, что в чрезвычайно серьезной степени зависит от уровня образования и степени приобщённости к культуре членов диаспоральной группы. Поэтому в рамках конкретной диаспоры для поддержания этнокультурной идентичности большое внимание уделяется культурным и образовательным программам.

Первые очаги просвещения на территории Абхазии появились в сельских районах, при церквях – приходскими школами. В 1904 году ряд выдающихся деятелей армянской жизни и культуры как Овсеп Алмазов (1872–1910), Тер-Аветис, Тер Мкртычян (1850–1918) и другие обратились к городской Думе Сухума, чтобы последняя выделила участок для строительства школы и церкви. В этом нелёгком деле огромную роль сыграла авторитетная личность Аветис Тер-Мкртычяна. Это был священник с передовыми взглядами.

Благодаря его стараниям и умению, большим связям, знанию многих языков, были созданы предпосылки для открытия школы. 1 сентября 1906 года, не дождавшись её строительства, армянская общественность решает открыть школу в частном доме на улице Сичинава в городе Сухуме. В первый учебный год собралось 33 ученика, преподавателями были Арутюн Тер-Арутюнян, Манушак Джалалян. В следующем 1907–1908 учебном году в школе были сформированы три класса. Открытая в 1906 году Сухумская армянская школа функционировала до 1913 года, т. е. до строительства нового здания. На отведённом городской управой земельном участке в 1908 году на народные средства была построена и церковь Св. Григория Просветителя, а уже позже, в 1913 году, здание школы при ней. По данным 1941 года, в Абхазии функционировало 128 армянских школ. Также издавались несколько газет на армянском языке: «Луйс» (1912–1913 гг.), «Нор-Кянк» (1913 г.), «Парос» (1919 г.), «Кармир астх» (1920 г.). В столице Абхазии – Сухуме действовал армянский государственный театр.

Все эти факторы соответственно положительным образом оказывали влияние для сохранения и развития самосознания и идентичности. Молодое поколение помнило свои истоки, ясно осознавая свое место в мире и в социуме, становясь полезным для общества в регионе проживания. Становление молодого поколения и привитие ему национального самосознания благотворно влияет как на развитие этноса, так и на толерантное от-

ношение с соседствующими этносами в местах совместного проживания. Этническая идентичность может формироваться в результате воздействия различных факторов и в рамках различных институтов диаспоры: экономических, политических, конфессиональных и образовательных. Сохранение этнокультурной идентичности у армянской диаспоры Абхазии происходит через возрождение их родного языка, культуры и традиции. Статистические материалы конца XIX века свидетельствуют о том, что армяне к этому времени представляли в Абхазии значительный состав населения (6552 человека – это 6,2 %) и занимались выращиванием сельскохозяйственной продукции (в основном, табаководством), ремеслом, торговлей. Амшенские армяне селились компактно селами, а также отдельно, в помещичьих усадьбах, нанимались арендаторами к помещикам на сельскохозяйственные работы. Они становились предпринимателями, обзаводились недвижимостью. К 1898 году в списке предпринимателей по Сухумскому округу из одной только Цебельды значится 18 армянских фамилий: Зейтунян Геворк и Нерсес, Кесянц Погос и Арутюн, Топчияны Акоп, Калуст, Мартирос, Ованес, Саркис, Узунян, Чакрян, Кешабян Калуст, Арутюн и другие. Большое значение для сохранения этнокультурной идентичности имеет индивидуальная идентичность, которая зависит от групповой идентичности диаспоры. На основании проведенного среди членов диаспоры анкетирования можно утверждать, что в настоящее время у амшенских армян Абхазии в рамках диаспоры сформировалась групповая амшенская этнокультурная идентичность и индивидуальная этническая самоидентификация, сосуществующая с сохранившейся этнокультурной идентичностью страны проживания. Это говорит о сформировавшейся в заимствовании этнокультурной идентичности диаспоры.

Диаспора как социальный институт все более превращается во влиятельный фактор решения социокультурных, экономических, политических проблем, встающих перед нетитульным населением того или иного государства. Она реальный и эффективный инструмент осуществления рационального взаимодействия людей единого этнического происхождения, оказавшихся на чужбине.

В 30-е годы XX века в Центральном исполнительном комитете Абхазии из общего числа сотрудников 14% составляли армяне, а в Совнаркоме – 15%.

На закате 80-х годов прошлого века в Абхазии начали функционировать две армянские общины: сухумская «Крунк» под руководством Альберта Тополяна, гагрская «Маштоц» под руководством Арсена Чакряна и армянский культурный центр в Сухуме. Сухумская община «Крунк» активно участвовала в политической жизни Абхазии. Депутаты от этой общины присутствовали в Верховном Совете республики, Сухумская армянская община имела заметное политическое влияние также и за счет тесных

контактов ее руководства с многочисленными политическими силами в Армении. 15 апреля 2004 года, в результате объединения трех армянских общественных организаций образована одна община, которая позже начала именоваться Союз армян Абхазии. Новая армянская община ставит перед собой ряд задач, среди которых – содействовать духовному, политическому, культурному и социально-экономическому развитию армянского населения Абхазии, в тесном взаимодействии с абхазами, русскими и другими этносами, проживающими на территории Абхазии. Армянская община намерена активно формировать культуру межнационального общения, воспитывать уважение к традициям, военно-патриотического воспитания молодежи и укрепления правопорядка, содействовать защите прав и интересов граждан Абхазии. Одним из стержневых вопросов армянской общины является – сохранение армянских школ, их в республике 31, и повышение уровня преподавания в них. Из всех компонентов культуры наиболее выраженными этническими функциями обладает язык. Язык также выступает в качестве наиболее важной функции, т.е. принадлежности его носителей к определенной группе.

В диаспорах, неоднородных в лингвистическом отношении, каждый из языков (в том числе и не традиционный) для данной общности выполняет этнодифференцирующую роль. Более того, язык продолжает внутриэтническую функцию, так как языковая коммуникация внутри этноса поддерживается благодаря двуязычию значительной части его членов. Чувство верности языку приводит в действие силы, выступающие за его сохранение. Преимущественно в компактно проживающих местностях амшенцев преобладает амшенский диалект армянского языка. В школах преподавание соответственно ведется на литературном армянском языке, наряду с абхазским и русским языками. Активное привлечение молодого поколения к участию в делах общины сохранит преемственность поколений и внесет в её работу современные формы соответствующие уровню XXI века. Это благотворно скажется на формировании здорового гражданского общества и принципов толерантности.

Говоря об армянских общинах, невозможно не упомянуть о роли церкви, которая, конечно, не имеет того влияния, как раньше, но является мощным объединяющим фактором, прививающим нравственные ценности. Амшенские армяне Абхазии придерживаются христианской конфессии. В 2014 году, 5 ноября, в Гагре состоялась торжественная церемония открытия и освящения храма Христа Спасителя. Для освящения храма в Гагру приехали 14 священнослужителей во главе с епископом Мовсесом Мовсесяном – правящим архиереем Епархии Юга России Армянской апостольской церкви, монахиня Елизавета из Святого Эчмиадзина.

Сформировавшаяся Армянская община Абхазии является для армян не столько местом периодических встреч и времяпрепровождения, а средством сохранения своей идентичности.

Диаспоры являются важным фактором сложившейся системы политических отношений; имеется тенденция к возрастанию их влияния, как во внутриполитической жизни государств, так и в сфере транснациональных коммуникаций.

Говоря об армянской диаспоре Абхазии периода 90-х годов прошлого века, необходимо отметить роль армянского батальона и представителей армянского народа в других воинских формированиях Республики Абхазия в Отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг. Батальон имени Ивана Христофоровича Баграмяна отдельный мотострелковый батальон – военное формирование абхазских Вооруженных сил периода грузино-абхазской войны состоял из этнических армян-амшенцев. В батальоне были также представители других народов. Впоследствии он расформирован[1]. Безусловно, 14 августа 1992 года, начало грузино-абхазской войны – чёрная страница истории для Абхазии. На защиту Родины от агрессора встали все представители многонациональной Абхазии во главе со своим лидером В. Г. Ардзинба. В тяжёлый час армяне, для которых Абхазия стала родной землёй, встали рядом с братским абхазским народом. Единение в дружбе приобрело, несомненно, особую ценность. В формировании армянского батальона значительную роль сыграла личность Альберта Каспаровича Тополяна, личность, которая займёт достойное место в истории летописи армянской диаспоры Абхазии. Этот батальон был чуть ли не единственным полноправным батальоном и насчитывал более 1500 бойцов.

Для амшенских армян, оказавшихся в рассеянии, возможно коллективное сознание пребывания на чужой земле. На фоне этого сознания определяются такие характерные черты отношения к своей «исторической родине» типичные для диаспоры, как: 1) коллективная память и мифологизация утраченной родины; 2) идеализация воображаемого наследия отцов; 3) сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время; 4) чувство солидарности с этническими собратьями в других странах; 5) возможности выдающейся созидательной и обогащающей жизни в странах-хозяевах, проявляющих терпимость.

Богатая событиями и свершениями история амшеноармянской диаспоры Абхазии свидетельствует о том, какой вклад внесли армянские переселенцы в развитие абхазского края, преподносит нам уроки мирного, взаимовыгодного сотрудничества между народами, умение в непростых усло-

[1] Спартак Жидков. Армянский батальон в грузино-абхазской войне.

виях сохранить свой самобытный национальный облик и традиции, при этом выражая глубокое уважение к культуре соседних этносов. Важнейшим предметом исследования является гармоничное соприкосновение двух культур: амшеноармянской и абхазской, способных, дополняя друг друга, создать условия становления нового культурного пространства в регионе. Стратегия выживания и развития современной этнической диаспоры заключается в институционализации внутриполитических и трансграничных сетей коммуникаций этнокультурных общин. Будучи вторым по численности этносом Абхазии, амшенские армяне являются государствообразующим элементом. Все этносы, проживающие в Абхазии, толерантны, едины в решении общегосударственных вопросов.

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО – О.Х. БГАЖБА 80 ЛЕТ

А.И. Джопуа,
В.А. Нюшков

ЗАМОК БАГРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ О.Х. БГАЖБА

В 1972 г. молодой ученый О.Х. Бгажба успешно защищает кандидатскую диссертацию «Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.)». Работа была посвящена истории гончарного производства, а также железному делу (с использованием петрографического, спектрального и металлографического анализов) и монументальной архитектуре на территории Абхазии. Так, в частности, диссертантом были подробно рассмотрены на примере археологического материала фортификационные сооружения в Западном Закавказье: Анакопийская крепость, Сухумская крепость, Великая Абхазская стена, Замок Баграта и др., и неслучайно все они являлись защитно-стратегическими сооружениями средневекового периода, были сооружены как военно-оборонительные объекты, располагавшие своим собственным подворьем, крепостными гарнизонами, обслуживающим персоналом и т.д.[1]

В связи с этим одним из интереснейших исторических памятников средневековой Абхазии можно считать замок или крепость Баграта. Уже с XIX в. и далее к данному объекту обращено пристальное внимание исследователей (В.И. Сизов, А.С. Башкиров, И.Е. Адзинба, Л.Н. Соловьёв, М.М. Трапш, О.Х. Бгажба и др.). В 1886 г. замок Баграта детально обследовал член Московского Археологического общества В.И. Сизов.

Описывая замок, он указывал, что «стены замка представляют в плане овал небольшого размера, примыкающей с двух сторон к башне, находящейся против входа в замок; башня эта обращена фасом в долину Бесланы, т.е. к Сухуму. В башне сохранилась дверь, вероятно, выходившая на балкон… Внизу двери с внешней стороны башни замечаются следы заделанного отверстия. Наличники двери из белого камня обтёсаны, правильны и твёрды. Кладка стены из булыжника связана цементом – известью

[1] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв. – Сухум, 2002. С. 123.

с песком; булыжники подтёсаны…. Самой неприступной стороной замок обращён к северо-востоку, т.е. к Сухуму, к реке Беслате и к горам, образующим ущелье этой реки: казалось, как будто с этих сторон замок и ждал нападения. С другой стороны замеченная связь этого замка с описанной местностью, на юго-запад указывала именно на то обстоятельство, что замок этот выдвинут вперёд как сторож, охранявший всю эту местность и зорко следивший за долиной р. Беслаты»[1].

Таким образом, сама характеристика местности подкрепила уверенность В.И. Сизова, изучившего также и близлежащие окрестности возле замка, что этот район, расположенный по левую сторону р. Басла, принадлежал средневековому христианскому Сухуму[2].

В дальнейшем уже в 20-х годах XX столетия замок Баграта был обследован А.С. Башкировым. «Замок этот, согласно конфигурации рельефа и площади местности, – отмечает А.С. Башкиров, – имеет в плане форму полукруга? вытянутого с востока на запад. С северной стороны замок примыкает почти к отвесному обрыву, над которым была некогда стена, обрушившаяся благодаря глинистому оползню почвы. С запада, юга и востока возвышаются монументальные стены, идущие полукругом с запада на восток… Стены построены из массивного валунного камня на растворе с примесью местного морского гравия в кладке… Вход в замок находится на восточной стороне, с воротами на значительной высоте от окружающей поверхности. К воротам ведёт постепенно поднимающийся в два колена крутой узкий парапет, приводящий к своеобразному обширному вестибюлю размером 2, 25–4, 57, когда-то имевшего надворотную башню… В западной стене над обрывом находится не то дверное, не то оконное отверстие, перекрытое плоско-округлой аркой с остатками башнеобразного над ним сооружения»[3].

Важно, что А.С. Башкиров уже тогда обратил внимание, что «на территории замка необходимо произвести хотя бы зондажные раскопки для изучения культурных наслоений, что даст понятие о времени жизни замка Баграта»[4].

Нельзя не сказать, что замок Баграта как историческая достопримечательность Сухума предлагается для посещения в путеводителе за 1930 г.

---

[1] Сизов В.И. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Выпуск II. – М., 1889. С. 21.

[2] Сизов В.И. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Выпуск II. – М., 1889. С. 49.

[3] Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия Абхазского научного общества. Выпуск IV. – Сухум, 1926. С. 18.

[4] Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия Абхазского научного общества. Выпуск IV. – Сухум, 1926. С. 19-20.

В нём сказано: «На горном отроге, недалеко от Драндского шоссе, у дачи Верховского в 1 км от города расположены развалины крепости, называемые некоторыми исследователями «Замком Баграта». Постройка этого замка относится приблизительно к X–XI вв. Замок живописно оброс мелким кустарником колючей ежевики, вьющимися растениями. С его стен открывается прекрасный вид на г. Сухум и его окрестности»[1].

После А.С. Башкирова в начале 30-х годов замок Баграта описал И.Е. Адзинба, сообщив его конкретные размеры, датировку и назначение самого памятника. Обозначив вначале: «На крутом холме, над приморском шоссе, близ моря (в 500 м. от моря), на северо-восточной окраине г. Сухуми, у края обрыва стоит укрепление овальной формы, называемое Замком Баграта», автор заметил, что «стены хорошо сохранились». Далее он пишет: «С северной стороны, со стороны защищаемой крутым обрывом, не было стен. Размеры его в длину по линии стены 90 м; в середине в ширину 24 м; толщина стен 1,8 м; высота стен снаружи 8 м, изнутри 5 м; в длину внутри от восточных ворот до западных – 48 м; западный вход арочного типа в ширину 1,5 м, высота в центре 2,8 м. Кладка велась из бута на известковом растворе. Замок имел два входа с запада и востока, укреплённые небольшими башнями. Западный вход, обращённый в сторону города, был снабжён цепным подъёмным мостом, на случай внезапной вылазки. Близ восточного входа, под обрывом имеются следы подземного хода, ведущего вниз к ручью с северной стороны». Постройку И.Е. Адзинба отнёс к эпохе правления царей Баграта III и Баграта IV, т.е. к X–XI вв., ко времени существования на месте современного Сухума г. Цхум. Что касается назначения данного укрепления, то, по мнению автора, судя по его географическому положению, следовало запирать вход в южную Абхазию, прикрывать существовавший здесь порт, а также замыкать ущелье р. Басла[2].

Того же мнения придерживался и Л.Н. Соловьёв, считавший, что богатый город Цхум (Сухум) нуждался в защите. В этих целях восстанавливается ряд укреплённых постов по гребню холмов вокруг города. Так, на левом берегу р. Келасур строится одиночная башня в стиле башен Келасурской стены, и приморский участок Келасурской стены входит теперь в эту систему укреплений, охватывающую разросшийся город. «Военное строительство города, – пишет Л.Н. Соловьёв, – завершается нагорной крепостью. На левом берегу р. Беслетки (Басла) возникает так называемый по народному преданию «замок Баграта». Он имеет характерную для небольших замков того времени овальную форму с двумя башнями на уз-

[1] Советская Абхазия. Путеводитель по Абхазии. Составили А.А. Орынянский и А.В. Фадеев. – Сухум, 1930. С.96.

[2] Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухум, 1958. С. 66.

ких концах, пристроенными к стене изнутри. Башня, обращённая в сторону города, имеет высоко поставленную дверь, быть может, снабжённую когда-то подъёмным на цепях мостом, предназначенным для внезапных вылазок, (о чём выше уже писал, как отметили, И.Е. Адзинба. – **Авторы**). Главный вход был через другие ворота, стоящие над обрывом». Согласно Л.Н. Соловьёву, «Замок защищал гавань, находившуюся в устье р. Беслетки, и прикрывал дороги, идущие вдоль берега моря в глубь страны»[1].

Так, В.П. Пачулиа замок Баграта считал самым древним, наиболее интересным историческим памятником Абхазии, довольно хорошо сохранившимся укреплением, которое находится в черте г. Сухума. Построенный из булыжника на известковом растворе на вершине холма замок являлся одной из цитаделей древнего города Цхум (Сухум) и охранял порт, находившийся в то время в устье р. Баслы. Построен был X–XI вв. и разрушен в начале XV в.[2].

Между тем в 1954 году Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР под руководством видного абхазского археолога М.М. Трапш начались раскопки Замка Баграта, которые продолжались до 1956 года. Их цель была очевидна, её озвучил сам археолог, отметив, «что те незначительные раскопочные работы, которые производились на территории замка, не позволили сказать ничего существенного ни о времени постройки и бытования, ни о характере крепости – что это? Убежище, замок или сторожевая башня?»[3].

Надо сказать, М.М. Трапш впервые в Абхазии применяет прогрессивный метод изучения археологических памятников широкими площадями. Почти полностью исследуется внутренний двор замка, изучаются с обеих сторон и стены крепости. Раскопки дали ценный археологический материал, большая часть которого специалистами была отнесена к Средним векам. В результате его анализа выдвинуты предположения, что цитадель древнего Цхума охраняла ниже расположенный порт и одновременно защищала проход в южную Абхазию, служила в то же время и убежищем, где укрывалась привилегированная часть местного населения во время нападений на средневековый город. Нахождение в крепостном дворе фрагментов жерновов, сковородок, мисок, кухонных сосудов для приготовления пищи, пряслиц для веретен, шильев, шлака говорит о том, что периоды осады крепости были длительны. Внутри замка, возможно, были и более фундаментальные постройки, о чем свидетельствуют находки в

[1] Соловьёв Л.Н. Диоскурия-Себастополис-Цхум // Труды Абхазского государственного музея. Том I. – Сухуми, 1947. С. 142.

[2] Пачулиа В.П. Исторические памятники Абхазии. Их значение и охрана. – М., 1968. С. 120.

[3] Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми, 1975. С. 151.

раскопах обломков плоских кирпичей и черепицы. Результаты раскопок дают основание считать, что у средневековых жителей нынешнего Сухума было хорошо развито гончарное ремесло[1].

Здесь можно отметить Атарский средневековый керамический цех, материал которого получил широкое распространение, т.к. он имеет аналоги среди керамики, выявленной в Анакопии, на замке Баграта (Сухум) и в других местах Абхазии[2].

Так, в четвёртом томе трудов М.М. Трапш, в ссылке от редакции, в частности, читаем: «Вещевой материал, добытый при раскопках 1954–1956 гг., М.М. Трапш передал своему ученику О.Х. Бгажба. О.Х. Бгажба на основе изучения этих материалов подготовил статьи «О металлургии и металлообработке в средневековой Абхазии и «О поливной керамике в средневековой Абхазии XI–XIII вв.», где помещены и почти все соответствующие предметы из замка Баграта»[3]. В связи с с этим мы вправе дополнить сказанное и заметить, что помимо указанных статей О.Х. Бгажба была также подготовлена основательная статья «Замок Баграта» в сборнике «Кавказ и Восточная Европа в древности», опубликованном в 1973 г.

Отметим, что сохранилась рукопись из экспедиционного отчёта (автор О.Х. Бгажба). Из нее узнаём, что в 1969 г. продолжены раскопки Замка Баграта, которыми руководил О.Х. Бгажба. Целью этих небольших раскопок было – установление стратиграфии памятника, уточнения датировки, изучение крепости с точки зрения архитектуры.

В соответствии с этим была расчищена площадка у южной стены внутри замка Баграта, т.е. территория, не затронутая раскопками 1954–1956 гг. В результате расчистки выявлено четыре слоя. Можно заключить, отмечает О.Х. Бгажба, «на территории крепости Баграта ещё задолго до её постройки существовало древнее поселение». Основные же стены крепости стали воздвигаться в X в. При этом к средневековому периоду обитания на территории крепости относятся два слоя: «б» (XI–XIII вв.) и «в» (VIII–X вв.). Ранней датировке постройки крепости не противоречит бутовая кладка с опалубкой, а также состав раствора, применявшийся при строительстве.

В ходе исследования было замечено, что крепость построена продуманно, с учётом понимания всех сложностей фортификационного искусства, а также о хорошем знании самого строительного дела указывают местонахождение крепости, конфигурация стен с откосами внизу, дающих ри-

---

[1] Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том IV. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми, 1975. С. 167-171.

[2] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв. – Сухум, 2002. С. 78.

[3] От редакции: Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми, 1975. С. 161.

кошеты, система кладок, устройство укрепленного с двориком – западней вместе с поздней пристроенной башней[1].

В своей статье «Замок Баграта» О.Х. Бгажба ставит закономерный вопрос: «Почему был построен замок Баграта и как он был связан со средневековым Сухумом?» И неслучайно, поскольку «строительство замка может на первый взгляд вызвать недоумение – ведь имелась в то время приморская Сухумская крепость (Себастополис), входившая некогда в «Понтийский лимес». «К X в. в период независимости от византийского господства, часть крепостей, входивших в «Понтийский лимес», была разрушена; другая же (оставшаяся) часть потеряла всякое политическое значение. В связи с этим появилась новая опора в лице замка Баграта, заключает исследователь. Далее О.Х. Бгажба, подводя итог, отметил важное: «замок Баграта, господствовавший над морским берегом и долиной реки Беслетки, служил цитаделью средневекового «Цхума» («Акуа»), портом которого в то время был Себастополис. Опираясь на естественный рубеж, гряду холмов, круто обрывающихся над рекой, замок защищал вход в Южную Абхазию и перекрывал с северо-запада подступы к Великой абхазской стене, с которой он был соединён линией сторожевых пунктов по гребням холмов»[2].

Отдельно также остановимся на выявленной в слое («б») поливной керамике зелёного и коричневого цвета. На основе петрографического анализа, сделанного О.Х. Бгажба, стало ясно, что данного типа керамика независимо от её цвета изготовлялась из одного типа глины, соответствующей местному. Найденные же изделия на территории замка Баграта – кинжалы, сабли, ножницы, топоры, гвозди, шилья, подковы и др. исследователь считает продукцией городских ремесленников[3].

В заключение отметим, что мы, авторы, также не остались в стороне и посетили интересный во всех отношениях древний исторический памятник – замок Баграта. Он всё также продолжает удивлять своими фрагментами каменных стен, внутренним двором, частью подземелья, воротами, оборонительной башней. Значительно потемневшие и укрытые мхом стены до сих пор не утратили своеобразия, и передают колорит былых времен.

---

[1] Бгажба О.Х. Дополнительные археологические разведки на горе Баграта в 1969 г. Рукопись, хранящаяся в архиве Абхазского государственного музея.

[2] Замок Баграта // Кавказ и Восточная Европа в Древности. – М., 1973. С. 258-259.

[3] Гунба. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.). – Сухум, 1999. С. 21, 31.

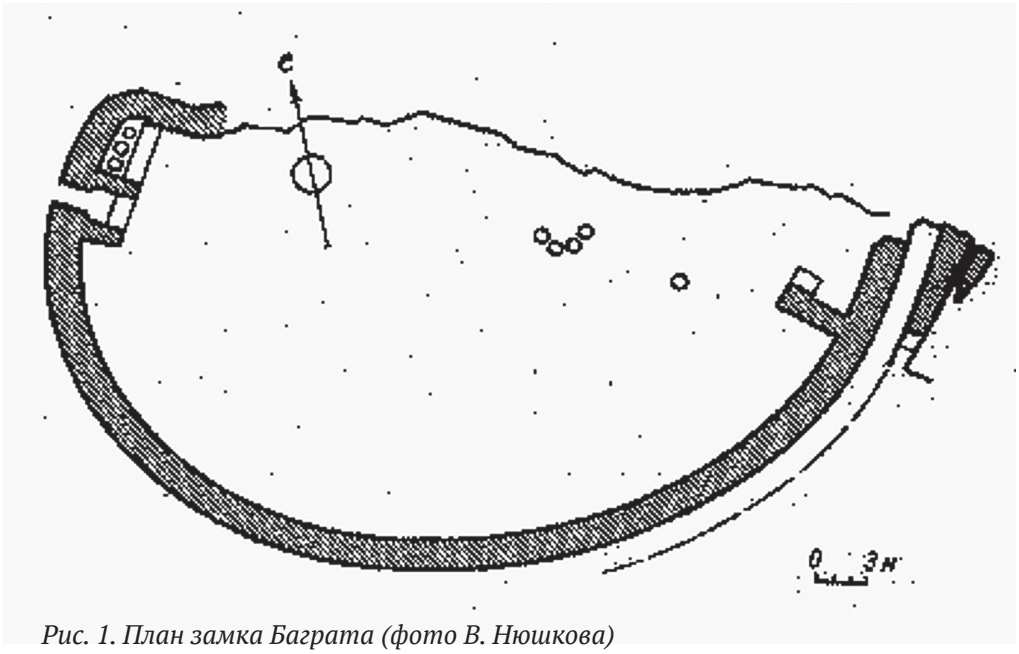


Рис. 1. План замка Баграта (фото В. Нюшкова)

Рис. 2. Общий вид замка (фото В. Нюшкова)

Рис. 3.Внешняя сторона замка Баграта (фото В. Нюшкова)

Рис. 4.Внутренняя сторона цитадели (фото В. Нюшкова)

Рис. 5. Башня замка Баграта (фото В. Нюшкова)

Рис. 6. Дверной проём внутри крепостных стен замка (фото из интернета)

С.Л. Дударев
(г. Армавир)

О НОВЫХ НАХОДКАХ КОЛХИДО-КОБАНСКИХ БРОНЗ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Тема распространения колхидо-кобанских бронз в Северном Причерноморье давно интересует как отечественных, так и зарубежных ученых. Последние зафиксировали некоторые из указанных находок даже чуть раньше. Так, Франц Ганчар еще в начале 1930-х гг. издал работу о кобанских топорах из венского собрания, некоторые из которых происходят с территории Украины, и картографировал их[1]. Несколько позднее в дальнем зарубежье в печати появились другие категории кавказских находок, получивших, однако, при издании иную, нежели кобанская, культурную интерпретацию. Так, Ванда Зоммерфельд издала в Варшаве бронзовые сосуды с территории Украины, отнесенные ею к гальштатским[2]. По отношению к достаточно крупной бронзовой ситуле диаметром 32 см[3] [рис.1] это было неверно, поскольку она входит, как ныне известно, в число бронзовых сосудов кобанского типа из центральной и западной частей Кавказа. Но тогда накопление соответствующих знаний было еще в самом начале, и неудивительно, что украинские советские авторы С.И. Магура и Н.М. Макаренко также считали, что подобные сосуды из с. Жаботин имеют гальштатское происхождение[4]. Позднее, в начале 1960-х гг. Тадеуш Сулимирский издал дважды изогнутый орнаментированный топор кобанского типа, найденный под Винницей[5]. При этом он опубликовал и другой экземпляр бронзового топора, который ныне полностью издан в составе других кавказских бронз, хранящихся в Британском музее (№ 132619),

---

[1] Hančar F. Die Beile aus Koban in der Sammlumg Kaukasischer Altertümer//Wienner prähistorische Zeitschrift, XXX, Wien, 1934. S.12, t.1

[2] Sommerfeld W. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy//Światowit, tom XVII. Warszawa, 1938. S. 307-311.

[3] Sommerfeld W. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy//Światowit, tom XVII. Warszawa, 1938. S.308.

[4] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 130.

[5] Sulimirski T. Eine Kobaner Prachtaxt von Wionniza (Ukraine)//Mitteilungen der Antropoligischen Gesellschaft in Wien, XCII, 1962. S. 296-271 (Festschrft Fránz Hančar).

специалистами из этого учреждения[1]. Это орнаментированный клиновидный топор колхидского типа. О нем Ф. Ганчар писал, что находка была приобретена в 1959 г. и происходит, очевидно, из Кобани, но сам же рядом указал название района происхождения, так как, видимо, было записано в легенде к топору – Kuban-Transcaucasia, т.е. Кубань-Закавказье. Иными словами, район был указан совершенно приблизительно, и не исключал как Кубани, так и Закавказья (но совсем не Кобани, как таковой).

С другой стороны, отечественные специалисты проявили интерес к кобанским бронзам в Восточной Европе почти одновременно с представителями Запада. Так, А.А. Иессен перечислял находки кобанских топоров, найденные западнее Дона еще в середине 1930-х гг., а потом обращался к ним в конце 1940 г.: Купянск, Лубны, Киев и др.[2] [рис.3]. О том, что ученый выявлял указанные находки севернее основной территории их распространения, говорит и тот факт, что сведения о них хранятся и в архиве А.А. Иессена «Дон-1», л.460[3].

Постепенно назревала необходимость осмысления всего имевшегося фонда материалов колхидо-кобанского типа из Северного Причерноморья и шире, Восточной Европы. Еще в 1960 г. Е.И. Крупнов связывал ряд бронзовых сосудов с территории Украины с кавказскими находками (Жемтала, Пятигорск, Лечхуми и др.) и полагал, что прослеженные им особенности обработки цветных металлов свойственны широкому киммерийско-кавказскому культурному миру[4].

В 1970-х гг. А.Х. Халиков описал и опубликовал ранее выявленные находки колхидо-кобанских бронзовых топоров в Волго-Камье, обнаружив им аналогии в Тли, Сурмуши, Гудаутском районе Абхазии и др.[5].

Параллельно интересующая нас тема была затронута в книге А.И. Тереножкина «Киммерийцы»[6], в которой ученый указал на ряд находок кавказских бронз на территории Украины: бронзовые топоры колхидского типа из Аккермана (Белгорода-Днестровского) (о них ранее упоминал Т. Сулимирский), кобанские бронзовые ситулы с поселения у с. Жаботин, бронзо-

---

[1] Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. The British Museum Occasional Paper Number 121, 2002/John Curtis and Mirosław Kruszyński. Appendix on Metrallurgy by Alistar Pike/ Dreawings by Ann Searight. P. 38-39, 114.

[2] Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе//Известия ГАИМК, 120. – М.-Л., 1935. С. 165; Его же: Греческая колонизация Северного Причерноморья. – Л., 1947. С. 30.

[3] Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. – Армавир, 1996. С. 6. Прим. 30.

[4] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 129.

[5] Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VII вв. до н.э.). – М., 1977. С. 181.

[6] Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 223 с.

вые украшения, миска и т.д. кобанских типов из Залевкинского клада, бронзовая булавка из с. Хмельны и др.[1] [рис.8; рис.37, 1-2; рис.40; рис.60, 1].

В 1979 г. мы выступили с попыткой обобщения, основанной на сделанной нами подборке бронзовых топоров колхидо-кобанских типов, а также бронзовых сосудов, найденных в целом в Восточной Европе (включая территории не только Украины и Молдавии, но и Нижнего Дона, Волго-Камья и др.), определив хронологические рамки бытования здесь указанных категорий находок и приведя им аналогии из памятников Центрального Предкавказья, Абхазии, Западной Грузии[2].

В 1980-е – начале 1990-х гг. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, интерпретируя находки бронз южного происхождения в Волго-Камье (фрагменты бронзовых поясов) из Старшего Ахмыловского и Пустоморквашинского могильников, связали их происхождение с древностями кобано-колхидского, восточно-закавказского и урартийского круга, полагая, что они попали сюда в результате миграции т.н. геродотовых «отложившихся» скифов[3].

В конце 1990-х гг. рассмотрением причин появления колхидо-кобанских бронз, выявленных на территории Левобережной Украины, занялся С.В. Махортых. Он коснулся не только хронологического и морфологического аспекта их анализа, удревнив появление кобанских бронз на территории современной Украины до конца II – начала I тыс. до н.э. Ученый вслед за рядом авторов утверждал, что появление указанных бронзовых предметов было связано с деятельностью киммерийцев, а также внес в изучаемый вопрос новый аспект, предположив, что импорт бронзовых изделий с Кавказа был связан с упадком металлообработки в позднем бронзовом веке в Карпато-Подунавье и Северном Причерноморье[4].

В 1999 г. мы пришли к выводу о том, что значительная часть кавказского импорта в Восточной Европе относится к VIII–VII вв. до н.э. и может быть связана с киммерийскими походами в Закавказье и Западную Азию[5].

Не будем здесь касаться ряда более поздних работ, в которых рассматривались связи Северного Кавказа с Волго-Камьем, поскольку эта тема хотя и очень близка к рассматриваемой, но имеет собственную историографию. Укажем только, что нами и ранее и совсем недавно были просле-

---

[1] Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. С. 34, 72, 74, 97..

[2] Дударев С.Л. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции 3-6 декабря 1979 г. – Донецк, 1979. -С. 95-97.

[3] Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. С. 195-224.

[4] Махортых С.В. О северокавказских бронзах X-VIII вв. до н.э. с Левобережной Украины// Археологічний літопис Лівобережної України. 1-2/1998. С.23-25.

[5] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху – Армавир, 1999. С. 162.

жены новые свидетельства о торговом обмене и прямых этнических контактах между двумя этими регионами[1]. Ныне ясно, что Северный Кавказ (как и Кавказ в целом) имел постоянные связи и даже прямые контакты с Северным Причерноморьем и всем восточноевропейским ареалом. Питательной средой и стимулом для таковых являлись киммерийские и скифские походы на Северный Кавказ и в области, лежавшие к югу за Главным Кавказским хребтом.

Новым свидетельством вывоза бронзовых изделий колхидо-кобанского типа в Северное Причерноморье, и в немалой степени, в украинскую Лесостепь с Кавказа является недавняя находка двух бронзовых топоров в Харьковской области Украины, фотографии которых были выявлены автором на странице в YouTube от 15.10.20 с характерным названием «В поисках золота и старины»[2]. В ролике сообщалось не только о территории происхождения предметов, но и их размеры и вес. Опишем названные топоры.

Они имели обух с приплюснутой гвоздевидной «пяткой», рельефные углубления на «щеках», расширяющихся в средней части, выделенную овальную проушину, полуовальное, оттянутое назад, лезвие, поврежденное у обоих образцов (рис. 1, 1-3). У более крупного экземпляра корпус имеет впереди характерный «угол», отделяющий проушную часть от лезвийной. Длина экземпляров соответственно 20 и 18 см, весом 633 и 534 г. Предметы обнаруживают ряд близких аналогий в памятниках предскифского времени Северного Кавказа, на южном склоне Центрального Кавказа и в Восточном Причерноморье (Новочеркасский клад 1939 г., рубеж VIII–VII вв. до н.э.[3] [рис.1, 1]; «Кескемский» клад, конец VIII – начало VII в. до н.э.[4] [рис.2]; погр. 4 могильника «Индустрия» № 1 (не позднее рубежа VIII–VII вв. до н.э.)[5] [рис.148, 1]; гробница 3 могильника Терезе (вторая половина – конец VIII в. до н.э.)[6] [табл.18, 2], Жемталинский клад, конец VIII

[1] Дударев С.Л. Еще раз о связях Северного Кавказа с Волго-Камьем в эпоху раннего железа// Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. – Махачкала: Мавраевъ, 2020. С.215-217.

[2] Сам этот факт является еще одним свидетельством бурной деятельности «коллекционеров-копателей», которая, к сожалению, приобрела на просторах постсоветского пространства широкий размах.

[3] Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. XVIII. 1953. С. 51

[4] Дударев С.Л. «Кескемский» клад бронзовых предметов//Сборник научных работ С. Л. Дударева. – М.: Илекса, 2011. С.53.

[5] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху – Армавир, 1999. С.376.

[6] Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н.э. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск V). – М.: Памятники исторической мысли, 2004. С.148, 87.

в. до н.э.[1] [табл.XV, 2]; Гальский клад (Абхазия) (вторая половина VIII–VII вв. до н.э.[2] [рис.2, 1-3]. Особенно много их в Тлийском могильнике, где они отнесены Б.В. Теховым к неорнаментированным образцам II типа. Ученый относил большинство из них к VII–VI вв. до н.э.[3] Однако особое внимание мы ранее обращали на экземпляр из тлийского погр. 40, входящий в указанную группу топоров, найденный в комплексе с трофейным урартским бронзовым поясом, который и служит диагностирующим в плане датировки данного типа топоров. Особенности посадки изображенных на нем всадников сближены нами с манерой сидеть верхом на лошади у конников с ассирийских дворцовых ортостатов времён Шарру-кина (Саргона) II (722–705 гг. до н.э.)[4]. В свое время мы пришли к выводу, что большинство указанных топоров с описанными морфологическими чертами бытуют в Предкавказье в конце VIII – начале VII в. до н.э.[5] Полагаем, что новые находки с Украины входят в тот же временной диапазон. К сказанному можно добавить, что вся совокупность бронзовых предметов колхидо-кобанских типов с территории Северного Причерноморья выполняла, возможно, соответствующее утилитарное назначение в быту. Другое ее назначение – металлический лом для изготовления тех категорий бронзовых предметов, которые были более привычны для употребления жителями указанного ареала.

Список сокращений:

СА – Советская археология

Известия ГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.

---

[1] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 128, 132, 437.

[2] Воронов Ю.Н., Гунба Н.Н. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии //СА.1978. № 2. С. 259, 264.

[3] Техов Б.В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. – Тбилиси, 1988. С. 35–55.

[4] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху – Армавир, 1999. С. 165.

[5] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху – Армавир, 1999. С. 167.

Подрисуночная подпись – Рис.1. Бронзовые топоры кобанского типа из Харьковской области (Украина).

Архимандрит Дорофей (Дбар),
доктор богословия

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕТАЛИ ИЗ ЦЕРКВИ СЕЛА АНХУА

В Абхазском государственном музее (зал Средневековья) выставлены (на ноябрь 2018 г.) следующие архитектурные детали из с. Анхуа Гудаутского района Республики Абхазия (илл. 1, 2):

1) известняковая плита алтарной преграды со сценой Распятия Христа и надписями на греческом и картлийском (письмо асомтаврули)[1] языках (инв. кар. № 1938–2191, размеры: 77х75 см[2]);

2) известняковая плита алтарной преграды с изображением св. Георгия Победоносца (инв. кар. № 1938–506, размеры: 78,5х73 см);

3) известняковый столбик алтарной преграды с витой полуколонкой № 1 (размеры: 76х19 см);

4) известняковый столбик алтарной преграды с витой полуколонкой № 2 (размеры: 76х19 см);

5) фрагмент известнякового постамента предалтарного креста (верхняя часть) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры: 103х27 см);

6) известняковая модель церкви (размеры: 20,5х12 см)[3].

В фондах Абхазского государственного музея хранятся следующие архитектурные детали из с. Анхуа:

---

[1] Определение «картлийский» в отношении языка, официально использовавшегося с XI в. в рамках средневекового царства абхазов и картвелов, в наше время часто встречается в работах Дениса Чачхалиа, в том числе и в работе по истории храма Акуача в с. Анхуа [Чачхалиа, 2018, 22]. Мы согласны с данным уточняющим определением, поскольку, когда мы говорим о средневековом объединенном государстве абхазов и картвелов (грузин), речь может идти об языке одной из составных частей этого государства – Картли. Понятие «Грузия» и «грузинский язык» корректнее применять для более позднего исторического периода. Асомтаврули – это древнегрузинское письмо заглавными буквами.

[2] Здесь и далее размеры указаны в соответствии с данными наших обмеров.

[3] Данная архитектурная деталь выставлена вместе с фрагментами алтарной преграды из с. Анхуа. Однако из-за отсутствия сопроводительной надписи доподлинно не установлено, происходит ли она действительно из с. Анхуа. Любопытно, что модель церкви напоминает по архитектуре сохранившийся до наших дней основной корпус храма Акуача в с. Анхуа.

7) фрагмент известнякового постамента предалтарного креста (нижняя часть) с ктиторской надписью на картлийском языке (письмо асомтаврули) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры 126х21 см)[1];

8) известняковая архитектурная деталь с надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) (инв. кар. № 1938–542).

Е. Ю. Ендольцева в статье «Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)», опубликованной в 2019 г., подробно описывает следующие архитектурные детали из с. Анхуа:

1) плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия;

2) столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;

3) столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;

4) фрагмент постамента предалтарного креста (верхняя часть);

5) плиту со сценой Распятия;

6) фрагмент постамента предалтарного креста (нижняя часть);

7) архитектурную деталь с надписью[2].

Согласно инвентарным карточкам пять из семи вышеперечисленных архитектурных деталей – две плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа и с изображением св. Георгия Победоносца, два фрагмента постамента предалтарного креста и архитектурной детали с надписью – были доставлены в Абхазский государственный музей в 1938 г. из с. Анхуа (без уточнения из какой именной церкви) одним и тем же дарителем[3].

Хухут Бгажба (1914–2000) в работе «Из истории письменности в Абхазии» (Тбилиси, 1967) сообщает, что резной столб с надписью на асомтаврули (речь идет о нижней части постамента предалтарного креста), хранившийся в Абхазском краеведческом музее в Сухуме (в наше время Абхазский государственный музей), был найден краеведом И. Адзинба в 30-х гг. XX в.[4] Однако эта информация не соответствует действительности, поскольку столб или постамент, о котором идет речь в работе Х. Бгажба, был обнаружен монахами Ново-Афонского монастыря в последней четверти XIX в. (об этом ниже). Очевидно, Иосиф Адзинба (1901–1942) обнаружил постамент предалтарного креста и другие архитектурные детали из с. Анхуа позже, уже после закрытия Ново-Афонского монастыря. И именно этот

---

[1] Здесь размеры указаны в соответствии с данными Е. Ю. Ендольцевой [Ендольцева, 2019, 20–21].

[2] Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019), С. 17-21..

[3] Там же. С. 17-22.

[4] Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. – Тбилиси, 1967. С. 15-16.

факт нашел отражение в истории. В 1938 г. И. Адзинба передал находку в Абхазский краеведческий музей.

Одна из семи вышеперечисленных архитектурных деталей из с. Анхуа (плита со сценой Распятия Христа) имеет надписи на греческом и картлийском (письмо асомтаврули) языках. Еще две (нижняя часть постамента предалтарного креста и отдельная архитектурная деталь) имеют надписи только на картлийском языке (письмо асомтаврули), причем одна из надписей – это большая ктиторская надпись.

Впервые фото известняковой плиты со сценой Распятия Христа (ил. 3) вместе с фотографиями плиты с изображением св. Георгия Победоносца и нижней части постамента предалтарного креста были опубликованы в 1899 г. в новом, значительно измененном и дополненном издании известной работы архимандрита Леонида (Кавелина) «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», реализованном иеросхимонахом Нифонтом (Четвериковым)[1]. Под всеми четырьмя фото с изображениями артефактов из с. Анхуа сопроводительная надпись: «Из развалин близ монастырского хутора около селения Анухва»[2].

Следует обратить внимание, что на фотографии, опубликованной в новом издании книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1899 г.), видно, что расколотая на три части плита со сценой Распятия Христа из с. Анхуа сохраняла утерянный в наше время фрагмент верхнего левого угла (ср. ил. 3 и 4).

К сожалению, в вышеназванной книге не уточняется, о каких именно «развалинах» идет речь. При этом вышеприведенная сопроводительная надпись позволяет уверенно говорить, что все три архитектурные детали из с. Анхуа – плита со сценой Распятия Христа и надписью на греческом и картлийском (письмо асомтаврули) языках, плита с изображением св. Георгия и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписью на картлийском языке (письмо асомтаврули) – действительно происходят из одной церкви.

Мы полагаем, что, вероятнее всего, под словом «развалины» в сопроводительной надписи под всеми четырьмя фотографиями с изображениями рассматриваемых артефактов из с. Анхуа, опубликованной в новом и

---

[1] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. – М., 1899; Кащеев А. А. История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русско-Византийский вестник, 1 (2018). С. 123; В книге «Искусство Абхазского царства VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, 2011 г.) в качестве автора расширенного и дополненного издания работы архимандрита Леонида (Кавелина) 1899 г. указан Иван Никифоров [Искусство Абхазского царства, 2011, 258].

[2] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. – М., 1899. С. 140, 142, 148.

дополненном издании книги архимандрита Леонида (Кавелина), подразумеваются руины храма Акуача с. Анхуа.

В пользу данной гипотезы приведем следующие аргументы.

1. Во всех изданиях работы архимандрита Леонида (Кавелина) сообщается о «развалинах» только одной древней церкви в с. Анхуа[1]. В этих же изданиях впервые публикуется выполненная с фотографии С. Бохонова литография с видом этой церкви. Фотография подписана: «Развалины храма в бывшем абхазском селении Ануха, в области Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря»[2].

Внимательное изучение данной литографии не оставляет сомнений, что на ней запечатлен храм Акуача в с. Анхуа.

2. Относительно «монастырского хутора около селения Анухва», близ которого находились развалины, откуда, собственно, и происходили фрагменты алтарной преграды и постамент для креста, следует прояснить следующее. Архимандрит Леонид (Кавелин), посещавший Ново-Афонский монастырь летом 1884 г., в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» дал описание своего восхождения на Анакопийскую гору. По сообщению этого автора, от первой угловой башни Анакопийской крепости «разделенная дорога ведет к северу вглубь горной части монастырских владений, разделяясь на две ветви, из которых одна идет по течению упомянутого потока (р. Мысра или Мсыра. – *о. Дорофей*) к северо-восточному углу монастырского участка, к тому месту, где предполагается устроить уединенный скит (речь идет о ските св. Иоанна Крестителя, в этом же районе и находятся руины рассматриваемого нами храма св. Георгия. – *О. Дорофей*)<…>. Другая ветвь ведет через опустевшее в последнюю войну (имеется в виду Русско-турецкая война 1876–1877 гг. – *о. Дорофей*) абхазское селение Ануха (Анхуа; автор имеет в виду дорогу в сторону пос. Акуача. – *о. Дорофей*) с сохранившимися фруктовыми садами, мимо монастырской пасеки и живописного холма, на вершине которого, среди дикой растительности, виднеются развалины древнего храма. Эта дорога приводит к стоящему между горами в юго-восточном углу горной части монастырских владений монастырскому хутору»[3].

---

[1] Леонид Кавелин. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А. Л. [Архимандрит Леонид]. М., 1885. С. 52-53; Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. – М., 1899. С. 117-118.

[2] Там же. С. 112; 150.

[3] Леонид Кавелин. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А. Л. [Архимандрит Леонид]. – М., 1885. С. 52-53; Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. – М., 1899. С. 117-118.

Из только что приведенного сообщения следует, что «монастырский хутор» находился вблизи развалин храма Акуача.

3. В. И. Стражев (1879–1950) в работе «Руинная Абхазия», опубликованной в 1925 г., полагает, что вышеуказанные фрагменты алтарной преграды из с. Анхуа были найдены в развалинах храма, о котором сообщает архимандрит Леонида (Кавелин), т.е. в церкви Акуача. Этот же автор писал, что «в ближайшем будущем» предполагалась их передача в Музей Абхазского научного общества (совр. Абхазский государственный музей)[1].

К сожалению, В. И. Стражев не уточняет, где именно в его время находились интересующие нас архитектурные детали из с. Анхуа. Возможно, они уже могли находиться и в Ново-Афонском монастыре.

В этом отношении любопытно сообщение А. С. Башкирова (1885–1963). Названный автор в работе «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.», говоря о храме св. апостола Симона Кананита в Новом Афоне, сообщает следующее: «Около храма обнаружены древние архитектурные орнаментальные фрагменты, сложенные в кучу. Они должны быть вывезены в Музей Абхазского научного общества. (Ряд памятников с интересными рельефными композициями хранятся на большой монастырской колокольне)»[2].

Отметим также, что храм Акуача в с. Анхуа[3] дошел до нашего времени в лучшем состоянии, чем все остальные средневековые церкви с. Анхуа. Его стены сохранились практически на высоту под самый свод постройки. Поэтому храм Акуача и сегодня, и в XIX в. был хорошо обозреваем. По этой причине о нем знали как монахи Ново-Афонского монастыря, так и отдельные исследователи втор. пол. XIX и нач. XX в., описывавшие памятники культуры Нового Афона и его окрестностей.В отношении других четырех средневековых храмов с. Анхуа, находящихся в руинированном состоянии, того же сказать нельзя. Их стены сохранились на высоту максимум до одного метра от уровня земли. Плюс к этому все они были спрятаны под дикой растительностью, проросшей вокруг них.

Вышеизложенное свидетельствует, что фрагменты алтарной преграды и постамент предалтарного креста с надписями на греческом и на картлийском (письмо асомтаврули) языках из церкви с. Анхуа, частично выставленные сегодня в Абхазском государственном музее, не могли, вопреки сообщениям Вианора Пачулиа (1929–1988), происходить из храма св.

---

1 Стражев В. И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества, 1 (1925). С. 147.

2 Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.– Сухум, 1926. С.52.

3 Чачхалиа Д. К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). – М.: АКВА-Абаза, 2018.

Георгия в пос. Агца с. Анхуа, равно как и из храма в пос. Бжылуа (Веселовка) с. Анхуа[1].

Вышеуказанные версии В. Пачулиа впоследствии нашли отражение в работах А. Ю. Виноградова, Д. В. Белецкого и Е. Ю. Ендольцевой[2].

Что касается датировки архитектурных деталей из церкви в с. Анхуа, то часть из них исследователи относят к рубежу X–XI вв., часть – к XI в.[3].

А непосредственно плиту алтарной преграды со сценой Распятия Христа и надписями на греческом и картлийском (письмо асомтаврули) языках, Рене Шмерлинг (1901–1967) датирует первой половиной XI в.[4] С ее мнением соглашаются и другие специалисты[5]. Е. Ю. Ендольцева считает вероятным, что все перечисленные в ее статье архитектурные детали из с. Анхуа (см. выше), схожие по стилю и характеру украшений, являются (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста) частями одной и той же алтарной преграды. Она датирует их рубежом X–XI вв.[6].

В 2020 г. в Москве вышла большая монография Е. Ю. Ендольцевой «Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.)». Все сведения об интересующих нас архитектурных деталях из с. Анхуа,

---

[1] Пачалиа В. Анхуа ақытантәи абаҟақәа// Алашара, 6 (1962). Ад. 80; Пачулия В. Новый Афон. Путеводитель. – Тб., 1964. С. 37; Его же.: Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. – М.: «Наука», 1968. С. 67.

[2] Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. – М.: Индрик, 2015. С. 96-97; Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019). С.17-22.

[3] Шмерлинг Р. О.Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. – Тбилиси, 1962. С. 109-111; Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. – Тбилиси, 1967. С. 15-16.; Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды Абхазского государственного музея, 4 (1974). С. 176–185; Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С.96; Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019). С.17–22; Ее же.: Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. – М.: ИВ РАН, 2020. С.189–190; 205–211; Чачхалиа Д. К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). – М.: АКВА-Абаза, 2018. С. 18-27.

[4] Шмерлинг Р. О.Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. – Тбилиси, 1962. С. 158–159.

[5] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 96.

[6] Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019). С. 17–22.

приведенные во второй главе данной книги (глава называется «Крупные лапидарные коллекции»), практически идентичны с теми, что были приведены в вышерассмотренной статье названной исследовательницы[1]. Незначительные дополнения касаются фрагмента постамента предалтарного креста (верхняя часть): Е. Ю. Ендольцева пишет, что среди его ближайших территориальных аналогий – фрагмент столба из Лоо (кат. Лоо № 1) и плиты со сценой Распятия Христа, к чему она дает следующее пояснение: «S-образный орнамент, украшающий поля этой плиты, имеет многочисленные аналогии в архитектурной пластике Закавказья, начиная с X–XI вв. Среди территориально близких – резной блок из Малого Ахуна, фрагмент алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 2), фрагмент первоначального храма в церкви в Бедиа (кат. Бедиа № 4) и др. Авторы недавно вышедшего каталога грузинской средневековой скульптуры также упоминают эту плиту, правда, в качестве почему-то единственного фрагмента алтарной преграды из Анухвы. По вопросу о датировке этой плиты они согласны с Р. О. Шмерлинг»[2].

Действительно, в каталоге грузинской средневековой скульптуры (Medieval GeorgianSculpture), составленной Т. Дадиани, Т. Хундадзе и Е. Лвачатадзе и изданной в 2017 г., относительно плиты со сценой Распятия Христа из с. Анхуа говорится следующее: «Crucifixionisrepresentedontheo nlyplaqueofAnukhvachancel-barrier (11thc.). The relief is characterized by the traditional iconography and plastic-voluminous style»[3].

Теперь перейдем к рассмотрению самой греческой надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из церкви в с. Анхуа.

Л. Г. Хрушкова в работе «Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв.» (Тбилиси, 1980 г.), впервые обращая внимание исследователей на надписи, сделанные на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из с. Анхуа, отмечает следующее: «Сочетание греческой (для обозначения сюжета) и грузинских надписей (для действующих лиц) на плите с Распятием из Анухвы – тоже довольно редкая особенность, которая в грузинских памятниках известна лишь на алтарной преграде из Шио-Мгвиме (XI в.)»[4].

Заметим, что надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из с. Анхуа, сделанные письмом асомтаврули, не говорят нам на

---

[1] Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. – М.: ИВ РАН, 2020. С.205-211.

[2] Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 207–208.

[3] DadianiT., KhundadzeT., KvachatadzeE. MedievalGeorgianSculpture. – Tbilisi: Cezanne, 2017. С. 236.

[4] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв. – Тбилиси: «Мецниереба», 1980. С. 96.

самом деле о действующих лицах (за исключением надписи на табличке, расположенной на самом верху креста). Они так же как и греческая надпись, сообщают нам о сюжете (см. ниже).

Е. Ю. Ендольцева в своей вышеуказанной статье говорит о надписях на картлийском языке (письмо асомтаврули), сделанных на нижней части постамента предалтарного креста и еще одной архитектурной детали из с. Анхуа [Ендольцева, 2019, 21–22]. При этом она вообще не упоминает о надписях (в том числе и на греческом языке) на плите со сценой Распятия Христа.

Д. Чачхалиа в отношении надписей на греческом и картлийском языках на плите со сценой Распятия Христа отмечает, что в данном случае внимание специалиста привлекает не содержание, а двуязычность надписей.

«До конца X в.,– поясняет названный исследователь, – в Абхазском царстве языком письменности был греческий, но с начала XI в., возможно, в связи с резким обострением отношений с Византией Абхазия будто отказывается от употребления греческой грамоты и заменяет ее грамотой картлийской. В переходный период в стране употреблялись обе грамоты. Подписи к фрескам в Лыхненском храме – тому подтверждение. Они выполнены на двух официальных (стоит уточнить, письменных! – *о. Дорофей*) языках Абхазского царства: на отходящем в прошлое греческом, и на новом – картлийском.Этот билингвизм мог возникнуть, как я уже отмечал, на фоне военно-политического противостояния между Византийской империей и Абхазским царством в первой половине XI в. Потому греко-картлийские дублирующего свойства надписи можно рассматривать, в известной степени, как датирующий фактор. Однако этот фактор не был универсальным и аксиоматичным. Бывали также исключения, как например, греко-картлийские надписи к фрескам в Цаленджихе, относящиеся к концу XIV в.»[1].

К сожалению, ни один из исследователей, изучавших архитектурные детали из с. Анхуа, не приводит самого текста (хотя речь идет лишь об одном слове) греческой надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа. Равно как ни один исследователь не приводит и текста надписи на картлийском языке (письмом асомтаврули) на той же плите.

Со своей стороны отметим, что надпись на греческом языке, сделанная на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из церкви с. Анхуа (ил. 5), состоит всего лишь из одного слова, написанного заглавными буквами, но при этом с артиклем и надстрочными знаками придыхания и

[1] Чачхалиа Д. К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). – М.: АКВА-Абаза, 2018. С. 22-23.

ударения, что не характерно для греческой заглавной письменности. Это слово следующее: ἩCΤΑVPωCIC[1]. В переводе с греческого – Распятие.

Некоторые особенности надписи: 1) артикль женского рода ἡ в отличие от всех последующих букв вырезан в объемной форме, что очень странно; 2) над тем же артиклем женского рода ἡ наблюдается знак густого греческого придыхания со знаком острого греческого ударения (то, что называется Δασεία-Οξεία) – ἥ; 3) знак острого ударения над диграфом αυ в самом слове стоит над ά; 4) ближе к концу слова размеры букв уменьшаются.

Кроме того, в глаза бросается искажение композиционного расположения надписи, которая сдвинута влево относительно Распятия Христа. Так же фигура св. Иоанна Богослова максимально удалена от Распятия в отличие от зеркально расположенной фигуры Богородицы.

Ниже греческой надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из церкви с. Анхуа (ил. 5) мы имеем и несколько надписей на картлийском языке (письмо асомтаврули). Первая из них сделана в две строки на табличке, расположенной на самом верху Распятия. Она гласит: ⴑⴚⴑⴘⵖⴖⵖⵁⵆⵖⴏⵃⴑ (Сей царь Иудейский). Чуть ниже, слева от головы распятого Христа, надпись –ⵋⵃⴊⵖⵏⵒⵖⵃⴑ (Распятие), справа – ⵜⴊⵖⵏⵒⵖⵏⵖ (Христово). Два последних слова при написании сокращены.

Относительно надписей на картлийском языке (письмо асомтаврули) также замечу, что и им присущи композиционные искажения, особенно надписям, которые расположены по сторонам от головы Спасителя. Разница особо контрастирует в сравнении с аккуратной композицией текста и четкостью изображения букв на ктиторской надписи на постаменте предалтарного креста из той же церкви.

Таким образом, обе надписи на рассматриваемой плите алтарной преграды из с. Анхуа обозначают Евангельский сюжет Распятия Иисуса Христа. С левой стороны от креста мы видим фигуру Пресвятой Богородицы в рост, с правой стороны – апостола Иоанна Богослова также в рост. Обе эти фигуры без каких-либо сопроводительных надписей. В верхней части плиты, с обеих сторон, видны фигуры ангелов, изображенные по пояс.

В завершение обозначу ряд вопросов, которые требуют в дальнейшем дополнительных исследований. Они связаны (и об этом писала Л. Г. Хрушкова (см. выше) с довольно редкой особенностью сочетания греческого и картлийского (грузинского) письма на одном памятнике, как это представлено и на рассматриваемой нами плите из с. Анхуа.

Почему на одной и той же плите алтарной преграды из церкви с. Анхуа мы имеем надпись на двух языках? При этом на второй плите из той

[1] ΗΣΤΑΥΡΩΣΙΣ – заглавными буквами современной греческой орфографии, ἡσταύρωσις – прописными буквами современной греческой орфографии.

же алтарной преграды церкви с. Анхуа с изображением св. Георгия надписи вообще отсутствуют. Хотя, как отмечает Ренэ Шмерлинг, отсутствие обозначении имени св. Георгия на алтарных плитах с его изображением – обычное явление[1].

Надписи сделаны одновременно с изготовлением самой плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа или они могли появиться позже?

Сами надписи на двух языках были сделаны одновременно? Либо одна из них первична, а другая – вторична? И какая из надписей может быть изначальной, первичной?

Напомню, что Е. Ю. Ендольцева, говоря о вероятности факта, что все известные архитектурные детали из с. Анхуа, схожие по стилю и характеру украшений, являются (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста) частями одной и той же алтарной преграды, датирует их рубежом X–XI вв. В то время как постамент предалтарного креста с большой ктиторской надписью на картлийском языке (письмо асомтаврули) из с. Анхуа, Л. Шервашидзе относит ко времени не ранее и не позднее XI в.[2] Р. Шмерлинг на основе искусствоведческого анализа дает разную датировку и самим двум плитам алтарной преграды с изображениями сцены Распятия Христа и св. Георгия из с. Анхуа. Однако последняя исследовательница также полагала (как оказалось, ошибочно), что эти плиты – из разных храмов Абхазии[3].

Чтобы получить ответы на поставленные вопросы, в дальнейшем необходимо провести палеографический анализ греческой надписи. Это позволит уточнить датировку и самих надписей как на греческом, так и на картлийском (письмо асомтаврули) языках, и алтарной преграды из церкви в с. Анхуа.

---

[1] Шмерлинг Р. О.Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. – Тбилиси, 1962. С. 109.

[2] Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды Абхазского государственного музея, 4 (1974). С. 182-183.

[3] Шмерлинг Р. О.Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. – Тбилиси, 1962. С. 109-111, 158-159.

Алтарная преграда из с. Анхуа. Абхазский государственный музей. 2018 г.

Постамент предалтарного креста (верхняя часть) из с. Анхуа. Абхазский государственный музей. 2018 г.

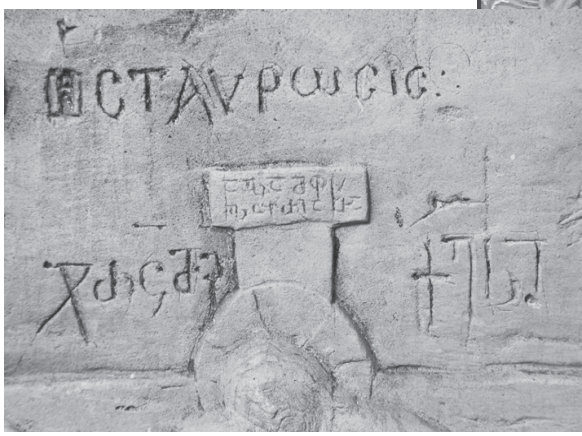
Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія Анухва.

Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія Анухва.

Плита со сценой Распятия Христа и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписями на греческом и на картлийском (письмо асомтаврули) языках. Из книги: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. – М., 1899.

Плита со сценой Распятия Христа из с. Анхуа. Абхазский государственный музей. 2018 г.

Надписи на греческом и на картлийском (письмо асомтаврули) языках на плитеалтарной преграды со сценой Распятия Христа из с. Анхуа. Абхазский государственный музей. 2018 г.



В.Р. Эрлих
Москва

МОГИЛЬНИК «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ» – НОВЫЙ ПОСТДОЛЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА[1]

Аннотация: В докладе кратко представлены результаты начала исследования археологического комплекса у ст. Севастопольской (Республика Адыгея), открытого разведками в 2019 г. и состоящего из поселения и дольменно-курганного могильника. В 2020 г. был исследован один курган (Севастопольский-35), представляющий ящик-раму под каменной насыпью и один вторично использованный дольмен (Севастопольский-41). Автор относит открытые объекты к так называемым постдольменным памятникам эпохи средней бронзы (период Шушук-I) и предварительно датирует XXVIII–XXIV вв. до н.э.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эпоха средней бронзы, поселение, дольмены, постдольменные памятники

Дольмены Западного Кавказа широко известны, если не сказать знамениты. История их изучения длится уже не одно столетие. В то же время существование дольменной культуры, начало и конец практики сооружения мегалитических конструкций на Кавказе до сих пор вызывают дискуссию. Причина этого коренится в тотальном разграблении содержимого дольменов, а также в том, что эти сооружения многократно использовались для погребений местного населения в более позднее время.

Основным «базисом» для понимания хронологии мегалитических памятников в предгорьях Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы сейчас являются материалы эталонного постдольменного археологического комплекса Шушук (далее – АКШ), открытого в 2015 гг. у пос. Победа в Майкопском районе Адыгеи. Эти материалы позволили выделить новый вид погребальных конструкций, названых нами ящиками-рамами. В данных сооружениях использовались плиты разобранных дольменов, поэтому первоначально они были датированы финалом

[1] Написано при поддержке гранта РФФИ 19-09-00100 .

бронзового века[1]. Последующие раскопки памятника, изучение этих материалов, получение значительной серии радиоуглеродных дат показали, что «постдольменная» традиция возникает гораздо раньше, ещё в эпоху средней бронзы.

В результате анализа многочисленных находок из погребальных сооружений и поселения была предложена периодизация АКШ, включавшая три периода, один из которых относится к среднему бронзовому веку (период Шушук I), а два других – к первой и второй половине эпохи поздней бронзы (периоды Шушук II и Шушук III)[2]. Дальнейшее изучение материалов эпохи средней бронзы позволило разделить период Шушук I на две хронологические группы, датирующиеся сейчас XXVIII–XXVII и XXVI–XXIV вв. до н.э.[3] Эти горизонты АКШ мы предлагаем обозначить как подпериоды Шушук IA и Шушук IБ.

Сейчас на АКШ исследовано более 30 различных по обряду постдольменных конструкций. К «постдольменным» мы относим всё разнообразие погребальных конструкций эпохи средней и поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа со времени начала вторичного использования дольменов и их деталей, т.е. памятники, которые оставили *не строители дольменов*.

В могильнике АКШ доминирующей погребальной конструкцией являются ящики-рамы. Они характерны для всех периодов существования могильника. Однако в каждом периоде имеются свои особенности. В ящиках-рамах первых двух периодов (Шушук I и Шушук II) встречаются вторично использованные плиты дольменов. В единственном обнаруженном погребении – объект Шушук-53 периода Шушук III (финал поздней бронзы) ящик-рама была сделана из крупных камней известняка. В период Шушук II в двух случаях встречались комбинированные ящики-рамы в ямах-промоинах, в конструкции которых вместе с фрагментами дольменных плит использовались и деревянные плахи. Одно погребение совершено в полностью деревянной раме (объект Шушук-51, п. 3 – предположительно период Шушук-IБ).

В АКШ встречаются и другие виды погребальных конструкций. Это вторично использованные дольмены – объект Шушук-75, п. 2 (период Шушук-

[1] Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 7–24.

[2] Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). – Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 161–165.

[3] Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А. Погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук // Археологические вести. 2020. Вып. 27. С. 253–278.

IA) и, предположительно, объект Шушук-50 (периоды Шушук-II и Шушук-III); промоины в материковом гипсе – Шушук-57 (период Шушук-IБ); промоины в глинистом материке – Шушук 52 новый.

Поскольку сооружение ящиков-рам началось не позже XXVIII в. до н.э. и длилось, по крайней мере, до XII в. до н.э., остаётся признать, что сам по себе термин «постдольменный горизонт», предложенный ранее одним из авторов этой статьи[1], оказался не вполне удачным. «Горизонт» в археологии – нечто менее продолжительное, чем период, занимающий большую часть эпохи средней и поздней бронзы. Пока у нас нет и веских причин для выделения на основании материалов одного, пусть и эталонного памятника особой «постдольменной» археологической культуры. Однако нельзя говорить и о полной уникальности погребений археологического комплекса Шушук. В предгорьях Северо-Западного Кавказа известны погребения и поселения, материалы которых имеют сходство с материалами разных периодов АКШ. Так, например, во время разведок 1964 г. на дольменном комплексе «Богатырская поляна» у станицы Новосвободной П.У. Аутлев раскопал погребение в ящике-раме из плит песчаника, где была обнаружена подвеска из «зуба мудрости оленя» и ряд каменных орудий[2] [рис. 2, *14–23*; 3; 4]. Полученные им материалы вполне сопоставимы с периодом Шушук – I.

Керамика и изделия из металла погребений АКШ начала поздней бронзы периода Шушук-II (XVIII–XV вв. до н.э.) чрезвычайно близки содержимому вторично использованных дольменов, исследованных неподалеку А.Д. Резепкиным в 2010–2013 гг. [4–5][3], а также погребения 1 Гавердовского могильника близ Майкопа, совершённого в ящике-раме[4] [рис. 5]. Близкое сходство показало и изучение состава металла из этих погребений. Для них прослеживается следующая корреляция: украшения изготавливались уже из оловянной бронзы (древнейшей на Северо-Западном Кавказе), а орудия труда – из мышьяковой[5].

---

[1] Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 7–24.

[2] Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. – Майкоп, 1972. С. 50,51,53

[3] Отметим, что проведённое исследователями Курчатовского института сравнение мит-ДНК индивидуумов из коллективных погребений периода Шушук–I (средняя бронза) и из вторично использованных дольменов периода Шушук–II (начало поздней бронзы), расположенных неподалеку и исследованных А.Д. Резепкиным, не показали родства по материнской линии [8, с. 50–52; 15].

[4] Эрлих В.Р. Финал поздней бронзы в предгорьях Адыгеи. SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. – М.: МАКС Пресс, 2019. С. 240.

[5] Эрлих В.Р., Болелов С.Б. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д.С. Коробов. – М.: ИА РАН. 2014. С. 211–215.

К другим постдольменным комплексам Северо-Западного Кавказа периода Шушук-II следует отнести и ряд погребений, совершённых в дольмене Колихо и каменном ящике могильника Гнокопсе, где имеются горшки на кольцевых поддонах со сходной орнаментацией, а широкие радиоуглеродные даты с общим диапазоном 1850–830 cal BC (1σ)[1] [табл. 1] захватывают хронологический интервал периода Шушук-II. Кроме того, в верхнем слое энеолитического поселения Мешоко в 1958 г. были обнаружены три погребения (двух взрослых и ребёнка), предположительно отнесённые исследователями к эпохе поздней бронзы. Два вытянутых погребения взрослых имели юго-западную ориентировку и сопровождались металлическим инвентарём характерным для периода Шушук-II: в погребении – 1 это была спиральная пронизь-накосник, а в погребении – 3 – височное кольцо и бронзовое шило[2] [рис].

Имеют ряд соответствий и материалы из погребения и слоя поселения археологического комплекса Шушук финала бронзового века (период Шушук-III): это керамика поселения Деметра у ст. Ханской[3], а также Абадзехского поселения, открытого разведками П.У. Аутлева[4].

Таким образом, проведённый поиск по литературным и архивным источникам соответствий материалам АКШ позволил выделить постдольменные памятники различных периодов, в разное время обнаруженных в Майкопском районе Республики Адыгея и Туапсинском районе Краснодарского края.

Экспедиционная часть проекта

Основными задачами экспедиционной части проекта также были целенаправленный поиск и исследование в окрестностях АКШ сходных постдольменных памятников. Сезон 2019 г. был полностью посвящён разведкам. В окрестностях станицы Абадзехской одним из направлений стал

---

[1] Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западном Кавказе // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. – СПб.: Периферия, 2012. С. 100–107.

[2] Столяр А.Д., Формозов А.А. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья: Отчёты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. – СПб: Государственный Эрмитаж, 2009. С.13, 14, 28.

[3] Эрлих В.Р., Болелов С.Б. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д.С. Коробов. – М.: ИА РАН. 2014. С. 211–215.

[4] Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. – Майкоп, 1972. С. 52-59.

поиск Абадзехского поселения. В публикации и отчёте П.У. Аутлева упоминалась керамика с «валиками», характерная для поселения Шушук[1]. Опираясь на привязку, данную первооткрывателем поселения к станице Абадзехской, мы обследовали земельный участок, располагающийся на северной окраине станицы, где и удалось обнаружить поселение, однако не то, что открыл Аутлев. Обильный материал из двух шурфов этого поселения, которому было присвоено наименование поселение «Абадзехское-1», относился к раннему железному веку – меотской археологической культуре и датировался IV–I вв. до н.э.[2] Не увенчался успехом и поиск ящиков-рам на «Богатырской поляне», с которой за прошедшие почти 60 лет со времени разведок П.У. Аутлева, исчезла и «аллея дольменов».

Зато сплошные разведки этого сезона в окрестностях АКШ принесли удачу. В 6 км к северу от него, южнее ст. Севастопольской был выявлен **археологический комплекс «Севастопольский»**, состоящий из курганно-дольменного могильника «Севастопольский-1» (121 объект археологического наследия) площадью около 10 га и поселения площадью 2,33 га (рис. 1). Поселение «Севастопольское-1» находится в 1,85 км от ст. Севастопольская), располагаясь на левом берегу р. Каменка, на поляне Бикет, у дороги от ст. Севастопольская к п. Победа, на небольшом холме. Комплекс имеет подовальную форму, вытянутую вдоль дороги по направлению север-юг, с пологими склонами и слабо выраженным подножием. Восточной границей поселения является глубокий овраг, на юге – опушка леса, на западе –грунтовая дорога, на севере – курган «Севастопольский-1».

Для установления границ насыщенности и глубины культурного слоя поселения были заложены 8 шурфов. В частности, из шурфа 6 происходят 16 находок – фрагменты стенок лепных сосудов, а из шурфа 7 – 51 находка – фрагменты стенок лепных сосудов и кремневые отщепы, а также 13 фрагментов диафизов трубчатых костей конечностей крупного и мелкого рогатого скота, лошади или свиньи. Исходя из стратиграфии полученных разрезов и глубины залегания находок, можно заключить, что глубина культурного слоя поселения составляет 90 см. Многочисленные фрагменты лепных сосудов, тесто которых характерно для керамики эпохи бронзы, а также близость расположения крупного курганно-дольменного могильника позволили предварительно датировать поселение «Севастопольское-1» III–II тыс. до н.э. и считать его синхронным могильнику[3]. Однако более точ-

[1] Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. – Майкоп, 1972. С. 52-59.

[2] Годизов Г.Л. Новые памятники археологии в Адыгее // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 58, 59.

[3] Годизов Г.Л. Новые памятники археологии в Адыгее // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 59.

ную дату поселению дал уголь из второго штыка шурфа 6 – ($IGAN_{AMS}$ 8971) 3860±20 BP – cal BC 2411- 2281 с вероятностью 2σ (95,4%). Таким образом, материалы этого штыка можно отнести к периоду Шушук-IA.

Курганно-дольменный могильник «Севастопольский-1» находится в 1,13 км на юго-запад от ст. Севастопольская. Могильник располагается на левом берегу р. Каменка, частично на поляне Бикет и большей частью – севернее её, в лесу. Он вытянут по направлению север-юг вдоль грунтовой дороги, идущей от ст. Севастопольская к п. Победа. Уже предварительный осмотр залесенной части могильника выявил его близкое сходство с остатками погребальных сооружений АКШ. Здесь чередовались небольшие каменные курганчики и остатки мегалитов – разрушенных дольменов с плотной забутовкой камнем внутреннего пространства погребальных камер. В этом же сезоне был снят топографический план всего археологического комплекса и намечены два характерных объекта для последующего исследования: один небольшой курган с каменной наброской – курган «Севастопольский-35» и один разрушенный дольмен с каменной забутовкой – «Севастопольский-41». Раскопки этих объектов были проведены в 2020 г. под руководством В.Р. Эрлиха.

Курган «Севастопольский-35» находился в южной залесенной трети могильника. Объект представлял собой слабо задернованный каменный курганчик диаметром около 8 м и высотой 0,5 м. Объект раскапывался вручную с оставлением двух бровок, ориентированных по сторонам света. На первом уровне расчищались камни по поверхности (рис.2) и был выявлен ящик-рама подквадратной формы из крупных плит известняка (погребение 1) с размерами 2,5 × 2,5 м. Ящик был ориентирован по сторонам света с незначительным смещением, а также был несколько смещён от центра кургана к юго-западу и имел галечное заполнение. Сама каменная наброска (насыпь) состояла как из крупных камней известняка, так и из гальки среднего размера. При её разборе обнаружены каменное орудие (рис. 3,*1*) и фрагменты стенок лепных сосудов. На втором уровне расчистки были удалены камни наброски до уровня материковой гальки и оставлены только плиты ящика-рамы и крупные камни известняка. В наброске также встречались фрагменты лепной коричнево-глиняной керамики.

Погребение. Ящик-рама был сложен из шести крупных плоских плит известняка (некоторые раскололись) и ориентирован по сторонам света с отклонением около 15°. Верхняя поверхность плит находилась на глубине 13–18 см от центра кургана. Внутреннее пространство ящика-рамы имело продпрямоугольную форму с длинной осью по линии З–В и размерами 1,3 × 1 м (рис.4). В ящике-раме были обнаружены мелкие фрагменты костей (возможно, специально раздробленных), принадлежавших не менее 8 погребённым. Число погребённых было установлено по скоплениям зу-

бов (черепные кости были раздроблены), лежащих в разных частях ящика. Дно ящика было выложено плитками жёлтого песчаника, уложенными на галечный материк. Вне всякого сомнения, кости помещались в ящик-раму после того, как они были очищены от мягких тканей. Таким образом, сам ящик-рама представлял собой оссуарий – костехранилище. Среди костей внутри ящика-рамы были обнаружены фрагменты керамики (рис.3,*2*), подвеска из клыка животного и три подвески из моляра оленей (рис.3,*3*). Подобные украшения в сочетании с ящиком-рамой позволяют достаточно уверенно отнести данное погребение к постдольменным памятникам периода Шушук-I[1] [рис. 1] и предварительно датировать XXVIII–XXIV вв. до н.э. Более точная дата может быть установлена после получения результатов ams-датирования.

Объект «Дольмен Севастопольский-41»

Этот объект находился в 22 м к северу от исследованного кургана. Он представлял собой разрушенный дольмен с каменной наброской внутри и был вытянут по линии С–Ю: размеры по поверхности – 8 × 6 м, при высоте 0,8 м. Пространство между плитами плотно заложено камнями. Плиты и камни наброски были частично задернованы. Объект расчищался как архитектурное мегалитическое сооружение с удалением дёрна, гумусированного суглинка и мелких камней наброски и оставлением на месте крупных дольменных плит и крупных их обломков. Расчистка объекта производилась по двум уровням. Первый представлял собой поверхностную расчистку с удалением дрена и обнажением всех камней (рис.5). Второй уровень расчистки представлял удаление всех мелких камней и обломков до уровня материковой гальки.

Первый уровень расчистки обнажил плиты и заполнение между ними. Очевидно, что обломки плит передавали общий подпрямоугольный контур дольмена, который был ориентирован осью по линии С–Ю и имел приблизительные размеры 4 × 3 м. In situ находилась лишь расколотая южная пяточная плита, имевшая паз шириной до 25 см и глубиной до 10 см. Крайняя северная мощная плита, лежавшая на поверхности, скорее всего, была покровной. За пределами плит дольмена к востоку на глубине 10–19 см обнаружены фрагменты стенок сосуда. Здесь же на глубине 20 см найдена костяная проколка (рис.6, *1*). У внешнего края южной пяточ-

[1] Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). – Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 163.

ной плиты также найдены фрагменты керамики. У внутреннего края этой плиты при расчистке по поверхности камней наброски внутри дольмена найдены фрагменты венчика и стенок сосудов.

На втором уровне расчистки объекта были обнаружены к востоку от внешнего северо-восточного угла дольмена кремневый отщеп, а к юго-востоку от покровной плиты – каменный отбойник (рис.6,*2*). Нивелировка материка показала, что первоначально дольмен был расположен на небольшом естественном выходе материковой гальки, высотой до полуметра.

Заполнение внутренней части дольмена чистилось, как погребение, также по нескольким уровням. На первом уровне расчистки были удалены камни заклада по поверхности. На втором уровне расчистки были убраны мелкие камни заклада и обнажены смещённые нижние плиты дольмена (рис.7). На них и частично в расщелинах между ними находились остатки погребения. В центре на наклонной плите на глубине 16 см были обнаружены фрагменты костей и остатки черепа человека. Другие фрагменты костей погребённого были расчищены у северо-восточного угла погребения на глубине 18 см. В расщелине у внутреннего края пяточной плиты и плит западной стенки на глубине 16 см найдены фрагменты костей и зубы, возможно, ещё одного погребённого. В этой же расщелине найдено каменное орудие (рис.6,*3*) и костяная подвеска, аналогичная подвескам из моляров оленя в кургане 35 (рис. 6,*4*). У восточного края погребения на глубине 33 см расчищены многочисленные фрагменты лепных сосудов и зуб животного. Очевидно, что открытое нами разрушенное погребение совершено во вторично использованном дольмене и так же как и курган 35, может быть отнесено к постдольменным погребениям эпохи средней бронзы периода Шушук-I (XXVIII–XXIV вв. до н.э.). Более точная дата будет установлена после получения результатов ams-датирования костей животного из этого погребения.

Таким образом, раскопки 2020 г. подтвердили «постдольменный» статус археологического комплекса у ст. Севастопольской, который по своей площади и количеству выявленных объектов никак не уступает эталонному постдольменному памятнику – АКШ. Исследовательский коллектив продолжает изучение полученных материалов.

1,8 км до МБОУ СОШ № 28,
станица Ставропольская,
Советская ул., 29
Курганно-дольменный могильник
«Севастопольский-1»
Поселение
«Севастопольское-1»
N
400 m

Д. А. Канделаки

НОВЫЕ ДАННЫЕ В ПОЛЬЗУ АВТОХТОННОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗОВ.[1]

Интерес к написанию данной статьи обусловлен обстоятельствами, побудивших автора вновь вернуться к рассмотрению ряда проблем ранних этапов этногенеза абхазов. В частности, в абхазской историографии, да и не только все еще продолжают господствовать представления, связанные с миграционными гипотезами и теориями. Если пока оставить в стороне проблему хронологии этих процессов, то все они сводятся к следующему.[2] Ранние этапы этногенетической истории нашего региона предстают в виде некоего процесса миграции древнего населения из близлежащих областей Малой и Передней Азии, в ходе которого на территорию Кавказского Причерноморья, Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа пришли носители языков западнокавказского облика. В пользу этих гипотез и теорий приводятся данные о родстве ряда древних языков и народов, фиксируемых в древневосточной письменной традиции, широкая палитра культурно-археологических данных, фольклорно-мифологических сюжетов и параллелей. Не снимают проблему и попытки рассматривать эти процессы с точки зрения некой автохтонно-миграционной модели[3]. Все эти воззрения имеют давнюю историографическую традицию, восходящую к востоковедческим и кавказоведческим штудиям XX века[4]. За это

---

[1] Канделаки Давид Автандилович – м. н. с. Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Главный хранитель Пицундского археологического музея. E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

[2] Проблемы хронологии не могут уместиться в рамках заданного объема работы и требуют отдельного специального исследования.

[3] Федоров Я.А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. Серия историческая. 1973. № 5. С.57-58; Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов «Ученые записки АдНИИЯЛИ». Т. IV. – Краснодар, 1965.

[4] Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории абхазов. В кн.: Абхазы. – М., 2009. С. 57-58; Инал-Ипа Ш. Д. Труды. Том III. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум, 2011. С.39; Канделаки Д. А. Об этногенез абхазов. Некоторые проблемы источниковедения и историографии. Абхазоведение: История; Археология; Этнология. – Сухум, 2013., вып. VIII – Х. С. 248; Канделаки Д. А. Концепция прародины в этногенезе абхазов. I Научно-образовательный семинар «Карта рассказывает»: картографическая культура в контексте изучения истории и природы Абхазии. Гагра – Пицунда. 2019. С. 87-88.

время был накоплен большой объём данных сравнительно-исторического языкознания, а также археологии, антропологии, востоковедения, а позднее и генетики, которые действительно показали разительные сходства и параллельные контакты между областями Западного Кавказа и древнего Ближнего Востока.

Однако накопленные за последнее время данные побудили автора по-новому взглянуть на проблему генезиса древнего населения Кавказского Причерноморья, послужившего этногенетическим пластом на ранних этапах этногенеза абхазов. Им рассматриваются пока гипотетические модели, получившие в авторской интерпретации названия «глубокий автохтонизм» и «модель внутрилокальной этногенетической динамики». Суть их такова. «Глубокий автохтонизм» сводится к идее глубокого хронологического уровня истока этногенеза, а «модель внутрилокальной этногенетической динамики» сводится к идее того, что этногенетический процесс представлял собой постоянную кристаллизацию отдельных этногенетических признаков, в конечном итоге приведших к формированию этногенетической общности празападнокавказского облика на месте. Тем самым уже становится очевидным, что автор отвергает идеи миграции нового этноязыкового массива в некоем его «готовом» виде. Попробуем рассмотреть в хронологической динамике этот этногенетический сценарий. Первый вопрос, который встает перед нами – это определение той хрологически нижней границы, когда здесь, на территории Восточного Причерноморья, «сработали» этногенетические процессы. Где находится хронологически граница начала этногенетических процессов? Несомненно, таким хронологическим рубежом должен являться период проникновения сюда первых представителей человека анатомически современного вида, знаменуя собой период верхнего палеолита. В общих хронологических рамках время его появления в Абхазии падает на период около 40 – 35 тыс. л. н. Данные радиоуглеродной датировки из слоев верхнего палеолита пещеры Апианча возрастом 32 тыс. л. н. тоже согласуются с этим хронологическим диапазоном[1]. Несомненно, шедшие сюда, в Причерноморье, отдельные популяции анатомически современного человека уже несли в себе определенный набор этнических и культурных признаков, в которых можно разглядеть отдельные этногенетические признаки, и в самих этих популяциях видеть прообразы древних этногенетических ячеек. Этими популяциями осваивались отдельные ландшафтные зоны, в которых формировались устойчивые комплексы хозяйственной и культурной деятельности. Они формировали относительно устойчивые, этногенети-

[1] Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. – М., 2004. С.239; Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб., 2008. С. 113.

ческие пространственные локусы. Главными факторами, сдерживавшими эти «локусы» или «сгустки» в их границах, были выработанные каждой из них единой модели жизнеобеспечения, скрепленных механизмом обменных коммуникаций, а именно языками. Таким образом, даже для таких древних периодов уже можно говорить об этногенетических процессах. Тем самым для периода верхнего палеолита Восточного Причерноморья можно констатировать факт существования неких подобий локальных этногенетических объединений. Они состояли из групп общин, образуя пространственные объединения, привязанные к ландшафтным зонам. Разумеется, для периода верхнего палеолита, растянутого на тысячелетия, нельзя говорить о стагнации населения. На всем его протяжении имели место постоянные миграции и переселения древних групп, порой разной генетической природы. Но это не означает, что имел место какой-либо территориальный демографический вакуум, и население однажды освоившее территории Кавказского Причерноморья в верхнем палеолите, явилось генетическим продолжением для населения следующих эпох мезолита и неолита. Данные антропологии также подтверждают, что здесь, в Причерноморье, имеет место быть устойчивое сохранение и физическая преемственность с населением верхнего палеолита и мезолита, представленное наследием древнего верхнепалеолитического протоевропеоидного, протосредиземноморского антропологического расового ствола. Этот морфологический набор признаков и поныне хорошо известен среди современных представителей абхазо-адыгской общности как понтийский антропологический тип. Понтийский антропологический тип не пришел откуда-то извне, а как утверждают некоторые специалисты, является прямым продолжением верхнепалеолитического типа населения[1]. Таким образом, столь важный этногенетический маркер, как антропологические данные в этногенезе недвусмысленно свидетельствуют что антропологически современное население абхазов как, впрочем, и представители абхазо-адыгской общности в целом, преемственно прямые физические, то есть генетически потомки первых верхнепалеолитических насельников Восточного Причерноморья. Таким образом, такой важный признак, как антропологические данные, полностью согласуются с теорией «глубокого автохтонизма».

Сложнее судить нам о языковой природе носителей этих древних верхнепалеолитических популяций на территории Восточного Причерноморья. Следует ли видеть в языках верхнего палеолита такие языки, которые имели продолжение в поздних эпохах, или они не имели здесь своего продолжения? Ответ скорее не утвердительный. На современном уровне

[1] Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). – М., 1974. С. 125.

наших знаний мы можем сказать лишь следующее – для периода верхнего палеолита следует говорить о «верхнепалеолитическом лингвистическом полиморфизме», когда на относительно ограниченной территории существовали языки различной генетической природы, порою совершенно между собою не связанных. А значит, для того периода были характерны иные языковые группы и семьи языков, географически они выражались в совершенно ином территориальном языковом ландшафте. Но это вовсе не означает полного языкового разрыва с языками древних верхнепалеолитических насельников. Языковой покров эпохи верхнего палеолита хоть и был стерт временем, но все равно очень незначительным пластом, отдельными реликтовыми вкраплениями – «глоссами» – был сохранен в последующие эпохи. Несомненно одно – в верхнепалеолитическую эпоху языки пока еще не оформились в какие-то строго очерченные территориальные образования, для чего отсутствовали социальные и демографические предпосылки, отличались крайним полиморфизмом и в них пока нет возможности выявить следы строя древних языков хотя бы отдаленно сближающие их с языками празападнокавказского облика.

Переломным рубежом процесса дальнейшей этногенетической эволюции населения в областях Восточного Причерноморья становится эпоха голоцена. В период «неолитической», а правильнее сказать – «мезонеолитической», «раннеголоценовой» революции происходит коренная ломка всей системы жизнеобеспечения[1]. Зарождение производящей земледельческо-скотоводческой экономики, с увеличением доли использования ресурсов ихтиофауны способствовало изменению стратегии жизнеобеспечения, модели расселения и модели систем поселения. Создатели неолитического хозяйства постепенно осваивали наиболее экологически пластичные ландшафтные зоны, такие, как предгорья, зоны речных долин и плодородные аллювиальные прибрежные равнины. Подобная модель экологической адаптации нашла уже отражение в реконструируемых праязыковых состояниях и реалиях тех языков, носители которых и были потомками древнего верхнепалеолитического и раннемезолитического населения Восточного Причерноморья, которые спустя тысячелетия самостоятельно перешли от присваивающей к производящей экономике. Именно эти процессы и распознаются в культурной и природной лексике языков потомков, нынешних представителей абхазо-адыгской общности. Поэтому для периода становления производящей экономики в целом падающий на период неолита не следует говорить о каких-либо тотальных миграциях и заселениях территории Причерноморья каким-либо новым

[1] Канделаки Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка). Актуальная археология. 3. – СПб., 2016. С. 51.

населением извне, тем более на пустующие земли. Несомненно, еще раз повторим, создателями неолитической культуры были потомки первых верхнепалеолитических поселенцев Причерноморья. Процесс неолитизации в схожих природных условиях имел схожие модели, охватывая одновременно аналогичные друг другу Кавказскую и Анатолийскую экологические ниши Восточного Причерноморья. Территориальным ядром, где древним населением осуществлялся этот единый адаптационный сценарий, была Колхидская геоботаническая провинция, совпадающий с зоной Восточнопричерноморского рефугиума[1]. Разумеется, приблизительная модель внутрилокальной этногенетической динамики, описанная автором выше, может дать ключ к пониманию того, как шло формирование древнего языкового ландшафта родственных в языковом отношении групп населения конца мезолита и начала неолита. Судя по изложенной модели, шедший параллельно глоттогенетический процесс имел, по сути, схожую модель, выкристаллизовывая облик будущих языков, образующих семейство языков, известных как абхазо-адыгские или более точнее – западнокавказские. Эти языки тем самым являются, по сути, ниоткуда не пришедшими лингвореликтами, и продуктом эволюции языков, происходивших на месте. В этой связи особо хотелось бы остановиться на еще одной детали. Автор всегда замечал, как нередко специалистами модель этногенеза рассматривается прямолинейно. Сразу же отметим, «модель внутрилокальной этногенетической динамики» в авторской интерпретации совершенно отвергает такую прямолинейную модель, по которой этногенез абхазо-адыгской общности мыслится как процесс разделения отдельных ее ветвей от некоего общего праязыкового ствола, как это обычно графически отображено на генеалогических лингвистических древах. Процесс этногенетической эволюции абхазо-адыгской общности не происходил таким образом. Древо не иллюстрирует нам реальной картины того, что как будто бы в процессе этногенеза абхазо-адыгов шел процесс отпочковывания отдельных будущих ее локальных групп, когда в процессе географического размежевания, в будущем якобы развились многочисленные звенья будущих абхазо-адыгских языков. Процесс этот выглядел совершенно иначе, он выглядел как процесс постепенного волнового языкового перехода, когда в единой ландшафтной зоне формировался языковой ландшафт с постепенным переходом схожих от одного к другому диа-

[1] Долуханов П. М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. – М., 1984., Ч. 1. С. 29-31; Канделаки Д. А. Ранние этапы этногенеза абхазо-адыгов и географическая среда их обитания (к постановке проблемы). Абхазоведение: История; Археология; Этнология. – Сухум, 2011., вып. V –VII. С. 33.

лектов и языков. Только формировались они не путем отделения от общего предка, а напротив, шла кристаллизация и формирование их путём конвергенции и усиленных контактов популяций в отдельных подзонах этой общей Причерноморской зоны. Таким образом, в пределах этой зоны и шел процесс формирования единой этногенетической территориальной дуги соответствующей и очагу сложения западнокавказской этногенетической и этноязыковой общности[1]. Вовлекаясь в этот западнокавказский этногенетический котел, шел процесс нивелировки отдельных пришлых групп, их постепенное конвергирование и интегрирование с формированием единого пространства относительно гомогенных совокупностей диалектов и праязыков, в которых уже отчетливо проявляются черты будущих отдельных подразделений и ветвей западнокавказской общности. В этой зоне нельзя выделить какие-либо более ранние языки, которые, к примеру, являлись бы предком будущих абхазо-адыгов языков. Например, таковым пытались видеть древний хаттский язык, который ошибочно мыслится как наиболее хронологически архаичный среди языков западнокавказского круга. Хатты жили в бассейне реки Галис и частично на анатолийском побережье Черного моря в то же время, когда на противоположном кавказском берегу жили родственные им абхазо-адыгские народы. Таким образом, хатты, которые столь долгое время были важным доводом в пользу миграции абхазо-адыгов с юга на север, оказались не предковой группой, а лишь родственными соседями и отнюдь не древнее самих абхазо-адыгов[2]. Другой часто муссируемый в науке тезис – это тезис о племенах каска и абэшла, которые фиксируются в хеттских и ассирийских письменных источниках, как о важном доказательстве присутствия абхазо-адыгов к югу от Кавказа и их последующих миграциях на север. Этот тезис тоже не выдерживает критики. В случае с этнонимом «абэшла» этот факт можно интерпретировать, как свидетельство активных военных кампаний, которые осуществлялись в сторону юга представителями абхазо-адыгского этнического мира, что и зафиксировано в древневосточных письменных источниках. Аналогичным тому примером могут служить урартские письменные источники, в которых мы находим свидетельства о нахождении на южной периферии Кавказа, в частности, у озера Чилдыр племен «иганиехи», в которых отчетливо фиксируется племенное назва-

[1] Канделаки Д. А. У истоков этногенеза абхазо – адыгов. Материалы VI Абхазской международной археологической конференции, посвящ. археологу – кавказоведу Л. Н. Соловьеву «Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур» .– Сухум, 2017. С. 42; Он же. Ранние этапы этногенеза западнокавказской (абхазо-адыгской) общности эпохи камня и палеометалла. Сборник материалов научных статей Национального Музея Республики Адыгея. – Майком, 2014., вып. V. С. 14–27.

[2] Канделаки Д. А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология. Научное наследие Ф. А. Щербина. – Краснодар, 2016. С.68.

ние более поздних причерноморских гениохов. Что касается касков, то ответ очень прост: наряду с праадыгской, праубыхской, праабхазской и прахаттской группами это еще одна – каскская группа – в составе западнокавказской общности, которая формировалась в области южного Причерноморья, то есть занимала южную периферию единой западнокавказской реликтовой этногенетической дуги. Лишь позже, в период начала своей военно-политической активности, они стали известны хеттам, которые в первые столкнулись с этими аборигенами уже в XVII веке до нашей эры. Таким образом, автор данной статьи в качестве предварительной концепции делает следующие выводы.

1. Абхазы – это этногенетический реликт в составе западнокавказской этногенетической общности, соответствующая в лингвистической классификации абхазо-адыгской группе языков северокавказской языковой семьи. Допустимо эту этногенетическую общность именовать «восточнопричерноморской» или «восточнопонтийской».

2. Западнокавказская этногенетическая общность формировалась на месте и географически соответствовала природному рефугиуму – Восточнопричерноморскому, в котором и шло ее древнее формирование.

3. Западнокавказская общность не формировалась путем дивергенции ее отдельных звеньев, когда процесс этногенетического оформления мыслится как процесс географического размежевания отдельных групп, а путем внутрилокальной динамики и постепенной эволюции, в ходе которой шло постепенное накопление ее этногенетических признаков.

4. Область Восточного Причерноморья, где шел процесс формирования западнокавказской общности, не подвергалась каким-либо массовым миграциям, не было какого-либо демографического коллапса и территориального опустения, а значит, не было и тотальной смены населения, и тем более не было прихода нового населения на пустующие территории, к примеру, с юга – с Анатолии или северной Месопотамии.

5. В процессе длительной эволюции общества на территории Восточного Причерноморья от Анатолии до Кавказа, именуемой автором «Восточнопричерноморской этногенетической дугой», в отдельных ее очагах хронологически одновременно шел процесс формирования и отдельных ветвей западнокавказской общности: хаттской – бассейн реки Галис; каскской – Черноморское побережье Анатолии; абхазской – Колхидской низменности и Черноморского побережья; далее к северу убыхская и адыгская ветви – Черноморское побережье Кавказа и вплоть до бассейна реки Кубань.

6. Несомненно, существовали и другие группы западнокавказской этногенетической общности, которые исторически не зафиксировались, что позволяет рассматривать ее даже в качестве отдельной языковой семьи.

Л.К. Хужева,
Черкесск

БАШИЛЬБАИ И БАРАКАИ – ВЫХОДЦЫ ИЗ ОБЩЕСТВА АБАЗИН-ШКАРАУА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Светлой памяти Темировой Раисы Хасановны посвящается

Башильбаи и баракаи – одни из крупных обществ абазин-шкарауа на Северном Кавказе. Название общества башильбаи встречается в различных вариантах, как башильбай, бесильбай, мысылбай, мысылбаа и др. Как видим, во всех вариантах присутствует корневая часть башиль-, бесиль-, мысыл-, которая является фонетической разновидностью одной изначальной формы. Согласно Р.Х. Темировой, «… скорее всего, к исходной форме ближе всего подходит форма мысыл-, встречающаяся и как мсыл-. Данный термин близок к древним названиям таких абхазских племен, как апсыл / апсил, он также сохранился в самоназвании современных абхазов апс-уа и в названии их страны – Апсны (офиц. Абхазия). Можно привести термин цибил / цбыл / цабал / тцибил, который является названием ныне не сохранившегося абхазского племени, обитавшего в бассейне реки Кодор, в центральной горной части Абхазии и в бассейне реки Теберда на Северных склонах Кавказского хребта, как свидетельство структурной близости древнейших терминов мсыл / мсил, апсыл / апсил»[1]. Местожительство данного абхазского общества носило название Цебельда. Цебельда на юге и сопредельная к ней территория на северном склоне Кавказского хребта – река Теберда и ущелье – в исторической литературе считаются прародиной абазин-тапанта. Такие известные ученые-кавказоведы, как Ш. Д. Инал-ипа, К. Сталь, З. В. Анчабадзе, А.Н. Генко и др. указывают на связь терминов Цебельда (цбыл-да. – **Т.Р.**) и Теберда.

Происхождение Башильбаев и некоторых других обществ, как баг, баракаи, шегиреи увязывают с абхазским племенем Мудавей (существует в вариантах Медовеи, Медозюй). Племя состояло из таких абхазских горных обществ, как Псху, Ахчипсу, Аибга и др. Черкесы называли эти общества собирательным именем Мудавеи. Такого мнения придерживались кавказоведы Ш. Д. Инал-ипа, Л. Я. Люлье, Е. Д. Фелицын, Г. А. Дзидзария, А. Н. Генко и др.

---

[1] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII –второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006.- С.248 – 249.

Общество Башильбаи занимало местность на северных склонах Кавказского хребта в верховьях рек Большой Зеленчук, Уруп и Лаба. Турецкий путешественник Эвлия Челеби писал, что «Башильбаевцы или беселбеи раньше жили в лесистых горах Предкавказья, орошаемых реками Яфир и Бикх, которые сливались в предгорье, где горы спускаются горизонтальными уступами вниз, падают слева в Большой Инджик… Они также поселились на берегах реки у истоков Урупа или Воарпа и частично около Большого и Малого Тетхена»[1]. Современное название Тегень – приток реки Уруп.

Об обществе Башильбаи говорится и в ранних источниках о начале военных действий (август, 1769) под командованием генерал-майора И. Ф. Медема против непокорных кабардинских князей и закубанцев. Во время этого похода генерал-майор получил заверения в верности от кабардинцев, живущих у Бештаовых гор, а также от абазин-алтыкесек, живущих в верховьях реки Кубани. Следуя далее к реке Кубань, отряд «встретил отправленных к нему и от другого горского народа, называемого башилбайского и живущего в соседстве с абазинами»[2]. 15 августа 1769 года в рапорте генерал-майор Медем писал о переводе «…абазинцев, башильбаевцев и других кубанских народов в места, действительно кабардинскому народу принадлежащие, то есть в Кашкатавское урочище и около»[3], на что в ответном рапорте капитан Гастоти писал «о нецелесообразности переселения вступивших в подданство России закубанских народов в Кабарду, ибо оказалось сии места селениями Малой и Большой Кабарды народа и для других народов «удобных мест совсем не отыскалось»[4]. Сведения о местожительстве Башильбаев содержится также в документальных источниках середины и конца XVIII века. Так, например, в «рапорте И. Горича о походе на закубанских владельцев в октябре 1787 года» говорилось, что его отряд, выйдя из Кабарды, «перешел за Кубань, во-первых, покорили … народов бабсхерских владельцев с их подвластными народами 2000 дворов 1-го Иетшу Кячева, 2-го Хамурзу, 3-го Сулеймана Лоовых и 4-го узденей Трамовых…; следуя далее к реке Урупу, покорили … горских башильбайцев 800 дворов»[5]. Здесь также были указаны известные абазинские роды Кеч, Лоу, Трам и кабардинский княжеский род Хамурзин[6].

---

[1] Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Ставропольское книжное издательство, 1992. С. 59-60.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. II. – М., 1957. С. 292.

[3] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половине XIX вв. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006.- С.251; Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. II. – М., 1957. С. 293-294.

[4] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII –второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006.- С.251-252.

[5] Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. II. – М., 1957. С. 369.

[6] Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. I, II. – М., 1957.

В работе И. А. Гюльденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1772 и 1773 гг.», в части 2-й «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», после перечисления абазин – Алты-Кесек приводятся сведения об уездах Зиди (Сид. – **Т.Р.**) при Уллу Инджик (Б. Зеленчук), Барекай, Шеграй и Башелбай или Псилбарипш при Уарпе или Арпе»[1]. В 8-й же части того же Сочинения, опубликованной в 1791 году и посвященной описанию Кубанских Черкас и Кубанских ногайцев, указывается, что «Кроме Ногайцев и Черкасов находятся еще в сей стране Авехазы (абхазы. – **Авт**.) в Бехлибайском уезде, на реке Лаба»[2]. В основе названия «Бе**х**либайский» лежит термин Бе**ш**ильбай – здесь происходит чередование х/ш. В приведенной выше работе, в ряду таких черкесских этнических групп-уездов, как Абасехи, Бхедухи, Кемеруки, Бесленцы, под № XV приводятся Бахлибаи или Башильбаи, как поколение Абехасов (абхазов), при вершине реки Орпа (Уруп, черк. Уарп), подле границ Большой Кабарды, принадлежавшие в 1758 году кабардинскому владельцу Арсламбеку[3]. Согласно академика И. А. Гюльденштедта, «Все сии 6 уездов или разных орд, начиная от запада к востоку, находятся в полуденную сторону Кубани, а с гор – к северу. В 1731 и 1732 гг. крымский хан Каплан-Гирей привел их под свое подданство, равно как и Кабардинских Черкасов, но они после того ниспровергли иго татар в 1758 году и управлялись собственными князьями, пребыв независимыми»[4]. Как видим, в 30-е годы XVIII века Башельбаи имели территорию по рекам Уруп и Лаба в соседстве с Кубанскими Черкасами-Бесленеями. И. А. Гюльденштедт обозначает деление черкесов на Кубанских Черкасов и Кабардинских Черкасов, что свидетельствует о единстве территории обитания черкесов, и граница Б. Кабарды на запад доходила до реки Орпа (Уруп, черк. Уарп), а дальше следовали земли Кубанских Черкас. По его мнению, абазины также делились на северо-восточных и северо-западных, и их округи лежат между Черкасскими уездами, Кабардою и Безленом (Бесленеем. – **Т.Р.**)»[5].

И. Атажукин, известный общественно-политический деятель конца XVIII– начала XIX в., в своей работе «Краткое описание жителей Горских Черкас» показывает народы, зависимые от Большой Кабарды и принад-

---

[1] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII –второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.253.

[2] Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Часть VIII. – Сиб, 1791. С.149.

[3] Там же. С. 158-159.

[4] Там же.

[5] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половины XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.254.

лежащие России, как: «Абаза или по турецкому наименованию Алтыкесекских Абаза, а именно Лов, Дударук, Биберд, Киача, Кылыч и Жантемир. Потом Карачай, Чегемы и Малкары…»[1]. «По другую же сторону реки Кубани,– говорится в документе,– начинаются Бесленейцы, а между сих и реки Кубани поселены в разных местах во владении Бесленеевских князей народы, называемые Бешельбайцы, как суть: Чигирайцы и Баракайцы» [там же]. Как видим из текста, И. Атажукин относит к Башильбайцам самостоятельные общества Чигирай и Баракай.

По сведениям 1830 года, согласно А. П. Щербачева, «пять поколений – Басильбаевцы, Кызылбековцы, Барукаевцы, Баг, Тамовцы – зависимы от бесленеев и платят дань князьям Каноковым»[2].

В документе «Рапорт ген.-м. султана Менгли-Гирея генералу Тормасову от 1 июля 1811 г. Георгиевск» также говорится о зависимости Бесельбаев от бесленеевского княжеского рода Каноко и Шолох, и в перечне народов Закубанья, подвергших себя в вечное подданство, приводится, что «Бесленейцы и Бесельбаевцы, подвластные первые – Пахлеван султану, а последние владельцу Канукову и Сулухову (Шолохову), живущие в вершине (реки) Урупа, впадающей в сию Б. и М. Тегеням. Это 100 верст от Кордона»[3].

По утверждению К. Ф. Сталя, «… Башильбаи абазинского происхождения до 1849 года жили мирно. Народонаселение их жило в 327 дворах и состояло из 1297 душ мужского и женского, а всего 2677 душ обоего пола. Важнейшие фамилии: князья Сидако и Егибоко и дворяне: Тлохо, Исмаиловы и Камордо…, в 1850 году, возмущенные Магомет-Амином ушли за Лабу и Белую»[4]. В одном документе указывается и количество аулов – 14, в которых насчитывалось 720 дворов[5]. Дается обзор населения Кубанской области, в том числе упоминается и башильбаевцы в 1000 семей в вершинах Урупа и его горных притоках в статье «Переселение туземцев Кубанской области в Турцию и на указанные им места в пределах области» из «Отчета о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 по 1-е июля 1864 года»[6].

---

[1] Атажукин И. Краткое описание жителей горских черкес // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992. С. 155.

[2] Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. – Ростов, 1985. С.44.

[3] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. IV. – Тифлис. С. 838.

[4] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. I, II. – Нальчик, 2001. С. 204.

[5] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половине XIX вв. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.256.

[6] Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 167.

Общее количество аулов предводителей рода Егибокова всего 6: аул Егибокова Чанбора – на реке Лаба[1], Магомета Егибокова – на реке Уруп [Карты №2, №3], Дударуко Егибокова (2 аула) – на реке Уруп [Карта №1], Арыс Гельды Егибокова – в урочище Жамагот (2 аула). В документе 1820 года от марта месяца (перепись населения) указаны в урочище Жамагот на реке Лаба два аула Егебокова (Агебокова) Арыс Гельды, принявшего присягу со своими узденями и прочими владельцами на верноподданство России. Документ подписан ген. Эммануэлем[2].

Исмаилова / Смаилова аул / Измалыко, в 1858 году находился на левом берегу реки Б. Лаба, близ Тамовского ущелья. Один из аулов абазинского общества Башильбай[3]. В работе Хан-Гирея «Записки о Черкесии», аул показан как Исмеил коадж на реке Уруп[4]. В архивном документе, подписанном генералом Эммануэлем, указывается, что владелец башильбаевского аула Аслан-Гирей Смаилов со своим аулом и родственниками и подвластными в количестве 51 семьи, количеством душ в 229 подписал присягу на верноподданство России в 1858 году[5].

В Турции, в вилайте Кайсери существуют два аула Исмел-кыт[6].

Сидькоадж / Сид-ипы, Мамат-Гирея Сидова / Сидеев Бесельбайской, аул находился в верховьях рек Б. Зеленчук и Уруп[7]. Сведения об обществе Сид восходит к периоду нахождения абазин на Черноморском побережье. По некоторым сведениям, северо-кавказские абазинские общества из шкарауа, в том числе и Сид, причисляли себя к роду абхазских царей Маршания. Маршания Херпс был родоначальником общества Цебельда, которое населяло верховье бассейна реки Кодор, на юго-западном склоне Главного Кавказского хребта. Черкесы называли их Хирпс_Куаджь «аул Херпса»[8]. Роду Маршания подчинялись также общества Ахчипсоу – в верховьях реки Мзымта, Айбога – в верховьях реки Псоу, Чужгуча на реке Чужипсы. Все эти общества черкесы называли одним именем – Мудавей, русское – Медозюй[9].

---

[1] Атажукин И. Краткое описание жителей горских черкес // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992. С. 141.

[2] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.258.

[3] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. XII. – Тифлис. С. 792.

[4] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.260.

[5] Там же.

[6] Хафицэ М. Разбросаны адыги по всему свету // Журнал «Черкесия», №3. – Черкесск, 2004. С. 80.

[7] Берже Ад. П. Краткий обзор горских племен Кавказа. – Тифлис, 1858.

[8] Берже Ад. П. Краткий обзор горских племен Кавказа. – Тифлис, 1858. С. 109-110.

[9] Темирова Р.Х. Аулы абазин-шкарауа в бассейне реки Кубань в XVIII – второй половине XIX в. // Вестник КЧИГИ. Выпуск 4. – Черкесск, 2006. С.261.

В Турции в вилайте Кайсери существует аул Сидкыт (тур. – Ениялан)[1].

Жеткерова аул в 1858 году находился на правом берегу реки Б. Лаба, близ Тамовского ущелья. Указан в документе от 21 августа 1858 года как один из четырех аулов абазинского общества Башильбай[2].

Худакирова аул, у Хан-Гирея – **Худакыр коадж,** в 1858 году находился на левом берегу реки Б. Лаба, близ Тамовского ущелья. Аул указан в «Рапорте полковника Кройеруса от 21 августа 1858 года»[3].

Канбердкоадж – поселение рода абазин-шкарауа в начале XIX века находилось на реке Уруп.

Ни один из башильбаевских аулов не сохранился на прежних местах после окончания Кавказской войны. По данным Е. Д. Фелицына, Мыссылпара-Башильбаи в период формирования новых аулов из остаточной части разных народов оказались разбросанными в следующих аулах: в Инжиглокт (совр. Инжичикун) – 11 семей, Бибаркт (совр. Эльбурган) – 5 семей, Егибоковском поселке (совр. Абазакт) – 23 семьи, Кузы (Кувы; совр. Старо-Кувинск) – 8 семей[4]. Из родовых фамилий абазин-башильбаевцев в настоящее время сохранилось народное название аула Абазакт – Джэбэкъуей (офиц. Егибоковский), что восходит к одному из башильбаевских родовых фамилий[5]. Случай сохранения термина «Башильбай» отмечен в Турции, как название абазинского аула Башильбайкыт в вилайете Кайсери[6].

Баракаевские аулы располагались на речке Гупс (Губс) – правом притоке реки Ходз, в бассейне реки Лаба. В документе 1812 года в ряду других владельцев Закубанья отмечается, что «… Баракай-Сат-Гирей Когончуков с родственниками на речке Угубсе» [7]. По данным 1830 года, «… баракаевцы живут на вершинах реки Гупс (Губс), ими управляют Лахур и Гушико. Число домов 200»[8]. В другом архивном документе приводится, что баракаевцы «своих владельцев не имеют, и только узденей, из коих старший Гунчук Адлеев. Все Бесленеевскому Мурзабеку подвластны. Кроме с чаграевцами, со всеми прочими соседами в согласии, держась особенно

---

[1] Хафицэ М. Разбросаны адыги по всему свету // Журнал «Черкесия», №3. – Черкесск, 2004. С. 80.

[2] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. XII. – Тифлис. С. 793.

[3] Там же. С. 792.

[4] Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Часть VII. – Сиб, 1791. С. 84.

[5] Темирова Р. Х. О некоторых абхазо-абазинских этнонимах на южном и северном склонах Кавказского хребта // Вестник КЧИГИ. Выпуск 1.- Черкесск-Ставрополь, 1999. С. 84.

[6] Хафицэ М. Разбросаны адыги по всему свету // Журнал «Черкесия», №3. – Черкесск, 2004. С. 80.

[7] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. V. – Тифлис. С. 871.

[8] Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. – Ростов, 1985. С. 44.

бесленеевцев»[1]. В работе С. Броневского отмечается, что «барокаи, барокаевцы в числе 560 семей занимают супротив Согум-Кале в 30-ти верстах на запад от бесленейцев лесистые горы по речкам Хоц (совр. Ходз), Гупс, Псине и по другим ручьям, впадающим в Малую Лабу… Главные селения их: Кунак-Тав и Жигир-Блуко. Каждый род имеет своего старшину, из коих знатнейшие Гуншаковы»[2]. На некоторых картах термины Кунак-Тав и Жигир-Блуко показаны как притоки реки Гупс.

По другим сведениям, баракаевцы считались данниками бесленеевских князей Шолоховых. «Они признают над собой власть первостепенных узденей Лях и Анчок, вступивших в родство с Даурами, одной из сильных дворянских абадзехских фамилий. Баракаевцы живут в трех селениях по реке Гупс, пользуются покровительством абадзех»[3]. В работе «Этнографический очерк черкесского народа», написанной на основе материала, собранного в 1846–1848 годы, барон К.Ф. Сталь пишет, что «…баракаевское общество составляет 180 дворов»[4], без указания на количество аулов. В документе «Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856 год» без указания названий и количества аулов указывается, что «… в 1851 году на реке Гупс истреблены баракаевские аулы»[5].

В сведениях, которые собирались в 1858 году для выяснения «какое еще (население) остается на жительство по вершинам рек между Кубанью и Лабою»[6] приведены баракаевские аулы: Лахова Бароко аул (верхний) – на речке Гупс (35 дворов); Лахова Бароко аул (средний) – на речке Гупс (40 дворов); Бкекезова аул (нижний) – на речке Гупс (25 дворов)[7]. Согласно С. Броневского, «все четыре колена – Башильбаи, Чаграи, Казилбеки и Барокай составляли до 2000 дворов»[8].

Баракаевцы повторили судьбу соседних обществ, их аулы были уничтожены, население рассеялось среди других народов. По данным 1883 года, баракаевцы отмечены в аулах: Кургокой (черк. Кугъуркъуей) на реке Кубань – 1семья, Гумлокт на реке Кума – 1 семья, Инжик-Локт на реке М.

---

[1] Из военно-топографического и статистического описания Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей // ЦГВИА. Ф. 414. Д. 300. Лл. 76-83.

[2] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по центральному и Северо-Западному Кавказу. – Нальчик, 1999. С. 76.

[3] Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингура // ЦГВИА, Ф. ВУА. Д. 18511. Лл. 1-18.

[4] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. I, II. – Нальчик, 2001. С. 204.

[5] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. – Нальчик, 1999. С.474.

[6] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. XII. – Тифлис. С. 792.

[7] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией / АКАК. Т. XII. – Тифлис. С. 793.

8 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. – Нальчик, 1999. С. 77.

Зеленчук – 1 семья, Хатавжукой (черк. ХьэтIохъущыкъуей, совр. Зеюко) на реке М.Зеленчук – 1 семья, Тохтамыс (совр. Икон-Халк) на реке М. Зеленчук – 1 семья, Кузы (совр. Старо-Кувинск) на реке Б. Зеленчук – 1 семья, Уруп на реке Кубань – 5 семей, Чеггирия (совр. Апсуа) на реке Б. Зеленчук – 1 семья, Ашхешехуаж (совр. Вольный) – 6 семей[1]. Данные – по Баталпашинскому уезду. По Майкопскому уезду баракаевцы были поселены в аулах: Уляп – 21 семейства (156 душ), Пшижь-хабль (Пшизовский) – 16 семейств (80 душ), Унароко-хабль (Унароковский) – 7 семейств (22 души), Ходз (Ходзский) – 2 семьи (21 душа), Хакурино-Хабль (Хакуриновский) – 3 семьи (21 душа), Кош-Хабль (Кошехабльский) – 1 семья (4 души)[2]. Как видим из приведенных данных, большинство баракаевцев осталось в Майкопском уезде.

Согласно Д. Чачхалиа, селение Баракая – аул во второй половине XIX века, располагалось в районе современных поселков Лоо и Вардане (в пределах совр. Больших Сочи)[3].

Баракай являлось собственным именем известного лидера абхазского аристократического рода Дзейш. Его сын – Исмаил Баракай ипа Дзейш был одним из инициаторов создания Всечеркесского Парламента, а также в числе других подписал воззвание к европейским странам относительно признания независимой Черкесии в 60-х годах XIX века[4].

Название общества Баракай сохранилось в фамильном имени Бароко (Бароков) в ауле Апсуа Адыге-Хабльского района в КЧР, а также в названии пещеры в долине Гупс – Баракаевская[5].

Источник:

1. Карта земель между реками Кубанью и Лабою до Главного хребта Кавказских гор и по рекам Псефиру и Фарсу. 1841 год. КО 5 / III-10.

2. Карта Западной части Кавказского края. Составлена в 1842 году. КО 14 / IV-11.

3. Подробная карта Кавказского края, литографированная в 1838 году под руководством генерального штаба генерал-майора Барона фон-дер Ховена. КО 5 / II – 2.

---

[1] Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Том IX. – Тифлис, 1885. С. 81-83.

[2] Там же.

[3] Чачхалиа Д. Историческая топонимика большого Сочи середины XIX в. // Мартель Эдвард. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. – М., 2004.

[4] Там же. С. 168.

[5] Неандертальцы Гупского ущелья. – Майкоп, 1994. С. 69.

Д. Инджгия

АБХАЗИЯ НА РУБЕЖЕ КОНЦА XIX И В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В. О ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АБХАЗСКОГО УКЛАДА ЖИЗНИ

«Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, созидается людьми на основе их изначального времяполагания»

Жан-Поль Шарль Эма́р Сартр

Историческое время – категория, применяемая историками, для создания последовательного, единого, непротиворечивого и убедительного процесса развития человечества, где каждому событию определено его уникальное место. Время является важнейшей категорией истории, его несущей конструкцией, и как считают некоторые историки, оно является в каком-то смысле той исторической субстанцией, в которой существуют события прошлого. В соответствии с современными взглядами принято считать, что история развивается во времени и является специфической частью прошлого. Историческое время – одно из разновидностей времени, используемое историками для создания образа прошлого. Его особенности определяются объектом истории – прошлым, а также теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную эпоху[1].

До XIX века историки пользовались общепринятыми представлениями о времени и только с середины 1930-х гг. стали различать календарное и историческое время. Календарное время – это время астрономическое, однородное, формальное, непрерывное, количественное, время календарей и часов. Историческое время – это темпоральное воплощение социального. У каждого исторического феномена свой ритм, свой тип частоты, своя периодичность[2]. То же самое можно сказать и об абхазском укладе жизни. Простой крестьянин не делил, как это делают сегодя историки, историю человечества на эпохи – палеолит, мезолит, неолит и т.д. У абхазского крестьянина, лишенного академического образования, было свое

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Историческое время

[2] Там же.

пространство, и время он понимал и определял по-своему, в основном полагаясь на опыт старшего поколения.

У него был свой ритм жизни. Повторяя опыт старшего поколения – аиҳабы (дословно переводится как «видевший больше», т.е. «еиҳаны избахьоу», иначе «умудренный жизненным опытом») – абхазский крестьянин мало что менял в своей жизнедеятельности, хотя его быт не был лишен незначительных трансформационных процессов. Как говорил в свое время Демокрит: – «Все течет, все изменяется». И абхазский уклад жизни с XIX в. стал претерпевать серьезные изменения. Они не носили эволюционный характер. Ключевую роль в их трансформации, в основном, сыграли внешние факторы, нежели внутренние.

На наш взгляд, трансформацию абхазского уклада жизни на рубеже второй половины XIX в. и до 1931 г. условно можно разделить на 3 основных периода:

1. **1864 – 1917 гг.**
2. **1917 – 1921гг.**
3. **1921 – 1931 гг.**

На первом этапе – 1864–1917 гг. – происходит последовательная инкорпорация Абхазии в социально-экономическую и политическую систему Российской империи.

Как представляется, модернизация в рассматриваемом регионе имела неорганический характер, что определялось реальной политикой российской администрации, предполагавшей качественную трансформацию традиционных социально-экономических и политических институтов и постепенную унификацию общего направления развития имперского центра и присоединенных территорий. Вследствие указанного обстоятельства региональный модернизационный вектор был направлен не на последовательное формирование классического индустриального общества европейского типа, а на выборочную реконструкцию местных социумов, объективное содержание которой детерминировалось стратегическими интересами России[1].

Ненадежные позиции России в автономной Абхазии (по сравнению с другими княжествами Центрального и Восточного Закавказья, которые уже давно были лишены царским правительством суверенитета и входили в состав России на правах военных отделов), а также ее особый интерес к стратегически важному участку побережья, требовал принятия кардинальных мер по изменению статуса региона. Об этом непрестанно напо-

[1] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 217.

минали военачальники и наместник, что мы видим из рапорта начальника войск в Абхазии генерала М. Т. Лорис-Меликова кутаисскому генерал-губернатору Г. Р. Эристову от 12 августа 1858 года: «Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря, – страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием к распространению нашего владычества по всему восточному берегу, – конечно, не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился генерал Филипсон, мы не владеем, а только занимаем ее. Даже, кажется, вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде, ибо тайные происки иностранных держав с целью возбудить против нас племена, населяющие прибрежья восточного берега Черного моря, в последнее время много увеличились»[1].

Особый интерес представляет документ от 26 июня 1864 г. под названием «Рескрипт наместника на Кавказе Великого князя Михаила графу В. Адлербергу о введении в Абхазии русского управления». В нем говорилось: «Высочайшее повеление об устранении кн. Шарвашидзе от обязанностей владетеля, навсегда с потомством, и о введении в Абхазии Русского управления получено было мною во время последней экспедиции в долине р. Мзимты. Желая лично объявить кн. Шарвашидзе Высочайшую волю и в то же время вызвать его из Абхазии, чтобы при предстоящем преобразовании управления этим краем избежать могущих произойти беспорядков и даже вооруженного сопротивления, я поручил начальнику штаба пригласить кн. Михаила в Кутаис ко времени прибытия моего туда… усматривая из всего, что дальнейшие меры снисхождения в отношении к кн. Михаилу не поведут к желаемой цели, я отправил к нему рескрипт свой, в котором положительно объявляю ему Высочайшую волю и предписал Кутаисскому Генерал-губернатору теперь же ввести в Абхазии Русское управление, настояв на непременном выезде оттуда бывшего владетеля»[2]. 27 марта 1864 года наместник Кавказа великий князь Михаил о необходимости упразднения Абхазского княжества и заселения его казаками писал следующее: «Ввиду близкого осуществления высочайше одобренных Предположений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходи-

[1] Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 67.

[2] Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 67.

мым решить вопросы о будущем положении владения абхазского: должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее сложении, т. е. под безотчетным управлением кн. Михаила Шарвашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах.

Шестьдесят лет прошло с тех пор, как Абхазия признала верховную власть Российского государя и отец кн. Михаила Шарвашидзе признан был наследственным его владетелем. Страна эта, тогда еще полудикая, раздираемая междоусобьями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилию турок и хищничествам горцев, со времени присоединения к России получила от Русского правительства внешнюю защиту.

Народ абхазский, занимающий самую лучшую часть кавказского края, упал до последней степени нищеты и дикости, половина его приняла исламизм, другая – потеряла почти всякое понятие о религии. Россия вместо благодарной союзницы приобрела в Абхазии непокорную и коварную рабу, готовую с распростертыми объятиями принять каждого врага нашего, который явится у ее берегов. Власти наши не касаются внутреннего управления этим народом: ни податей, ни повинностей абхазцы не несут, войска не стоят у них на квартирах, не берут с них подвод, не пользуются ничем и постоянно защищают их; за все это абхазцы платят нам убийствами из-за куста.

Где же искать причины всего этого, как не в системе управления нынешнего владетеля. Юридически нельзя обвинить князя Михаила Шарвашидзе ни в одном из тех тяжких преступлений, в которых обвиняет его общее мнение и все, близко видевшие его действия, потому что поступки его, как владетеля, никогда не подвергались и не могли подвергаться законному расследованию. Во всяком случае, нельзя не обратить внимания на многие очевидные факты его продолжительной правительственной деятельности… Облагая простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны, он оставляет всегда безнаказанными сильных хищников и убийц и даже покровительствует им; от этого-то хищничества грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. При таком положении края выгодно ли для России и согласно ли с чувством справедливости и человеколюбия оставлять его под властью владетеля, теперь им управляющего. В отношении политическом это было бы положительно вредно. Уничтожение такой власти, которая умышленно или неумышленно сделала столько зла и так долго делала это зло, составляет обязанность нашего правительства.

Следует:

1. Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения.

2. Назначить владетелю и наследникам его содержание, их обеспечивающее.

3. Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальника отделов в областях с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору.

4. Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела.

5. Границею между Кубанским и Абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий теперь Абхазию от земли джигетов»[1].

Так, в 1864 г. произошло упразднение царизмом Абхазского княжества, переименование его в Сухумский военный отдел и установления прямого управления страной. Это было подтверждено соответствующим документом.

Каковы же были последствия? Как это отразилось на быте абхазов? Какие изменения произошли в их социально-политической жизни? На наш взгляд, эти вопросы требуют комплексного изучения. Это поможет дать ответы и на текущие проблемы нашего народа и государства, ибо у каждого явления своя предыстория.

Комплексное рассмотрение процессов модернизации и инкорпорации целесообразно начать с обобщающей характеристики институциональной структуры Абхазского княжества, сложившейся к началу XIX столетия. В рассматриваемый период в Абхазии существовала своеобразная модификация традиционного общества, интегрировавшая характерные черты родового строя и так называемого «горского феодализма»[2].

Основным элементом местной экономической системы являлось сельское хозяйство, носившее преимущественно натуральный характер. Скотоводство и ремесло имели подсобное значение, а торговля, вообще, рассматривалась большинством населения как недостойное занятие[3].

Для большинства населения наиболее престижными видами деятельности являлись охотничий промысел и военное дело, что в большей степени соответствует так называемой «военной демократии», а не классической модели феодальной формации.

---

[1] Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 68-70.

[2] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 217.

[3] См., например, Дзидзария Г.А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,. Т. XXIX. – Сухуми, 1958; его же Развитие торговли в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. XXVIII. – Сухуми, 1957.

Социальная структура абхазского общества также отличалась значительным своеобразием по сравнению с сословным строем эпохи феодализма, основанным на отчетливой дифференциации отдельных корпоративных групп. Как пишет профессор С.З. Лакоба, «к моменту присоединения к России Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и феодальной системой Грузии»[1].

Абхазское общество возглавлял владетельный князь – Ах, промежуточное положение между князем и феодалами занимали ашнакума, затем шли тауад и аамста, анхаю цкиа и другие[2].

Определяющую роль в социально-экономическом и политическом развитии абхазского общества играли свободные крестьяне-общинники («анхаю»), которые составляли большую часть местного населения. В условиях фактического отсутствия феодальной собственности на землю и крепостного права они обладали значительной свободой хозяйственной деятельности, которая определяла достаточно высокий уровень материального благосостояния и общественной значимости указанной корпорации. Как представляется, традиционное равноправие различных по социальному статусу землевладельцев являлось важным фактором, способствовавшим естественной консолидации абхазского общества и длительного сохранения его специфической институциональной структуры[3].

Однако вековые традиции хозяйственного взаимодействия не были единственным фактором, определявшим монолитность и устойчивость рассматриваемого социума. Длительное сохранение больше семейной общины привело к естественному появлению территориальных кланов, социальная стратификация в которых нивелировалась посредством разветвленных родственных отношений и целенаправленного развития института «аталычества». Повседневные взаимоотношения между отдельными клановыми сообществами осуществлялись в соответствии со сложившимися нормами обычного права, а владетельные князья приобретали значительные властные полномочия только в случае серьезной военной опасности[4].

---

[1] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990. С. 11.

[2] См.: История Абхазии. – Гудаута, 1993.

[3] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 219.

[4] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 218.

Немецкий путешественник Ф. Боденштедт, дважды посетивший Абхазию в середине XIX столетия, охарактеризовал внутреннее развитие местных социумов следующим образом: «… влияние князей … всегда было весьма ограниченным. Лишь немногие кланы подчинялись им. Большая часть народа продолжала жить в своеволии, не признавая никакого другого права, кроме кровной мести, до тех пор, пока стране не стали угрожать сильные враги. На время войны князь признавался главным предводителем, и все добровольно объединялись под его знаменем»[1].

По сути, в Абхазии социальная стратификация имела формальный характер. На это указывали многие авторы. Например, грузинский историк и общественный деятель К.Д. Мачавариани писал: «в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии»[2].

Таким образом, к началу инкорпорационных процессов в Абхазии существовала специфическая модель традиционного общества, существенно отличавшаяся от феодальных социумов Западной Европы и России, ставших объектами модернизации в различные периоды Нового времени. И определило последовательное формирование особых модернизационных механизмов, адаптированных к региональным особенностям и функционировавшим в зависимости от внешних факторов[3].

Инкорпорационные процессы встретили ожесточенное сопротивление горских сообществ, которое выразилось как в длительной вооруженной борьбе с российской администрацией и ее местными сторонниками, так и в специфическом явлении махаджирства[4].

Следует отметить, что публичная власть в горских сообществах основывалась не столько на имущественной дифференциации, сколько на устойчивом функционировании традиционных социально-политических институтов, появление которых было вызвано, прежде всего, реальным наличием постоянной внешней угрозы, а не объективными экономическими процессами.

Появление российской военной и гражданской администрации разрушало сложившиеся представления о властных структурах, как принципиальном инструменте повседневной реализации нормативного содержания обычного права, а следовательно, препятствовало естественному развитию общественных отношений. Применительно к Абхазии имеющиеся источники свидетельствуют о том, что трансформация традиционной социально-политической системы стала важнейшим фактором, опреде-

---

[1] Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – М., 2002. С.116.

[2] Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум, 1913. С. 95.

[3] Трапш Н.А. Указ. соч. С. 218.

[4] См., например, Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.

лившим ожесточенное сопротивление инкорпорационным процессам и последующее махаджирство[1].

Необходимо также отметить, что естественная связь модернизационных явлений и массового махаджирства имела двойственный характер. Состоявшееся переселение значительной части абхазских горских сообществ способствовало дальнейшему развитию первичной модернизации, проявившейся в последовательном формировании новой модели региональной экономики и общественных отношений. Объективным результатом массового махаджирства стала «этническая революция», в ходе которой национальный облик местного населения претерпел существенные изменения. Целенаправленная переселенческая политика российской администрации привела к постепенному освоению пустующих территорий армянскими, греческим, немецкими и украинскими колонистами, большинство которых ориентировалось на последовательное развитие товарного сельского хозяйства, а также внутренней и внешней торговли[2].

Подобное коренное изменение экономического развития стало важным шагом в процессе первоначального формирования индустриального общества, поэтапное складывание которого является естественной целью модернизационных процессов. Изменившаяся национальная структура местного населения снижала реальное значение традиционных социальных институтов, которые продолжали функционировать только в рамках автохтонного этноса. Более того, она объективно способствовала качественному изменению сложившихся отношений внутри абхазских горских сообществ, которые были вынуждены адаптироваться к новым условиям повседневной жизнедеятельности[3].

Целенаправленная деятельность российской гражданской администрации, стремившейся коренным образом преобразовать традиционный облик инкорпорированной территории, не ограничивалась созданием благоприятных условий для контролируемой миграции из других регионов. После подавления активного вооруженного сопротивления региональное хозяйство получило своеобразные государственные инвестиции, направленные на строительство современных дорог и портовых сооружений, а также комплексное развитие городской инфраструктуры. Российское правительство поощряло и самостоятельные проекты частных лиц, связанные с масштабными капиталовложениями в местную экономику[4].

---

[1] См., например, Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум, 1982.

[2] См., например, Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.

[3] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 221.

[4] Там же.

Однако, как представляется, проведенные преобразования стали важным фактором, предопределившим в исторической перспективе последовательное разрушение традиционных общественных институтов. Законодательное закрепление особых прав дворянского сословия в области землевладения ускорило наметившееся развитие социальной стратификации в абхазском обществе, а также способствовало постепенной трансформации натурально-потребительского характера местного сельскохозяйственного производства. Внешний облик традиционной общины действительно претерпел незначительные изменения, но в ее внутренней жизни началось непрерывное действие модернизационных процессов.

Таким образом, модернизация сельского хозяйства в рассматриваемом регионе осуществлялась достаточно быстрыми темпами, причем характерной особенностью указанного процесса являлась преобладающая роль привлеченных колонистов в комплексном развитии соответствующих отраслей. Автохтонное население в значительной мере сохраняло традиционный уклад хозяйственной деятельности, но в его объективном содержании уже наметились четкие контуры перспективных изменений, реализовавшихся в рамках последующих исторических периодов[1].

Как представляется, модернизационные процессы в культурной сфере жизнедеятельности абхазского общества развивались по двум направлениям, сформировавшимся отчасти под воздействием внешних факторов. В рамках первого из них, связанного с целенаправленным формированием местной системы начального образования, необходимо выделить создание особых «горских» школ, предназначенных для непрерывной подготовки низших чиновников российской гражданской администрации. В период обучения представители местного населения находились во временной изоляции и утрачивали реальную связь с традиционными общественными институтами, что в перспективе приводило к качественному изменению их индивидуального мировоззрения. Они адаптировались к новой социальной среде и становились неосознанными проводниками модернизационных процессов, связанных с различными областями функционирования исследуемого социума[2].

Второе направление модернизации в рассматриваемой области связано с постепенным складыванием абхазской интеллигенции, объединявшей отдельных носителей культурных традиций предшествующей эпохи и представителей новой политической элиты, сформировавшейся под непосредственным контролем царской администрации.

---

[1] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 223.

[2] Там же.

Однако появление подобной социальной группы, включавшей и представителей традиционной культуры, свидетельствует о глубоких внутренних изменениях, непосредственно связанных с комплексным развитием инкорпорационных и модернизационных процессов[1].

Примерно с начала XIX столетия под влиянием внешнего мира, прежде всего России, в абхазской культуре наметились такие структурные изменения, которые весьма существенно затрагивали основы социального обустройства абхазского общества. Культура стала шифроваться не только в живой памяти, но и в специальных знаках, т.е. появляется письменность. В 1862 г. академик П.К.Услар[2] составил абхазский алфавит на основе русской графики и абхазскую грамматику, что в последующем сыграло важную роль в подготовке абхазской национальной интеллигенции. Вслед за этим начиналось распространение просвещения, что неизбежно вело к включению в абхазскую культуру новой информации. Обучение грамоте (писать и читать), целенаправленное овладение накопленными человечеством знаниями о внешнем мире становятся важными факторами формирования подрастающего поколения и развития абхазской культуры.

Второй этап – 1917 – 1921гг.

На наш взгляд, этот период стал определяющим в жизни Абхазии и абхазов того времени. Именно тогда, после Октябрьской революции встали такие вопросы как: куда идти? С кем идти? Как выбрать правильный исторический путь? Это был поистине судьбоносный период для абхазов. Видные его представители видели разные пути. Но цель была одна – сконструировать и выработать механизм выживания для дальнейшего развития, т.е. возродить свою абхазскую государственность. А ответ на вопрос с кем идти в будущее, был однозначным. В тот переломный период просыпается архетип абхазов и адыгов, память генов определила их дальнейший путь.

Абхазы решили войти в Союз объединенных горцев Кавказа[3]. И это было не случайно. После пережитого этнопсихологического стресса (махаджирство, последствия которого пока еще, к сожалению, не изучены) и вынужденного массового переселения большей части своих соплеменников на чужбину в XIX в., оставшиеся на исторической родине части обоего народа, на ментальном уровне стали тяготеть к единству. Исторически сплотиться они попытались в 1917 г.

После событий февраля и октября 1917 г., потрясших и разваливших Россию как единое государство, Абхазия вошла в Союз объединенных

---

[1] Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 223.

[2] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887.

[3] См., например, Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990.

горцев Кавказа (СОГК), в правительстве которого её интересы представлял министр С.Ашхацава. На съезде абхазского народа в Сухуме, 8 ноября 1917 г., был избран Парламент (кстати, создан раньше грузинского) – Абхазский народный совет (АНС) и приняты важнейшие документы: «Декларация съезда Абхазского народа[1]» и «Конституция Абхазского народного совета[2]». Огромную роль в принятии этих документов о «самоопределении Абхазского народа» сыграли председатель съезда и первый председатель АНС С.Басария, основной докладчик А.Шерипов, князья А.Шервашидзе и Т.Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М.Цагурия, Д.Алания, Мих.Тарнава и др. В «Декларации» съезда предусмотрительно отмечалось, что «каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений» на его свободу, что «абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права». Интересно, что представитель Парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов выступал на открытии первого грузинского парламента – Национального совета Грузии (НСГ), который открылся в Тифлисе 19 ноября 1917 года. «Я счастлив, – говорил он, – что на мою долю выпала высокая честь передать вам горячий привет от имени Абхазского народного совета. Абхазский народ, входящий в союз объединенных горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению… Абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза объединенных горцев»[3].

В означенный временной отрезок события как вокруг Абхазии, так и внутри нее, происходили так стремительно быстро, что ее руководителям приходилось учиться принимать оперативные решения, для того, чтобы вывести свой народ из водоворота опасных событий.

А что же абхазский крестьянин? В новых условиях он стал ощущать свою «неполноценность» и дискомфорт. Постепенно начинает меняться его форма бытия. В его «архаическое мировоззрение» извне вносятся коррективы. Но пока он этого не замечал.

Внешняя угроза в лице грузинских меньшевиков подстегивала представителей абхазской интеллигенции принимать самое деятельное участие в процессе просвещения пока еще малограмотных своих сородичей. Одним

---

[1] Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум, 2003. С. 96–98.

[2] Там же. С. 99–100.

[3] Лакоба С.З. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). – Сухум, 2001. С. 20–21.

из «рупоров» стала ставшая выходить в 1919 г. первая газета на абхазском языке «Апсны». В тот период она поднимала животрепещущие вопросы, насущные темы, стала этапом становления абхазской печатной журналистики, кузницей, взрастившей национальные кадры и многое другое. И что самое главное, она открывала глаза абхазскому крестьянину, информировала его о том, что происходит не только внутри Абхазии, но и вокруг нее, и в мире в целом. Словом, газета выполнила тогда свою историческую миссию, а ее редактор Дмитрий Гулиа стал символом «маяка» для своего народа.

Суть традиционной формы существования культуры сводилась в конечном счете к повторяемости исторически выработанной социальной практики. Доселе абхазская культура лишь воспроизводила свои потребности и потенциал, но не расширяла и не развивала их.

Оказавшись в культурном пространстве России, абхазской культуре пришлось приспосабливаться к её постоянно менявшимся условиям. Адаптируясь к ним, она стала осваивать нетрадиционный способ существования, т. е. обновлять и развивать себя.

По существу, абхазская культура вступила в трансформационный процесс. Это означало, что исторически сложившиеся и систематически повторявшиеся представления абхазской культуры о себе и внешнем мире теперь, в изменявшихся условиях, оказались недостаточными.

3 этап – 1921–1931 гг.

На третьем этапе трансформационные процессы набирали еще большие обороты. После того, как Абхазия стала Советской Республикой в 1921 г. абхазы стали на путь социалистической модели развития. Но насколько социализм по духу и содержанию был близок миропорядку как народа в целом, так и отдельно взятого абхазского крестьянина? Понимал ли он, что это такое?

Общеизвестно, что новая государственная система несет в себе новые символы, новую знаковую систему, новое мировоззрение и т.д. Вот тут и происходит первое, пока еще незримое глазу масштабное изменение в жизни абхаза. С одной стороны, в новом качестве начинает развиваться его культура. В ее рамках появляются такие новые сферы, как художественная литература, наука, театральное и изобразительное искусство, архитектура, музыка, хореография и др., которые меняют саму структурную организацию ее существования. Из традиционной формы (живая память) культура стала переходить к нетрадиционной (знаковая система). Было ли это ответом на вызовы времени? Эпоха новой эры открывала для абхаза новые, доселе ему неизвестные горизонты, но при этом и обкрадывала его, меняла его систему ценностной ориентации.

Результаты этой работы включались в процесс формирования (социализации) нового поколения, содержание обучения которого наполнялось

новой информацией, в том числе из мира русской культуры. В каком-то смысле, эта информация стала источником развития, благодаря чему абхазское общество принялось поддерживать и развивать свою социальную дееспособность на качественно новом уровне.

Существенные изменения наметились и в мировоззрении абхазского народа, в системе его ценностной ориентации, в его ментальности и менталитете. Такие изменения стали происходить, прежде всего, в соотношении материальных и духовных ценностей. То, что было продекларировано его механизмом бытия, даже запретом, на этом этапе уже нивелируется и становится нормой – вспомним хотя бы реакцию абхаза и его отношение к вечерней школе, где должны были обучаться девушки абхазки. Оно было резко негативным! Но и это стало со временем обыденным явлением в жизни абхазского общества.

Следует заметить, что через определенные символы – одежду, доспехи, украшения, коня и т.д. абхазы понимали друг друга и строили взаимоотношения между собой в условиях традиционной абхазской культуры.

В изменившихся условиях содержание социальных стереотипов, столь ревностно соблюдавшихся в традиционном абхазском обществе, меняется. Носитель абхазской культуры стал все чаще выходить за пределы своего этнокультурного информационного пространства. Он потянулся к новым знаниям, просвещению, он уже не просто повторяет опыт своих предков, как было доселе, а по-своему начинает строить свое поведение, свое будущее.

Следует заметить еще одно жизненно важное явление. Абхазы на этом этапе из этноса превратились в нацию. Это понятие предполагало нивелировку этнических особенностей. СССР стал преследовать идею создания одной – социалистической – нации. Абхазы вольно или невольно становились частью одного «большого дома» и «большой семьи».

Х.А Хизриев

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДА ал-БАЙДА – ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ СТОЛИЦЫ ХАЗАРИИ

Академия наук Чеченской Республики (к.и.н., в.н.с.)
г. Грозный Комплексный научно-исследовательский институт РАН (в.н.с.)

Аннотация: *Статья посвящена локализации города ал-Байда – предпоследней столицы Хазарии. Специальной работы, посвященной этому городу, нет. Но в первых монографических работах о Хазарии считалось, что г. ал-Байда располагался в низовьях р. Волги. А.П. Новосельцев обоснованно опроверг этот вариант, доказав, что арабский полководец Мерван во время похода 737 г. до низовья Волги не дошёл. Однако он же считает, что г. ал-Байда и Семендер – это одно и то же, что не соответствует действительности. Все арабо-персидские авторы при перечислении хазарских городов одновременно дают и Семендер, и Байду. На основе сопоставления данных арабских историков ал-Куфи и других, автор приходит к выводу, что г. ал-Байда располагался на месте многослойного хазарского городища под названием «Татарское городище» возле г. Ставрополь.*

Ключевые слова: *Хазария, арабский халифат, Мерван, ал-Байда, Семендер, Дербент, Алания, «Татарское городище», хакан.*

H.A Khizriev

ABOUT THE LOCALIZATION OF THE CITY OF al-BAYDA – THE PENULTIMATE CAPITAL OF KHAZARIA

Academy of Sciences of the Chechen Republic (k.i.n., v.n.s.) c. Grozny
Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences (v.n.s.)

Abstract: *The article is devoted to the localization of the city of al-Bayda – the penultimate capital of Khazaria. There is no special work dedicated to this city. But in the first monographic works on Khazaria, it was believed that the city of al-Bayda was located in the lower reaches of the Volga River. A. P. Novoseltsev reasonably refuted this option, proving that the Arab commander Mervan did not reach the lower reaches of the Volga during the campaign of 737. However, he also believes that G. al-Bayda and Semender are the same thing, which does not correspond to*

reality. All the Arab-Persian authors, when listing the Khazar cities, simultaneously give both Semender and Bayda. Based on the comparison of the data of Arab historians al-Kufi and others, the author comes to the conclusion that the city of al-Bayda was located on the site of a multi-layered Khazar settlement called «Tatar settlement» near the city of Stavropol.

Keywords: *Khazaria, Arab caliphate, Mervan, al-Bayda, Serender, Derbent, Alania "Tatar settlement", khakan.*

По хазарской проблематике есть немало работ, но основными считаются монографии М.И. Артамонова[1], Дугласа Данлопа[2], А.П. Новосельцева[3], Л.Н. Гумилева[4], М.Г. Магомедова[5], С.А. Плетневой[6], Л.Б. Гмыря[7] и др. Все они пишут, что хазары азиатско-тюркского происхождения, хотя источники утверждают, что язык хазар – не тюркский и не похож ни на один знакомый им язык. Второй момент – все они уверены, что хазары были кочевниками, хотя раскопки М.Г. Магомедова показали, что Хазария первоначально зародилась в Терско-Сулакском междуречье, где проживало древнее земледельческое население и имелись цветущие города.

Впоследствии границы Хазарии расширились и охватили не только весь Северный Кавказ, но и Волго-Донское междуречье, Крым, вплоть до Днепра. Это было первое многонациональное раннефеодальное государство Восточной Европы, где защитниками от Арабского халифата выступали, в основном, народы Северного Кавказа, хотя о горцах исследователи мало пишут, традиционно выпячивая тюркский и ираноязычный элемент.

Дискуссионными остаются местоположения хазарских городов. Словом, выяснение этих вопросов является актуальной задачей исторической науки.

Данная статья посвящена локализации города ал-Байда – предпоследней столицы Хазарии. Специальной работы, посвященной этому городу, нет. Но в первых монографических работах о Хазарии считалось, что г. ал-Байда располагался в низовьях р. Волги[8]. А.П. Новосельцев обоснованно опроверг этот вариант, доказав, что арабский полководец Мерван

---

[1] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962, 522 с.

[2] Дуглас Данлоп. История хазар-иудеев. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2017, 255 с.

[3] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: «Наука», 1990.

[4] Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1966.

[5] Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. – Махачкала, Даг. кн. изд., 1994, 168 с.

[6] Плетнева С.А. Хазары. – М.: «Наука», 1986, 88 с.

[7] Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. – Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1995, 228 с.

[8] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. С. 220; Дуглас Данлоп. История хазар-иудеев. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2017. С. 72.

во время похода 737 г. до низовья Волги не дошёл[1]. Однако он же считает, что г. ал-Байда и Семендер – это одно и то же[2], что не соответствует действительности. Все арабо-персидские авторы при перечислении хазарских городов одновременно дают и Семендер, и Байду. На основе сопоставления данных арабских историков ал-Куфи и других, автор приходит к выводу, что г. ал-Байда располагался на месте многослойного хазарского городища под названием «Татарское городище» возле г. Ставрополь.

Об арабо-хазарских войнах пишут всего несколько арабо-персидских историков. Но сведения о военных действиях всегда бывают тенденциозными. Каждая сторона пытается представить себя в лучшем свете, а противника в худшем положении с большими потерями. У нас нет источников о военных действиях с хазарской стороны, чтобы сопоставить данные. Постичь истину помог третий независимый источник. Однако в армянском сочинении «История халифов Вардапета Гевонда» о походе Мервана 737 г. ничего не сообщается, хотя он дает оригинальные сведения о других походах. У ат-Табари также ничего нет об этом походе кроме упоминания. Очень краткие сведения дает и Баладзори. Но лучше всех и более подробно поход Мервана 737 г. описывает ал-Куфи. Ибн ал-Асир также дает хорошие сведения о нём.

Документы свидетельствуют, что Мерван к походу готовился основательно. Встретился с халифом и получил одобрение на выделение внушительного войска в 150 тыс. воинов. Собрав у армянского города Касак 120 тыс. воинов, сам выступил в поход весной через Дарьяльское ущелье. Во главе второго 30-тысячного отряда поставил Усайда ибн Зафира ас-Сулами, которому приказал двигаться на хазар через Дербент и встретиться с ним в Семендере, т.е. решил взять Хазарию в клещи. Если бы мы знали подробности движения отряда Усайды, то выяснилось бы местоположение многих городов, но источники об этом молчат.

Ибн ал-Асир оставил нам сведения о коварных действиях Мервана против Хазарии. Мерван послал людей к царю хазар просить перемирие. Тот согласился и направил к нему посланца для заключения мира. Но Мерван задержал его до тех пор, пока не закончил свои приготовления. Потом поручил вести посланца окружным путём, а сам двинулся по ближайшему пути. И не успел посланец добраться до своего правителя, как Мерван оказался у Семендера[3].

---

[1] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: «Наука», 1990. С. 154.

[2] Там же. С. 117.

[3] Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (полного свода истории) ибн-ал-Асир. – Баку, Азфан, 1940. С. 19.

Ал-Куфи сообщает, что в пути следования через Восточную Аланию (Чечню) Мерван «убивал, брал в плен и сжигал, и направился на Самандар»[1]. Видимо, речь идёт о Семендере-2, расположенном на Тереке у Шелковского городища, как считают Л. Н. Гумилев и М.Г. Магомедов. Это самое удобное место для сбора большого войска. Только цитадель имеет громадную площадь в 20 гектаров с высокими и широкими саманными стенами в длину и ширину по 450 м, окруженную глубокими рвами. Здесь Мерван произвёл перегруппировку войска, переодел всех в белую одежду и решил направиться на северо-запад на столицу хазар ал-Байду.

Он вызвал к себе одного из сирийских храбрецов по имени Каусар и сообщил ему, что, по данным лазутчика, хазарский царь направил против них одного из своих тарханов по имени Хазар-тархан во главе 40 тысяч воинов. Под страхом смерти поручил ему выступить ночью против хазарского войска, перейти реку и устроить засаду. В источниках об этом походе не приводится название ни одной реки. В данном случае, видимо, речь идёт о р. Кума, до которой Каусар дошёл до истечения суток, т.е. до обеда следующего дня. «Он натолкнулся на одного хазарского военачальника с 20 хазарскими всадниками, которые охотились с собаками и соколами» и убил их[2]. По исходящему дыму из лесной чащи они определили, что там находится хазарский отряд. «Они напали на хазар, перебили из них 10 тысяч и взяли в плен 7 тысяч»[3]. Остальные укрылись в чащах, в долинах и горах.

Позже выяснилось, что первыми убитыми оказались командующий войском Хазар-Тархан и его охрана. В данном случае командующий хазарским войском проявил непростительную беспечность – не выставил дозор, часовых, не провел разведку и среди белого дня занялся охотой, которая стоила ему жизни и гибели половины войска. А Каусар после ночного отдыха повернул назад и прибыл на встречу к Мервану, «доставив нанизанные на копья головы Хазар-Тархана и его воинов»[4]. После этого войско Мервана выступило и вскоре достигло города ал-Байда, в котором пребывал хакан, царь хазар. Хазарский правитель отступил в горы, неизвестно куда – или в Пятигорье, или в Чечню, но на расстоянии полутора дневной езды от ал-Байды, т.к. посланец хакана попросил у Мервана три дня, чтобы добраться до хакана и вернуться с ответом.

---

[1] Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Ч. 2 (пер. Буниятова З.М.). – Баку, 1981. Сю 8.

[2] Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Ч. 2 (пер. Буниятова З.М.). – Баку, 1981. С. 9.

[3] Там же. С. 9.

[4] Там же. С.9.

По предложению Мервана хакан согласился принять ислам, но попросил направить к нему человека для разъяснения сути ислама. «Затем хакан, царь хазар, принял ислам и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников»[1]. Мерван после захвата ал-Байды направился до реки славян (Дона) и захватил в плен двадцать тыс. человек. Мерван встретился с хаканом, оставил его править своим царством, принял от него подарки. Когда Мерван отправился назад в сторону Баб ал-Абваба (Дербента), он увел с собой не только пленных двадцать тыс. славян, но и двадцать тыс. хазар (скорее всего, жителей г. ал-Байды), которых поселил на равнине на реке Самур, а славян – в Кахетии. Потом славяне бежали, однако были настигнуты и уничтожены. Так закончился кровавый поход Мервана 737 года.

В интернете есть коллективная статья Музей-заповедник «Татарское городище» Годзеевича Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев А.А., на которую мы будем опираться при сопоставлении г. ал-Байда с этим городищем. В этой статье отмечено, что «письменных исторических сведений о нем пока нет, неизвестно и его название». Мы попытались привести его название и доступные о нем исторические сведения. Осталось добавить, что по некоторым источникам от Дербента до ал-Байды двести форсахов, т.е. почти 1000 км., а по другим данным 15 дневных переходов.

Крупнейший археологический памятник Предкавказья – «Татарское городище» сохранился среди реликтового леса между Ставрополем и селом Татарка. Название городища, случайно данное военными топографами в конце XVIII века, не имеет к татарам никакого отношения. Первым исследователем памятника был основатель Ставропольского краеведческого музея Г.Н. Прозрителев. В 1949 г. Т.М. Минаева изучила и опубликовала о нем статью, и «Татарское городище» получило широкую известность в археологии. В 1995 г. указом Президента Российской Федерации «Татарское городище» объявлено памятником федерального значения.

Археологи выяснили, что городище представляет собой сложный, многослойный памятник, состоящий из трех автономных укрепленных частей, функционировавших на протяжении почти двух тысячелетий с VIII в. до н.э. по X – XI вв. н.э.[2]. Городище имеет площадь около 200 га и функционировало на протяжении четырех исторических периодов: ко-

---

[1]Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Ч. 2 (пер. Буниятова З.М.). – Баку, 1981. С. 10.

[2] Электронный ресурс: http://sozidaem.info/geografic/muzey-zapovednik-tatarskoe-gorodische-chast-1_2.html

банского, скифского, сармато-аланского и хазарского. На городище имеются башни, склепы, стены, валы, рвы и родники.

Все столичные города Хазарии были трехчастными и сильно укрепленными. Как видим, письменные источники и данные археологии свидетельствуют, что предпоследняя столица каганата, известная под названием ал-Байда, находилась на Ставропольской возвышенности на месте нынешнего «Татарского городища». Только после захвата Мерваном г. ал-Байда хакан решил перенести столицу в низовье Волги под названием Итиль. Окончательный ответ, конечно, дадут широкие археологические раскопки городища. «Татарское городище» слишком крупный объект и его не осилит один или два отряда. Было бы хорошо объединить археологические силы Северо-Кавказского и Южного округов, пригласить еще археологов из Москвы и Санкт-Петербурга для раскопок этого чрезвычайно интересного археологического объекта, разбив его на десять секторов. Его раскопки дадут ответы на этническую, политическую и социально-экономическую историю загадочной Хазарии.

Архимандрит Дарат (Дбар),
атеологиа адоктор, Д. Гәлиа ихьз зху Аҧсуатҵаратә институт атоурыхтә ҟәша атҵаарадырратә усзуѡы еиҳабы

ДЫРМИТ ГӘЛИА: АНЦӘАХАТҴАРА ИАДҲӘАЛОУ ИПСТАЗААРА АХӘТА

«Аҧхьареи аѡыреи аҵара уманы уҟарҵом, зҧсы тоу зегьы рзы ууаѡ қьианы уҟараҷы урт ануцымхыраа»

Ашәҟәыѡы John Ruskin (1819–1900) иажәақәа,
Д. Гәлиа 1911 ш. жәабранмза 17 рзы ихыѡылааз[1]

Алагалажәа

Дырмит Гәлиа (1874–1960) ҳажәлар дырдыруеит аҧсуа литература апатриарх, апоет, апрозаик, атоурыхтҵааѡ, аетнограф, афольклорист, алингвист иаҳасабала. Имачуп ақьырсиан дырра-лашара алартәаѡык иаҳасабала дыздыруа. Уи зыхҟьазгьы, ипстазаареи ирҷиареи зынза еиҧшымыз ѡ-аамтак рыѡнытҟа иахьымѡапысуаз ауп.

Д. Гәлиа инитцит 86 шықәса, урт рахьтә 47 шықәса (дани инаркны Аҧсны асовет мчра шьықәгылаанза) анцәахатцара ашьақәгылара аамта иақәшәеит. Иаанхаз 39 шықәса (Аҧсны асовет мчра анышьақәгыла инаркны ипстазаара далтцаанза) – анцәахатцара ғәгәала ианаҷагылоз аамтан.

Гач ҳәа изышьтаз Гәлиа дхәыцын, азы дзаахны ақьырсиан хьыз ҷыц Дырмит ҳәа анихьзыртцаз. 37 шықәса анихытцуаз (1911 ш. жьтаарамза 11 рзы) Аҟәатәи акафедралтә ныхаҟны ипстазааразы ѡызас иалихыз Еленеи иареи қьырсиан тцасла агәыргьын рхартцеит[2]. 30-тәи ашықәсҟәа рзы Д. Гәлиа авба итаны ихцәажәон ирҷиара амистикеи анцәахатцареи

[1] Гулиа Г. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. М.: «Молодая гвардия», 1962. – Ад. 240. (ЖЗЛ, 19); Гулиа Гь. Дырмит Гулиа. Саб изкыу аповест. Еитҵ. Ш. Басариа. Аҟәа: «Алашара», 1964. – Ад. 239.

[2] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 67.

ирыдҳәалоу амотивқәа рныҧшуеит ҳәа[1]. Асовет мчра ахаангьы иҩны Абиблиа иман[2]. Иазгәасҭар сҭахуп даҽеакгьы: Д. Гәлиа акоммунист партиахь данрыдыркылаз 1955 ш. азоуп (81 ш. анихыҵуаз!).

Анцәахаҵара аамҭа иадҳәалоу иҧсҭазаара ахәҭа, шықәсыла ишеиҳаугьы, иахьа уажәраанҵа қәнагала иҵҵааҙам. Саргьы иахьа уи нарҵауланы салацәажәартә еиҧш сазыҡаҵаҙам. Аха иагьа ус иҡазаргьы, исҭахуп уи иадҳәалоу хҭысқәак азгәасҭарц.

Ихәычреи иқәыпшреи

Дырмит Гәлиа иавтобиографиаҡны (иҩын 1958 ш.), иара ихаҭа излазгәеиҵо ала, аашықәса днархыҳәҳәон иаб Урыс (аҵҙаахраан ихьҙцан Иосыф/Иасыф) аҵара ирҵаразы аҭыпантәи ақьырсиан ҧшьаҩы инапы дананиҵаз. Уи аҧшьаҩы ибзоурала хҧаҡа шықәса рыла Дырмит хәычы аҩышьеи аҧхьашьеи иҵеит[3].

Гьаргь Гәлиа (1913–1989) иаб изикыз аҩымҭа «Саб изкыу аповест» аҡны излазгәеиҵо ала, Д. Гәлиа аҩышьеи аҧхьашьеи злеиҵоз урысшәалеи (аныха-славиантәи – *аб Дарат*) қыртшәалеи иҩыз ақьырсиантә нцәамацзуратә шәҡәқәа рыла акәын[4].

Иаҳҳәар ҳалшоит, ҳазлацәажәо ахҭыс ҡалеит Аҙҩыбжьа ақытан 1881–1885 шш. рыбжьаразы. Д. Гәлиа ихаҭа излазгәеиҵо ала, иаб амҳаҵьырраҡынтә даныхынҳә, аханатә дахьынхоз аҭыҧ ахь (Уарча ақыҭа, Кәыдры арыҕьарахьтәи аҧшаҳәаҡаны) дгьежьыр рмузеит. Урыс иҭаацәа иманы дынхеит Кәыдры арымарахьтәи аҧшаҳәаҡны, ақыҭа Аҙҩыбжьа, ажәытәтәи рынхарҭа уаҩаҧшуа[5].

Дызусҭадаз абри аҧшьаҩы Дырмит Гәлиа аҩышьеи аҧхьашьеи изыртцаз?

Габриил, Имереҭиа аҧскәабаз/аепископ (1825–1896), Аҧсны ақәырсиан ныхақәа ирызку иныҡәаратә нҵамҭақәа рыҡны излеиҳәо ала, 1868 ш.

---

[1] «Я помню, – иҩуеит Г. Гәлиа иаб изикыз иҩымҭа аҡны, – как в тридцатых годах некоторые абхазские критики с серьезным видом писали о "мистических и религиозных мотивах" в творчестве Гулиа<…>. Я помню, как один недалекий переводчик, видоизменив текст, "поручал" народу покончить с кровопийцей Ходжаном. Автору приписывалась даже "проповедь христианского смирения". И это в стихах "Ходжан Великий"! Даже ребенку ясно, что библейские образы в поэзии не признак религиозного фанатизма<…>» (Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 88–89). Д. Гәлиа иажәеинраала «Хоҵьан ду» (иҩын 1910 ш.) аҡны ҳаҧхьоит: «Димыҙбашеи хахьтә Анцәа, Уа идгылоуп ашацәа<…> Дыҡам шиҳәоз Анцәа ду, Далаимыжьи амца дц!» (Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. Еиҿдыршәеит: Хә. Бҕажәба, С. Зыхәба. Аҡәа, 2003. – Ад. 53–54; Гәлиа Д. Ажәеинралаақәеи ахьҙыртәрақәеи. Иеиҿәиршәеит, апхьажәеи азгәаҭақәеи иҩит У. Аҩҙба. Аҡәа, 2013. – Ад. 44–49).

[2] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 85.

[3] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 429.

[4] Гәлиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 19–20.

[5] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 428.

(Д. Гәлиа иира 6 шықәса шагызи, иаб ҽыцнхара Аʒѡыбжьаҟа диасааноʒа 10 шықәса раԥхьеи) латцарамза 21 аҽены дырҭааит Кәыдры арыгьарахьтәи аԥшаҳәа иаԥныз ақытақәа, Уарчагьы налатцаны. Ари автор иажәақәа рыла, усҟантәи аамҭазы уа инхон 100 ҭзык рҟынʒа аʒы изаахыз аҭаацәарақәа. Аха дара ирымамызт аныҳәарҭагьы, дрымамызт аԥшьаѡгьы, абри иахҟьаны Аʒѡыбжьатәи (Кәыдры аʒиас нырцә ишьҭаз ақыта) ақьырсан ныха иадын[1]. Иара убри аҽенытәҟьа аԥскәабаз(аепископ) Габриил даҭааит Аʒѡыбжьа ақытан игылаз ақьырсиан ныҳәарҭагьы. Абра, аныҳәарҭа аштаҟны, ауаа рацәаѡны изыԥшны игылан, урҭ зегьы қьырсианцәан. Аʒѡыбжьа аныха амҭан иркьаҽыз иныҳәара даналга, ддәылтцны, амҽтәы саркьаласырҭа дытцагыланы, ажәлар рахь акыр инеитцыхны ажәахә ҟаитцеит. Уи аԥсшәахь еитеигеит аҳ Гьаргәал Чачба[2].

1869 ш. жьҭаарамза 8 рзы аԥскәабаз(аепископ) Габриил Аʒѡыбжьа еита ақьырсиан ныҳәарҭа даҭааит. Ашарԥазы дшааиз еиԥш маҷк иԥсы неитеикырц аҭыпантәи аԥшьаѡы иѡны дынгылеит. Уи аѡны аныҳәарҭа аштә итагылан (абра акәхап 12 шықәса рышьтахьгьы Д. Гәлиа аҭара ахьитцозгьы). Анаѡсан, аԥскәабаз(аепископ) Габриил аныхаҟны имѡаԥигеит Алитургиа ԥшьа, нас еита иеизаз ажәлар рахь ихы нарықәкны иажәа иҳәеит. Аԥскәабаз(аепископ)Габриил иацшьны иазгәеитоит ари ақытаҟны инхоз ауаа Аԥсны зегьы реиҳа ижәытәзатәу қьырсианцәан, рхаҭарагьы ғәғәан ҳәа[3].

Рыцхарас иҟалаз, хыхь зыʒбахә ххәаз автор иантцамҭаҟны Аʒѡыбжьа ақьырсиан ныҳәарҭа усҟан аматц азызуаз аԥшьаѡы ихьʒ ааигаʒом. Даҽеа нтцамҭак уи зҳәо макьана иҳақәымшәацт. Ибзиан ас еиԥш иҟоу аԥшаара иацтцазар. Аха, ԥымкрада иаҳәар ҳалшоит, Аʒѡыбжьа ақыта аԥшьаѡы иҟынтә Дырмит Гәлиа аѡреи аԥхьареи ртцара анаѡсан инапы шаиркыз ақьырсиан ныҳәарақәеи аныха-шәаҳәарақәеи ртцара. Уи аус ашьтахь иацитцеит Аҟәатәи ашьхарыуаа рышколи Нхытцкавказтәи артцаѡратә семинариеи рҟынгьы. Аҭыхәтәантәи аҭараиуарҭа италаран (1889 ш.) абас еиԥш иҟаз хҭыскгьы дақәшәеит.

«Было решено, – иѡуеит Д. Гәлиа иавтобиографиаҟны, – послать меня в Гори, в Закавказскую учительскую семинарию. Перед отъездом в семинарию смотритель снизил мне отметку по пению: вместо “пятерки” поставил “четыре”. Я огорчился тому, что я не круглый “пятерочник”. А оказалось, что смотритель поступил как опытный психолог. Приехав в семинарию, я застал там множество подростков, среди которых встречались и

[1] Гавриил, епископ Имеретинский. Обозрение абхазских и самурзаканских приходов // Православное обозрение, 11–12 (1868), ад. 337.

[2] Иара уа. – Ад. 340.

[3] Гавриил, епископ Имеретинский. Обозрение абхазских приходов в 1869 г. // Православное обозрение, 1870 (первое полугодие), ад. 1024.

усатые. В первый день отсеялась половина – по состоянию здоровья. Далее следовал экзамен по пению. Я отличался в церковном хоре, и это испытание не очень-то пугало меня. Когда я пропел “до-ре-ми-фа-соль-ля-си” и “си-ля-соль” и так далее, – председатель комиссии, какой-то усатый дядя с орденами, покачал головой<…>.

– Спой “Отче наш”, – сказал он.

Выслушав “Отче наш”, он опять покачал головой, косясь на мои отметки. Потом он проговорил, обращаясь к остальным членам комиссии:

– Странная эта четверка. Гулиа достоин пяти с плюсом. Смотритель школы, как видно, слишком взыскательный. Думаю, что и по остальным предметам этот юноша преуспевает не хуже, чем по пению»[1].

Аҧсуа нбаншәҟәы ҩыц

Ишдыру еиҧш, 1892 ш. Дырмит Гәлиеи (ихыҵуан 18 шықәса) иара ирҵаҩы Константин Маҷавариани (1857–1926) итрыжьит аҧсуа нбаншәҟәы ҩыц, аиҳарак аурыс графика шьаҭас измаз (кириллица)[2].

Д. Гәлиа игәалашәарҟәа руак аҟны абас иҩуан: «В этом году (1891 ш. – *аб Дарат*) мы, совместно с К. Д. Мачавариани, составили первый абхазский алфавит и азбуку, которые нашли практическое применение в стране. Со временем по этой азбуке начали учиться грамоте абхазцы. Открылась возможность говорить с народом на его родном языке. Конечно, было чрезвычайно тяжело продвигать и пропагандировать абхазскую книгу в условиях царского самодержавия через школу, где занятия велись преимущественно на русском языке. О других путях первое время нечего было и думать. Но так или иначе, основа была заложена. Впереди предстояла упорная каждодневная работа и борьба»[3].

Ари «Анбан», Гьаргь Гәлиа хыхь зыҙбахә ҳҳәаз иаб изикыз аҩымҭаҟны излазгәеиҭо ала, лассы ажәлар ирылаҵәеит. «Не было абхазского села, – иҩуеит Гь. Гәлиа, – где бы не знали по крайней мере о ее существовании. В этом и состояло основное отличие новой “Азбуки” от бартоломеевской, которая так и не смогла перейти порог кабинетов ученых-лингвистов»[4].

---

[1] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 430.

[2] Абхазская азбука. Главнейшие молитвы и заповеди на абхазском и церковнославянском языках. Тифлис, 1892. – 36 д.; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 15–50. Д. Гәлиеи К. Маҷавариани рхы иадырхәаз алфавит 51 нбанла ишьақәгылаз иазкны уахәаҧш: Смыр А. Абхазская письменность сегодня // Алашарбага, 4 (2017), ад. 83.Убасгьы уахәаҧш: Агрба К. В. Раҧхьаҙа хатәы бызшәала аҩреи аҧхьареи артҵаразы артҵага шәҟәы аиқәршәаратә принципқәа // Аҟәатәи аҳәынҭқарратә педагогтә институт аусумҭақәа, 20 (1969), ад. 141–142.

[3] Гулиа Д. Рождение абхазского театра. (Воспоминания) // Альманах писателей Абхазии. Кн. 4. Сухум, 1938. – Ад. 182.

[4] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 46–47.

Хыхь изныкымкәа иааҳгахьоу Д. Гәлиа иавтобиографиа излаҳнардыруа ала, ари анбаншәҟәы аиқәыршәара ихшыҩ азишьҭит Давид Маҷавариани 1890 ш. Ашәҟәы ахаҭа еиқәыршәан 1891 ш., адырҩашықәсазгьы иҭыжьын[1]. Иазгәаҭатәуп, ара ахьӡ аилагара ҟалазар алшоит: зыӡбахә ҳәоу апротоиереи Давид Маҷавриани (1821–1905) иакәзам, уи ичкәын Аҟәатәи ашьхарыуаа рышкол ахылаԥшҩы Константин Маҷавариани иоуп.

Ҳазлацәажәо аԥсуа нбан иацҵаны иқьыԥхьын аныха-славиантә быӡшәаҟынтә аԥсшәахь еиҭагаз ихадоу ақьырсиан ныҳәарақәеи Анцәа Ипҟарақәа жәабеи. Аиҭагаҩцәа аԥхьажәаҟны ишырҳәо ала, «молитвы дадут прекрасный материал для чтения и научат абхазских детей молится Богу на их родном языке»[2].

Ибзиан, Дырмит Гәлиа абриа аԥсуа нбанаҟны ихы иаирхәаз анцәахаҵара иадҳәалоу атерминқәа егьырҭ (иара иаԥхьа нас ишьҭахьгьы) аԥсшәахь иеиҭагаз ақьырсиантә текстқәа рыҟны иуԥыло атерминқәа ирҿырԥшызар.

Ара ҿырԥштәыс иаазгар сҭахуп ҳзыхцәажәо анбаншәҟәы аҟны иуԥыло акык-ҩбак анцәахаҵаратә термниқәеи ацәахаҵаратә ҵакы змоу ажәаԥҟақәеи: «Анцәа» (Бог), «Иесо Кристе» (Иисус Христос), «амаалыҷь» (ангел), «апап» (священник), «адин» (вера), «адинда» (неверный), «Афы» (бог грома), аҵьар (крест), «атәыла» (вселенная), «Иуана» (Иоанн), Хҩра (Троица), «Аԥсҳа» (Владыка), «Аԥсҳара» (Царство), «асалиан-ҵара-лыхҩы» (мытарь), «Адам ддаум, дуаҩуп» (Адам не богатырь, а человек), «Ацгәы ахәарҭа ианызҭамла, иахьа хәашоуп аҳәон» (Кошка не могла влезть в корзину и говорит: сегодня пятница (ахәаша ақьырсианцәа рзы чгара мшуп – *аб Дарат*)).

Ҷыдала иазгәасҭар сҭахуп даҽеакгьы. Анбан аҟни уи иацу ажәараҟни Дырмит Гәлиа ажәа «господин» еиҭеигоит «аҳ» ҳәа. Аныҳәарақәа реиҭагараан ажәа «Господь» еиҭеигоит «Иҳақәиҭу» ҳәа[3]. Ари иашам ҳәа исыԥхьаӡоит, избан акәзар аурыс ажәа «господин'и» аныха-славиантә ажәа «Господь'и» рҩышьа шеиԥшымгьы рҵакы акоуп, убри аҟнытә аԥсшәахьгьы иеиҭагатәуп «Аҳ» ма «Аҳ Ду» ҳәа.

Аиҭагаратә комиссиа

1892 ш. Аҟәатәи аԥскәабаз(аепископ) Агаҭодор (1891–1893) ибзоурала анцәамаҵзуратә шәҟәқәеи адинтә-ааӡагатә ҵакы змаз ашәҟәқәеи аԥсшәахь реиҭагаразы акомиссиа аԥҵан[4]. К. Маҷавариани 1892 ш. хәажәкырамза 5 рзы иеиқәиршәаз ари акомиссиа алахәцәа рыхьӡынҵаҟны

[1] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 431.

[2] Иара уа. – Ад. 17.

[3] Абхазская азбука. – Ад. 15, 26–35.

[4] Мудролюбов П. Агафодор, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский. СПб., 1910. – Ад. 21.

иарбан Д. Гәлиа ихьӡгьы, абас ихҳәааны: «Словесный переводчик следователя Сухумского мирового отдела Дмитрий Урусович Гулия – природный абхазец, из 1-го класса Закавказской учительской семинарии – свободно владеет 4-мя языками: абхазским, мегрельским, грузинским и русским»[1].

Ара иазгәаҭатәуп, Гь. Гәлиа иаб изикыз хыхь зыӡбахә ҳҳәаз аҩымҭаҟны иҩуеит, 1892 ш. анаҩсан Д. Гәлиа дызланхоз аеллинцәа ирыбзоураны ишитцаз даҽеа бызшәакгьы – аеллин ҿыц бызшәа[2]. Ари аинформациа ахьынӡаиашоу аҳәара уадаҩуп.

Аиҭагаратә комиссиа 1892 ш. ишаҧцазгьы, аусура ианалагатцәкьа 1906 ш. азоуп. Абри ашықәсан хәажәкырамзазы имҩаԥысит Аиҭагаратә комиссиа актәи аизара, наԥхгарагьыазиуит Аҟәатәи акаҭедралтә-ныха иахагылазаҧшьаҩыхада Гьаргь Голубцов (1868–1948). Акомиссиа ишьақәнарҕәҕәеит раԥхьаӡа иргыланы аԥсшәахь еиҭагатәуп ҳәа ацқьа Иуана Ахьҷы Илитургиа ԥшьеи Ақәнага шәҟәи (аӡӡахреи, агәыргьын хатцареи, аԥсы ихаԥхьареи рымҩаԥгашьа зҳәо ашәҟәы).

Жәымз рышьҭахь, 1906 ш. ԥхынҷкәынмза (қьырсамза) 27 рзы, Аҟәатәи Аепархиатә хеилак ахыбраҟны (иахьатәи Аԥснытәи аҳәынҭқарратә атәылатцааратә музеи ахыбра) аусура иалагеит Аиҭагаратә комиссиа аҩбатәи аизара. Уи иалахәын аԥшьаҩцәа – Дырмит Маан, Никәала Ладариа, Алеҟсандр Ажьиба, артцаҩцәа – Фома Ешба, Дырмит Гәлиа, Никәала Патеиԥа, аҳ Куасҭа Маршьан, Антон Чыкәбар. Акомиссиа наԥхагараарҧон –Стефан Алферови, аԥшьаҩыхада Гьаргь Голубцови. Акомиссиа аԥшьаҩы Никуала Ладариа иазирхиаз ацқьа Иуана Ахьҷы Илитургиа ԥшьа аиҭага иахәаԥшны ариашараҟәа аларгалеит, анаҩс акомиссиа иалахәыз егьырҭ аиҭагаҩцәа русумҭақәагьы ирыхәаԥшит[3].

Ҳзыхцәажәо Аиҭагаратә комиссиа иабзоураны аԥсшәахь иеиҭаганы икьыԥхьын:

1. Анцәаратә Литургиа Иоанн Хьҷы иифыз (Божественная Литургия св. Иоанна Златоуста). Тифлис, 1907. – 53 д. (400 цыра).[4]
2. Ақәнага шәҟәы (Требник). Тифлис, 1907. – 69 д. (400 цыра).[5]
3. Анцәаиматцура аизга шәҟәы (Богослужебный сборник). Тифлис, 1908. – 232 д.[6]
4. Ақьырсиан иаша Екклесиа аныҳәа дуқәа (Важнейшие праздники Православной Церкви). Тифлис, 1910 (оригиналтә ҭыжьымҭа сҧыхьамшәацт).

---

[1] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум: «Алашара», 1979. – Ад. 139.

[2] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 47.

[3] Прибавления к Церковным ведомостям, 4 (1907), ад. 165.

[4] https://anyha.org/iuana-xjtshy-aliturgia-1907-sh/

[5] https://anyha.org/akunaga-sfquy-apsysfala-1907-sh/

[6] https://anyha.org/ancwaimatzzuraswquy-apsyswala/

5. Алитургиаан ашәаны ирҳәаҟәо (Нотный обиход абхазских литургийных песнопений). Тифлис, 1912. – 16 д.[1]

6. Аевангелиа Цқьа (Богослужебное Евангелие). Тифлис, 1912. – 368 д.

7. Иҳақәиҭу Иисус Христос Иевангелиа Цқьа Матфеи, Маркози, Лукаи, Иоанни рыҟнытә (Святое Евангелие Господа Иисуса Христа от Матфея, Марка, Луки и Иоанна). Тифлис, 1912. – 356 д.[2]

Хыхь иеиқәаҳаԥхьаҙаз ақьырсиан шәҟәқәа зегьы реиҭагара аус, ҳәарада, далахәын Дырмит Гәлиа. Аха, ибзиан ҷыдала иҭцаазар, иарбан шәҟәқәоу ма иарбан хәҭақәоу хаҭала иараиеиҭеигаз?

Иахьазы иаҳдыруеит, Д. Гәлиа имацара аурысшәахьтә аԥсшәахь ишеиҭеигаз «Ақьырсиан иаша Екклесиа аныҳәа дуқәа (Важнейшие праздники Православной Церкви)» ҳәа хыс измаз аусумҭа[3]. Избанзар ари ашәҟәы атитултә бгьыц аҟны ҳаԥхьоит: «Перевод сделан учителем Киндгского училища Д. И. Гулиа и пересмотрен комиссией при Сухумском епархиальном училищном совете по переводу Священного Писания на абхазский язык»[4].

Ари аусумҭаҟны иркьаҷны ирыхцәажәоуп Орҭодокс Ныхазы ихадаҙоу аныҳәақәа: «Аҭыԥха Мариа Лира (Рождество Богородицы)» (цәыббрамза 8); «Ицқьаҙоу Анцәа Дызхылшаазауахәамаҟны Лнагара (Введение во храм Пресвятой Богородицы)» (абҵарамза 21); «Агәырҧажәабжь– Анцәа (Благовещение)» (хәажәкырамза 25); «Иҳақәиҭу Иисус Христос Иира (Рождество Христово)» (ԥхынҷкәынмза 25); «Иҳақәиҭу Иԥылара (Сретение Господне)» (жәабранмза 2); «Иҳақәиҭу Инатра (Крещение Господне)» (ажьырныҳәамза 6); «Иҳақәиҭу Иҽеиҭакра (Преображение Господне)» (нанҳәамза 6); «Иҳақәиҭу Иерусалим Иҭалара (Вход Господень во Иерусалим)»; «Иисус Христос Игылара (Воскресение Христово)»; «Христос Ихалара (Вознесение Христово)»; «Аԥсы Цқьа Албаара (Пятидесятница); «Анцәа Иан Лылацәа аиқәԥсара (Успение Богородицы)» (нанҳәамза 15); «Иҳақәиҭу Ицьар Аҳаракра (Воздвижение Креста Господня)» (цәыббрамза 14)[5].

Дырмит Гәлиа имаҷымкәа аҵьабаа адибалеит Аевангеглиа аиҭагарагьы. Иавтобиографиаҟны уи аус аҵыхәала абас иҩуан: «Первое десятилетие нашего века я посвятил переводам, главным образом, церковных книг. Как член переводческой комиссии немало труда вложил в Евангелие на абхазском языке. Стараясь по возможности быть точным, мы привлек-

---

[1] https://anyha.org/apsua-liturgia/

[2] https://anyha.org/aguyrgjachhuasha-apsysfala-1912/

[3] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 353–362. Ари аиҭага аҩбатәи аҭыжьра еиҷекаан 1992 шықәсазы, иахьатәи аԥсуа ҩышьаԥҟарақәа шьаҭас иаҭаны (https://anyha.org/akjyrsian-nyhua-dukua-1992/).

[4] Иара уа. – Ад. 353.

[5] Иара уа. – Ад. 354–362; Важнейшие праздники Православной Церкви. Ақьырсиан иаша Екклесиа аныҳәа дуқәа. Пер. Д. И. Гулиа. Изд. 2. Сухум, 1992. – Ад. 4–8. Убасгьы уахәаԥш: Алашарбага, 2 (2015), ад. 4.

ли к своей работе тексты: греческие, древнеславянские, русские, грузинские. Мне кажется, что с точки зрения языка и точности текста перевод удался<…>»[1].

Мушьни Лашәриа излазгәеиҭо ала, ԥшь-Евангелиак рыԥнытә иарбану хаҭала Д. Гәлиа иеиҭеигазԥьаргьыишарбамгьы, иара иоуп иеиҭазгаз Матҭа иԥнытә Агәыргьаҽҳәаша (Аеванегелиа). «Поскольку, – иацитцоит ари автор, – образы, мотивы, идеи плавно переходят в гулиевскую поэзию того времени»[2].

Аҽатә Уасиаҭ апсышәала ацыхәтәантәи аҭыжьымҭа (2015 ш.) апхьажәаԥны М. Лашәриа ари азҵаара еиҭа дазыхынҳәуеит. «Иеилкаам, – иҩуеит иара, – Аевангелиа цқьа аиҭагара иалахәыз апшьҩык (М. Лашәриа урҭ рыхьӡқәа еиқәиԥхьаӡоит: апротоиереи Дырмит Маан, апшьаҩы Никәала Ладариа, апшьаҩы Никәала Патеипа, Дырмит Гәлиа – *аб Дарат*ӡ) рахьтә уи апшь-шәԥәык еиҭазгаз зустцәоу, хаз-хазы иганы. Аус шыруаз атәгьы: иеидтәаланы, “уааҳәла” акәзу, дасу иеиҭагатә – ихәҭаа имазу? Ашәԥәы “Матфеи иԥынтәу” Д. И. Гәлиа ипоезиатә рҽиамҭақәа ртцакы, ртематика, рпоетика ирыдкыланы уахәаԥшуазар – уи еиҭазгаз ҳпоет ду иоуп уҳәартә аиԥш иԥоуп. Аха, абри аамҭазгьы, издыруада Дырмит Иосиф-ипа егьырҭ ашәԥәқәа реиҭагарагьы далахәзар? Мамзаргьы егьырҭ ахҩык рахьтә аҳәы “Матфеи иԥнытә” иара иԥьабаагьы адзар? Дҳаздырам иара убас аҭыжьымҭа зегь зеиԥш редакторс иамаз. Д. Гәлиа иазгәеиҭоит аиҭага акорректура зкыз сара сакәын ҳәа. Иеилкаам иара абри иаанагогьы: аҭыжьымҭа азеиԥш редакциа амазу иамамзу?»[3]

Иазгәаҭатәуп, иара Аевангели цқьа ахаҭа алагалажәаԥны ишарбам иеиҭазагаз рыхьӡқәа[4].

Гь. Гәлиа хыхь зыӡбахә ҳҳәаз иаб изикызаҩымҭаԥныизлеиҳәо ала, Дырмит Гәлиа Агәыргьаҽҳәаша (Аеванегелиа) аиҭагара ишақәнагаз иҿазыԥаитцеит. «Купил Библию, – иҩуеит иара, – на русском языке (она и до сего дня цела, на ней автограф Гулиа). Затем раздобыл эту книгу на греческом, грузинском и церковнославянском языках. Полагая, что при толковании определенных терминов безусловно понадобятся Талмуд и Коран, он достал и их. Не ожидая вестей от экзарха, начал изучать древнеев-

---

[1] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 431–432.

[2] «Всю жизнь свою в труде, как горная вода». Интервью с М. Т. Ласуриа. 21 Февраля 2014 г. http://www.apsnypress.info/news/vsyu-zhizn-svoyu-v-trude-kak-gornaya-voda/. Ласуриа М. Т. Христианство в раннем творчестве Д. И. Гулиа // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. По материалам Международной научной конференции. 22–26 октября 2003 г., г. Сухум. Москва – Сухум: АбИГИ, 2012. – Ад. 246–248.

[3] Аҽатә Уасиаҭ. Иеҭеигеит М. Лашәриа. Москва – Аԥәа, 2015. – Ад. 9.

[4] Аевангелиа Цқьа. Тифлис, 1912. – Ад. V.

рейский и арабский языки»[1]. Ацыхәтәан зыҙбахә ҳәоу афактқәа, Гь. Гәлиа ихаҭа иацитцаз акы акәны иҳаԥхьаҙоит.

М. Лашәриа иҩуеит: «За этот перевод Гулиа постоянно упрекали, а в 1927 г. на территории Ново-Афонского монастыря был публично сожжен весь оставшийся тираж Евангелия. Гулиа был верующим человеком и, конечно, очень тяжело все это переживал»[2].

Аиҭагаратә комиссиа иадҳәалоу Д. Гәлиа иԥстазааракҟнытә ахҭысқәа рыхцәажәара хырқәшо, исҳәар стахуп даҽеакгьы.

Ацқьа Иуана Ахьҷы Илитургиа ԥшьа еиҭаганы ианкьыԥхьха, 1907 ш. абҵарамза (ма иара Д. Гәлиа ихаҭа дшашьҭаз – гьаргәабамза) 6 рзы Лыхныха амҵан имҩаԥган раԥхьаҙатәи анцәаиматцура аԥсышәала. Уа Д. Гәлиа аԥсышәала «Ақьырсианцәа рхатцара дырга (Символ веры)» даԥхьеит[3]. 1919 ш. азы агазет «Аԥсны» аномерқәа руак ақҟны Д. Гәлиа икьыԥхьуеит инҵамҭа «Ҳара аԥсацәа ныҳәас иҳамоу иарбан мшыу?» ҳәа хыс измаз. Абра гьаргәабамза (абҵарамза) 6, раԥхьаҙа аԥсышәала анцәаиматцура анымҩаԥгаз, аԥсуаа рқьырсиан ныҳәақәа ируакны амҩаԥгара рыдигалоит[4].

Урыстәыла ақәырсиан ҭыпқәа рҭаара

1908 ш. рашәарамзазы Дырмит Гәлиа раԥхьаҙа акәны даҭааит Москва, уантә ақалақь Владимир ақынҙагьы днабжьысит. Москва ибеит Кремль ақьырсиан ныхаргыларақәа, даҭааит «Данилов» монастыр. Владимирҟа Д. Гәлиа дызлаз аделегациа рцара Қырҵтәыла аурыс ексархос Никон Софииски (1861–1908) анышәа дахьамардаз аҭып аҭаара акәын изыдҳәалаз[5]. Ишдыру еиԥш, ексархос Никон дшьын 1908 ш. латцарамза 28 рзы ақалақь Қарҵ. Инижьыз иуасиаҭ инақәыршәаны анышә дамадан Владимир ақалақь ақҟны Анан Лылацәеиқәыпсара акатедралтә ныхаҷы[6]. Д. Гәлиа ихаҭа Владимир иазикыз ажәеинраала ақҟны иазҕәеиҭоит, уи ақалақь ишаҭааз аексархос Никон иԥсра аҩынҩажәамш аҽены (уахәаԥш тцаҟа).

Д. Гәлиа Урыстәыла иҟазаара иалагҙаны иапитцеит хыхь зыҙбахә ҳҳәаз ақалақьқәа ирызкыз ҩ-рҷиамҭак. «Москва» ҳәа хьзыс измаз ажәеинраала (раԥхьатәи аҭыжьраҷы ианаԥтцаз ҳәа ааМҭас иарбоуп 1907 ш. рашәарамза

---

[1] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 67. Гьаргь Гәлиа иажәақәа рыла, Д. Гәлиа «знал назубок чуть ли не все Евангелие» (Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 25).

[2] Уахәаԥш:http://www.apsnypress.info/news/vsyu-zhizn-svoyu-v-trude-kak-gornaya-voda/. Убасгьы уахәаԥш: Ласуриа М. Т. Христианство в раннем творчестве Д. И. Гулиа. – Ад. 250.

[3] Богослужения на абхазском языке // Прибавления к Церковным ведомостям, 48 (1907), ад. 2132–2136.

[4] Агазет «Аԥсны» (1919–1921 шш.). Еиқәиршәеит, аԥхьажәеи азгәаҭақәеи иҩит У. Ш. Аҩзба. Ақәа, 2006. – Ад. 49–50; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 165–166.

[5] Гәлиа Д. Ажәеинралаақәеи ахьзыртәрақәеи. – Ад. 177–183.

[6] Некролог // Прибавления к Церковным ведомостям, 22 (1908), ад. 1028–1032.

5, аха уи иашам, ари ажәенраала ҩын 1908 ш.) Д. Гәлиа ихирҟәшоит абас еиԥш иҟаз ацәаҳәаҟәа рыла:

«Уи ззысҳәо умҵәыжәҩа аҵаҟа, Даниил ибертҭып аҿы иҟоу иоуп,
Анышәынтҵра дуқәа рыварахьшәа настҳа наҟ ижу иоуп,
Амырмышь цәыиқәара хаҳә-ду иаҵоу ашәҟәыҩоы ду иоуп,
“Горьким словом моим посмеюся” ҳәа зқәҩыу иоуп,
Есымша изызҳауа, зыҳьз мыԥсзо, Гоголь иоуп»[1].

Аҩбатәи ажәеинрала «Владимир» (раԥхьатәи аҭыжьраҿы ианаҧтцаз ҳәа аамҭас иарбоуп 1907 ш. рашәарамза 7, аха уи, хыхь ишазҕәаҳҭаз еиԥш, ииашам, ажәеинраала ҩын 1908 ш., аексархос Никон ишьра ашьҭахь) Д. Гәлиа аҭыхәтәантәи ҩ-кәуплетк хирҟәшоит абас еиԥш иҟоу ацәаҳәаҟәа рыла:

«Ехьаа сааит уара уҿы, аха қьаф ушақә смаазеит,
Қартҵтәи аекзарх Никон, аԥсаҧоуцәа раԥхьа игылаз,
Аиашазы, мдыр-гәымбыл напыла, иҵахаз,
Уара уҿы иаҳәаны назаза ԥсшьартас иҟазҵаз,

Иҩынҩажәа мшы рзы идамра сеихырхәарцы саарышьҭыит,
“Иррақат, Иҳақәитү, утәы иԥсыз иԥсы” – ҳәа зну аныха (икона – аб Дарат) амч ала,
Уи зсахеу, аԥеҳамбар-дыу Симон Кананит иныҳәаԥхьызала
Ибзиахааит иԥсаҵа, аус бзиақәа зҵынхаз,
Архиепископ Никон, заамҭа аанза, мдыр напыла, иҵахаз»[2].

Абас еиԥш аексархос Никон Д. Гәлиа дихцәажәартә иҟазҭаз, Никон Қырҭтәыла ексархос данықаз аԥсшәахь иеиҵагаз ацқьа Иуана Ахьҿы Илитургиа ԥшьеи Ақәнага шәҟәи рҭыжьра даара ацхыраара ахьаиҵаз ауп. Уи аҭыхәала Аиҵагаратә комиссиа алахәцәа, Дырмит Гәлиагьы дынрылакны, аексархос изырҩыз ашәҟәы аҟны иҳәан: «Ваше Высокопреосвященство, всемилостивейший архипастырь! <…> Ныне нами изготовлен перевод святой литургии Иоанна Златоуста. Испрашивая благословение и одобрение Вашего Высокопреосвященства на этот начаток трудов наших, мы осмеливаемся уверить Вас, что к этому труду мы приложим все наше старание и познание, дабы точно по подлиннику и ясно для народного

[1] Гәлиа Д. Ажәеинралаақәеи ахьзыртәрақәеи. – Ад. 94–95. Н. Гоголь аханатә анышә дахьамаз «Данилов» монастыр аҟноуп. 1931 ш. азоуп иԥсыба «Новодевичье» амонастыр ахь иниарга.

[2] Иара уа. – Ад. 96–97; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 51.

разумения передать на абхазском языке текст святой литургии. Нами руководило одно желание принести посильную помощь родным братьям своим; одно искреннее стремление способствовать просвещению сердец их светом Христова учения подвинуло нас на труд, предлагаемый благорассмотрению Вашему. При архипастырском содействии вашем мы надеемся получить возможность и средства к напечатанию первого труда нашего для снабжения им как пастырей абхазцев, так и народных школ и всех, кому дороги духовные нужды родного народа. Таких средств мы совершенно не имеем. Мы готовы трудиться насколько позволят силы, но без вашей помощи и содействия труды наши не увидят света. Только ваша помощь может увенчать их и только с нею слово Божие станет доходить к сердцу и разуму народа нашего беспрепятственно, вселяться в него разумно и богатно и при благословении Божием принесет плод. В сердцах наших живет надежда, что в великие дни предстоящей святой Пасхи Бог приведет абхазский народ слышать служение святой Литургии, слышать радостную песнь о воскресении Христовом и Евангельскую весть о Боге Слове на понятном ему языке. Тогда великий христианский праздник явится воистину началом возрождения из мертвых нашего многострадального народа»[1].

Гьаргь Гәлиа иажәақәа рыла, акыр шықәсқәа рышьҭахьгьы Д. Гәлиа Урыстәыла иҟазаара ахҭыс изныкымкәа игәалашәаны иҭаацәа ирзеиҭаиҳәон. Гь. Гәлиа иаб изикыз аѳымҭаҟны иааигоит уи аныҟәара иадҳәалаз акыр узырччо хҭыскгьы.

«Однажды, – иѳуеит Гь. Гәлиа, – осматривая кремлевские храмы, Гулиа потерял из виду своего попутчика. Поискав, обнаружил Титу среди гробниц великих князей. Дворянин (Титу – *аб Дарат*ҭ) разговаривал с монахом, прося его о чем-то очень важном. Он говорил, напряженно подбирая слова:

– Ты понимай? Моя есть дворянин… Моя Титу… Вот десять рублей, и ты и твоя епископ говорил во здравие. Титу во здравие, Гуатас во здравие, Бата за упокой, Мина во здравие, Макрина за упокой, Хаджарат во здравие… Нет, Хаджарат тоже за упокой. А вот другой Хаджарат во здравие. Ты моя понимай?»[2]

Агазеҭ «Аҧсны»

Аҧсуа газеҭ «Аҧсны» (иҭытҵуан 1919–1921 шш. рзы, редактор хадасгьы даман Д. Гәлиа) адаҟьақәа рыҟны иаҳҧылоит иара Дырмит Гәлиа ихаҭа ақьырсианреи анцәахаҵареи ирыдҳәалоу иантҵамҭақәагьы.

[1] Прибавление к Церковным ведомостям, 26 (1907), ад. 1041.
[2] Гулиа Г. Повесть о моем отце. – Ад. 68–69.

1919 ш. рзы Амшаԥныхәа мшаԥымза 20 иаҟәшәеит. Абри амш аҽены иҭытцыз газеҭ «Аԥсны» 5-тәи аномер ақьырсиан ныхәа ду – Иаса Қьырса аԥсцәа рахьтә игылара иазкын. Агазеҭ раԥхьатәи адаҟьа алагон абас еиԥш иҟаз адныхәарала: «Христос Дгылт! Ҽаанбзиала, дадраа, абри агазеҭ збызшәала иҩуа жәлар, аԥсацәа! Ишәыдаҳныхәалоит абри аныхәа –мшаԥы лашараду!» Анаҩсан икьыԥхьын Д. Гәлиа истатиақәа: «Христос иира шыҟалаз», «Иисус Христос игылара», «Амшаԥы лаша аҽены ашәаны ирхәо атропар», «Амшаԥлакә», «Ҳара аԥсацәа ныхәас иҳамоу иарбан мшу?» – ҳәа хыс измаз[1].

Аҭыхәтәан зыҙбахә ххәаз анҵамҭа «Ҳара аԥсацәа ныхәас иҳамоу иарбан мшу?» аҟныД. Гәлиа иҩуан: «Ҳдин азы иаххәахьоузеи? Ҳара цқьацәас иҳамақәада? Ныхәақәас иарбан мшқәоу иҳамоу? Ҳара хазы жәларызар абарҵқәа ҳтахуп. Абри, сара сгәаныла, азхәыцра аҭахуп. Абри аҳасаб ала аус зуа еилырганы измоу ҙәыр дыҟазар, иаамҭоуп шьҭа абри ацәыргара. Аха сара абри ахы анцәырызга, сара сгәы иаанаго ԥытк сҳәап. Аԥсны ԥасаҙа ақьырсианра алашара алазгалаз Симон Кананит иоуп (Ԥсырҙха джуп). Убри иоуп аҙәыс ацқьацәа рахь аԥсацәа алашара рылазгала. Иара имшныхәоуп маи жәаба рзы (ажәытәла, аҽатәла латцарамза 23 – *аб Дарат*ӡ). Акыс абри амш аԥсацәа рзы ныхәа дууп. Ҩба – гьаргәаба фба – раԥхьаҙа аԥсышәала аныхәара аныҟалаз амш. Хԥа – нанҳәа 15 (жәытәла, ҽатәла нанҳәамза 28 – *аб Дарат*ӡ) – Анцәа дзыхшааз лылацәа аиқәыԥсара амш, ҳара ҳзы ныхәазароуп ҳәа сыҟоуп – Анцәа иан Аԥсны ҽыхҩыси, хьчаҩыси дахьамоу азы. Ажәытәтәи ҳуахәамақәа зегьы: Лҙаа ауахәама, Лыхны ауахәама, Мыкә ауахәама... Зегьы лара лыхьҙ алоуп излаҟатцоу. Лыдзааныха (Анцәа дзыхшааз лныха (икона – *аб Дарат*ӡ)) ожәыгь Гелаҭ иҟами? Уи азы кры анбаҳәатәу? Иаамҭамишь? Дырҩагьых исымоуп исҳәақәаша, аха ожәы саанҽасуеит абри аҽы»[2].

Абраҟа иҳәатәуп, 1921 ш. Д. Гәлиа иҭижьыз раԥхьаҙатәи «Аԥсуа календар (стил ҽыцла) 1921-тәи ашықәса азы» аҟны иазгәеиҭаз аныхәақәа рыбжьара ԥшьба рыда егьырҭ зегьы қьырсиан ныхәақәоуп: «Ианвар акы иаркны быжьба рҟынҙа чгароуп. Ианвар 1 ашықәс ҽыц. 7-ба – Христос Иира. 8 – Христос иира адырҩаҽенытәи аныхәа; 12 – аревалуциа амш, 18 – чгароуп; 19 – Христос аҙҙаашьра анидикыла амш; 7 април Агәыргьажәа; 30 април Асабша ду; маи 1 – мшаԥы; 2 – мшаԥы адырҩаҽенытәи аныхәа, 26 – Қырҭтәыла ахақәиҭра амш; Иун 9 – Христос Ихалара; 19 – Аԥсыцқьа Илбаара; Иун 28 – инадыркны 12 иулҙа пертаба ачгара; сентиабр 11 – Иоанн

[1] Агазеҭ «Аԥсны». 1919–1921 шш. Еиқәиршәеит, аԥхьажәеи азгәаҭақәеи иҩит У. Аҩҙба. Аҟәа, 2006. – Ад. 47–50; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 165–170; Алашарбага, 1 (1915), ад. 4–6; 4 (2017), ад. 18.

[2] Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 50; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 166; Алашарбага, 1 (1915), ад. 5.

Анаҭоы ихы ахцәара амшазы чгароуп; 21 – Анцәа Дзыхшааз Лира; 27 сентиабр – чгароуп; 28 ноиабр инаркны ашықәс нтцәааныза чгароуп; декабр 12 – агәардиа рымш»[1].

1919 ш. иҭытцыз 14-тәи 15-тәи аномерқәа рыҟны Д. Гәлиа икьыԥхьуеит ажәабжь «Аҩсҭаа ԥаса дызусҭадаз?» ҳәа хыс измаз[2].

1920 ш. иҭытцыз 22-тәи аномер аҟны ианылеит Д. Гәлиа иантцамҭа «Ахшыҩ зҭоу мгәоуп…» ҳәа хыс измаз. Уи антцамҭа иагәылоуп иажәеинраалагьы:

«Христос адунеи аҿы данықаз,
Алашәцәа рылақәа анхыитуаз,
Ацыркьцәа аналыиргыуаз,
Аԥсцәа аныбзеитәуаз,
Нцәас ҳәа дрымԥхьазеит Иара.
Аха зны ацәҳәыраҿы ианыиртәа,
Чалеи ԥсызылеи ианыирча,
Инеибарҟааит зегьы абра:
“Иашаны уаадырт ожәшьҭа
Иашаны оуп Анцәа Иԥа”»[3].

1920 ш. иҭытцыз 24-тәи аномер аҟны Д. Гәлиа икьыԥхьуеит аԥсуа ԥшьаҩы Гьаргь Ахан-иԥа-Туманов (1880–1920)[4] изкыз анекролог[5].

---

[1] Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 321–322.

[2] Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 95, 111–112; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 178–180.

[3] Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 389–390; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа. – Ад. 342–343.

[4] Дорофей (Дбар), архимандрит. Видный абхазский священник Георгий Туманов (Ахан-Ипа), 1880–1920 гг. // Алашарбага, 4 (2017), с. 114–123.

[5] «Дырҩагьых иахьзеит Аԥсны агәы ҿызкаарыз насыԥдарак: Гәдауҭатә аҭел ааит Гьаргь Туманов дыԥсит, кәыркәа 2 рзы анышә дарҭоит ҳәа. Гьаргь ҳәа ара зызбахә сҳәоуа Аԥсны дыззымдыруа ҳәа аҳәы дзыҟаларым. Гьаргь ҭарала дыбзиан, зегьаҟам аҿцәажәа иман; аоҩышьа бзиа, зегьаҟам анаалашьеи змаз еԥш аоҩы дмаҷын. Ацхыраара зҭахны иибуаз ауаа рҿы дызыустыу ҳәа днеилымхкәа, илшуаз ала ихы дыеигзуамызт, зегьы рзы даапсаҩын; азалымдара зыхьуаз рзы дашшҩын, урҭ рзы дтынхан<…>. Гагра дпапны принц Олденбурски иҟны данықаз иҳарцьала хҩык-ԥшьҩык раҟара аԥсацәа атцара рыиҭеит. Убри анаҩсан атцара ацхыраара аҭахны иахыибуа ицьыбаҭых деигзауамызт. Аԥсышәала агазеҭ аҭытцра иалагеит ҳәа аниаҳа, Қартҟа дцаразы амҩа дыкәгылан, ицьыбагьы дыук ԥара ҭамызт, аха абри аус деигәыргьан, зегьы раԥхьаза имаҷымкәа аԥара азышьҭеитцеит<…>. Аԥсны иазеиҷьыу аҳәы иҳәар, уи дыиҩызан, Аԥсны иазеицәоу нықәызгоз драҕан<…>. Дцәажәуа далагар, изқьынагьы дцәажәаландаз угәахәарын: иихәауаз зегьы бзиан, иԥшзан, ирҟәышган, аус злаз ажәан<…>. Рыцхарас иҟала уи ауп, чымазарак иман, даара даргәамтцуан, абри ачымазара сзацәцарым ҳәа акәын дзыцәшәуаз, ас иахыигәамхәзуаз, ианыигәамхәзуаз аамҭазы, машәырла ак сыхьып ҳәа дыҟаҳамызт<…>. Данықсышаз амшқәа раԥхьа Тҟәапс дыҟан, ууатәыи автомобилла Шәачаҟа дшаауаз, амҩа цәгьак аҿы автомобил хышәтын дашьыит. Убас, Гьаргь Туманов мызкы анаҩс аныхачаԥа еԥш ибзарыбзарыуа, ахьхьаҳәа

1920 ш. 28-тәи аномер иҭытцыз аҟны Д. Гәлиа икьыԥхьуеит «Аҩынтәтәыи ақырҭ ԥшьаҩцәа рыҩнутцҟатәыи реизараҽы ишьҭырхыз аус» ҳәа хыс изымаз анҭамҭа. Ари апротоиреи Трофим Џьохтаберизе агазеҭ «Борьба» адаҟьақәа рыҟны ианитцахьаз истатиа Д. Гәлиа иаазыркьаҽны аԥсышәала иазирхиаз оуп[1].

28-тәи аномер 1920 ш. иҭытцыз аҟны Д. Гәлиа икьыԥхьуеит иара ихаҭа иеиқәиаршәаз аныҳәаԥхьыз «Аԥсуа жәлар рныҳәара» ҳәа хыс измаз:

«Уа Анцәа дыу!
Азалымра ҳаҟәга,
Агәаҟра ҳахга!
Ҳажәа еиқәыршәа.
Ахәахәа ҳацәнырха!
Бла хаала уаҳзыԥшы,
Ҳхьаақәа хәышәтәы!..
Ҳ-Аԥсынра умырзын!
Ҳ-Аԥсуара еилоумган!
Аҕьычра ҳацәыршәа,
Аҷара ҳгәарыԥха!..»[2].

Афон Ҷыц (Анаҟәаԥиа) – Аҟәа
Жәабран-хәажәкыра, 2019 ш.

ицәажәуа иҳалагылаз, Аԥсны азы ҙәыр бзиарак илшозар абри илшап заҳгәыхәуаз, аус бзиақәа игәы иҭаз дырхьымҙакәа дҭахыеит машәырла<…>. Иаурызеи, иалшарызеи Аԥсны рыцҳа, абри еԥшыу ауаа анаԥхалагь?!.. Абри еԥш аоҩ дызлыҙааз ажәлар дышԥархашҭыуеи ианакәзаалагь… Даԥхыеит Аԥсны аус злаз, ажәа зҽаз, ауаҩ ҟәыш. Дрыԥхыеит Аԥсуа интиллигенциа иреиҕьыз, изырԥшҙуаз рҩыза бзиахә… Дрыԥхыеит Аԥсуаа рыгәтыхаҳәаҩы, рзаапсаҩы, уахы ҽныи аус рзызуаз Гьаргь Туманов<…>.Ухраҭ бзиахааит, дад, Гьаргь, Аԥсны азы игәаҟыуаз, зыкәраҽы инаҙаанҙа, згәы иҭаз иахьымҙакәа, зынарцәымҩа инықәлаз!..» (Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 401; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа реизга. Т. 3. Аҟәа, 1983. – Ад. 155–156).

[1] Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 428; Гәлиа Д. Иҩымҭақәа реизга. Т. 3. Аҟәа, 1983. – Ад. 343–344.

[2] Агазеҭ «Аԥсны». – Ад. 429.

М.К. Инал-ипа-Хотелашвили

НЕМНОГО О БАЛЬТАЗАРЕ БОГИШИЧЕ

В уже далеком 1996 г., на конференции в АбНИИ, посвященной 150-летию Г.М. Шервашидзе, в своем докладе «Некоторые вопросы истории владетельского дома Абхазии», я коснулась проблем наших уничтоженных во время войны архивов. Главное, на чем я постаралась акцентировать внимание – это необходимость незамедлительно продумать все возможные способы их восстановления. Помимо российских хранилищ, в которых находятся богатейшие собрания документов об Абхазии, нельзя упускать из виду и те материалы, которые могут быть и в других странах. Я постаралась перечислить известные мне зарубежные архивы, где хранятся или возможно хранятся важные документы об Абхазии. Так, например, я говорила о софийском Архиве Национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, куда по ошибке попали архивные документы Турции, среди которых были и связанные с Абхазией. Ныне часть из них переведена на грузинский язык Георгием Анчабадзе и Нодаром Шенгелия. Нельзя переоценить тот вклад, который внесет в прояснение истории Абхазии XVII – XVIII веков и начала XIX века перевод на русский язык этих документов, а их великое множество.

Говорила я также и об архиве хорватского исследователя Бальтазара Богишича. Как о нем узнали? Позднее, по моей просьбе, Лаура Шотовна Шакая – профессор географического отделения Загребского университета, сумела установить место хранения его архива. Он оказался в Доме-музее этого ученого в г. Цавтате.

Богишич в годы студенчества во время каникул в течение нескольких лет с 1870 до 1873 гг. работал на Кавказе – посетил не только Северный Кавказ, но и Закавказье – Абхазию, в том числе и Самурзакань, Мегрелию, Грузию и Сванетию. Ему помогал наместник, брат царя Михаил Николаевич, который давал ему возможность пользоваться материалами архивов. И сегодня его работы по Абхазии представляют чрезвычайный интерес. Самая ценная часть архива учёного – это данные проведенного им анкетирования среди жителей Самурзакани. Когда он приехал в наши края, у него с собой были анкеты, содержавшие в общей сложности 352 вопроса, составлявшихся им для славянских и других европейских народов, но здесь этот список оказался недостаточным и увеличился до 1000. Вопросы

касались и обычного права, и традиций, и культуры и других сфер. Анкеты заполняли ученые, мелкие чиновники, учителя, врачи, священники и др. На основании их ответов Б. Богишич делал свои заключения.

Далее идут другие материалы, переписанные из серии абхазских документов. Одна из рукописей называется «Данные о численности населения в Сухумском округе». Можно предполагать, что она скопирована с переписи населения 1858 г., а другая часть рукописи – не авторизированный текст, написанный в 1865 г.

Обходя многие препятствия, Лауре Шакая удалось в Хорватской Академии наук получить разрешение работать в Доме музее Б. Богишича. В связи с этим она наладила связи с директором Дома музея Станой Перишин, которая ввела её в курс рукописного фонда Богишича (500 ящиков). Лаура Шакая нашла фонд, материалы которые связаны с Абхазией. Однако на выделение и копирование этих ценных материалов нужен довольно долгий период времени, требующий к тому же немалых денежных средств. Несмотря на это, Лаура Шакая за свой счет ездила в Цавтат и проводила изучение части фонда. Материала об Абхазии оказалось достаточно много.

Л. Шакая сумела заинтересовать и одну из своих аспиранток Ивану Црленко, которая стала работать над материалами Б. Богишича, и в результате изучения архива написала статью под названием «Анализ рукописей о жизни Абхазии в XIX веке, которые хранятся в коллекции Балтазара Богишича». Статья помещена в научно-исследовательском журнале « Studia Lexicographica» – Zagreb. 2008. Работа состоит из следующих разделов:

1. Введение.
2. Исследования на Кавказе.
3. Документы из коллекции Б. Богишича в Цавтате.
4. Образ жизни и привычки абхазов.
5. Хозяйственные особенности Абхазии.
6. Религиозная структура населения.
7. Разделение абхазского общества на сословия.
8. Внутрисемейные отношения.
9. О кражах.
10. Об убийствах.
11. Некоторые примеры.
12. Некоторые примеры карания за легкие и за тяжелые преступления.
13. Последствия организации русской власти.
14. Заключение.

Многие годы лежал за темным занавесом материал Б. Богишича. Благодаря подвижнической деятельности Лауры Шотовны Шакая мы теперь знаем, где он находится и что он содержит. Однако необходимо сделать всё возможное, чтобы её деятельность не осталась невостребованной.

Как было сказано выше, в 2008 году под руководством Лауры Шотовны на сербско-хорватском языке вышла работа Иваны Црленко по абхазским материалам. К сожалению, все мои старания организовать её перевод на русский язык окончились неудачей. Вместе с тем вызывает интерес и личность медиевиста Вл. Мошина, переводившего материалы ученого. Мы не знаем кто он? Где работал? Где, когда и на какой язык перевел он работы Бальтазара Богишича? Вопросов много.

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ МОНОГРАФИИ Ш.Д. ИНАЛ-ИПА «ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ»

Краткое предисловие

Предлагаемый материал посвящен истории, разыгравшейся в 1977 году после выхода в свет книги Ш.Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сухум, 1976)[1]. Фундаментальный труд ученого, принятый вначале весьма благожелательно, вскоре вызвал бурю негодования в научных кругах Грузии, и чуть ли не был предан анафеме. Крайне негативная реакция грузинских ученых отразилась и на отношении к данной книге в Абхазии, ранее ей была дана высокая оценка. По требованию Тбилиси в Абхазском НИИ им. Д. Гулиа было организовано расширенное заседание Ученого совета для публичного обсуждения книги. Вслед за этим в республиканской газете «Советская Абхазия» была опубликована статья без подписи «За глубокое научное изучение истории Абхазии», в которой подводились итоги проведенного в институте обсуждения. Авторы статьи утверждали, что труд Ш.Д. Инал-ипа написан дилетантски, поверхностно, «без должной глубины разработки научных проблем… и не способствует прогрессу науки». Хотя, надо отметить, что, несмотря на многие критические замечания, прозвучавшие на обсуждении, никто с таким заключением не выступал. Более того, в завершение заседания говорилось в целом о положительном значении труда Ш.Д. Инал-ипа. Не удивительно, что большинство абхазских ученых с оценкой авторов редакционной газетной статьи не согласилось.

В ответ на возмущенные коллективные письма научных сотрудников Абхазского госмузея А.Н. Абрегова, Е.К. Аджинджал, И.Р. Мархолия, Т.Ш. Гиц-

[1] История эта имела продолжение в конце 80-х – начале 90-х гг., которое, к сожалению, осталось вне внимания абхазской научной общественности Так, в периодической печати развернулась острая дискуссия. См.: Ломоури Н.Ю. Некоторые вопросы ранней истории Абхазии. «Мацне» Известия Академии наук ГССР. – Тб. 1990, 3; Инал-ипа Ш.Д. Без гнева и пристрастия. «Абхазоведение. Археология. История. Этнография». Вып. V–VI. – Сухум. 2011. С. 73-88.

ба, Ю.Г. Аргун, Н.К. Шенкао и сотрудников АбНИИЯЛИ Б.М. Аджинджал, В.Л. Бигвава, И.И Цвинария, В.Е. Кварчиа, отправленные в высокие инстанции с просьбой организовать комиссию для всеобъемлющей и справедливой научной оценки монографии Ш.Д. Инал-Ипа, отдел науки ЦК КПСС поручил заняться этим вопросом Академию наук СССР. Была создана комиссия из семи авторитетнейших ученых, представлявших несколько институтов Академии наук СССР – Институт этнографии АН СССР, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, Институт языкознания АН СССР, Ленинградская часть института этнографии АН СССР, Институт археологии АН СССР и Институт истории СССР АН СССР. Председателем комиссии назначили доктора исторических наук В.К. Гарданова.

После изучения монографии и представления рецензий, было составлено сводное научно обоснованное, объективное заключение, которое должно было быть опубликовано в центральной печати. Однако партийные органы Грузии и Абхазии препятствовали тому, чтобы заключение увидело свет, поскольку опасались, что публикация этого документа вновь обострит ситуацию в Абхазии. Позже стало известно, что в Москву по этому вопросу специально обращались партийные и научные деятели из Грузии и Абхазии и предупреждали российских ученых о том, что публикация положительного заключения на книгу Ш.Д. Инал-ипа вновь вызовет опасные дискуссии по истории грузино-абхазских взаимоотношений и рассорит ЦК Грузии и ЦК России. Так, в результате интриг, Заключение академиков решили переслать в ЦК Грузии. Не удивительно, что в Тбилиси документ оставили под сукном.

Прошло время. Материалы, связанные с делом по книге Ш.Д. Инал-ипа исчезли из Института этнографии АН СССР, и все чаще стали задаваться вопросы: «А действительно ли над книгой работала комиссия Академии наук СССР?» и «Существовало ли на самом деле положительное заключение по этой работе?»

К счастью, Заключение академической комиссии сохранилось в личном архиве члена комиссии – доктора исторических наук Л.И. Лаврова. Эти материалы хранятся в Научном архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что прошло столько лет, думаю, эта публикация будет интересна читателям[1].

М.К. Хотелашвили (Инал-ипа)

---

[1] В полном варианте Заключение Академии наук СССР по книге Ш.Д.Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» было опубликовано в журнале «Колокол» (2002. № 1). Однако, учитывая небольшой тираж журнала и тот факт, что «Колокол» не является научным изданием, мы посчитали целесообразным ознакомить с данным материалом более широкий круг научной общественности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ, созданной Бюро Отделения истории АН СССР для рассмотрения письма в ЦК КПСС группы научных сотрудников Абхазского Института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа

Группа научных сотрудников Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР обратилась в Отдел ЦК КПСС с письмом, в котором возражает против оценки книги проф. Ш.Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сухуми, 1976), данной в редакционной статье газеты «Советская Абхазия» 14 мая 1977 г. Авторы письма считают, что эта статья, озаглавленная «За глубокое научное изучение истории Абхазии», «искажает содержание обсуждения» книги Ш.Д. Инал-ипа в их Институте и делает вывод, «полностью противоречащий выводу участников обсуждения», утверждая: «Проведенное обсуждение показало, что труд проф. Ш. Д. Инал-ипа, написанный без должной глубины разработки научных проблем… не способствует прогрессу науки».

Комиссия не располагает ни стенограммой, ни протоколом обсуждения книги Ш.Д. Инал-ипа в Абхазском институте и потому не может судить о том, насколько правильно это обсуждение отражено в редакционной статье газеты «Советская Абхазия», да и не видит в этом свою задачу. Главное, по мнению комиссии, разобраться в содержании книги Ш.Д. Инал-ипа и дать ей справедливую объективную оценку.

Ш.Д. Инал-ипа, известный этнограф и историк Абхазии, автор большого числа научных работ, в том числе нескольких монографий, в указанной выше книге подвел в известной мере итог своим многолетним исследованиям и представил обстоятельный обзор материалов по этногенезу и этнической истории абхазов в древнее и раннесредневековое время. Проблематика книги такова, что она потребовала от автора использования самого разнообразного вида источников и данных различных наук – антропологии, языкознания, археологии, истории, этнографии, фольклора.

Автор попытался, в соответствии с требованиями советской исторической науки, в максимальной степени комплексно исследовать отдельные вопросы этногенеза и этнической истории Абхазии, и в этом одно из важнейших достоинств его книги, которая, как это отметил в своем предисловии академик М.А. Коростовцев, действительно энциклопедична по своему содержанию. Несмотря на большую сложность и значительное разнообразие охваченных им проблем, Ш.Д. Инал-ипа обнаруживает, как правило, компетентность в их специальном освещении.

Возьмем, например, такой сложный и специфический вопрос как использование антропологических данных. Ш.Д. Инал-ипа показывает в

этом вопросе глубокую осведомленность. Оставляя за пределами рассмотрения устаревшие работы, он ориентируется преимущественно на исследования, выполненные на протяжении трех последних десятилетий. Приводятся материалы и анализируются точки зрения, представленные не только в монографических работах, но и в статьях, опубликованных в специальных антропологических изданиях.

Следует при этом подчеркнуть, что автор излагает с большой полнотой взгляды антропологов, которые не согласуются с его собственными. Свою же концепцию он формулирует лишь в виде предположения, а не категорического утверждения. Такая осторожность в этногенетических выводах из антропологического материала выгодно отличает книгу Ш.Д. Инал-ипа от многих сочинений на этногенетические темы, авторы которых либо совсем игнорируют антропологический материал, если он не подтверждает их точки зрения, либо, что еще хуже, снабжают ссылки на него непродуманными комментариями.

Заслуживает, в общем, положительной оценки и трактовка автором лингвистических данных. Абхазский языковой материал, использованный в книге Ш.Д. Инал-ипа, в большинстве случаев достоверен и получает адекватную интерпретацию. Поскольку автор – этнограф, его трудно упрекнуть в некоторой несамостоятельности главы VI, посвященной языковым вопросам, встречающиеся же в работе лингвистические погрешности обычно повторяют высказывания тех или иных языковедов. С удовлетворением следует отметить, что Ш.Д. Инал-ипа признает гипотетичность поддерживаемого им тезиса о генетическом родстве абхазско-адыгских языков с некоторыми древне-переднеазиатскими.

Серьезное внимание в книге Ш.Д. Инал-ипа уделяется археологическим материалам. Автор справедливо подчеркивает, что этническая интерпретация археологических культур «требует максимума осторожности» (стр. 64). Развивая давно уже выдвинутую в специальной литературе концепцию автохтонного происхождения абхазов на занимаемой ими ныне территории, Ш.Д. Инал-ипа дает этой концепции всестороннее обоснование, используя в том числе и археологические данные.

Следует отметить, что эти данные действительно могут быть привлечены для подтверждения указанной концепции, так как они показывают непрерывность и генетическую преемственность в развитии археологических культур на Кавказском (включая и Абхазское) Причерноморье с древнего каменного века до античного времени, когда в древнегреческих письменных источниках появляются этнонимы, которые с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к предкам современного коренного населения этой части Причерноморья. Исключением, пожалуй, является возникновение на территории Абхазии и смежных областей Се-

веро-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы нового типа погребальных сооружений – дольменов, которые преемственно не связаны с предшествующим периодом развития местной культуры, а имеют сходство с соответствующими памятниками Средиземноморья.

Проблема этнической принадлежности создателей дольменов является до сих пор одной из наиболее неясных и спорных. Ш.Д. Инал-ипа, подробно излагая различные теории происхождения кавказских дольменов, придерживается точки зрения тех исследователей, которые считают, что появление дольменов не изменило общего характера материальной культуры на данной территории и потому не может указывать на появление здесь нового, пришедшего извне, этнического элемента.

Сознавая недостаточную аргументированность и гипотезы местного происхождения дольменов, автор приводит новые аргументы в ее пользу, сопоставляя соответствующий археологический материал с данными исторической этнографии абхазо-адыгов. Таким образом, на примере дольменной культуры, которой Ш.Д. Инал-ипа посвятил специальный раздел своей книги (стр. 71–102), мы видим сколь серьезно и ответственно он подходит к использованию археологического материала в качестве источника для решения этногенетических проблем.

Хорошую осведомленность в соответствующем материале показывает Ш.Д. Инал-ипа и в главе «Этническая ситуация на Юго-Восточном Причерноморье в античную эпоху» (стр. 176–203). Следует отметить, что содержание главы шире, чем ее заглавие: в ней рассматривается этническая ситуация не только юго-восточного, но и северо-восточного Причерноморья. На основании античных источников автор дает убедительную картину расселения племен Восточного Причерноморья, уделяя особое внимание тем племенам, которые, по его мнению, могут быть этнически связаны с абхазами.

В частности, Ш.Д. Инал-ипа подробно рассматривает вопрос о географической локализации гениохов и их этнической принадлежности. Он предполагает, что «гениохи» – собирательное название, включающее ряд мелких этнических групп, обитавших в различных пунктах Северо-Восточного Причерноморья, в том числе и на территории современной Абхазии. Констатируя, что вопрос об этнической принадлежности гениохов не получил еще в научной литературе своего окончательного разрешения, автор склоняется к сближению гениохов с предками абхазов. Отмечая неоднородный этнический состав населения приморской Абхазии в античную эпоху, Ш.Д. Инал-ипа указывает на наличие здесь греческого населения (особенно в городах), а также скифов. По материалам Эшерского городища и других археологических памятников античного времени автор характеризует взаимодействие местной и эллинской культуры на

абхазской почве, подчеркивая большое значение при этом местного этнокультурного элемента.

Специальное внимание в данной главе уделяется Колхиде. В соответствии с данными источников Ш.Д. Инал-ипа считает, что Колхиду античной эпохи следует отождествлять с Североколхидским царством, сложившимся в качестве преемника Южноколхидского царства на обширной территории от р. Чороха на юге до р. Кодора (а возможно, и далее) на севере. «На этой территории население было пестрым, неоднородным по своему составу, причем в южных и северных частях.,. многоплемённость была, по-видимому, более заметной. Основную часть этой территории (Колхидская низменность) занимало западногрузинское (мегрело-чанское) племя лазов, которых принято считать идентичными древним колхам» (с. 195). Вместе с тем автор считает, что в этнокультурной истории Колхиды определенное место должно быть уделено и роли абхазского элемента, поскольку Колхида древнегреческих источников включала в себя и юго-восточную часть Абхазии (стр. 194, 201–203).

Не имея возможности рассмотреть все содержание книги Ш.Д. Инал-ипа, остановимся на последней, седьмой главе, в которой автор касается некоторых вопросов раннефеодальной истории Абхазии. И в этой главе Ш.Д. Инал-ипа опирается на существующую литературу и сравнивает различные точки зрения на проблему происхождения Абхазского царства. Как известно, в историографии существуют две точки зрения относительно зарождения и оформления феодальных отношений в Западной Грузии (Лазике) и Абхазии. Одна из них идет от трудов С.Н. Джанашиа, который полагал, что в Абхазии уже в VI в. развернулась так называемая «феодальная революция», приведшая там очень быстро к торжеству феодальных отношений, которые, по мнению этого ученого, были на уровне восточно-грузинских.

Г.А. Меликишвили убедительно показал, что это положение неверно, и что Абхазия, как и Западная Грузия, отставала от Восточной Грузии и в VI в., и даже в VII–VIII вв. нет оснований говорить о быстром развитии в этих районах феодализма. Такой подход многое объясняет в истории Грузии, в частности, становится понятно, почему именно Абхазское княжество в VIII в. объединило Западную Грузию.

Такого рода фактов, когда народы, у которых только что складываются классовые отношения и государство, подчиняют более развитые страны в истории известно немало. Нельзя, конечно, говоря о событиях VIII в., сбрасывать со счета и международную обстановку той поры: более отдаленная Абхазия в союзе с хазарами (Леон абхазский был женат на дочери хазарского кагана) сумела возглавить на определенном этапе борьбу за освобождение от ига Арабского халифата.

Излагая соответствующие точки зрения на проблему происхождения Абхазского царства, Ш.Д. Инал-ипа и в данном случае довольно осторожен в суждениях, избегая крайностей.

При характеристике социально-экономического развития раннефеодального периода он примыкает к Г.А. Меликишвили, отмечая «замедленный процесс» вызревания феодальных отношений {стр. 389), которые, по его мнению, возобладали «в ведущих районах Абхазии» к X веку (стр. 390). Основная идея автора – показать, что и Абхазия сыграла видную роль в событиях закавказской истории VIII – XIII вв. – в целом вполне правомерна, хотя в отдельных аспектах нуждается в уточнениях. В частности, это относится к освещению роли Абхазии в составе Грузинского царства XI – XIII вв.

Конечно, то, что в длинной титулатуре грузинских царей на первом месте стоял титул «царь абхазов», нельзя сбрасывать со счета, но вряд ли этому следует для XI–XIII вв. придавать слишком большое реальное значение: скорее это был уже какой-то анахронизм, и Абхазия той поры давно перестала играть роль одной из главных областей царства. Что касается самого термина «абхазы» (равно как и русского «обезы»), то вопреки некоторым ученым следует вполне согласиться с мнением Ш.Д. Инал-ипа (и других авторов, писавших до него), отмечающего двоякий смысл этого термина для X – XIII вв. С одной стороны, так именовалось все население Грузинского царства, т.е. преимущественно грузины, ибо они там составляли большинство. С другой стороны – существовал, конечно, и этнически самостоятельный абхазский народ.

Рассматривая весьма сложное содержание книги Ш.Д. Инал-ипа, следует отметить наличие в ней ряда спорных положений. По мнению комиссии, это неизбежно ввиду отсутствия достаточных источников и наличия в специальной литературе самых противоположных точек зрения. Для современного состояния многих вопросов, затрагиваемых в книге Ш.Д. Инал-ипа, характерно их еще предварительное и гипотетическое решение, что, естественно, позволяет автору или примыкать к высказанным уже в науке предположениям, или же выдвигать свои собственные.

Не касаясь всего довольно широкого круга спорных вопросов, по которым и у членов комиссии имеются различные точки зрения, остановимся лишь на некоторых, требующих, по мнению комиссии, уточнений или поправок.

1) Хотя антропологическая часть книги Ш.Д. Инал-ипа в общем не вызывает возражений, хотелось бы, в частности, обратить внимание на следующее.

Наиболее актуальной и острой в антропологии западных районов Кавказа является проблема взаимоотношений антропологических вариантов,

представленных среди абхазов и западных этнографических групп грузинского народа, Антропологическое сходство в этом случае, несомненно, и достигает такого уровня, когда можно довольно уверенно говорить о генетическом родстве.

Это сходство и родство может получить противоположное истолкование в этногенетическом плане. В свое время Г.К Джанберидзе высказал гипотезу, согласно которой сходный и даже тождественный антропологический состав абхазов и мегрелов объясняется тем, что преобладающая часть физических предков абхазского народа принадлежала к кругу древних картвелоязычных народов.

Эту точку зрения поддержал ряд антропологов. К ней, в частности, склонялся в некоторых своих работах член комиссии – антрополог В.П. Алексеев, который, однако, считает, что выдвигаемая в книге Ш.Д. Инал-ипа противоположная гипотеза перехода части абхазоязычного населения на картвельскую речь и достаточно широкого в прошлом расселения его в восточном направлении также имеет право на существование. По-видимому, в действительности имели место оба разно направленных ассимиляционных процесса и параллельно с ними многовековый брачный и культурный контакты.

Таким образом, реальный антропологический процесс был гораздо сложнее, чем это обычно представляется. Соображения, приведенные в книге Ш.Д. Инал-ипа, указывают на необходимость по-новому взглянуть на привычные представления в этой области и частично пересмотреть, а частично дополнить их. Но и автор книги тоже должен учесть возможность такого двоякого разнонаправленного процесса в абхазском антропогенезе.

2) В книге Ш.Д. Инал-ипа значительное внимание уделено вопросам взаимосвязей Западного Кавказа и Малой Азии в древности (см. стр. 122–146 и др.). Автор склонен (вслед за многими известными лингвистами) признать этническое родство абхазо-адыгских народов с хаттами и другим древнейшим доиндоевропейским населением Малой Азии, утверждая, что предки абхазо-адыгов и родственные им племена «занимали в III–II тыс. до н.э. сплошной полосой почти все побережье Черного моря» (стр. 419–420).

Не говоря уже о том, что тезис об этническом родстве абхазо-адыгов с хаттами, кашками, абешлайцами еще не окончательно обоснован (что признает и сам автор, см. стр. 423–424), а отдельные сближения и параллели, к которым прибегает Ш.Д. Инал-ипа, вызывают иногда серьезные сомнения, нужно также учесть, что без данных археологии в решении этих вопросов обойтись невозможно. Между тем, археологических материалов, подкрепляющих указанные соображения Ш.Д. Инал-ипа, пока нет, что следовало бы автору особо отметить.

3) В книге имеется ряд произвольных с лингвистической и исторической точки зрения попыток сближения разноязычных и разновременных названий и терминов. Примерами могут служить попытка сблизить названия страны «Хабхи» в надписи Тиглатпаласара I (к тому же неуверенно читаемое, Г.А. Меликишвили предлагает читать «Килхи») с корнем названия «Абхазия» или самоназванием убыхов «пёх» (стр.111);

Предположение о происхождении современной абхазской фамилии Харазия от хазар, основанное только на созвучии этих наименований (стр. 400, прим. 20); сопоставление встречаемого в древнеегипетских текстах XI в. до н.э. этнонима «чекер» с наименованием «черкес», появившимся в источниках, относящихся к адыгам, лишь с периода монгольских завоеваний (стр. 125); предположение, что упоминаемые Тацитом «инсохи» представляют собой искаженное наименование «тениохов» (стр. 182); предположение, что неоднократно упоминаемые у византийских авторов мисимиане (VI в.) могут быть отождествлены с абхазской фамилией Маршанов (стр. 233) и др.

4) Преждевременным представляется немаловажное для общей концепции Ш.Д. Инал-ипа утверждение, что слой картвельской топонимики в Южной Абхазии сравнительно невелик и восходит к позднему времени; автор не учитывает при этом возможного наличия на этой территории древнейшего пласта сванской топонимики.

5) Нельзя согласиться с автором, когда он, возражая З.В. Анчабадзе, утверждающему, что «в обширном Абхазском царстве картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты)… был преобладающим», ссылается на то, что «границы Абхазского царства в период наибольшего расширения доходили до р. Кубань» (стр. 405). Следует заметить, что северные границы Абхазского царства не могут быть сколько-нибудь определенно установлены и доводить их до р. Кубани нет оснований.

6) В книге не всегда удачно используется сравнительный историко-этнографический материал. Так, например, для доказательства этнической близости абхазов с древними моссиниками, о которых имеются довольно подробные сведения у античных авторов, Ш.Д. Инал-ипа ссылается на «некоторые сходные черты в быту абхазов, а именно, широкое употребление в прошлом в пищу вареного в молоке каштана, ловля дельфинов, которой предавались и абхазы еще в первой половине XIX в., а также перекрикивание (!) как средство сообщения и связи и др.» (стр. 177).

Подведем теперь некоторые итоги нашего рассмотрения книги Ш.Д. Инал-ипа.

В целом книга Ш Д. Инал-ипа должна быть оценена вполне положительно. Она написана на сложную и малоразработанную тему. Автор стоит на правильных методологических позициях. В освещении вопросов этниче-

ской истории он исходит из теоретических положений, общепризнанных в советской исторической и этнографической науке.

Во многих случаях автор критически относится к работам своих предшественников, аргументировано оспаривая их положения. Вместе с тем Ш.Д. Инал-ипа в достаточной мере осторожен в оценках и суждениях. Часто он подчеркивает незавершенность решения тех или иных проблем, предположительность своих высказываний по конкретным спорным вопросам. Таким образом, его изложение носит не догматический, а критический характер.

Большого одобрения заслуживает тот факт, что исследование Ш.Д. Инал-ипа развернуто на широком историко-этническом фоне с привлечением данных истории, археологии, этнографии, лингвистики и антропологии.

Перед нами, таким образом, первый в советской историографии труд, в котором на основе комплексного использования разнообразных источников рассматривается проблема древней и раннефеодальной этнокультурной истории абхазов.

И если целый ряд вопросов этой важной проблемы остались в книге Ш.Д. Инал-ипа нерешенными или спорными, то это объясняется в значительной мере состоянием источников, спорностью и гипотетичностью большинства существующих в литературе точек зрения.

В свете всего вышеизложенного следует подчеркнуть, что комиссия не может согласиться с той отрицательной оценкой книги Ш.Д. Инал-ипа, которая дана в редакционной статье газеты «Советская Абхазия» 14 мая 1977 года.

В этой связи нельзя не отметить, что авторы статьи, видимо, сами недостаточно продумали оценку книги Ш.Д Инал-ипа, ибо они, во-первых, допустили в своей оценке ряд противоречий, а во-вторых; дали к ней через несколько дней в номере газеты от 19 мая довольно существенную поправку.

Вместе с тем, авторы статьи недостаточно точно изложили взгляды Ш.Д. Инал-ипа по таким существенным вопросам, как формирование антропологического состава абхазов, этническая принадлежность населения древней Колхиды, роль абхазского этнического элемента в колхидской культуре, процесс образования Абхазского царства, этническое содержание термина «обезы» в древнерусских источниках и др.

В ряде случаев авторы статьи в своих критических замечаниях сами допускают весьма спорные и недостаточно аргументированные утверждения. Не считая, что книга Ш.Д. Инал-ипа лишена недостатков и не нуждается, как всякая научная работа, в объективной критике, комиссия не может, однако, признать правомерным, когда книга советского ученого

без достаточных оснований квалифицируется как не способствующая прогрессу науки.

К тому же следует еще раз напомнить, что вопросы, по которым авторы статьи не согласны с Ш.Д. Инал-ипа, до сих пор являются недостаточно разработанными и дискуссионными, а потому декларировать окончательное суждение по этим вопросам в редакционной газетной статье вряд ли полезно для дальнейшего развития науки.

Председатель комиссии,
доктор исторических наук
Институт этнографии АН СССР — В.К. Гарданов

Члены комиссии:

Доктор исторических наук
Институт этнографии АН СССР — В.П. Алексеев

Доктор исторических наук
Институт всеобщей истории АН СССР — Е.С. Голубцова

Доктор филологических наук
Институт языкознания АН СССР — Г.А. Климов

Доктор исторических наук
Институт этнографии АН СССР ЛО — Л.И. Лавров

Доктор исторических наук
Институт археологии АН СССР — Р.М. Мунчаев

Доктор исторических наук
Институт истории СССР АН СССР — А.П. Новосельцев

Текст представила М.К. Инал-ипа-Хотелашвили

Т. А. Ачугба

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ НОСИТЕЛЕЙ ЭТНОНИМА «АБХАЗ» ПО ДАННЫМ ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ

В грузинской историографии нет единой научной интерпретации этнонима «абхаз» и его носителей. Известно, что от этнонима «абазг», зафиксированного Ф. Аррианом во II веке н.э., возникло название «абхаз» и оно непосредственно связано с грузинским языком. По словам академика Н. Я. Марра, название abgaz представляет собой «термин, искаженный в устах грузин, так как картский язык группирует согласные в начале слов, часто, как в данном случае, с «перескоком»: в abgaz видоизменен в *abaz-g»[1]. Если в абхазской историографии, в частности, в трудах: Д. Гулиа, С. Басария, С. Ашхацава, Л. Соловьева, А. Фадеева, Ш. Инал-ипа, З. Анчабадзе, Г. Дзидзария, М. Трапш, Г. Шамба, М. Гунба, Ю. Воронова и др., не ставится под сомнение тот общеизвестный факт, что этноним «абхаз» является одним из видов экзоэтнонима народа, имеющего эндоэтноним – апсуа, то в грузинской историографии существуют различные концепции о этнической принадлежности носителей названия «абхаз».

Исследование и анализ трудов грузинских историков по данной проблематике даёт основание выделить четыре основных вида концепции по вопросу этнической принадлежности носителей этнонима «абхаз».

1. «Абхазы», зафиксированные в средневековых письменных источниках, являлись предками современных абхазов – апсуа (М. Джанашвили, Э. Такайшвили, К. Кекелидзе, И. Джавахишвили, С. Джанашия, К. Ломтатидзе, Г. Меликишвили и др.).

2. Средневековые «абхазы» являлись генетически родственным племенем мегрелов и других картвельских этнических единиц (Вахушти Багратиони, Теймураз Багратиони и др.).

3. Средневековые «абхазы» были картвелами, а предки современных абхазов переселились в XVII столетии из Северного Кавказа в Абхазию – на грузинскую землю (Д. Бакрадзе, Кирион (Садзаглишвили), Амвросии Хелая, П. Ингороква, С. Каухчишвили, Г. Ахведиани, Д. Гамахария, Т. Гванцеладзе и др.).

---

[1] Марр Н. Я. История термина «абхаз» (доложено на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 23 мая 1912 г) // Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М.-Л. 1938. С. 44.

4. «Абхазы» Средневековья этнически являлись предками современных абхазов – апсуа, но в историко-культурном отношении входили в состав грузинского народа (Н. Бердзенишвили, Н. Ломоури, И. Антелава, З. Папаскири и др.).

Изначально следует отметить, что эти вышеназванные противоречивые по содержанию концепции в свое время непосредственно отражали и поныне отражают интересы различных политических сил грузинского общества.

В этом сообщении попытаюсь вкратце представить данные Вахушти Багратиони (1796 – 1856 гг.) – известного грузинского географа, историка и этнографа XVIII века о генетическом родстве абхазов с картвелами.

Как выясняется, в качестве основы для создания «теории» о генетическом родстве абхазов с картвелами, Вахушти Багратиони использовал неверную интерпретацию сообщения Леонтия Мровели из летописи «Картлис цховреба» о расселении потомков мифического Эгроса на территории Черноморского побережья Кавказа[1].

Вахушти Багратиони сыграл исключительную роль в формировании исторического самосознания своих современников и последующих поколений грузинского общества. Именно в результате неверной интерпретации сочинения Леонтия Мровели, он стал основоположником концепции об изначальном расселении мегрелов, потомков Эгроса, на всей территории Восточного Причерноморья[2] и «теории» о родстве абхазов и мегрелов. В своем труде «Описание царства Грузинского», В. Багратиони неоднократно возвращался к данному вопросу и подчеркивал, что Эгрос и его потомки с древнейших времен занимали всё Восточное побережье Черного моря. В частности, по поводу доли Эгроса – младшего сына Таргамоса, он исказил содержание сочинения Л. Мровели. В тексте читаем: «А с уделом Эгроса граничат: с востока – Малая гора Лихи, с юга – гора Гадо, с севера – Кавкас, с запада – Черное море, или Понтийское» [3].

Однако в отличие от текста Леонтия Мровели, у Вахушти Багратиони отсутствует ключевая фраза о том, что пограничная территория эгрис-

[1] Генеалогическая схема Л. Мровели была составлена из сообщения «Хроники Ипполита», написанной в III веке и её армянской переработке, осуществленной в 628 – 640 гг. неизвестным автором. (Кекелидзе К. Этюды. Т. IV. – Тбилиси. С. 98. По З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. – Сухуми. 1959. С. 225.

[2] Подробно см.: Ачугба Т. А. К интерпретации одного сообщения Леонтия Мровели о расселении эгрисцев // Третья Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. – Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. С. 297 – 301.

[3] Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского//Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст. Т. IV. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси. Государственное издательство – Сабчота Сакартвело. 1973. С. 49.

цев с северо-запада проходит по реке Малая Хазария, т.е. Кубань, «куда достигает кончик Кавказа»[51]. По наблюдению грузинского источниковеда, профессора К. Г. Григолия, ещё до появления сочинения Вахушти Багратиони, комиссией, созданной его отцом царем Картли Вахтангом VI, в т.н. старый вариант «Картлис цховреба» (до 1314 г.) были внесены множество изменений, в том числе и в фразу Леонтия Мровели о западной границе расселения потомков мифического Эгроса. В частности, он пишет, что в целях «исправления», данная комиссия изъяла из предложения слово «река», как лишнее, при этом, оставила «Малую Хазарию». А что касается Вахушти Багратиони, то он исключил из предложения и «реку» и «Малую Хазарию»[2]. Другими словами, В. Багратиони посчитал достаточным аргументом присутствие в тексте словосочетания «Черное море» в качестве обозначения западной границы удела Эгроса, чтобы признать эгрисцев и их потомков обитателями всей территории Восточного Причерноморья.

В дальнейшем В. Багратиони, придерживаясь этой же мысли, подчеркивал, что страна, расположенная на всем пространстве Восточного Черноморья, имеет три названия: Эгриси, Абхазети и Имерети. Притом, из них первоначальным считал Эгриси, по той причине, что данное название исходило по имени Эгроса – сына Таргамоса, «которому досталась эта страна»[3].

Продолжая суждение о проживании в древности потомков Эгроса на всей территории Восточного Причерноморья, включая нынешнюю Абхазию, Вахушти считал, что во время крещения мегрелов апостолом Христа Андреем Первозванным в Никопсии, по Вахушти – в Пицунде, проживали мегрелы[4].

Увлекаясь проблемой, связанной с этнической ситуацией указанного региона Кавказа, Вахушти изложил далеко идущую концепцию не только о первоначальном расселении потомков сына Таргамоса Эгроса, но и об этногенезе абхазов, которых, без каких-либо на то оснований, причислил к потомкам того же Эгроса. В труде читаем: «Западнее от Анакопии расположена Абхазия, которая вначале, именовалась также Эгриси, так как удел Эгроса достигает до моря, за что и называется она и Эгри. В дальнейшем, после отторжения, когда её захватили греки, они назвали **Абаса**, а грузины – **Абхазети**. С большой степенью вероятности, можно

---

[1] Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст. Том I. – Тбилиси. Госиздат. 1955. С. 5.

[2] Григолия К. Г. Новая Картлис цховреба. – Тбилиси. 1954. С. 250 (на груз. яз.).

[3] Вахушти Багратиони. Указ. Соч. С. 742.

[4] Там же. С. 62.

предполагать, что данное название возникло по имени сыновей, или же внука Эгроса» [1].

Правда, автор в данном случае речь ведёт о населении, проживающем на территории Абхазского княжества в политических границах I половины XVII века, но на самом деле, Вахушти под этнонимом «абхаз» подразумевал всех абхазов, которые в тот период и ранее занимали обширную территорию Восточного Причерноморья. Данный отрывок текста, который в таком содержании ранее не был зафиксирован ни в одном из вариантов летописи «Картлис цховреба» и в целом в письменных источниках и устных преданиях, в последующие периоды стал дополнительным источниковедческим поводом для дальнейшей фальсификации этнической истории абхазского народа.

Касаясь эпонима абхазов, Вахушти Багратиони придумал, в буквальном смысле этого слова, имя нового мифического героя – Абхаз – как сына или внука Эгроса. Правда, автор прямо его не назвал, но четко указал, что имя родоначальника абхазов связано с Абаса или же Абхаз. Следует отметить, что позже историк Теймураз Багратиони, продолжая ложный путь, заложенный Вахушти, для обозначения эпонима абхазов применил – Абхаз, или Абхазос (აბხაზ, ანუ აბხაზოს)[2].

Придерживаясь своего мнения о происхождении абхазов от потомков Эгроса, Вахушти, рассказывая об абхазах I пол. XVIII века, т. е. о своих современниках, подчеркивал, что абхазы – это «люди похожие на мегрелов» («კაცნი მგვანენი მეგრელთა»)[3]. Однако в дальнейшем, более конкретно описывая этнокультурную характеристику своих современников – абхазов, несмотря на противоречие самому себе, он всё же признал резкие отличительные особенности между абхазами и мегрелами, как и между абхазами и представителями других картвельских этнических единиц. Помимо различных свойственных абхазам черт, перечисленных Вахушти, – моногамность, высочайшая нравственная чистота членов семьи, почитание родственников, гостеприимство и др., – он особо выделил тот факт, что в отличие от мегрелов, чей язык является «испорченным» грузинским языком (გარნა წამხდარი ქართულივე), у абхазов есть собственный язык (ენა საკუთარი თვისი აქუსთ).

Кроме того, Вахушти считал абхазов безупречными мореходами и сильнейшими в морских сражениях. По его словам, абхазы по морям ходят на судах – «олетчкандар», «в которые садятся по сто, по двести, по триста че-

---

[1] Вахушти Багратиони. Указ. Соч. С. 783 – 784.

[2] Царевич Теймураз. История Иверии, той же Георгии, то есть Всей Грузии. – СПб. 1848. С. 23 (на груз. яз.).

[3] Там же. С. 785.

ловек и нападают в пути на суда османов и лазов и чанов и чаще всего на побережья Одиши и Гурии. В боях [на суше] абхазы слабы и быстро уступают, но на море – быстры, стойки и могущественны»[1].

Вахушти Багратиони был не первым и не последним грузинским автором, отмечавшим могущество абхазов на море. Вспомним писателя и лексикографа Сулхан-Саба Орбелиани, который, возвращаясь в 1712 году из Западной Европы через Турцию в Картли, писал, что турецкое судно, на котором он плыл, задержалось из-за «восстания абхазов» на четыре дня в порту Атина (совр. Пазар – севернее от г. Ризе). «Четыре дня, – сообщает он, – простояли мы там. А затем, караблеводитель заявил: я не могу отправиться в Гурию на корабле, ибо абхазцы восстали, и я боюсь…»[2].

Кроме прочих характерных особенностей образа жизни абхазов, Вахушти Багратиони особое внимание обратил на т.н. воздушное захоронение[3]. Данный обряд захоронения, зафиксированный в жизни абхазов, свидетельствует не только о самобытности народа, отличающего его от картвелов, но и подчёркивает автохтонность абхазо-адыгских народов на всем пространстве Черноморского побережья Кавказа. Этот обряд был зафиксирован в быту жителей Древней Колхиды в античную эпоху: Никифором Сиракузским (нач. III в. до н.э.), Аполлоном Родосским (III в. до н.э.), Николаем Дамасским (I в. до н.э.), Клавдий Элианом (III в. н.э.)[4], и в позднем Средневековье – Арканджело Ламберти (XVII в.)[5]; в XIX в. рядом учёных и путешественников – С. Званба, А. Иоакимовым[6] и др.; информация об этом виде захоронения сохранилась и в памяти современных абхазов[7], что является свидетельством культурной преемственности, уходящей в бронзовый век дольменов[8].

Видимо, в связи с тем, что все эти и другие особенности этнокультурной идентичности резко отличали абхазов и адыгов от мегрелов Средне-

---

[1] Там же. С. 786.

[2] Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. Перевод с грузинского Ф. Твалтвадзе. – Тбилиси. 1969. С. 118.

[3] Вахушти Багратиони. Указ. Соч. С. 785 – 786.

[4] Латышев В.В. История древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947, №4. С. 176; Его же. История древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948, №2. С. 227; №3. С. 283; Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. С. 80 – 82; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. С.82.

[5] Ламберти А. Описание Колхиды, ныне названной Мингрелия // СМОМПК, вып. 49, отд. I. – Тифлис. 1913. С. 189, 190.

[6] Званба С. Т. Этнографические этюды. Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор Г.А. Дзидзария. – Сухуми. 1982. С. 33; Иоакимов А. Абхазцы // Газ. «Кавказ». 1874, №39.

[7] Инал-ипа Ш.Д. Указ. Соч. С. 80 – 86.

[8] Анчабадзе З.В. Указ. Соч. 80 – 82; Инал-ипа Ш.Д. Указ. Соч. С. 80 – 86

вековья и более раннего периода, Вахушти Багратиони весьма в осторожной форме высказал вымысел о происхождении абхазов от мегрелов: «с большой степенью вероятности, можно предполагать».

Тот факт, что Вахушти всё же высказывался о резком отличии абхазов от картвелов, чтобы не противоречить вымышленной им же версии о происхождении абхазов от мифического Эгроса, он умолчал об абхазоязычном происхождении прозвища сына царицы Тамары Георгия – «Лаша». Большинство рукописей «Картлис цховреба», за исключением т.н. Теймураза и Румянцева, разъясняют, что «Лаша» на апсарском языке, т.е. абхазском языке означает «просветитель вселенной».[1] И Вахушти, отмечает, что «Лаша» означает «просветитель», однако не уточняет, как это сделано в «Картлис цховреба», с какого языка переводится данное слово[2].

Представленная Вахушти Багратиони этнокультурная характеристика абхазов: о наличии собственного языка, древней традиции мореплавания, обычая «воздушного захоронения» и др., противоречит как «теории» о мегрельском происхождении абхазов, придуманной самим же Вахушти, так и надуманной позже Дмитрием Бакрадзе концепции о «переселении» абхазов из Северного Кавказа в Абхазию».

За неуверенными попытками Вахушти обосновать псевдонаучную мысль о мегрельском происхождении абхазов, следом ринулось множество последователей из числа его соплеменников, которые есть и сегодня, жаждущих фальсификации истории абхазского народа. А в середине XX века, когда проводилась целенаправленная политика этнокультурного растворения абхазского народа в составе новой советской грузинской нации, абхазы официально были признаны грузинскими властями этнографической группой грузин именно на основании указанной «теории».

ГАЗЕТА «ПРАВДА» О СМЕРТИ НЕСТОРА ЛАКОБА

29 декабря 1936 г. главная газета Советского Союза «Правда» опубликовала некролог Нестору Лакоба, скоропостижно скончавшемуся накануне в г. Тбилиси, в возрасте 43 лет. Напомним, что руководитель Абхазии Н.А. Лакоба 26 декабря 1936 г. был вызван в Тбилиси на собрание партийного актива. В столице Грузии он поселился в гостинице «Ориент». Вечером 27 декабря Лакоба был приглашен на ужин в доме Л.П. Берия, после чего вместе с ним отправился в театр; после первого акта спектакля, из-за резкого ухудше-

[1] Картлис цховреба, царицы Мариама. Редактор Е. Такайшвили. – Тифлис. 1906. С. 536 (на груз. яз.).

[2] Вахушти Багратиони. Указ. Соч. С. 179.

ния самочувствия, Лакоба покинул представление и возвратился в гостиницу, где в 4 часа 20 минут утра умер. Официальная версия: «от приступа грудной жабы». Однако в Абхазии практически никто не сомневается: Лакоба был отравлен во время ужина в доме Берия.

В номерах от 30 и 31 декабря 1936 г. «Правда» продолжила публикации, связанные со смертью Н. Лакоба; названия заметок говорят сами за себя: «Гроб с телом Н. Лакоба прибыл в Сухуми», «Трудящиеся Абхазии отдают последний долг Н. Лакоба». Все эти тексты публикуются нами ниже. В них немало интересного. Например, многие ли знают о том, что ЦИК и Совнарком Грузии просил ЦИК СССР о переименовании города Гудаута в город Лакоба и Гудаутского района – в район Лакоба…

В этих публикациях Н. Лакоба пока еще именуется «неутомимым борцом за победу коммунизма», «старым испытанным большевиком»… «Врагом народа», «обер-бандитом» его начнут называть несколько позже…

Н.А. ЛАКОБА

ТБИЛИСИ. 28 декабря. (Корр. «Правды»). Сегодня, в 4 ч. 20 минут утра, в Тбилиси, от приступа грудной жабы скоропостижно скончался старый испытанный большевик, неутомимый руководитель социалистического строительства Абхазии товарищ Нестор Аполлонович Лакоба.

В семнадцать часов тт. Берия, Мгалоблишвили[1] и другие выносят гроб с телом Лакоба из больницы им. Камо и ставят его на катафалк. Раздаются звуки траурного марша. Проводить тело бессменного руководителя Советской Абхазии пришли соратники и товарищи по работе, многочисленные представители предприятий, учреждений, вузов Тбилиси.

Траурная процессия двинулась по направлению Дома Красной Армии и Флота, украшенного красными и черными полотнищами. Товарищи Берия, Мгалоблишвили, Махарадзе[2], Мусабеков[3] выносят гроб, увитый красными и черными лентами и живыми цветами, в зал и устанавливают на постамент. Льются печальные аккорды похоронного марша. У гроба встают в почетный караул бойцы, соратники, друзья.

Сегодня, в 20 часов 30 минут, прах тов. Лакоба перевозится в Сухуми.

---

[1] Мгалоблишвили Герман Андреевич (1884–1937) – советский и грузинский политик, председатель Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР в 1931–1937 гг.

[2] Махарадзе Филипп Иесеевич (1868–1941) – грузинский революционер, советский партийный и государственный деятель. В 1931–1938 гг. был председателем ЦИК Грузинской ССР, одновременно в 1931–1936 гг. – председателем ЦИК ЗСФСР от Грузии.

[3] Мусабеков Газанфар Махмуд-оглы (1888–1938) – партийный и государственный деятель Азербайджанской ССР, ЗСФСР и СССР.

Неутомимый борец за победу коммунизма

Оборвалась жизнь Нестора Аполлоновича Лакоба, неутомимого и беззаветного борца за дело партии Ленина – Сталина.

Неумолимая смерть вырвала из славных рядов нашей партии стойкого большевика-революционера, одного из выдающихся организаторов социалистического строительства в Абхазии, Грузии и Закавказье, бессменного руководителя Советской Абхазии. Все свои силы, всю свою сознательную жизнь товарищ Нестор отдал великому делу освобождения трудящихся, героической борьбе за торжество коммунизма.

Тов. Лакоба родился 1 мая 1893 года в с. Лыхны, Гудаутского района (Абхазия), в крестьянской семье. С малых лет встретился он с нуждой и лишениями. Мать Нестора[1] с большим трудом устроила его в Ново-Афонскую церковно-приходскую школу, где он учился два года. В 1910 году Н.А. Лакоба окончил курс учения в Тбилисском духовном училище и поступил в Тбилисскую духовную семинарию. В духовной семинарии тов. Лакоба состоял в нелегальных революционных пропагандистских кружках. За революционную деятельность тов. Лакоба был исключен из семинарии.

1911–1912 годы товарищ Лакоба провел в Батуми. В конце 1912 г. вступил ряды РСДРП (большевиков).

В начале 1913 г. тов. Лакоба, вследствие преследования царской властью, был вынужден переехать из Батуми в Абхазию, затем в Грозный. В 1916–1917 гг. тов. Лакоба, работая на Черноморской железной дороге, ведет подпольную работу среди рабочих и крестьян, организует большевистские ячейки.

После февральской революции тов. Лакоба был избран участковым комиссаром на Гудаутском районном сходе крестьян. В 1918 г. руководил разгоном меньшевистско-дворянской власти и организацией советской власти в Гаграх и Гудаутах.

В том же году тов. Лакоба руководил организацией ново-афонского фронта против меньшевистской власти в Сухуми. В марте 1918 г. организованные им гудаутские партизанские отряды, совместно с партизанскими отрядами, созданными большевиками Сухуми, захватили власть и организовали Сухумский военно-революционный комитет. Тов. Лакоба проводит огромную работу по руководству борьбой трудящихся за победу советской власти в Абхазии. В конце 1918 г. тов. Лакоба был заключен меньшевиками в сухумскую тюрьму, где просидел несколько месяцев.

Весной 1919 г. тов. Лакоба был выслан грузинским меньшевистским правительством из пределов Абхазии и Грузии. В 1920 г. тов. Лакоба вхо-

[1] Шахусна Джергения.

дил в состав тройки, выделенной Кавказским бюро ЦК РКП(б) по руководству нелегальной большевистской организацией в Батуми.

С установлением советской власти в Абхазии (с марта 1921 г.) тов. Лакоба работает наркомом военных дел и заместителем председателя революционного комитета Абхазии.

С 1922 г. тов. Лакоба бессменно состоит председателем Совнаркома Абхазской АССР[1] и после реорганизации высших органов советской власти в Абхазии –председателем Центрального исполнительного комитета.

Тов. Лакоба состоял членом бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии, членом бюро ЦК КП(б) Грузии, кандидатом в члены бюро Заккрайкома ВКП(б), членом Абхазского ЦИК, ЦИК ССР Грузии, ЦИК ЗСФСР и ЦИК Союза ССР.

За выдающиеся успехи в течение ряда лет в области сельского хозяйства, равно как в области промышленности, и за боевые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Лакоба был награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени и орденом Трудового Красного Знамени ЗСФСР.

Товарищ Лакоба ушел от нас в дни, когда весь советский народ, вдохновленный великой Сталинской Конституцией[2], идет под знаменем Ленина – Сталина к новым победам коммунизма.

Образ тов. Лакоба, славного, неутомимого борца за победу коммунизма, большевика-революционера, преданного партии Ленина – Сталина, всегда будет жить в сердцах большевиков и всех трудящихся Абхазии, Грузии и Закавказья.

Прощай, наш дорогой Нестор!

Прощай, наш любимый друг и товарищ!

Берия, Багиров[3], Мусабеков, Махарадзе, Мгалоблишвили, Рахманов[4], Гулоян[5], Агрба[6], Бакрадзе[7],

---

[1] В 1922–1931 гг. – Абхазская ССР.

[2] Конституция СССР 1936 года – основной закон СССР, принятый VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года и действовавший (с изменениями и дополнениями) до 1977 года.

[3] Багиров Мир Джафар Аббасович (1895–1956) – советский и азербайджанский партийный и государственный деятель. В 1933–1953 гг. был первым секретарем ЦК Компартии Азербайджанской ССР.

[4] Рахманов Гасан Паша оглы (1900–1940) – советский азербайджанский партийный и военный деятель; в 1936–1937 гг. был первым секретарем Нахичеванского обкома Компартии (большевиков) Азербайджана.

[5] Гулоян – председатель Совнаркома Армянской ССР.

[6] Агрба Алексей Сергеевич (1897–1938) – советский государственный деятель. В 1936–1937 гг. был первым секретарем Абхазского областного комитета КП(б) Грузии, в 1937 – председателем ЦИК Абхазской АССР.

[7] Бакрадзе Валериан Минаевич (1901–1971) – советский, грузинский партийный деятель. С 1927 был председателем Совета Народных Комиссаров Грузии, с 1934 вторым секретарем ЦК КП(б) Грузии.

Аматуни[1], **Акопов**[2], **Арутинов**[3], **Гоглидзе**[4], **Левандовский**[5], **Петерсон**[6], **Деканозов**[7], **Курулов**[8], **Кекелия**[9], **Стуруа**[10], **Дарахвелидзе, Матикашвили**[11], **Геурнов, Гобечия**[12], **Ниорадзе.**

Тбилиси, 28 декабря[13].

Сын народа

Родина Лакоба, село Лыхны, – это бывшее поместье владетельных князей Шервашидзе.

Сын бедного крестьянина, Лакоба с ранних лет познал всю суровую эксплуатацию, нужду, нищету, в которой протекала жизнь абхазской деревни. Еще в юные годы в его душе загорелась ненависть к богатым, к эксплуататорам, к угнетателям пародa, ненависть, которая пламенно горела в душе революционера всю его жизнь.

---

[1] Аматуни (Вардапетян) Аматуни Симонович (1900 –1938) – советский партийный и государственный деятель; в 1936 –1937 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Армении.

[2] Акопов Егише Семенович (1902–?) – советский хозяйственный, государственный и политический деятель; в 1926–1938 гг. работал в Народном комиссариате финансов Азербайджанской ССР.

[3] Арутинов Григорий Артемьевич (1900–1957) – советский партийный и государственный деятель; в 1934–1938 гг. был секретарем Тифлисского (Тбилисского) горкома партии.

[4] Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953) – деятель советских спецслужб; в 1934–1936 гг. – нарком внутренних дел ЗСФСР и начальник Управления НКВД по Грузинской ССР.

[5] Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – советский военный деятель; в 1935–1936 гг. был командующим Закавказского военного округа.

[6] Петерсон Арвид Петрович (1893–1938) – управляющий трестом «Молотовнефть» (г. Баку).

[7] Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953) – деятель советских спецслужб; в 1936 году был наркомом пищевой промышленности Грузии, с 1937 г. – председателем Госплана Грузии.

[8] Курулов Георгий Давидович (1893–1937) – государственный и партийный деятель Грузинской ССР; в разные годы работал заместителем председателя Совета народных комиссаров Грузии, вторым секретарем ЦК КП(б) Грузии, народным комиссаром местной промышленности Грузии.

[9] Кекелия Амберкий Михайлович (1900–1937) – государственный и партийный деятель Грузинской ССР.

[10] Стуруа Георгий Федорович (1884–1956) – советский государственный и партийный деятель; в 1934–1937 гг. был председателем Совета профсоюзов Грузинской ССР.

[11] Матикашвили Шалва Спиридонович (1898–1937) – государственный деятель Грузинской ССР; в разные годы был руководителем НКВД Грузии, председателем Госплана Грузии.

[12] Гобечия Михаил Алексеевич (1902–1938) – советский партийный деятель; в разные годы был ответственным секретарем Аджарского областного комитета КП(б) Грузии, первым секретарем Абхазского областного комитета КП(б) Грузии.

[13] Многие подписанты этого некролога, вскоре после гибели Н. Лакоба, были репрессированы и расстреляны.

1918 г. Все Закавказье стонет под властью национально-шовинистических партий. Меньшевистско-дворянская власть терроризирует крестьянство и рабочий класс городов и сел. Сын народа Лакоба поднимает знамя партизанской борьбы с этой властью. Он отвоевывает на некоторое время для советской власти Сухуми[1]. Бесстрашный боец, он бросает свои партизанские отряды одновременно и против грузинских меньшевиков, и против белых орд Деникина. Сын абхазского парода, подлинный выразитель его дум, он не случайно в первые годы советизации Закавказья становится военным комиссаром Абхазии. Под его руководством Абхазия была очищена от контрреволюционных гнезд дворянской знати.

Утверждение Советов в Абхазии и в Закавказье, расцвет социалистического хозяйства бывшей отсталой национальной окраины – все эти большие дела неразрывно связаны с именем Лакоба.

Глубокая идейность, преданность линии партии, подлинный интернационализм – вот черты, которые характеризуют этого прекрасного большевика. Вот качества, которые он проявлял на каждом шагу своей работы, будь то борьба с уклонистами, будь то организация нового участка хозяйства или забота о культурном развитии многонационального населения Абхазии. В особенности разительны были его удары по грузинским уклонистам, агенты которых долгое время вели свою подрывную работу и в Абхазии.

Он всюду и всегда горел неостывающей любовью к своей партии, к товарищу Сталину и, вдохновленный этим чувством, вкладывал все свои силы в большую творческую работу по руководству национальной республикой.

Ш. ЭЛИАВА[2]**.**

Президиум ЦИК Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

товарища ЛАКОБА

Нестора Аполлоновича,

последовавшей 28 декабря 1936 года в гор. Тбилиси.

Закавказский краевой комитет ВКП(б) и Центральный Комитет коммунистической партии (большевиков) Грузии с прискорбием извещают о скоропостижной смерти от грудной жабы старого большевика, преданного и неутомимого борца за торжество коммунизма, бессменного руководителя Советской Абхазии, члена бюро ЦК КП(б) Грузии, кандидата в члены бюро Заккрайкома ВКП(б), председателя ЦИК Абхазской АССР товарища

---

[1] Советская власть в Абхазии была установлена 8 апреля 1918 года, на всей территории, за исключением Кодорского участка (ныне Очамчырский район); продержалась до 17 мая.

[2] Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) – советский партийный и государственный деятель.

Нестора Аполлоновича ЛАКОБА, последовавшей в городе Тбилиси в 4 часа 20 минут утра 28 декабря 1936 г.

ЗАККРАЙКОМ ВКП(б).
ЦК КП(б) ГРУЗИИ.
«ПРАВДА». 29 декабря 1936 г. № 358.

ГРОБ С ТЕЛОМ Н. ЛАКОБА ПРИБЫЛ В СУХУМИ

СУХУМИ. 29 декабря. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня тбилисским поездом сюда прибыл гроб с телом председателя ЦИК Абхазии тов. Лакоба.

На келасурском вокзале[1] собралось около 5.000 трудящихся города, окрестных сел и колхозов. Пришли рабочие, служащие, колхозники, пионеры, школьники, пришли красные партизаны, вместе с товарищем Нестором боровшиеся в годы гражданской войны за советскую власть. Собрались соратники покойного – члены областного комитета КП(б) Грузии и правительства Абхазии, части Сухумского гарнизона Красной Армии.

Медленно подошел поезд к перрону. Застыли ряды трудящихся, в скорбном молчании склонились знамена.

Ближайшие товарищи Нестора Лакоба, друзья, родные на руках вынесли гроб.

30 декабря гроб с телом тов. Нестора Лакоба устанавливается в здании Гостеатра Абхазии, куда будет открыт доступ трудящимся для прощания. Похороны состоятся 31 декабря.

***

ТБИЛИСИ, 29 декабря. (Спец. корр. «Правды»). В увековечении памяти тов. Нестора Аполлоновича Лакоба Всегрузинский Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком Грузинской ССР постановил присвоить имя Н.А. Лакоба ферментационному заводу в Тбилиси, Тбилисской 38-й полной средней школе, переименовать улицу Борьбы в Тбилиси в улицу им. Лакоба, учредить по 5 стипендий им. Лакоба в Грузинском сельскохозяйственном институте и Тбилисском медицинском институте для студентов из Абхазской АССР. Постановлено также просить ЦИК СССР о переименовании Гудаут в город Лакоба и Гудаутского района – в район Лакоба.

«ПРАВДА». 30 декабря 1936 г. № 359.

---

[1] Кяласурская железнодорожная станция находилась в пригородной зоне Сухума, в с. Кяласур (бывший Келасури); в настоящее время не функционирует.

ТРУДЯЩИЕСЯ АБХАЗИИ ОТДАЮТ ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ Н. ЛАКОБА

СУХУМИ. 30 декабря. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня, в 13 часов, тело председателя ЦИК Абхазии Н.А. Лакоба перенесено в зал Государственного театра Абхазии.

В течение дня в почетном карауле находились члены правительства Грузии, Абхазии, руководящие работники Сухумского городского совета, лучшие стахановцы предприятий и колхозов.

В абсолютной тишине несутся тихие звуки траурного марша в исполнении симфонического оркестра. В скорбном молчании проходят колонны рабочих табачной промышленности, строительства Черноморки[1], Сухумгэса, колхозники, деятели науки, литературы и искусства, пионеры, школьники, делегации районов Абхазии.

В этот день пришли отдать свой последний долг одному из любимых руководителей, стойкому большевику свыше 10 тысяч трудящихся Абхазии.

«ПРАВДА». 31 декабря 1936 г. № 360.

Подготовка к печати, вступление, примечания А. Дбар

[1] Черноморская железная дорога.

ПАМЯТЬ

ВЛАДИМИР ДЖАМАЛОВИЧ АВИДЗБА

СЛОВО О ГРАЖДАНИНЕ АПСНЫ

20 июля 2020 года после непродолжительной болезни ушел из жизни известный государственный и общественный деятель, Чрезвычайный и Полномочный Посол РА, заслуженный журналист РА, публицист, ведущий научный сотрудник АбИГИ им. Д. И. Гулиа, доцент кафедры международных отношений АГУ Владимир Джамалович Авидзба.

В.Д.Авидзба родился 25 июня 1937 года в с. Верхней Эшере Сухумского района Абхазии. После окончания средней школы в родном селе В. Авидзба начал свой трудовой путь в 1956 году в качестве актера Абхазского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба. Вскоре он поступает на филологический факультет Сухумского педагогического института им. А. М. Горького и оканчивает его в 1961 году. В 1967 году завершает учебу в аспирантуре, а в 1969 году защищает кандидатскую диссертацию на тему «Проведение крестьянской реформы в Абхазии». Эта работа, актуальная по сию пору, была издана отдельной монографией в 1985 году.

В 1961–1967 годах Владимир Авидзба – секретарь Сухумского и Очамчырского райкомов комсомола, где раскрылись его лидерские качества и организаторские способности в работе с молодежью.

Много сил и знаний отдал Владимир Джамалович абхазской журналистике. С 1967 по 1975 год он – заведующий отделом, заместитель главного редактора национальной газеты «Апсны Капш». Здесь сполна проявился талант журналиста и публициста В. Д. Авидзба, несомненно запомнившегося читателям своими содержательными публикациями, поднимавшими злободневные проблемы абхазского общества того периода.

Активная журналистская деятельность и гражданская позиция В. Д. Авидзба привлекли внимание руководства Абхазии, и он в 1975 году переводится на работу в Абхазский обком партии в качестве зав. отделом тор-

говли, плановых и финансовых органов. Затем, в 1977 году, он избирается первым секретарем Ткуарчалского горкома партии. За время своей работы в городе абхазских горняков он зарекомендовал себя честным, принципиальным и чутким руководителем, защитником интересов как трудовых коллективов, так и рядовых граждан.

Следующим этапом трудовой деятельности В. Д. Авидзба становятся 1982–1991 годы, когда он занимает ответственные должности заведующего идеологическим отделом и секретаря республиканского комитета партии. В это переломное время в Абхазии происходили важные исторические процессы, движущей силой которых являлось абхазское национально-освободительное движение. Несмотря на диктат и жесткий контроль Грузии, В.Д. Авидзба был в числе тех партийно-советских работников, которые отстаивали интересы абхазского народа в рамках своей служебной деятельности.

Во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов В. Д. Авидзба находился в прифронтовом селе Эшере, выполнял отдельные поручения руководства, занимался вопросами эвакуации эшерских детей в Российскую Федерацию.

С 1994 года В. Д. Авидзба – Полномочный Представитель Республики Абхазия в Турции, являвшейся основным ареалом проживания абхазской зарубежной диаспоры. Назначая В.Д. Авидзба на этот ответственный участок работы, руководство Абхазии учитывало его большой жизненный и трудовой опыт, давние и тесные связи с видными представителями диаспоры, также знание им турецкого языка. И будучи на этой должности в течение 20 лет, до 2014 года, он проявил выдающиеся дипломатические способности, ускорившие налаживание духовных, культурных и экономических связей диаспоры с исторической родиной. За это же время при непременном участии В.Д. Авидзба здесь происходили значимые для Абхазии события: встречи и переговоры под эгидой ООН, визиты абхазских руководителей, представителей культуры, искусства и науки. Заслуги В. Д. Авидзба получили признание, ему был присвоен высший дипломатический ранг – Чрезвычайного и Полномочного Посла.

После завершения своей работы в качестве Полномочного Представителя Республики Абхазия в Турецкой республике, В.Д.Авидзба возвращается к научной деятельности. С 2015 года он – старший, а с 2018 года – ведущий научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований АНА. Его деятельность в Абхазском институте была связана с исследованием проблем исторического прошлого и современных реалий абхазской диаспоры. Большой положительный резонанс в абхазском обществе вызвало издание книги представительницы абхазской диаспоры в Турции Лейлы Ачба «Воспоминания черкесской

принцессы» в переводе на русский язык В. Д. Авидзба (Сухум, 2017). Он же подготовил к изданию книгу ученого, известного деятеля диаспоры Мустафы Бутба.

В последнее время Владимир Джамалович занимался подготовкой к печати своих дневниковых записей, сделанных им в период пребывания в Турецкой республике. Эти и другие работы, оставшиеся неоконченными, будут завершены его коллегами.

В.Д.Авидзба избирался депутатом Верховного Совета Абхазии 10, 11, 12 созывов. Весомы его заслуги, как и других абхазских депутатов, в подготовке и принятии на исторической сессии 25 августа 1990 года постановления «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» и Декларации о государственном суверенитете Абхазии.

Где бы не довелось трудиться В. Д. Авидзба, он проявил себя ответственным и высокопрофессиональным работником и руководителем. Родина по заслугам оценила его трудовую деятельность, он награжден орденами «Ахьдз-Апша» III степени, «Знак Почета», многими медалями и почетными грамотами.

Светлая память о гражданине и патриоте Абхазии, любящем семьянине, отзывчивом друге и товарище, добром наставнике молодежи останется в сердцах и памяти родных и близких, всех тех, кто знал Владимира Джамаловича Авидзба.

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

ОН ВНЕС ВКЛАД В НАШУ ИСТОРИЮ

Абхазская наука понесла тяжелую утрату. 16 ноября 2020 года ушел из жизни доктор исторических наук, профессор Абхазского государственного университета, академик Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, кавалер ордена «Ахьдз-Апша» III степени, государственный, общественный и политический деятель Ачугба Теймураз Алиевич.

Ачугба Теймураз Алиевич родился 28 октября 1946 года в с. Ферия Батумского района Аджарской АССР. В 1964 году окончил Батумскую среднюю школу №16. В 1969–1974 гг. учился на историко-филологическом факультете Батумского педагогического института. В 1975–1980 гг. работал преподавателем истории и обществоведения в Батумском среднем профессионально-техническом училище № 44.

С сентября 1980 года Т.А. Ачугба – младший научный сотрудник Батумского НИИ АН ГССР, с января 1986 года – старший научный сотрудник отдела истории данного научного учреждения. Параллельно преподавал историю Древнего мира в Батумском педагогическом институте.

В 1983 году в г. Тбилиси в Институте истории, археологии и этнографии АН ГССР защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Семья и семейный быт в Аджарии».

В 1989 году Т. А. Ачугба переезжает на историческую родину и начинает работать в АбИЯЛИ (ныне – АбИГИ) им. Д.И. Гулиа, где трудился до конца своих дней: старшим (1989–2006), ведущим (2007–2018), главным научным сотрудником отдела этнологии (2018–2020). В 2006–2007 гг. Т. Ачугба был заведующим отделом энциклопедии; был избран член-корреспондентом (2011), а затем академиком (2014) Академии наук Абхазии.

Т.А. Ачугба – автор более 100 научных и научно-популярных публикаций, в том числе 30 книг и брошюр на абхазском, русском, грузинском и турецком языках. В 2009 году защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Этническая история абхазов XIX–XX вв. (Этнополитические и миграционные аспекты)».

Круг научных интересов Т.А. Ачугба был широк. Он занимался изучением традиционной семьи и общественного быта абхазов, этнодемографических, этнокультурных, этнополитических процессов в Абхазии XIX–XX вв. Большое место в его научной деятельности занимали изучение грузино-абхазского противостояния и история Отечественной войны в Абхазии.

Перу Т. А. Ачугба принадлежат фундаментальные работы в области этнографии и истории Абхазии, в том числе монографии «Этническая история абхазов XIX–XX веков. Этнополитические и миграционные аспекты» (2010), в которой он последовательно рассказывает об этнических изменениях на территории Абхазии означенного периода; «Этническая «революция» в Абхазии» (1995); «К обоснованию государственной независимости Абхазии» (2002); «О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии. (Историко-этнографический очерк)» (2006); «Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта» (2007); «Абхазия: депортация абхазов (XIX век)» (2018) и другие.

Теймураз Ачугба являлся составителем сборников документов и материалов, таких как «Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1, Т. 2. (2003; 2004), «Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX в.)» Т. 1; Т. 2. (совместно с. Р.Р. Агуажба) (2005; 2008); «Абхазия: Геноцид абхазского народа. 1992–1993 гг.» (2019), посвященный Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. и других.

Теймураз Алиевич занимался воспитанием квалифицированных специалистов в области истории и этнологии Абхазии. В 1989–1994 гг. преподавал политическую историю, а с 2007 года – историю Абхазии в Абхазском государственном университете. С 2011 года являлся профессором кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии. Он также является составителем книги «История Абхазии в датах. Справочник» (2011; 2016).

Т. А. Ачугба – был зампредседателя Диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по историческим темам при АбИГИ (2006-2020); неоднократно выступал в качестве официального оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Большое место в жизни ученого занимала общественно-политическая и государственная деятельность. Теймураз Ачугба был участником национально-освободительного движения Абхазии, членом правления Народного Форума Абхазии «Айдгылара» (1988–1992). Во время Отечественной войны в Абхазии был сотрудником пресс-службы Верховного Совета РА и редактором грузинской редакции Абхазского радио, вещавшего из Гудауты. После войны дважды избирался депутатом Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия в 1996 и 2007 гг. По его инициативе

Парламент Абхазии принял Постановление о геноциде абхазского народа со стороны Грузии в 1992-1993 гг. и ряд законов и актов, направленных на отстаивание и утверждение национальных интересов Абхазского государства. За вклад в работу законотворческого органа награждён Почётной грамотой Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия. Т.А. Ачугба в 2005 – 2010 гг. являлся вице-президентом Фонда Первого Президента Республики Абхазия Владислава Ардзинба.

Уход из жизни Т.А. Ачугба – невосполнимая потеря не только для научного сообщества, но и для всего абхазского народа.

Светлая память о большом патриоте, ученом и друге Теймуразе Алиевиче Ачугба навсегда останется в наших сердцах.

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

ВСЯ ЖИЗНЬ ЕГО – В НАУКЕ

10 октября 2019 г. ушел из жизни известный абхазский историк, доктор исторических наук, профессор, академик АНА Арвелод Эрастович Куправа.

А. Куправа родился 14 октября 1924 г. в с. Река Самурзаканского уезда (с 1930 г. входит в Очамчырский район) ССР Абхазия, в традиционной абхазской крестьянской семье. Детство его прошло в деревне, где окончил семилетнюю школу. В 1944 г. окончил Очамчырскую абхазскую среднюю школу, в 1948 г. – исторический факультет Сухумского госпединститута.

Трудовую деятельность А.Куправа начал еще в годы учебы в школе. Затем, после окончания института, А. Куправа работал директором Ачигварской русской 8-летней школы (1948–1950) и завотделом пропаганды и агитации Ткварчельского горкома партии (1950–1951). В 1951 г. завершает аспирантскую подготовку, совмещая учебу с работой, и назначается научным сотрудником Абхазского государственного музея. С 1956 г. он – научный работник Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии), где он трудился до последних дней своей жизни, пройдя все ступени научной иерархии – от младшего до главного научного сотрудника, причем в течение 21 года (1962–1983) был заведующим отделом истории.

Научно-исследовательскую работу А. Куправа успешно совмещает с преподавательской работой в вузах республики. В 1953–1973 гг. в Вечернем университете марксизма-ленинизма читал лекции по истории СССР; в 1957–1974 гг. в Сухумском госпединституте вел курс лекций по истории Абхазии и научному коммунизму; с 1981 г. – профессор АГУ; в 1983–1994гг. – зав. кафедрой истории, археологии и этнологии Абхазии в АГУ.

Защитил диссертации: в 1955 г. – на соискание ученой степени кандидата исторических наук; в 1970 г. – ученой степени доктора исторических наук. В 1969 г. утвержден в ученом звании доцента, в 1974 г. – профессора. В 1967 г. ему присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Абхазской АССР, в 1979 году – заслуженного деятеля науки Абхазской

АССР, в 1982 г. – заслуженного деятеля науки Грузинской ССР. В 2008 г. он избран академиком АН Абхазии.

А.Э. Куправа – автор более 500 опубликованных работ, из них более 50 монографий, сборников и брошюр.

А.Э. Куправа специализировался по истории Абхазии XIX–XX вв. Он – первый кандидат и доктор наук по истории Абхазии советского периода. Историография истории советской Абхазии – это составная и неотъемлемая часть всей историографии истории Абхазии. Следовательно, без абхазской советской историографии немыслимо говорить об историографии истории Абхазии в целом. А. Э. Куправа – компетентный и общепризнанный исследователь истории Абхазии означенного периода.

А.Э. Куправа принадлежат фундаментальные монографии по истории кооперации: «История кооперации Абхазской АССР. 1921–1929 годы» (Тб. 1968), «История кооперации Абхазской АССР. 1929–1937 годы» (Сухум, 1988). В них освещается история всех форм кооперации, особенности кооперативного строительства в республике в этот сложный и полный трагических событий период становления советской деревни.

Значителен вклад А. Куправа в исследование истории доколхозной абхазской деревни. Этой проблеме посвящены его труды: «Абхазская деревня на пути социализма. Канун коллективизации – 1926–1929 годы» (Тб, 1977); «Культурное строительство в абхазской деревне. 1921–1929 годы» (Сухум, 1973); «Классовая борьба в абхазской деревне. 1921–1929 годы» (Сухум, 1984).

На протяжении многих лет А. Куправа изучал историю Абхазии первых лет Советской власти. Эти проблемы рассматриваются в его трудах: «Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода. 1921–1925 годы» (Сухум, 1959); «Из истории культурного строительства в Советской Абхазии. 1921–1925 годы» (Сухум, 1961); монография «Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти» (Сухум, 1968).

Одним из важных научных направлений исследовательской деятельности А. Куправа в советское время было изучение истории культурного строительства в республике. Этой проблематике он посвятил, помимо вышеупомянутых, ряд монографий: «Абхазия на пути Октября» (Сухум, 1980 (на абх. языке); «Культура Советской Абхазии за 60 лет» (Сухум, 1981); «Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР» (Сухум, 1979) и др. Этой же проблеме были также посвящены его научные статьи, в которых прослеживается сложный и многосторонний процесс развития советской культуры в Абхазии, раскрываются количественные и качественные изменения в культурной жизни народа.

А. Куправа – автор первых обобщающих историографических очерков. Часто выступал с рецензиями на книги своих коллег в периодической пе-

чати, в научных сборниках и журналах, в том числе в общесоюзных – «Вопросы истории», «История СССР», «Вопросы истории КПСС». Авторские соображения, оценки и выводы, содержащиеся в них, отражают состояние исторической мысли в абхазской советской историографии и в этом, прежде всего, их несомненная историческая ценность.

А.Куправа активно участвовал в развитии биографистики в абхазской исторической науке. Он соавтор книг о борцах за Советскую власть: «Борцы за Советскую власть в Абхазии» (Сухум, 1965); «Борцы за Советскую власть в Абхазии» (Сухум, 1973); «Борцы за Октябрь в Абхазии» (Сухум, 1981). Для «Абхазского биографического словаря» им были написаны более 130 персональных статей, а также очерки об участниках грузино-абхазской войны 1992-1993 годов. В 2010 г. в Сухуме вышел его очередной труд «Люди: время и жизнь», где собраны биографические очерки и статьи, посвященные представителям абхазской интеллигенции первой волны, народным учителям, просветителям, сказителям, ораторам.

Большое место в научной работе А. Куправа занимает участие в создании первых обобщающих коллективных трудов по истории Абхазии. Он один из ведущих авторов и редактор «Очерков истории Абхазской АССР. Часть II» (Сухум, 1964), «Истории Абхазской АССР. 1917–1937 годы» (Сухум, 1983), первого учебного пособия для вузов «История Абхазии» (Сухум, 1986), составленного совместно с З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария, соавтор монографии «Абхазы» (М., 2007).

А. Куправа – редактор многих монографических исследований и сборников трудов. При его активном участии как составителя и ответственного редактора изданы книги его ушедших из жизни коллег: Г.А. Дзидзария. Труды. III. «Из неопубликованного наследия» (Сухум, 2006); Г.А. Амичба. Труды. «История и этнография Абхазии» (Сухум, 2004, на абх. языке); Д. А. Адлейба. «Подготовка кадров интеллигенции и ее роль в социалистическом и культурном развитии Абхазской АССР. 1946–1965 годы» (Сухум, 2002). Под его руководством и при участии издан ряд других сборников: «Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921» годы. Воспоминания киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан (Сухум, 2007); серия сборников материалов по истории Абхазии XIX века на основе документов из личного архива Г. А. Дзидзария в трех томах (Сухум, 2008, 2011, 2012).

А. Куправа часто выступал с научными докладами и сообщениями по проблемам истории Абхазии на общесоюзных, республиканских и международных научных сессиях, симпозиумах и конференциях в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Кишиневе, Ереване, Казани, Ростове-на-Дону и других научных центрах.

Работы А. Куправа издавались на абхазском, русском, грузинском, армянском, татарском, немецком языках. О его трудах высоко отзывались извест-

ные советские историки – академики В. П. Данилов, В. М. Селунская, Ю. А. Поляков и другие. А. Куправа посвятил жизни и деятельности своих коллег обстоятельные труды, в числе которых «Георгий Алексеевич Дзидзария» (2006, 2014), «Зураб Вионорович Анчабадзе. К 90-летию со дня рождения» (2010), «Хухут Соломонович Бгажба. К 100-летию со дня рождения» (2014) и другие.

После войны в Абхазии А. Э. Куправа занимался исследованием вопросов традиционной культуры, результатами которого стали работы: «Заметки об отражении духовности в абхазской традиционной культуре». (Сухум, 1998); «Из истории абхазской традиционной культуры» (М., 1998); «Апсуара. Среда формирования. Духовные и нравственные основы» (Сухум, 2000); «Апсуара – традиционная культура абхазов» (Краснодар, 2002); «Из истории абхазской антропонимии. К вопросу преобразований фамильных имен» (Сочи, 2003); «Апсуара – традиционная культура абхазов» (Сухум, 2007). За фундаментальную работу «Вопросы традиционной культуры абхазов» (Сухум, 2008) А. Э. Куправа была присуждена Государственная премия в области науки им Г. А. Дзидзария.

А.Куправа – внимательный, доброжелательный, авторитетный научный руководитель. Под его научным руководством и при участии в качестве официального оппонента защищено около тридцати кандидатских и докторских диссертаций. До последних дней своей жизни учёный руководил аспирантами и соискателями в АбИГИ и АГУ.

А.Куправа активно участвовал и в общественной жизни. Избирался членом пленума Ткварчельского и Сухумского горкомов партии, делегатом партийных конференций Абхазской партийной организации. В 1971–1990 годах – председатель Абхазского отделения Советского общества дружбы с ГДР; в 1977–1992 годах – председатель президиума правления Сухумской городской организации общества «Знание» и зампредседателя правления Абхазской организации общества «Знание»; в 1978–1992 годах – член правления и зампредседателя Абхазской организации общества историков. В разное время А. Куправа был членом комиссии Совета Министров Абхазской АССР по Государственным премиям им. Д.И. Гулиа, членом правления Абхазского комитета защиты мира, состоял членом ученых советов ряда организаций и научных советов при президиуме АН Грузинской ССР и т.д.

В последнее время А. Куправа – член Комиссии при Президенте Республики Абхазия по реабилитации жертв политических репрессий, член Комиссии по Государственной премии Республики Абхазия им. Г.А. Дзидзария в области науки, член специализированных диссертационных советов по защите диссертаций при АбИГИ и АГУ и т.д.

А. Куправа – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда. Имеет боевые и гражданские награды правительств СССР, Абхазской АССР

и Российской Федерации. В 2011 г. он награжден орденом «Ахьдз-Апша» 2-й степени, в 2012 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Республики Абхазия».

Многогранной деятельности видного ученого посвящена книга «Арвелод Эрастович Куправа», изданная в 2013 г. в Сухуме и приуроченная к 90-летию со дня его рождения. Научная основательность и эрудиция Арвелода Куправа противостояли поверхностной информированности, поспешной модернизации прошлого.

В Абхазском институте планировалось издание 10-томного собрания сочинений А. Э. Куправа и 5-томного сборника материалов по истории Абхазии советского периода из архива ученого. Но при его жизни из задуманного удалось осуществить не все. Издано 4 тома собрания и 3 тома материалов. Мы доведем начатое до логического конца. Адекватная оценка научной деятельности А. Куправа – дело будущего. Уверены, что еще не одно поколение исследователей истории Абхазии неизменно будет обращаться к трудам ученого.

Арвелод Эрастович ушел от нас, но с нами остаются его труды, отношение к своему делу, которые служат примером высокого профессионализма, самоорганизации и ответственности ученого. Такие качества он стремился воспитать и в своих учениках.

Добрая память о старшем коллеге, неутомимом труженике и прекрасном человеке, докторе исторических наук, академике Арвелоде Эрастовиче Куправа останется в наших сердцах.

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

НЕ СТАЛО ИЗВЕСТНОГО ЭТНОЛОГА

Известному абхазскому этнологу, кандидату исторических наук, ведущему научному сотруднику АбИГИ, лауреату Государственной премии РА в области науки им. Г.А. Дзидзария Елене Михайловне Малия было 87 лет.

Родилась будущая исследовательница в 1934 году в Сухуме в семье военнослужащего Михаила Малия. Из-за службы отца им часто приходилось переезжать с места на место. Великая Отечественная война застала семью в Таллине, откуда жена Михаила Решитовича Татьяна Ивановна была эвакуирована с дочерьми Еленой и Светланой в родное село мужа Аацы. До пятого класса Елена Малия училась в Аацинской школе, затем в сухумской школе №4. После поступила на филологический факультет Тбилисского государственного университета (1958 г.). В 1961–1964 гг. – аспирантка Института истории, археологии и этнографии АН ГССР по специальности – этнография. В 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивка)». С 1958 г. – младший научный сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии). Прошла путь от лаборантки до ведущего научного сотрудника; в 1995–2003 гг. возглавляла отдел этнологи.

В сфере её научных интересов – история и этнография народов Северного и Южного Кавказа, история и этнография Абхазии; народное искусство Абхазии, народная одежда и украшения.

Полевые экспедиции – обязательная часть работы любого этнолога. Елена Малия, собирая материалы для своих исследований, побывала практически во всех селах Абхазии. Валерий Бигуаа говорит, что хорошо помнит их совместную экспедицию в село Джгярда в 1981году.

В Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге есть ее собственные этнографические материалы, собранные в селах Абхазии совместно с известным этнографом-кавказоведом Е.Н. Студенецкой. Эти материалы представляют большую ценность не только для абхазской науки, но и для всего кавказоведения. Она одинаково хорошо знала абхазский и русский языки. Она принимала участие в ежегодных этногра-

фических экспедициях, которые проводил Абхазский институт. Нередко она ездила в села и вне экспедиций, когда слышала о том, что там есть предмет для изучения.

Елена Малия является автором более 40 научных работ. Ей принадлежит первое научное описание технологических процессов абхазского ковроделия, ткачества и орнаментики тканных изделий, реализованное с привлечением богатого фольклорно-этнографического и лексического материала. Основные публикации: «Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивки)», «Одежда абхазов», «Украшение одежды у абхазов», «Об орнаментации льняных ковров», «О народном узоре абхазов», «Современное абхазское село».

Изучая народную одежду, орнаменты, традицию ткачества и прядения, она, встречаясь с мастерицами, получала в дар от них огромную коллекцию ценных образцов.

В личном архиве Елены Малия есть письмо, написанное ей в мае 1986 года директором ачандарского сельского музея Алексеем Хагба. В нем на абхазском языке он рассказывал Елене Малия о том, что в селе с 1977 года есть музей, в котором собрали множество экспонатов – предметов одежды и быта, которые были бы ей интересны как исследователю. Хагба отметил, что около 200 предметов, собранных им лично, в дар музею передал Алеша Лазба, другие ценные образцы ручной работы музею подарил Гарри Кайтан.

Елена Малия была добрым, отзывчивым и мягким человеком, умела найти общий язык с каждым и всегда поддерживала стремление молодых в работе, многому их научила.

Они с супругом Сергеем Зухба, известным абхазским фольклористом, доктором филологических наук, академиком, дополняли друг друга. Все, за что они брались, имеет большое значение для популяризации культуры нашего народа. Когда они общались и размышляли о науке, их можно было слушать бесконечно.

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННЫЙ ИСТОРИК ВАЛИКО ПАЧУЛИЯ

Абхазская наука понесла тяжелую утрату. 19 апреля 2021 года ушел из жизни кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Пачулия Валико Меджитович.

Пачулия Валико Меджитович родился 20 сентября 1949 года в с.Анхуа Гудаутского района Абхазской АССР. В 1966 году окончил Аацинскую среднюю школу. В 1967–1968 гг. был рабочим Сухумского рыбозавода. В 1968–1970 гг. служил в рядах Советской армии. В 1971–1976 гг. учился на историческом факультете СГПИ, который окончил с отличием. В 1977–1981 гг. работал директором восьмилетней школы в с. Анхуа. В 1981–1985 гг. учился в очной аспирантуре Института истории СССР АН СССР.

В 1986 г. В.М. Пачулия защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Абхазия в Великой Отечественной войне».

Валико Меджитович являлся научным сотрудником АбИЯЛИ (ныне АбИГИ) (1985–1992), затем старшим (1993–2017) и до последних дней ведущим научным сотрудником отдела истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа. В 1987–1992 гг. он являлся учёным секретарем исторического общества Абхазии.

Валико Меджитович был истинным патриотом своей родины. Будучи членом Народного форума Абхазии, В.М. Пачулия принимал участие в национально-освободительном движении абхазского народа. Он – ветеран Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993), ветеран Вооруженных сил, полковник запаса ВС РА. После войны Валико Меджитович служил в Абхазской армии в должности начальника историко-архивного отдела Министерства обороны РА (1993 – 2008), работал ведущим научным сотрудником Архива МО РА (2009-2013).

Важно отметить, что Валико Меджитович принимал непосредственное участие в создании Архива Министерства обороны РА. Он также являлся членом Международной академии комплексной безопасности. В.М. Пачулия принимал участие в военных операциях в Галском районе (май 1998 г.), в антитеррористической операции в Кодорском ущелье (ок-

тябрь 2001 г.), в освобождении Верхне-Кодорского ущелья (август 2008 г.). Награждён медалями «За безупречную службу», «За освобождение Верхнего Кодора», «Ветеран Вооружённых сил РА» и другими наградами.

Круг научных интересов Валико Меджитовича можно обозначить следующими проблемами: история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., история грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., история войн абхазов с древнейших времен, история спецслужб, история незаконных репрессий, история абхазской государственности.

В.М. Пачулия, будучи одним из главных абхазских исследователей и авторитетных экспертов по вопросам истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.), внес весомый вклад в изучение военной истории.

Перу историка принадлежит ряд монографий, сборников документов и материалов, статей по означенной тематике. Среди них можно выделить: «Абхазия в Великой Отечественной войне» (Москва, 1986), «Советы Абхазской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945)» (Сухуми, 1990), «Книга вечной памяти» (Сухум, 1997), «Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. Боевые действия» (Сухум, 2010), «Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» (Сухум, 2015), «Абхазия во Второй мировой войне (1941–1945 гг.)» (Стамбул, 2017), «Боевые действия в грузино-абхазской войне (1992–1993 гг.). Документы и материалы. Том I» (Сухум, 2019).

За многолетнюю и плодотворную деятельность в области исторической науки Валико Меджитович был награжден орденом «Ахьдз-Апша» III степени (2016).

Уход из жизни Валико Меджитовича Пачулия – невосполнимая потеря не только для научного сообщества, но и для всего народа Абхазии.

Коллектив Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа скорбит по коллеге и наставнику.

Светлая память о большом патриоте, ученом и друге Валико Меджитовиче Пачулия навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив АбИГИ им. Д.И. Гулиа

Утверждено к печати Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Научное издание

АҧСУАҭҬАРА
АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археологиа
Аҭоурых
Аетнологиа

Археология
История
Этнология

Аҭыжьра
XII
Выпуск

Редактор **Л.С. Пачулия**
Корректор **М.Д. Габуния**
Компьютерный набор **Л.Р. Чамагуа**
Технический редактор **Н.Г. Гунба**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Тираж 300. Физ. печ. лист 21. Заказ № 61.

РУП «Дом печати»,
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок